

Украинская академия оригинальных идей

Петро Харченко

«С полом, может быть, связано возникновение феноменального мира, и здесь есть точка, в которой решается судьба мира и человека. Преображение мира есть, прежде всего, преодоление падшего пола».

Николай Бердяев

Откровение Троичности

*Присвячую цю головну книгу свого творчого життя
цінувальнику і виразнику української духовності – академіку*

Івану Остаповичу Шуляку

Автор

ТОВ «Друкарня «Рута»

2018

Харченко П. А. Откровение Человека без «лукавого сечения пола». – Ромны: – Каменец-Подольский: ТОВ «Друкарня «Рута», 2018. – 376 с.

В книге представлено мировоззренческое обеспечение
постсубъектовой цивилизации Необъективированного Человека

Произошло поворотное событие в гносеологии. Состоялось *вербальное Откровение* Человека через информационный эготриплет ТриЭ(э)го (познание «из Человека и в Человеке»), известившее совершенно иное, чем мы знали до этого, содержание феноменов «пол» и «жизнь». Пол раскрылся в своей космогонической онтологии и предстал *инверсионной триполярностью вещественной телесности Необъективированного Человека*. До выявления онтологического статуса пола, наше обыденное представление о нём вращалось вокруг так называемой «раздельнополости», возникшей вследствие превратнозирования триполярной телесности Человека объективацией – иллюзорным *разрывом её субъектом* на три полярности. В биологии такой «пол» выражает анатомо-физиологическое отличие индивидов, разделяющее их на три дискретные разряды – «мужской», «женский» и «андрогинный». Словом, если необъективированный индивид онтологически олицетворяет полярность неразрывной триполярной вещественной телесности Космоса (Необъективированного Человека), то объективированная полярность становится «приземлённым дискретным индивидом», *«геоцентрической целостностью жизни»*, *обособленной от Космоса*. Но ирония в том, что *«дискретный индивид»* никогда и нигде самостоятельно не зарождался из некой «неживой материи», не развивался, не эволюционировал, ибо его вообще таковым онтологически *не существует*.

Эта «страшная» правда о поле является приговором для общественной истории. История неизбежно закончится, поскольку вращается вокруг «живого трупа» – объективированного «человека» (онтологически не существующего дискретно индивида), а не вокруг *Человека* целостного (без «лукавого сечения пола»).

Содержание

Автор и его Откровение (И. О. Шуляк).....	5
Предисловие.....	10
Дефиниции ключевых понятий Тригнозисного мировоззрения.....	22
«Как предупредить цивилизацию от военной гибели» (вводная лекция для государственных деятелей).....	27

Раздел I. Камни преткновения в системе философского знания

1. Коллизия Необъективированного и Объективированного	39
1.1. Субъект и объект	39
1.2. Непрерывное и дискретное	41
1.3. Единое и Многое	43
2. Объективация Человека	51
3. Внешность «внешнего мира»	52
4. Объективизация вечности	54
5. Сознание или Откровение?	56

Раздел II. Самый великий мировоззренческий вопрос – «Что есть Человек?»

1. В западне-гробу «живого трупа» (объективированного «человека»)	60
1.1. Объективированный индивид Гегеля	60
1.2. Общественный «человек»-дискретный индивид Маркса	61
1.3. Недочеловек биообъективизма	63
2. Поиск наиндивидуальности Человека	66
2.1. Сверхчеловек древних традиций	66
2.2. Христианский Богочеловек	69
2.3. Трансцендентальный «человек» Бердяева	71
2.4. «Человек-Абсолютное сознание» Грофа	76
2.5. Субъектоцентрический «человек» Ю. М. Фёдорова	78
3. Изъяны антропокосмизма и биоцентризма	80

Раздел III. Антропологический переворот: Человек без «лукавого сечения пола»

1. Дельфийский девиз «Познай себя!»	83
2. Деобъективация пола. Мужская, женская и андрогинная полярности триполярного Одного.....	101
3. Трипопастасность и триполярность	116

4. Вербальное Откровение Человека. Информационный эготриплет ТриЭ(э)го.....	125
5. Субстанциональная телесность Человека в истории онтологической мысли	139
5.1. Триединый Брахман.....	140
5.2. Тройственный Будда.....	142
5.3. Тримурти.....	143
5.4. Тригунный Пракрит.....	144
5.5. Триединое Дао.....	147
5.6. Святая Троица	150
5.7. Троян	156
5.8. Триединая Верховная Единица.....	156
5.9. Развивающаяся в триадичности Абсолютная Идея.....	157
6. Вещественная телесность Человека и видовая дифференциация.....	158

Раздел IV. История – феномен объективации Человека

1. Порабощение Человека объективацией.....	225
2. «Несчастное сознание»	230
3. «Разрыв» онтологической троичности – источник средств объективации	242
3.1. ТриЭ(э)го и субъект	242
3.2. Грамматические категории: число, местоимение, род	251
3.3. Математическая единица.....	263
3.4. Физический атом.....	273
4. Неотвратимость конца истории	280

Раздел V. Мировоззренческие контуры постсубъектовой цивилизации

1. Преодоление эгоизма и смерти	291
2. Очищение эгофонда от скверны	300
3. Десубъективизация	305
4. Шизофрения как закономерность	312
5. ЛГБТ - Человечество.....	323
6. Парантас Богу и паишему «человеку»	333
7. Единое знание и школьное просвещение.....	347
8. От философии к Тригнозисному мировоззрению	356
Послесловие	364
Очерк Тригнозисного мировоззрения Петра Харченко	365

Автор и его Откровение

Моя оценка «Откровения Человека без «лукавого сечения пола»» повторяет уже ранее сказанное мной о творческом подвиге Петра Харченко – мыслителя, осуществившим мировоззренческий переворот.

В 1992 году на Учредительном собрании Украинской академии оригинальных идей Харченко сказал: «Необходимость создания Академии обусловлена тем, что неординарному учёному всё труднее пребывать в оппозиции к канонизированным знаниям, обеспечивать их радикальный пересмотр, добывать руду, называемую опережающей время идей. Сегодня очевидна шаткость научных синтезов в их формальнологической упаковке. Пришло время мировоззренческого пересмотра добытых человечеством знаний, поскольку на начальных стадиях их зарождения заложены неточные идеи и концепции...». И вот эту исполинского масштаба работу по пересмотру основ естествонаучного знания Петро Андреевич Харченко выполнил сам. Книга «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»» – эпохальный прорыв в познании онтологии бытия, кардинально изменяющий наше представление о сущности Человека. Петро Харченко открыл Необъективированного Человека, познал его онтологическую ходу и заявляет, что всё до него культурно-интеллектуальное освоение действительности проделано «шиворот-навыворот», находится в тюремных застенках объективационистического мировосприятия. Оно всецело привязано к человеку-фигции – онтологически не существующему дискретно индивиду. Поэтому такой «действительности» придёт конец вместе с концом объективированного «человека» и наступит постобъективационистическая эпоха в жизни цивилизации.

На базе открытия Необъективированного Человека Петро Харченко создал необъективированное мировоззрение – Тригнозис – будущее законодательство человеческого рода, поскольку проблема мировоззрения всегда предстаёт в виде того или иного понимания сущности человека.

Книга «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»» потрясает фундамент всей духовности. Она концептуально, в свёрнутой форме, преподносит новое отношение к действительности, переворачивает весь ход познания, ставит вопрос о мировоззренческом и методологическом пересмотре существующего теологического, философ-

ского и научного наборов знаний и убеждений. Автор книги восстал против «законного решения» антропологических проблем средствами господствующей тысячелетиями субъектовой логики познания и призвал государственный бомонд мирового сообщества переформировать общественные отношения в соответствии с природой Необъективированного Человека.

Нынешняя духовная культура, неоспоримо, сформировалась на почве объективации Человека, субъектового восприятия действительности. Такой способ познания неправомерно узаконил «гражданство» человека в пределах границ его объектного статуса – онтологически не существующего дискретно индивида. Именно это причина стремительного обвала всей объективированной культуры человечества.

Объективационистический путь становления культуры определил её и милитаристический характер, вселил зло в этико-нравственные основания, на которых и сложились современные социологемы, завершающие убийство духовности.

Общественная потребность в книге Петра Харченко назревала тысячелетиями. Стало ясно, что традиционная (объективационистическая) философия и наука не в состоянии познать сущность человека, дальновидно определить перспективу его бытия. Очевидной была потребность радикальной ревизии существующего знания, нужда в появлении постсовременного ума, который осуществил бы революцию в гносеологии, совершил методологический прорыв в подходе к мировосприятию. И пришествие такого мыслителя-гиганта в лице Харченко (не от «мира сего», а от «мира иного» – необъективированного) состоялось.

Обладая большими знаниями общечеловеческой культуры и будучи независимым от господствующих догматических матриц в гносеологии, Петро Харченко уже в своей ранней работе «Антиномия индивида и триединства» оповестил учёному миру, что реально человек не есть таким, каким его преподносит атомистическая антропология, и что в вопросе онтологии бытия уже нельзя оставаться в рамках концептуальных представлений прошлых веков.

Николай Бердяев писал: «Гениальность... есть противление целостного духа человека «миру сему», есть универсальное восприятие «мира иного»; «Онтологически существует лишь один мир, одно бытие, но падение бытия раскололо и раздвоило его. Мир «сей» есть бо-

лезнь бытия, плен, его падшее состояние, подчинённое внешней необходимости... Он есть некосмическое состояние разобщённости и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии». Другое дело, отмечал Бердяев, «мир иной», он есть здоровое бытие, его полнота, есть движение в Троичности Божества, рождение в Боге Человека». И вот Петро Андреевич Харченко, сломав гносеологический «хребет» субъекту, вырвался из плена «порабощающей объектности мира сего», познал «мир иной», мир «потусторонний» (необъективированный), «нездешнюю природу человека». Он открыл законы онтологического шествия Необъективированного Человека, очертил мировоззренческие контуры новостройки – постсубъектовой цивилизации.

Бердяев упреждал, что источником философского познания не могут быть состояния человека как замкнутого индивидуального существа, а только космические, универсальные состояния человека. Разгадка тайны бытия, подчёркивал он, находится в природе самого человека: «Философы постоянно возвращались к тому сознанию, что разгадать тайну о человеке – значит разгадать тайну бытия. Познаешь самого себя – и познаешь мир. Все попытки внешнего познания мира, без погружения вглубь человека, дают лишь знание поверхности вещей. Если идти от человека вовне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка смысла скрыта в самом человеке». «Человек – мерило вещей» (Протагор) и человек не должен познавать себя в качестве одной из внешних, объективированных вещей мира. Только тот Логос не истребляет человека, Который Сам – Абсолютный Человек» (см.: Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М. – 1916).

Разорвав цепи объективации и свои «отношения с субъектом», Петро Харченко открыл «счастливое откровение» – Тригнозис – необъективированную самоосознанность через троичную природу телесности. Тригнозис как логика познания не есть движение мысли от чувственного многообразия дискретных предметов и явлений к формально-общей абстракции, он не сводится к формальной индукции. Не является Тригнозис и формальной дедукцией. Он раскрывает онтологию бытия через тройственную природу человека, и в этом случае сам человек предстаёт как всеобщее необъективированное бытие. Такой ход познавательного процесса позволил Петру Харченко онтологически осмыслить антиномию индивида и триединства, выйти на решение главной мировоззренческой коллизии – коллизии Необъективированного и Обьекти-

вированного, решение которой предстало как открытие Необъективированного Человека. Раскрылась величайшая космогоническая тайна сущности человека. Оказалось, что телесно человека как дискретного индивида онтологически не существует. В индивидах мужской, женской и андрогинной поляризации Харченко увидел необъективированное наиндивидуальное триполярное Одно, единотройственность, а не три дискретные единицы. Пол предстал в своей сущности как универсалия – неразрывная триполярность всемирного вещества.

Возникает вопрос – будет ли воспринято объективированным «человеком-субъектом» и его культурой гениальное открытие Петра Харченко? Станет ли оно понятным перед судом «мира сего» и оценено во всём его реальном значении для человечества? Печально констатировать правду слов Бердяева: «Гениальность не может объективироваться в творчестве дифференцированной культуры, она непонятна «миру», не относима ни к каким «мирским» дифференциациям человеческой деятельности». Поэтому так «трагична судьба пророка и гения в этом мире», и так «торжествуют в нём лишь таланты посредственности, обыденности и приспособления».

Действительно, история открытий свидетельствует о постоянной конфронтации новых и старых идей. Творцы нового часто терпели притеснения, помещались в сумасшедшие дома, уничтожались физически. «Тот, кто вступил на путь творческий, путь гениальности, – пишет Н. Бердяев, – тот должен пожертвовать тихой пристанью в жизни, должен отказаться от своего домостроительства, от безопасного устройства своей личности». Ещё в советское время Петро Харченко за своё мировоззренческое инакомыслие заимел статус «лишнего человека» в обществе. Критика дарвинизма и марксизма обошлась ему безработицей, распадом семьи, он чудом избежал психиатрического диспансера. Но трагизм личной жизни, духовное одиночество не сломали бунтарскую натуру. Он остался убеждённым, что вся космогония бытия онтологически совершается в Необъективированном Человеке, а субъект – лишь вспомогательное «устройство», возникшее и сопровождающее Необъективированного Человека на его длительном пути Откровения.

Значимость книги «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»» можно оценить как приход нового рационалистического ренессанса в антропологии. Кандалы объективации разорвано. Время внеонтологического восприятия бытия уходит в прошлое. Зажглись зеленые

светофоры на пути движения человечества к постистории, к постиндивидуальной антропологической эпохе – эпохе свободы и бессмертия.

Уже неоднократно цитируемый мной Н. Бердяев писал: «Человек выведёт с трагической дороги только та социальная теория, которая раскроет тайну пола, преодолеет половое разъединение мира, ибо именно с полом связан разрыв в мире, таинство индивидуальности и бессмертия». Тригнозис Петра Харченко преодолевает дискретно-половой бинаризм, устраняет чувственную иллюзию «разрыва» пола, усматривает в феномене пола проявление триполярности-универсалии вселенской материи вещественного уровня, а главное, открывает истину – Необъективированного Человека.

Книга «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»)» – мировая сенсация, величайшее достижение человеческого духа. Её автор засветился исследователем высочайшего мыслительного горизонта. Она, несомненно, повлияет на социальное устройство человека, на переход его к новой форме общества, созвучной с индивидуализацией Всеединства. Объективированный «человек» канет в Лету. Вот только на фоне милитаризованной морали современного прагматического общества и религиозного фанатизма закрадывается тревожный вопрос – не попытается ли «падший человек» ещё раз казнить мессию, мыслителя-пророка, теперь уже во время его Второго пришествия перед «концом света»?

*Иван Шуляк, академик, Президент Украинской
академии оригинальных идей.*

Предисловие

Тысяча путей ведут к заблуждению,
к истине – только один.

Жан-Жак Руссо [1712-1778]

Для разыскивания истины необходимо
раз в жизни, насколько это возможно,
поставить всё под сомнение.

Рене Декарт [1596-1650]

Дорогой Читатель! В этой книге я назойливо (повторяя одни и те же доказательства) описываю детали «уголовного преступления», которое я совершил по отношению к человечеству, стремясь сбросить с него «клеймо позора» – объективационистическое понимание сущности Человека, сфантазированное субъектом. До этого поступка я видел мировое сообщество как этнически разнообразное множество дискретных индивидов. Теперь, всё иначе. Люди стали для меня одним-единственным Человеком «без лукавого сечения пола» или Необъективированным Человеком. Знаменитый Григорий Нисский [ок. 335-после 394] верно сказал: «Сотворённый человек не имеет особого имени, это всечеловек, то есть заключающий в себе всё человечество... Он есть природа, понятая как единое. Она же имеет в себе подобие Божие» (см.: Богословские труды. – М. – 1972. – Вып. 8. – С. 65.).

Субъект объективизировал Человека, перевёл его в статус телесной фикции – *онтологически не существующего дискретно индивида*. Субъектовое познание не способно увидеть бытие *живым, целостным, нерасчленённым «на части»*. Оно неизбежно прерывает непрерывное, превращает его в мертвеца – объект. Тот, кто таким путём познал мир, говорится в Евангелие от Фомы, нашёл труп.

К большому несчастью человечества, объективированный (внеонтологический) индивид-«человек» составляет главный признак современного общества. Поэтому удаление его из разума явится величайшей мировоззренческой революцией, за которой последует небывалый духовный ренессанс антропологии.

Немного истории написания книги. Интерес к философии во мне пробудил профессор Мирон Анисимович Логвин [1899-1977], когда я учился на зоотехническом факультете Украинской академии сельскохозяйственных наук, а доцент этой Академии Елена Михайловна Владимирская мастерски вселила в мою душу дух бунтарства. Большая бла-

годарность им за это. Я также в долгу за поддержку моих устремлений в познавательной деятельности профессорам – Борису Петровичу Токину [1900-1984], Рэму Георгиевичу Баранцеву [род. 1931], писателю Александру Павловичу Берднику [1928-2003], академикам – Михаилу Васильевичу Зубцу [1938-2014], Василию Васильевичу Шепе [1931-2011], Ивану Остаповичу Шуляку [род. 1952], Виталию Опанасовичу Карпенко [род. 1941], журналистке и педагогу высшей категории Ольге Павловне Лободе [род. 1960].

Вначале я засомневался в достоверности теории происхождения видов Чарлза Роберта Дарвина [1809-1882]. Она показалась мне пребывающей в индивидоцентрическом бункере, лишённом свежего воздуха. Постепенно мой интерес переключился на познание сущности Человека. Решения этой проблемы со стороны Платона [427-347 до н. э.], Аристотеля [384-322 до н. э.], Рене Декарта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля [1770-1831], Карла Маркса [1818-1883], Макса Шелера [1874-1928], Эдмунда Гуссерля [1859-1938] и других мыслителей вначале мне показались вроде бы правильными, но при непосредственном их изучении принесли большое разочарование, предстали весьма неубедительными. Особенно недалёковидными засветились известные «пять определяющих идей о человеке» Макса Шелера, которого считают основателем философской антропологии.

Упомянутые выше философы имели дело с *объективированным* «человеком» как одним из чувственно-воспринимаемых нами земных существ. Они были дезориентированы дефиницией «*объективное*», недоосознали объективированности чувственно воспринимаемого ими вещественного бытия, считали его «объективным» («существующем вне головы»), хотя оно уже находилось в статусе «объективированного». Работу по его объективации выполнил субъект, возникший в ходе эволюции вещественной телесности Человека.

Желание разобраться с объективированным «человеком»-дискретным индивидом меня подстёгивал фон общественной морали – ложность индивидов, невероятная деградация нравственности общества. Я уже знал, что зеркало истории очень и очень кривое, что история неисчислимо раз переписана, перевёрнутая, находится на перепутье. Чувствовалась всеохватывающая порча этико-моральных оснований культуры, её коматозное состояние. Было такое ощущение, как будто цивилизация находится в состоянии обширного инфаркта, достигла какого-то тревожного рубежа и ожидается пришествие чего-то неизвест-

ного, связанного с неотвратимым завершением истории, её концом. Потребность в ином направлении духовного вектора Человечества, нового мировоззренческого обеспечения его жизни ставала очевидной.

Словом, требовалось удалить духовный фальсификат, привнесённый в антропологию объектоцентрическими и субъектоцентрическими представлениями о сущности Человека, сформированными в системе философского и научного знания. Ничего путного о сущности Человека я не увидел и во взглядах Мартина Хайдеггера [1889-1976] («главного мыслителя XX века»). Его книга «Бытие и время» (как и книга «Бытие и ничто» Жан-Поля Сартра [1905-1980]) не вызвала восхищения. Можно приветствовать попытки Хайдеггера преодолеть недостатки философии, но его учение о «Ничто» как бесосновательном основании бытия» негодно для создания социологом, свободных от «порабощающей объектности». Я не увидел в учении Хайдеггера верного пути решения проблемы Человека. «Экзистенциальное» бытие бессмысленно. Серен Кьеркегор [1813-1855], М. Хайдеггер, Карл Ясперс [1883-1969], Габриэль Марсель [1889-1973], Ж.-П. Сартр и другие философы в понимании «существования как измерения человека» споткнулись на объективированном «дискретном индивиде».

Ближе к истине христианский экзистенциализм Николая Александровича Бердяева [1874-1948] – мыслителя с очень высоким потенциалом ума. До Бердяева вся философия была сплошным объективационистическим отражением мира и познавал этот мир тоже объективированный «человек». Однако попытка Бердяева «свергнуть власть объективации» провалилась. Правильно осознавая, что в «человеке пересекаются все круги бытия» и познать смысл бытия можно только «из человека и через человека», всё же этого Бердяев не сделал. Он переоценил статус субъекта. Бердяеву показалось, что **необъективированной реальности** как первичной и независимой от субъекта не существует. В центре его мировоззрения находится субъективность. В работе «Опыт эсхатологической метафизики» этот мыслитель указывает, что **объективная реальность**, на самом деле, является **реальностью объективированной**, «результатом известного состояния субъекта, при котором происходит экстерииоризация и отчуждение». Эта реальность, говорит он, не является первичной. Она вторичная, находящаяся в личности (экзистенциальном субъекте). А единственной и подлинной реальностью есть дух как экзистенция в её абсолютной самодоста-

точности (дух раскрывается у Бердяева как субъект). Эта ошибка стала роковой для всей философии Бердяева, она не позволила ему открыть *Необъективированного Человека*.

В качестве якоря, за который я зацепился, решая проблему границ телесности Человека, предстал *пол*, которому посвящена моя кандидатская диссертация. До меня философия не разобралась в сущности пола, не вывела пол на космогонический уровень осмысления. Она его объективизировала. В этом вопросе мозги философов сильно заржавели рутиной, что не позволило им увидеть телесность Человека вне объективации, пребывание её за границей объективированного биологического индивида.

Надо сказать, что предметом философии, вообще, явилось объективированное бытие. Вся традиционная философия – это сплошное балагурство о *мёртвом* (объективированном) мире. Она не преодолела разрыва между субъектом и объектом и по сегодняшний день держит под ложной мировоззренческой опекой жизнь цивилизации, *не исполнила отведённую ей миссию объединения Человечества*. Вот и спрашивается, какая цена всему философскому осмыслению человеческих проблем, если сама сущность Человека остаётся непознанной? Философия преподнесла политической элите мира фальшивые идеалы, смыслы которых привязаны к объективированному «человеку»-труп. Именуя себя «царицей духа», она не справилась с духовной проблематикой, не указала дороги к Истине, не открыла Необъективированного Человека, и поэтому несёт ответственность за возможный физический крах цивилизации. Думаю, «умирание» философии началось ещё с расщепления её на специализированные научные дисциплины. Особенно ощутимый удар по философии нанесло возникновение объективационистической математики как варианта формальной логики. Будучи родоначальницей такой математики, философия не смогла постичь *математику тринитарного счёта* «от Одного до Трёх» и «от Трёх до Одного» в системе онтологического взаимоотношения ипостасей Святой Троицы. Но именно Святая Троица хранит онтологическую тайну сущности Человека. Объективационистическому разуму философии этот тринитарный счёт показался абсурдным.

Николай Бердяев предсказывал приход новой философии, новой структуры сознания, новой эпохи духа и связывал это с раскрытием мира по ту сторону распада на субъект и объект. *Истинная* филосо-

фия, писал он, «должна исследовать человека из человека и в человеке», «для философии ничто не должно становиться объектом, объективированным, она есть необъективированное познание».

Бердяев верно подметил, что *основу рабства «человека»-индивида составляет объективация пола и разделение на субъект и объект*. Однако и по проблеме пола мне пришлось бросить вызов не только традиционным философским и научным представлениям, но и Бердяеву.

Помимо пола, большой трудностью на пути познания сущности Человека оказался объективизатор бытия – субъект. И здесь я решительно отбросил признание Бердяевым смысла мира в субъекте и субъективности. «Человеческое существование в субъекте» отдалило Бердяева от Истины, хотя он сам справедливо полагал, что «истина есть победа над объективацией, над иллюзорностью призрачного объектного бытия».

Бороться против стереотипов традиционных миропредставлений тяжело. Это требует от мыслителя преодоления многих преград, выхода за пределы существующих методологических установок, переосмысления приобретённого историей онтологической мысли знания, избавления от многих фальшивых философских идей, пустых научных теорий, религиозных заблуждений. Правду говорят, что «нет ничего опасней для новой истины, чем старое заблуждение». Критикуя мнение других, невольно сам прибегаешь к использованию старых догм. В ходе всеобъемлющей ревизии знаний, радикального их пересмотра и обновления, важно сломать свой первоначальный шаблон мышления, свою ранее приобретённую систему знаний и, лишь осуществив это, получаешь возможность двигаться дальше к каким-то универсальным выводам, всеохватывающему мировидению.

В 1986 году мне удалось с грифом «для служебного пользования» издать объёмистую (812 страниц текста) книгу под названием «Антиномия индивида и триединства», в которой затронул трагические последствия элементаризации и объективизации сущности Человека. Я указал на неправомерность деления бытия на «живое» и «неживое». Сплошная биологизация Человека – крупнейшая ошибка разума, абсурд с онтологической точки зрения. Маскируясь под ленинское требование «пересмотра формы материализма Энгельса, которая необходимо требуется марксизмом» (см.: Ленин В. И. Полное собрание

сочинений. М. – 1958-1975. – Т. 4. – С. 184; – Т. 18. – С. 265-266), в «Антиномии...» я попытался низвергнуть «диалектический и исторический материализм» как учение, основанное на онтологическом и гносеологическом элементаризме. Последовала злая реакция со стороны телохранителей марксизма. Марксистский субъект сильно воспротивился моим взглядам, воспринял их, как угрозу собственному существованию. Но меня уже нельзя было остановить. Необходимость духовной реконструктуризации цивилизации не давала мне покоя. Разум постоянно терзало желание развалить традиционные мировоззренческие постройки, осуществить нравственный перелом в жизни Человечества, подготовить концептуальную базу для мировоззренческой революции. В то время вокруг Земли уже летали искусственные спутники, оповещая начало космической эры, а разум ещё оставался «земным», объективированным. Я чувствовал, что пришло время оновить отношение к действительности, поставить крест на философии и религии как формах осознанности бытия, уже выполнивших своё предназначение. Думаю, что книга «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»» – это не «ремонт» философии и религии, а их захоронение, как уже состоявшихся мировоззренческих мертвецов.

Несомненно, философия прошла трудный путь своего становления, но путь объективационистического миропонимания. Сущность Человека находится вне такой философии. Как отметил Григорий Львович Тульчинский [род. 1947], «необходим радикальный переход к новому пониманию сущности человека, осознание единства и сопричастности его к целостной гармонии мира», когда «на передний план выходят не элементарные отношения типа «субъект – объект», «причина – следствие», «элемент – множество», «цель – средство», а системная взаимность – собор со всеми в человеческой душе».

Бросить вызов всему классическому и современному разуму, удалить из обихода накопленный наукой, религией и философией мировоззренческий *фальсификат* без отказа от традиционного гносеолого-методологического алгоритма мышления невозможно. Мне пришлось заменить субъектовую форму мировосприятия на Тригнозисную, осознать надуманность оснований субъектоцентризма и объектоцентризма (в центре субъектоцентризма находится «бытие» человеческой субъективности и сознание, а объектоцентризм сосредоточился на доказательстве возникновения «человека» в образе дискретного индивида из объективированной Природы).

Сегодня я говорю, что моя творческая жизнь состоялась. Повезло в том отношении, что я уцелел физически, ускользнул от психушки и уничтожения радиацией. В отличие от св. Максима Исповедника, мой язык и правая рука остались невредимыми. Я необъективированно «познал себя», выразил существо проблемы, сдвинул познание с объективированного оцепенения, поставил важные проблемы естествознания на новый уровень осмысления, осуществил их стыковку с достоверными элементами религиозного, философского и научного знания. Книга «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»» радикализирует мои предыдущие публикации. В мировоззренческом отношении, в течение всей своей творческой жизни, я фактически измучен написанием одной книги, находясь в поиске ответа на постоянно волнующий меня значительный вопрос: **действительно ли телесность Человека заканчивается границами дискретного индивида?** Если нет, тогда вся традиционная философия «человека»-индивида терпит крушение и в другом реестре представлений предстаёт сущность Человека и сам феномен «жизнь». Мои первоначальные, ещё не совсем зрелые, ответы на этот вопрос содержатся в докторской диссертации «Биполярная природа органического единства и теоретическая биология», недопущенной к защите советским режимом.

Дружба с философами, подвергнутыми гносеологическим «заболеванием» (назову его «объектоманией»), у меня не сложилась. Такие философы (не все, конечно), мне кажется, мыслят неадекватно, о чём засвидетельствовал следующий факт. Как-то я направил в Институт философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины свою книгу «Предисловие к постистории» и следующее Обращение (на украинском языке):

*«Директору Інституту філософії ім. Г. С. Сковороди
НАН України Мирославу Поповичу
Шановний Мирославе Володимировичу!*

*Звертаюся до Вас із закликом оновити тематику досліджень Інституту філософії ім. Г. С. Сковороди та **перейменувати** його на «Український Інститут Тригнозософії».*

Вас, як і багатьох інтелектуалів України, безперечно тривожить коматозний стан цивілізації. Зіпсованість етико-моральних засад культури сягнула апогею, стала всеохоплюючою. Людство закайда-

нене об'єктивацією, зганьблене тлінною перебіжною предметністю, пануванням духу егоїстичного прагматизму і фактично проводить життя, висловлюючись словами Мартіна Гейдеггера, «в состоянии забвения бытия».

Чи винна філософія в людиноруйнуванні? Безперечно, **винна**, з огляду на виконання нею світоглядної функції. Філософія не пододала розриву між суб'єктом і об'єктом. Саме помилкові філософські теорії зумовлювали появу всіляких соціологем, припасованих до «людини» в образі суб'єкта, отілесненого об'єктом – дискретним індивідом, **хоч, насправді, такої «людини» онтологічно не існує**. А, отже, і такої філософії, як форми суспільної свідомості, не повинно бути. Філософія **не відкрила Людини**, оскільки перебувала і перебуває під знаком об'єктивації.

Видатний мислитель ХХ сторіччя Микола Бердяєв розглядав справжню філософію як «необ'єктивоване пізнання». Він передбачив прихід нової структури свідомості, нової епохи духу і пов'язував це з розкриттям світу по той бік розпаду на суб'єкт і об'єкт. І ось таке пізнання з'явилося під назвою «Тригнозис» (див.: Харченко П. А. Предисловие к постистории. – К. – 2015. – 396 с.).

Істина несумісна з об'єктивацією. Об'єктивація перешкодила філософам побачити, що **фундаментна опора цивілізації – людський «дискретний індивід» в онтологічному сенсі не існує, є фікцією**. З цієї причини, що вся будівля цивілізації стоїть на «трухлому» фундаменті, її обвал неминучий.

Вихід із ситуації підказує християнство: «Отложитъ прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, А обновиться духом ума вашего И облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4: 22-24).

Відкрита мною Тригнозософія (Тригнозис) оновила Людину, побачила її **Необ'єктивованою**. Така Людина і повинна стати опорою для нової загальнолюдської культури.

Мирославе Володимировичу, може і Ви бачите – наше сьогодення окреслило могилу **філософії**, перебуваючої в рабстві об'єктності. Ваш Інститут здійснює пізнання «шиворот-навыворот» (об'єктиваціоністично), тобто спирається на «нещасну свідомість», яка перебуває в полоні об'єктивації духу і протиставлення суб'єкта й об'єкта. Працівники Інституту «досліджують» не істинну – **Необ'єктивована-**

ну Людину, а ілюзію об'єктивації – «людину»-фікцію – онтологічно не існуючий дискретно індивід. Інститут знаходиться в стані глухоти до нового, його дослідження не мають орієнтації на майбутнє і методологічно перебувають у рамках існуючих об'єктиваціоністичних установок мислення.

Шановний Мирославе Володимировичу, треба провести експертизу досліджень Вашого Інституту за онтологічним критерієм, щоб виявити справжній їх методологічний і світоглядний характер. Бюджет держави не повинен годувати «мислителів»-коритян. Думаю, що загроза національній безпеці України таїться також і в світоглядній ментальності працівників наукових установ.

За історичної пам'яті людства відомо, що кожний наступний тип культури започатковувала нова гнозія, яка відкривала моральніший образ буття Людини. Якщо Ви, шановний Мирославе Володимировичу, здатні реформувати роботу Інституту, слід переключитись на Тригнозис – і тоді Ваша установа стане світовим центром нових знань. Григорій Савич Сковорода [1722-1794], як Ви знаєте, абсолютизовував всеоб'єднуюче триначало (онтологічну триєдність), називав її «трисолнечным присносущным центром пресвятыя вечности», на якому «увесь світ стоїть і з якого все виджерелюється».

З повагою та надією на швидку відповідь і співпрацю, Петро Харченко.

19 травня 2016 року.

P.S. До Звернення додаю: книги – Харченко П. А. Предисловие к постистории. – К. – 2015. – 396 с.; Харченко П.А. Тригнозис (Путь к мирораспению). – К. – 2015. – 148 с.; рукописи: «Благовестивое воззвание украинского мыслителя Петра Харченко к человечеству»; проект Нобелівської лекції «Необъективированный Человек – путь к глобальной безопасности народов и государств мира.

Адреса: Харченко Петро Андрійович. 2-й провулок Монастирської, 10.

м. Ромни Сумської обл., Україна. 42000. E-mail: trignosis@mail.ru».

Ответ Института философии:

*«Національна Академія Наук
України
Інститут філософії
імені Г.С. Сковороди
14 червня 2016 р.
№124/160/2
252001, м. Київ-1
Вул..Трьохсвятительська-4
Тел. 228-06-05*

*Харченко П. А.
2-й пров. Щучки, 10, м. Ромни,
Сумської обл., 42000.*

Шановний Петре Андрійовичу!

Повідомляємо Вам, що Інститут філософії імені Г. С. Сковороди НАН України звершує свою діяльність відповідно до свого статуту, Закону України «Про наукову та науково-технічну діяльність» та інших нормативних документів, а його тематика досліджень побудована відповідно до документу «Основні наукові напрями та найважливіші проблеми фундаментальних досліджень у галузі природничих, технічних і гуманітарних наук Національної академії наук України на 2014-2018 роки», затвердженого Постановою №179 від 20.12. 2015 р. Президії Національної академії наук України.

Звертаємо Вашу увагу на те, що кожна окрема науково-дослідницька робота Інституту філософії імені Г.С. Сковороди НАН України проходить експертну оцінку від фахівців у галузі філософії, а також розглядається на Експертній раді з питань оцінювання тем фундаментальних науково-дослідних робіт при НАН України. Відтак дослідження нашого Інституту вже проходять експертизу і, наскільки ми знаємо, у жодному висновку не йдеться про те, що ми проводимо дослідження «шиворот-навиворот». Відповідно, останню Вашу тезу можна оцінювати як наклеп, що може розглядатися як злочин із конкретними правовими висновками щодо Вашої особистої відповідальності.

Не розділяємо Вашого погляду ані на сучасний стан, ані на майбутнє філософії. Філософія як в Україні, так і у світі цілому розвивається достатньо бурхливо і говорити про її смерть абсолютно передчасно. Відтак не вбачаємо за необхідне навіть ставити на об-

говорення питання про перейменування Інституту філософії імені Г. С. Сковороди НАН України.

*Учений секретар Інституту
імені Г.С. Сковороди НАН України, кандидат філософських наук,
старший науковий співробітник **Кисельов О. С.**»*

Ответ Института философии с угрозой за «наклеп-злочин» меня вполне устроил, но, к сожалению, Институт замял это дело и к суду не обратился.

Думаю, сегодня нужна бескомпромиссность и в оценке накопленных знаний наукой. Неоспоримо, что научное мировоззрение ценно, но его следует пересмотреть в его глубочайших основаниях. Нельзя не видеть шаткость научных синтезов в их формальнологической упаковке. Наука как тип осознанности бытия базируется на объективации. Уже на начальных стадиях возникновения науки были заложены неточные, объективационистического характера, знания. Ныне, налицо их кризис. И этот кризис зацепил основания таких наук, как теоретическая физика, биология, математика, психология... Криминально выглядят основания психиатрической науки. Ведущие проблемы общечеловеческого значения наукой не решены. Какой выход из ситуации? Необходимо познать мир целостно, определить его необъективированный образ, а потом, посредством научной логики, познавать его глубины в деталях, искоренять зло, творить искусственный мир прекрасного.

Обращаюсь к представителям науки: **учёные**, следуйте завещанию апостола Павла: «Отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру!», сойдите с «грешного» ума в познании! Знайте, только необъективированный разум олицетворяет истину и добро на древе познания.

Большая ответственность за нравственное лицо цивилизации лежит на литераторах. История цивилизаций свидетельствует, что каждый тип культуры программировало Слово, зачинали книги, которые становились источником мудрости. Однако возникает вопрос: почему произнесённая, явленная в слове благодать, часто становилась бедствием, бесчестием, чахла и уходила в небытие вместе с созданным ею же типом культуры? Почему глагол, будучи способом видения Человеком мира, не всегда становился светильником? Это потому, что прославленные подвигами в реальной жизни **«люди» как дискретные индиви-**

ды, воплощённые потом писателями в героические образы своих художественных призведений, олицетворяют ложную сущность Человека. Такие произведения не творят добра. Они обслуживают фикцию – «человека»-мертвеца, способствуют инфляции духа. Этим, во многом, и объясняется исчезновение исторических культур, рождённых объективированным смыслом слова.

Мир изменяется быстрее, чем наши взгляды на происходящее. Мои достижения в познании весьма незначительные. После меня появится новый мыслитель, который поставит проблему Человека глубже меня, сделает то, чего не успел сделать я, к примеру, описать космическую анатомию, эмбриологию и физиологию Необъективированного Человека, исследовать космогонический митоз Вселенной, увидеть «беременность» Мироздания новыми космическими телами и мн., мн. другое.

Горько лишь осознавать, что и мои последователи столкнутся с трудностями в отстаивании неординарных взглядов. Новое всегда приходит в спор с общепринятым, к новому надо привыкнуть, охватить его обобщённую природу, суметь думать непосредственно на языке новых представлений.

Своим открытием Необъективированного Человека я подарил людям самое дорогое – бессмертие, вот только нужно удалить из разума бедоносное понимание сущности Человека как дискретного индивида.

Благочестивый Читатель! Не забывай напутствия Святого Благовествования Иоанна (Иоан. 8:32): «... познаете истину, и истина сделает вас свободными». Люди, не бойтесь разрушения религиозной картины мира. Попрощайтесь с Богом. Религия свой путь завершила, свою роль исполнила, её время прошло. После ночи наступил рассвет. Открыт **Человек без «лукавого сечения пола»**. Маска объективации, через которую до разума не доходила свежесть истины, снята. Прозрение состоялось! Призываю последователей Тригнозисного мировоззрения в каждое мгновение кончать этот старый мир и начинать новый – Необъективированный. Верю, что Тригнозисная онтология определит дух Человека XXI века и, наконец-то, рухнет «злая система вещей», Человек воскреснет после длительного его объективационистического омертвления, превращения в одну из вещей мира. Человечество будет жить по-украински (по-тригнозисному).

Это *благая весть из Украины!*

Почитаю тебя, Читатель. *Петро Харченко*. Октябрь, 2017.

Дефиниции ключевых понятий Тригнозисного мировоззрения

Определите значение слов, и вы избавите
человечество от половины заблуждений.

Рене Декарт

Привожу дефиниции ключевых понятий Тригнозисного мировоззрения, поскольку «нельзя внести точность в рассуждение, если она не введена в определение» (Анри Пуанкаре [1854-1912]).

Андрогин (гермафродит) – в необъективированном смысле – онтологически непрерывная «нейтральная» полярность триполярного Одного, олицетворяющего вещественную телесность Необъективированного Человека. В объективированном смысле андрогин олицетворяет дискретную особь с мужскими и женскими признаками.

Бытие – термином «бытие» я обозначаю тройственную материальную реальность. При этом выделяю субстанциональный уровень материи («первоматерию») и уровень вторичный – вещественный. Древнеиндийская философия первоматерию называет «истинным бытием» и связывает её с теорией трёх гунн. В ранней древнекитайской философии бытие связывается с двумя первоначалами – мужским и женским. И древнеиндийская, и древнекитайская философия возводят истинное бытие в ранг исходной реальности, из которой возникает мир вещей. Средневековая европейская философия истинное бытие также приравнивает к творящему началу, а неистинным бытием считает сотворённый мир вещей.

Вещество – дифференцированный триполярный продукт развития первоматерии (триипостасной Субстанции).

Деобъективизация – восстановление необъективированного статуса.

Десубъективизация – упразднение субъекта и субъективности.

Дискретный – прерывный, отдельный, омертвлённый, противоположный непрерывному. Дискретность – главный признак объективированного мира. Она субъективного происхождения, иллюзорная.

Единое – наименование непрерывного (необъективированного) всебытия, исключающего составимость из дискретных элементов.

Инверсия полярностей пола – перемена полярностью своего состояния на состояние другой полярности в пределах триполярной вещественной телесности Необъективированного Человека.

Индивид (греч. «атом») – в научном толковании обозначает частицу (атом, молекула, организм...), наделённую объективированным (дискретным) смыслом. Но истинное (онтологическое) смысловое содержание понятия «индивид» надо связывать с обозначением полярно-сти триполярного Одного.

Ипостась – одно из трёх неслиянных и нераздельных лиц триединой первоматерии (Субстанции). Григорий Богослов [ок. 330 - ок. 390] определил ипостась как реально существующий самостоятельный образ бытия «в самом себе».

История общественная – объективированный этап жизни Человека обществом как совокупностью «дискретных индивидов».

Многое – наименование объективированного всебытия, состоящего якобы из дискретных элементов.

Объективация – субъектовое преобразование онтологически непрерывного в иллюзорно-дискретное, в самостоятельную сущность, воплощённую в предметных формах, образах и т. п.

Объект – объективированный (дискретный) фрагмент реальности (бывают разные типы объектов и субъектно-объектных отношений).

Онтология – учение о первоматерии и её исходных принципах существования. В христианстве первоосновой названа Святая Троица. В Тригнозисном мировоззрении первоосновой названа троичная субстанциональная телесность Необъективированного Человека, творящая его вещественный уровень плоти. Одну из основных задач онтологии надо видеть в построении универсальной картины мира как Триединого. Существуют онтологические концепции Парменида [ок. 544 - ок. 450 до н. э.], Аристотеля, Платона, Фомы Аквинского [1225/1226-1274], Николая Гартмана [1882-1950], Иммануила Канта [1724-1804], Гегеля, Людвига Фейербаха [1807-1872] и других мыслителей. В системах Декарта, Бенедикта Спинозы [1632-1677], Готфрида Вильгельма Лейбница [1646-1716] онтология описывает взаимоотношение первичной субстанции и подчинённых ей уровней бытия.

Осознанность – в тексте книги понятие «осознанность» фигурирует вместо термина «сознание», употребляемого наукой и философией. В числе модусов осознанности можно назвать невербальное Откровение, вербальное тригнозисное Откровение, субъектовое (объективационистическое) мировосприятие, трансперсональный эмпиризм. Процесс вербального Откровения реализуется, главным образом, информационной эгосистемой ТриЭ(э)го; объективационистическое

восприятие – субъектом и чувственностью; трансперсональный эмпиризм – действием психоделиков, холотропного дыхания и пр.

Откровение – раскрытие Необъективированным Человеком своей сущности как вневербально (естественным ходом развития), так и вербальным оповещением в информационно-троичном режиме осуществимости.

Полярность необъективированная – одно из трёх состояний единой триполярности (пола) вещественной телесности Необъективированного Человека. В книге полярности обозначены словами – «мужская», «женская», «андрогинная». В жизненном опыте и познавательной деятельности широкого употребления получило объективационистическое понимание полярности как «отношения, выражающего попарную противоположность некоторых сторон объекта». От такой «полярности» надо решительно отказаться. Своей двойственностью она исходно агрессивна, продуцирует идеологию антагонизма и несёт угрозу существованию Человечества.

Пол (лат. *secus* от лат. *seco* – «порождать», «творить») – в необъективированном смысловом значении выражает инверсионную универсалию-триполярность вещественного уровня всемирной материи. То, что считается «полом» в обыденном восприятии, возникло вследствие объективации триполярности, её иллюзорного «разрыва» субъектом. Иллюзорно-дискретные полярности триполярного Одного и стали называть «полами», поименовав их «мужским», «женским», «гермафродитным» («андрогинным»). Объективационистическое понимание пола оседлало биологическую науку. Она рассматривает пол как совокупность отличительных анатомо-физиологических признаков дискретного индивида, разделяющая существа на два разряды – мужской и женский. К такому пониманию пола причастно мифологическое представление о «разрыве» андрогина на две дискретные «половинки» – мужскую и женскую. Отсюда и появление бессмысленного в онтологическом отношении понятия «раздельнополость», указывающего на существование якобы двух самостоятельных дискретных полов – мужского и женского. В действительности же, существует не два пола, а неразрывная триполярность Одного, которая и выражает истинный смысл «пола».

Развитие – пребывание триипостасной Субстанции в состоянии имманентного взаимопревращения ипостасей, приводящего к её уплотнению и созданию вещества.

Раздельнополость – совершенно надуманное понятие, основанное на ошибочном представлении о поле. В Толковом словаре Д.Н. Ушакова понятие «раздельнополость» читается как «разделение полов, при котором мужские половые органы свойственны одним особям, а женские другим». Вся эволюционная биология построена на этом ошибочном (объективационистическом) представлении о поле. В действительности пол символизирует триполярность всекосмического вещества. Употребляемое мной в книге слово «раздельнополость» подаётся в кавычках и без кавычек, но, во всех случаях, его смысл ошибочный.

Секс – функция, связанная с телесной эротикой и процессом воспроизводства индивидов.

Субстанция – первичное, недифференцированное состояние материи, наделённое триипостасной формой единства, первоматерия.

Субъект – иллюзорно дискретная «эго»-полярность Триэго, осознавшая себя отдельной сущностью в образе дискретного индивида. Начало образования субъекта положила «онтологическая объективация», то есть порождение экзистенциально триипостасной Субстанцией триполярной вещественной телесности Человека. Субъект «преобразовал» необъективированное в объективированное. Этим, как бы, свершился «разрыв» триполярной вещественной телесности Человека на «куски» – «людей-дискретных индивидов» в трёх измерениях – мужском, женском и андрогинном, жизнь которых предстала как «жизнь мертвецов». К удивлению, последствия такого «разрыва» оказались положительными. На этом состоялось становление общественной истории как феномена объективации Человека.

Субъективация – процесс, ведущий к становлению субъекта и субъективности.

Субъективность – всё, что лишено необъективированности и созданное деятельностью субъекта. Обыденно свойство субъективности сводят к рефлексии феноменологических «я» и «не-я».

Телесность (тело, плоть) – интегральная характеристика материальности Человека.

Трансперсональное переживание – переживание, при котором ощущение самотождественности выходит за границы индивидной самости.

Триада – в философии под триадой обычно подразумевается тройственный ритм развития неких дискретных вещей. Однако реально вещи не развиваются. Поэтому надо отличать истинную (онтологиче-

скую) триаду от триады дискретной (арифметической) – структурного триединства какого-либо процесса или явления, образованного тремя дискретными членами.

Тригнозис – Необъективированное мировоззрение. Включает в себя вербальное Откровение (самоосознанность Необъективированного Человека через тройственную природу телесности). Олицетворяет синтез истин религии, философии и науки.

Триединый – имеющий единый образ в трёх проявлениях.

Триэго – триполярность как тот, кто ощущает и познаёт себя.

ТриЭго – Триипостасность как тот, кто информационно конструирует и материально творит свою вещественную телесность.

ТриЭ(э)го – единство ТриЭго и Триэго.

Тринитарный – признающий доктрину Святой Троицы в её ипостасной неслиянности и нераздельности.

Троичность необъективированная (онтологическая) – единство трёх нераздельных и неслиянных ипостасей или полярностей. Является центральной проблемой бытия.

Троичность объективированная (арифметическая) – обозначение единства трёх иллюзорно-дискретных единиц бытия.

Целое – обозначает иллюзорную (объективированную) форму единства бытия, как, якобы, состоящего из взаимосвязанных дискретных частей («элементов», «атомов», «индивидов» и т. п.).

Человек Необъективированный – триипостасная и триполярная Всереальность (в книге обозначен с большой буквы).

Человек объективированный – «человек»-мертвец как объективированная полярность триполярной вещественной телесности Необъективированного Человека, воспринимаемая чувственно как дискретный индивид (в книге обозначен в кавычках и с малой буквы).

Человечество Необъективированное – вся континуальная система полярностей-индивидов Необъективированного Человека (в книге обозначено с большой буквы).

Человечество объективированное, «падшее» – вся совокупность объективированных индивидов (в книге обозначено с малой буквы).

Эволюция – качественная и количественная изменчивость в её вещественном проявлении.

Эго – ипостась (в случае, ТриЭго) или полярность (в случае, Триэго).

«Как упредить цивилизацию от военной гибели» (вводная лекция для государственных деятелей)

Государственные деятели! Оповещаю Вас о революционном открытии в обществоведении. Впервые в истории цивилизации одержана гносеологическая победа над источником вражды между людьми. Теперь от Вас зависит спасение цивилизации от физической гибели. Мною открыт **Человек без «лукавого сечения пола» – Необъективированный Человек**, приход которого предсказано изречением Христа – «Да будет всё одно».

Открытие Необъективированного Человека – это мировоззренческий переворот, поскольку любое мировоззрение предстаёт в виде того или иного понимания сущности Человека. «Какой человек, такая и его философия», – отмечал Иоганн Фихте.

Традиционная философия не разобралась в сущности Человека, не состоялась как истинная мудрость, не выполнила сократовского наставления «Познай себя!». В кругу её интересов оказался **объективированный** «человек» – телесно не существующий онтологически «дискретный индивид». Но истина несовместима с объективацией. В объективировании «человек исчезает, превращается в фикцию, «субъект-объект», олицетворяющий «мировую пошлость и рабство» (Николай Бердяев). Общественная история – это и есть не что иное, как феномен объективации Человека.

Не зная сущности Человека, проводники духовности – Будда (Сидхартха Гаутама), Лао-Цзы, Заратустра, Магомет, Платон, Маркс..., надели на Человечество навыворот (объективированной стороной) мировоззренческую рубашку, загрузили его разум фальшивым миропредставлением. Свои благие наставления они адресовали несуществующему человеку (мертвецу) – «человеку», превращённому в объект, то есть объективированному «человеку». Это и стало причиной постоянного блуждания истории мировоззренческими путями («Путь Нирваны», «Путь Дзен», «Путь Дао», «Путь Шивы», «Путь Христа», «Коммунистический путь»...) в ожидании то «Царства Будды», то «Царства Небесного», то «Коммунистического рая»..., претерпевая постоянные войны.

Сегодня становится очевидным, что мировоззренческий арсенал атомистической антропологии, обслуживающий историю, исчерпан.

Падение морально-нравственных норм общества достигло апогея, как и сказано в Библии: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжёлые. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (2 Тим. 3:1–4).

Криминально, когда политики делают вид, будто бы ничего, угрожающего жизни цивилизации, не происходит. Фридрих Ницше однажды уронил фразу: «Наш мир, в котором мы живём, – ошибка». А Махатма Ганди сказал просто: «Эта цивилизация такова, что она разрушится сама собой, нужно только иметь терпение». Отношения между людьми стали ужасными: соперничают между собой народы, разединённые экономическими союзами, стратегическими партнерствами, военными блоками, не прекращаются локальные войны между государствами, свирепствует ненависть между субъектами разных национальных, религиозных и экономических идеологий, процветает терроризм, гомофобия, антиеврейизм, становится нормой аномия общества, при которой для его членов утрачивается значимость моральных и социальных предписаний, изготовлено не только самое грозное обычное оружие (бомба «мать всех бомб» и бомба «отец всех бомб»), но ядерное оружие... А на этом фоне Норвежский Нобелевский комитет, уже более ста лет раздаёт Премию мира... За столетие раздачи этой премии состоялось множество локальных войн, две мировые войны, зреет третья... В тоже время Нобелевский комитет не удостоил Украину Нобелевской Премией мира за добровольный отказ от арсенала ядерного оружия – третьего за величиной на планете.

Не зная перспектив своего будущего, историческое общество растерянно окутано апокалипсической тревогой, надеясь лишь на Бога. Но, тот же Ницше, объявил и «смерть Бога», а с уст постструктуралистов и постмодернистов оповещается о «смерти человека», «смерти субъекта». Всё громче звучат заявления о «конце света», «конце истории»... на фоне незнания Человеком своей сущности. Разум Человека оседлала ложь, будто бы границы его телесности заканчиваются «дискретным индивидом». Эта ложь составила константу в мировой системе знаний, определяет главный признак современного общества.

Неоспоримо, что цивилизация нуждается в новом мировоззренческом обеспечении, в правде о сущности Человека. Присмотримся, откуда взялся падший (объективированный) «человек» – дискретный индивид, и что представляет собой Человек Необъективированный, **онтологически целостный**? Ответ на этот вопрос связан с раскрытием природы пола. Считается, что пол – это «совокупность отличительных анатомо-физиологических признаков, разделяющая дискретных индивидов на два разряды – мужской и женский». Такое воззрение на пол в корне ошибочное. Оно возникло на базе мифологического повествования о «разрыве андрогина на две половинки – мужскую и женскую». Но, как справедливо заметил Иоанн-Скот Эриугена, «разрыв пола есть проявление человеческого, уже падшего бытия». Признание иллюзорного «разрыва» пола за разрыв реальный – это та изначальная ложь, которая вселила в жизнь объективированного человечества дух вражды: «У людей не было бы ни раздоров, ни войн, – отмечал богослов Василий Великий, – если бы грех не рассёк естества на дискретное мужское и женское». В контексте гносеологической интерпретации слова богослова означают то, что концептуально огласил Николай Бердяев: «Источник страданий нужно видеть в несоответствии природы человека и объектной мировой среды, в которую мы брошены, в неустанном столкновении «я» с чуждым и безучастным к нему «не-я», с сопротивлением мертвящей объектности, то есть объективации человеческого существования» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 291).

Но действительно ли пол разорван? Это вопрос чрезвычайной мировоззренческой важности! Оказывается, что **реально естество Человека не рассечено, онтологически «разрыва» пола нет. Пол олицетворяет собой совершенно иную сущность, нежели та, которая забетонирована в нашем обыденном представлении, пребывающему в плену объективации.** В необъективированном смысловом значении пол выражает инверсионную универсалию-триполярность вещественного уровня всемирной материи. То, что считается «полом» в обыденном восприятии, возникло вследствие объективации триполярности, её иллюзорного «разрыва» субъектом. Дискретные (объективированные) полярности триполярного Одного и стали называть «полами», поименовавши их «мужским», «женским», «гермафродитным» («андрогинным»).

Правда о сущности пола специфически оглашена Новым Заветом указанием на *единотелесность и единокровность «я» и «ты»*. К сожалению, историческое христианство не осилило тайны этой под- сказки Христоса. Смысл его заповеди «Возлюби ближнего как само- го себя» оставался нераскрытым как *онтологическое единство «я» и «ты» одного тела*. Отцы церкви объявили тайну *пола* (как и тайну *Святой Троицы*) рационально непостижимой. Но тайна пола и не могла раскрыться в «объектной мировой среде».

Только сегодня, ожидаемое тысячелетиями раскрытие тайны *еди- нотелесности «я» и «ты», осуществлено мной в Украине* благо- даря Тригнозисному выходу за пределы традиционных принципов разума (формальнологических законов) и отстранению от гносеологи- ческой власти объективизатора бытия – субъекта. Таким гносеологиче- ским «манёвром» мне удалось осуществить нерасчленённое познание мира – движение мысли по логике целостного бытия, что позволило раскрыть характер онтологического отношения между полом и Святой Троицей, разгадать тайну Тринитарного архетипа, «свято скрывающе- го свою сущность много тысячелетий, оставаясь Божественным сим- волом спасительного единства человечества». В конечном итоге была решена центральная коллизия мышления и бытия – коллизия *Необъек- тивированного и Объективированного*, её решение и предстало как открытие экзистенциально единотроичного *Необъективированного Человека – Человека без «лукавого сечения пола»*, олицетворяюще- го сверхиндивидуальную триполярно вещественную и триипостасно суб- станциональную всереальность. Фактически сама логика открытия Необъективированного Человека проявляется как вербальное Откро- вение Человека, самораскрытие его вне объективации и чувственности в информационно-троичном режиме осуществимости через присущее Человеку ТриЭ(э)го, представленное субстанциональным ТриЭго и его вещественным инобытием – Триэго.

Сверхиндивидуальный (необъективированный) статус Человека засви- детельствовал: пол – это *универсалия-триполярность* всекосмическо- го вещества, фундаментальным свойством которой, как обнаружилось, является *инверсионность*. Свойство инверсионности триполярности (пола) проявляется не только в магнитном проявлении, оно особенно наглядно биологически. Посмотрим на поляризацию видов: вид пред- ставлен одним самцом, который с возрастом через стадию гермафроди-

тизма превращается в самку; вид представлен одной самкой, которая с возрастом через стадию гермафродитизма превращается в самца; вид представлен самкой, которая с возрастом становится гермафродитом; вид представлен самцом, который с возрастом становится гермафродитом; вид представлен самкой, самцом и гермафродитом; вид представлен самцом и самкой, которая с возрастом становится гермафродитом; вид представлен самкой и гермафродитом, который с возрастом становится самцом; вид представлен самкой и самцом, который с возрастом становится гермафродитом; вид представлен гермафродитом; вид представлен самцом и гермафродитом, который с возрастом становится самкой; вид представлен самцом и самкой, которая с возрастом через стадию гермафродитизма становится самцом; вид представлен самкой и самцом, осуществляющим с возрастом инверсию в самку через стадию гермафродитизма; вид представлен самкой и самцом; вид представлен двумя гермафродитами, у одного из которых наблюдается склонность к инверсии в сторону самца, у другого – в сторону самки; вид представлен только самкой, осуществляющей с возрастом инверсию в самца через стадию гермафродитизма, а, став самцом, спустя некоторое время, снова через посредство стадии гермафродитизма становится самкой; вид представлен только самцом, осуществляющим с возрастом инверсию в самку через стадию гермафродитизма, а, став самкой, спустя некоторое время, снова через посредство стадии гермафродитизма становится самцом и т. п. Приведённый фактический материал показывает, что взаимопереходы полярностей отображают переходы в свои неслиянные и нераздельные три «я», в свою единотройственную плоть, свидетельствующую об *отсутствии индивидуального статуса существа*. Существует не «дискретный индивид», а *надиндивидное триполярное Одно*.

Совсем иная ситуация создаётся при объективации пола. Субъект «разрывает» надиндивидное триполярное Одно, преобразует его в три «дискретные индивида» и, с этой точки отсчёта, пол превратнозируется, предстаёт эмпирическим признаком этих «дискретных индивидов», порождается так называемая «раздельнополость». Если необъективированный индивид олицетворяет *неотрывную полярность триполярного Одного и этим* обеспечивает своё телесное единство со всем Космосом, то объективированный индивид кажется нам *«геоцентрической дискретной целостностью жизни», некой специфически*

отдельной реальностью от всего космоса. Но ирония этого «кажется» в том, что «дискретный организм» никогда и нигде не зарождался из некой «неживой материи», не развивался, не эволюционировал, ибо его телесно, как онтологически дискретной данности, вообще *не существует.* Жизнь предстаёт совершенно иным за своей сущностью феноменом, нежели мы её представляли до раскрытия природы пола.

Словом, биология должна изменить ракурс атрибутивного подхода к пониманию сущности жизни, развернуться к иному мировоззренческому пространству, признать в качестве *носителя жизни Необъективированного Человека, телесность которого всевещественная, всеживотная, всерастительная и представлена всем разнообразием небесных тел необозримого Космоса и всем многообразием биологических видов.* Жизнь – вневременное бытие всеобщей материи, имя которой – бессмертный Необъективированный Человек. Бессмертие – фундаментальнейший закон жизни. «Смерть» как «конец жизни дискретного индивида» находится под знаком объективации, сценаризована субъектом, имеет условно-легитимное содержание, и соотносится с объективированным «человеком», который, сам по себе, говоря определением Христа, является «мертвецом». Как может умереть то, чего онтологически не существует? «Смерть» объективированного «человека» пропадает безвестно с «восстановлением целостности пола». Секрет бессмертия Человека состоит в том, что *ни полярное «эго» индивида (душа), ни его субстанциональная телесность на кладбище в гробу не выносятся.* Хоронится большое или состаревшееся вещественное отелеснение эго, но само эго неотделимо от информационного ТриЭ(э)го Необъективированного Человека. За погребением индивида прячется космогоническая метаморфоза – периодическое обновление-возрождение вещественной телесности *эго-полярностей Триэго.* И жить поэтому надо без страха «смерти», осознавать себя бессмертным Необъективированным Человеком, а не пребывать в плену иллюзорной конечности существования, растворяя в ней все смыслы жизни.

В каждом из нас как в Необъективированном Человеке (Человеке единого Человечества) находится весь эгофонд Человечества, представленный разветвлённым эгоархетипом ТриЭ(э)го. При «множественном личностном расстройстве», сновидениях, шизофреническом процессе, трансперсональных переживаниях эти *«эго» «оживают»,* переплощаются, разговаривают на языках разных народов. Открывает-

ся возможность разработки эготехнологий в борьбе со злом (исключение «языкового национализма» путём познания иностранных языков через эгофонд; очищение эгофонда от преступной субъективности «эго» калигулов, неронов, тамерланов, грозных, гитлеров...; раскрытие преступления убийцы, когда роль свидетеля будет исполнять «эго» жертвы; и др.). Речь идёт о Великом преобразовании эгофонда Человека путём эготрансформации и эгоочищения от «грешной субъективности». Наша многоэгональность обязывает помнить библейское «Се, грядущи скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его...» (Отк. 22: 11-12, 14-15).

Общественно важно осознавать и то обстоятельство, что инверсионность пола обуславливает в структуре общества наличие индивидов разных форм и степеней полярного проявления – мужчин, женщин, андрогинов, трансгендеров и других. Вся поляризованная структура общества является *единородной, единосущной, неслиянной, нераздельной и поэтому любовь однополых представителей между собой онтологически такое же закономерное проявление Великого закона Единства, как и любовь между мужчиной и женщиной*. Любовь выражает *экзистенциальную целостность Необъективированного Человека*, а не надуманную Платоном «жажду целостности на пути преодоления разрыва андрогина» (восстановления некой бинарной полноты человеческой природы). Любовь – проявление *единства телесности Необъективированного Человека по всему спектру его триполярной целостности*, а следовательно, нетрадиционная ориентация в любви коренится в космогонической сущности пола как триполярности-универсалии вещественной телесности Человека. Вот почему усилия ЛГБТ-человечества преодолеть гомофобскую мораль митингами, парадами, демонстрациями, художественными фестивалями и прочими мероприятиями *не решают проблемы*. Необходим мировоззренческий переворот в понимании сущности Человека, строительство новой цивилизации на необъективированном фундаменте. Гомофобия и лесбофобия исчезнут лишь с торжеством Истины о Необъективированном Человеке.

Вербальное Откровение Человека сбрасывает с общественной истории маску объективации и открывает ту о ней правду, что она вращается вокруг «мертвеца» – дискретного индивида, а следовательно, её конец неизбежный. Это чрезвычайно важно знать политикам.

О «конце света» (истории) вестили апостол Павел, Кирилл Александрийский, Иоанн Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский... и связывали это событие *с приходом Человека, обновленного познанием, «истребляющим лукавое сечение пола» и исключаящим обман ума чувственностью.*

Что ожидается после «конца истории», и что надо сделать политикам, чтобы упредить цивилизацию от физической гибели? Произойдёт переход к постистории – *постиндивидуальной антропологической эпохе. «Человек» исторический (объективированный) уступит место Человеку Необъективированному.* Политики и государственные деятели уже сегодня должны заняться проработкой политической составляющей этого перехода, чтобы не допустить военной катастрофы цивилизации. Это требует от них самим обновиться умом в понимании сущности Человека, «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях,... И облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (см. Еф.4:22-24), прекратить решать общечеловеческие проблемы с позиции идеологии объективации, просветлиться *Необъективированным мировоззрением (Тригнозисом),* которое возвращает Человека в статус *абсолютного Начала* после длительного объективационистического «омертвления». Необъективированный Человек и должен стать опорой для создания новой культуры, но уже скреплённой не канонизированным представлением о добре и зле, подогнанным под потребности *«человека»-мертвеца – дискретного индивида,* а скреплённой индивидуализацией Всеединства.

Государственные деятели, а также миллиардеры мира сего, прекратите игры в «объективационистическую рулетку» на информационном поле осмысления социальных проблем Человечества, находите политические решения перехода к постиндивидуальной цивилизации. Человек постистории должен жить идеалами своего космогонического предназначения, а не обольщаться, как нынешний объективированный «человек», земными устремлениями – славой, сексом, богатством. Уже сейчас нужна радикальная фильтрация существующей культуры, изменение дискретно-индивидуальной конструкции общества, повально пронизанной апориями, на которых сложились, обуславливающие общественную турбулентность социологемы. Традиционное (объективированное) общество находится за границами гуманности. Бази-

рованное на «разрыве» пола, оно олицетворяет «жизнь мертвецов», механическую совокупность «дискретных индивидов». Но дискретная особь, как говорил Григорий Нисский, «не может быть воплощением идеи человечества, настоящим воссозданием образа триединого Бога». В книге «Эрос и личность» Николай Бердяев гениально указывает, что «только та социальная теория способна вывести человека с трагической дороги, которая будет базироваться на раскрытии тайны пола, преодолеет половое разъединение мира, ибо именно с полом и любовью связана тайна разрыва в мире, тайна индивидуальности и бессмертия».

Единочеловечество утвердится гуманитарно как необъективированная форма общества, основанная на онтологической целостности телесности Человека и индивидуализации Всеединства. Такое Человечество осуществит демонтаж государства как «жилища мертвецов», «как сборища объективированных «эго»» (субъектов). Свободу Человеку не может обеспечить никакой тип объективированного государства, включая и государство демократического устройства. Демократия как форма государственности в системе общественной объективации есть, по справедливому высказыванию римского историка Полибия, «временем разложения и упадка, за которым наступает гибель цивилизации».

В постистории субъект будет иметь лишь специфические познавательные функции, но, как гносеологического носителя «злой объективации», его ожидает смерть. Социальное шествие возглавит Необъективированный Человек, который не может конфликтовать с самим собой, убивать, грабить, обманывать... Только **необъективированная форма общества** соответствует предсказанию Христа «Да будут все едино...» (Иоан. 17:21).

Главы государств! Созвите специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, которая примет Конституцию Человека «без лукавого сечения пола». Озадачте ООН работой по переименованию общественных отношений на базе необъективированной формы общества, где «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Готовте Человечество к переходу в постисторию.

Обращаюсь лично к Президенту США, Председателю КНР, Президенту Российской Федерации и Президенту Украины со следующим призывом:

*Уважаемые Президент Соединённых Штатов Америки,
Председатель Китайской Народной Республики,
Президент Российской Федерации и
Президент Украины!*

Позвольте сообщить Вам радостную и одновременно несколько тревожную новость. В Украине сделано революционное открытие в обществоведении. Впервые в истории гносеологии открыт **Человек единого Человечества** или, иными словами, **Человек без «лукавого сечения пола»**. Это открытие раскрыло правду общественной истории. Оказывается история вращается вокруг **фикции** – объективированного «человека» – телесно не существующего онтологически дискретного индивида, поэтому неизбежно наступит её конец разом из этико-моральными основаниями культуры, на которых складывались традиционные исторические социологемы, завершившие в наше время убийство морали.

Объективированный (исторический) «человек» создаёт прецедент, когда ни торжество денег, ни избирательные бюллетени, ни воля политиков и толпы не в состоянии остановить кровавый ход истории. Кровь обагрила все духовные ценности цивилизации.

Не зная истинной сущности Человека, духовные проводники истории преподносили человечеству различные сказки о социальной справедливости. К. Маркс ратовал за построение коммунизма, а, например, американец Френсис Фукуяма превозносит либеральную демократию. Но все эти «благие» наставления адресуются мертвецу – объективированному «человеку». Правда состоит в том, что и коммунистическое общество, и общество демократическое являются неонтологизированными, не созвучными с индивидуализацией Всеединства.

Выход из ситуации связан с прекращением объективизации Человека, с принятием Необъективированного (Тригнозисного) мировоззрения, разработанного в Украине. Ещё Нострадамус предсказывал, что «спасение человечества в конце света» придёт с Украины, где будет создана «совершенно новая, доселе неведомая, религия». Необъективированное мировоззрение не частная религия. Оно претендует на статус общечеловеческого мировоззрения и призвано обеспечить единение людей, их мирный переход от истории к постисторической эпохе.

Существование Необъективированного Человека – это та правда, которая, отчасти, содержится и в китайской мировоззренческой систе-

ме даосизма. Даосизм ориентирован на нерасчленённость Человека и Природы. Дао – извечный космогонический Путь в универсальное единство мира, в естественность, в первоначальное необъективированное состояние, Путь слияния души с мировым порядком.

Словом, Человечество нуждается в переименовании своей жизни, в создании новой культуры, скреплённой онтологической целостностью.

Сегодня мирное сосуществование народов, главным образом, зависит от политической позиции Соединённых Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Я призываю Вас, уважаемые Президент США, Председатель КНР, Президент РФ, встретиться с Президентом Украины (страны, открывшей Необъективированного Человека) и обсудить проблему перестройки общественного миропорядка соответственно с установками Необъективированного мировоззрения. Важно созвать чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, посвящённую духовному исцелению цивилизации в контексте замены «падшей» морали на мораль новую, опирающуюся на необъективированные смыслы жизни. Созыв такой сессии Генеральной Ассамблеи был бы одновременно и началом реформирования ООН.

В вопросе понимания сущности Человека больше нельзя оставаться в рамках атомистических представлений XX века, в плену грубо-материалистически-объективационистической концепции «человека»-дискретного индивида. Мировоззренческий арсенал субъект-объектной антропологии, обслуживающий цивилизацию, исчерпан. Объективационистическая концепция «человека» стала угрозой существованию цивилизации и должна прекратить своё господство над разумом. Человек должен воскреснуть после длительного объективационистического омертвления.

Ренессанс Человека, нравственный перелом в его жизни наступит неизбежно. Я верю, что Вы, государственные деятели, воспользуетесь моим открытием Необъективированного Человека для наведения моральной чистоты в общечеловеческом эгодоме, задействуете его в строительстве новой архитектуры международных отношений, которая упредит физическую гибель цивилизации в конфликтах турбулентной современности.

Да здравствует бессмертный и свободный **Необъективированный Человек!** Благословляю тех, кто покидает рабство объективации и, по преданию Тригнозисному, входит в жизнь воротами!

С уважением, **Петро Харченко** – фундатор Необъективированного мировоззрения. Контакт: Харченко Петро Андреевич, 2-й переулок Монастырской, 10, г. Ромны Сумской обл., Украина. 42000. E-mail: trignosis@mail.ru Тел.: (097)983-58-34.

РАЗДЕЛ I

Камни преткновения в системе философского знания

1. Коллизия Необъективированного и Объективированного

1.1. Субъект и объект

«Человек – политическое животное» (Аристотель); «Человек – родовой субъект» (Фридрих-Вильгельм-Йозеф Шеллинг [1775-1854]); «Человек – дискретный индивид, утверждающий себя как родовое существо в практическом созидании предметного мира» (Карл Маркс). В этих философских определениях фундаментальными дефинициями выступают «дискретный индивид» и «субъект». Но мной доказано (см.: Харченко П. А. Необъективированный Человек. – К. – 2014. – 312 с.), что онтологически граница телесности Человека не соотносится с «дискретным индивидом». Телесно дискретного индивида онтологически не существует. Но и понимание «субъекта» философами ложно, обёрнутое мёртвым смыслом. Оно привязывается к несуществующему «человеку»-дискретному индивиду и, следовательно, в таком смысловом отношении его не существует. Вот примеры подобного понимания сущности субъекта: «Субъект – познающий и действующий человек-индивид, которому противопоставлен объект как отдельная иная реальность»; «Субъект – носитель деятельности, сознания и познания»; «Субъект (индивид или социальная группа) – носитель предметно-практической деятельности и познания»; «Субъект – истинно сущее, субстанция вещи»; «Субъект – носитель субстанциональных свойств и характеристик, определяющих качественные особенности объекта»; «Субъект – источник предметно-практической и познавательной активности, направленной на объект» и т. п. Такой субъект неоднократно «умирал» в постструктурализме и деконструктивизме.

Специфически рассматривается проблема субъекта в буддизме. Согласно буддизму, страдания человеку приносит субъект сансары. Они коренятся в самообмане индивида – «это я, это моё», в закомплексованности на своём фальшивом «я». Субъект сансары олицетворяет дис-

кретное индивидуальное человеческое «я» с атомистическим сознанием, которое, обманываясь достоверностью наших органов ощущений, создаёт на их основе иллюзии и само же переживает их как реальные. В буддизме видимые внешние формы лишены любого содержания, независимого от субъекта. Исчезновение сансарного субъекта наступает у просветлённого Человека, сознание которого избавилось от противоречий бытия, овнутирило онтологическое начало, причастившись к нему. Такой Человек называется «Буддой». Стать Буддой – означает преодолеть дискретность (прерывность) и лишиться объективации, вернуться к целостности, приобрести континуальную осознанность, сделаться абсолютным единством. Потеря ограниченности, растворение в целостности мира, исчезновение дискретного «я» ведёт к истинному Человеку (Будде). Дискретной множественности индивидов не существует, она – призрак. Нет и такого субстанционального начала, как дискретное «я»! Ошибочной является вера в реальное существование дискретности внешних объектов, из-за которой индивид различает «я» и «не-я». За иллюзией «я» и иллюзией внешности и дискретности мира стоит абсолютно целостная реальность – Будда.

Всё это относительно так. Субъект не находится в рамках истинного смысла существования. Однако, благодаря ему, состоялось становление общественной истории. Вокруг субъекта вращается вся социальная жизнь Человечества. С помощью средств объективизации – звука, слова, числа, атома... субъект создал искусственный мир вещей, все цивилизационные ценности.

Так, что же такое субъект? В своей книге «ТриЭго» я обозначил сущность субъекта следующим образом: Субъект – это «эго»-полярность Необъективированного Человека, иллюзорно осознавшее себя отдельной (дискретной) сущностью. Можно сказать и так: субъект – объективированная полярность триполярного Одного (Триэго). В лице всего объективированного Триэго субъект стал «преобразователем» необъективированного в объективированное, родоначальником истории. Словом, возникновение фантомного феномена – субъекта явилось ***величайшим событием в жизни Необъективированного Человека.***

Учёные и философы полагают, что субъект («человек»-дискретный индивид) обладает «сознанием». Это абсурдное мнение. Субъект – лишь объективирующее «устройство» истинного (Необъективированного) Человека, онтологически континуального по своей природе и сопричастного ко всему.

Традиционная теория познания базируется на объективации, на отношении «человека»-дискретного индивида к дискретному внешнему миру и выступает как отношение субъекта к объекту». Объект – обективированный (дискретный) фрагмент реальности. Он находится в зависимости от субъекта и лишён самостоятельной сущности, он то, на что направлена познавательная или иная деятельность субъекта (бывают разные типы объектов и субъектно-объектных отношений).

Познание бытия, основанное на познавательном отношении субъекта к объекту, не есть истинным познанием. Такое познание видит мир в образе «мёртвой системы вещей». Истина не может быть обективированной.

1.2. Непрерывное и дискретное

Проблема непрерывного-дискретного в истории познания обросла произвольными толкованиями. Как пример, представители так называемого диалектического материализма придумали некое «диалектическое единство прерывного и непрерывного, их неразрывную связь и взаимопревращение».

Фрэнсис Бэкон [1561-1626] определил «непрерывное» как не имеющее частей, а «дискретное» – как разделённое на части. Знаменитый Лейбниц считал непрерывность главным законом Природы и полагал, что принцип непрерывности бытия относится к числу сложнейших проблем, когда-либо стоявших перед разумом. Лейбниц назвал принцип непрерывности «лабиринтом», издревле мучающим философский ум, ибо только на нём может базироваться истинная философия». Гениальный Кант свою концепцию непрерывности материи изложил в знаменитых «Метафизических началах естествознания». Гегель отмечал – всё, заслуживающее названия «философия», всегда ложилось в основание своего учения признание абсолютного единства того, что рассудком признаётся лишь в его раздельности.

Сложной непрерывность оказалась по линии логического постижения. Приверженцы непрерывности бытия среди экзистенциалистов (представителей воззрений о человеческой трансцендентальной субъективности) считают, что логико-дискурсивный аппарат науки не способен постичь непрерывность жизненной реальности.

В противоположность признанию непрерывности материи многие философы рассматривали её природу дискретной. Так поступали Демокрит [род. ок. 460 до н. э.], Левкипп (ок. 500 - ок. 440 до н. э.), Эпикур [341-270 до н. э.]. С прогрессом науки идея прерывности материи стала господствующей. Этому способствовало торжество атомистической теории.

Словом, характер решения проблемы непрерывного-дискретного находится в зависимости от мировоззренческой и методологической ориентации мыслителей. Чувственная видимость прерывности материи – эффект её объективации, следствие раздвоения на субъект и объект. Человек проходит историческую стадию своего бытия, живёт в эпоху объективации своей сущности субъектом. Возникновение исторической эпохи носит закономерный, но временный характер. Ею «руководит» субъект, он творит объективационистическую культуру, «разрывает» онтологически непрерывное бытие на иллюзорно-дискретные фрагменты, познаёт непрерывное через дискретное. На этот счёт образно сказал марксист: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление – и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 29. – С. 233). Но, как справедливо заметил Фридрих Энгельс [1820-1895], «части лишь у трупа». Научная логика изучает омертвлённый ею же мир – мир «дискретных вещей». Субъектное познание (познание через дискретное) извращает действительность, опредмечивает и «убивает» её. Это, конечно, преступление, поскольку объективированная субъектом действительность является телом истинного (Необъективированного) Человека.

Философия не справилась с решением проблемы «непрерывного-дискретного». Она не решила её на основе единства онтологического и логико-гносеологического. Философам казалось, что они исходно изучают необъективированное бытие («бытие вне головы»). Это не так. Они имели дело с бытием объективированным.

По особому сценарию сложилось решение «непрерывного-дискретного» в христианстве. Необъективированный субстанциональный Бог (Святая Троица) выступает как непрерывная реальность. Он олицетворяет три неслиянные и нераздельные ипостаси. Такой статус Бога

недоосознаётся рационалистами-объективационистами (вспомним, рационально мыслящих антитринитарщиков). В Святой Троице рационалисты видят ипостаси дискретными. Но и христианство не справилось с проблемой непрерывности бытия в части версии «сотворения Богом человека-индивида». Такого «человека»-фигуры Бог не сотворял. Его создал субъект. Объективацией телесности Человека он «подставил» и «Бога», и философов, и учёных. Прерывность в христианстве рассматривается как «грехопадение», как «разрыв пола». Именно с «разрыва пола» началось превращение Необъективированного Человека в «человека павшего, грешного» в образе дискретного индивида.

1.3. Единое и Многое

«Всё в Едином, и Единое есть всё.
Оно начало всех идей и идея всех начал».

Фридрих Шлегель [1772-1829]

Центральной коллизией мышления и бытия считается коллизия непрерывного (необъективированного) Единого и дискретного (объективированного) Многого. Согласно Бердяеву, «отношение Единого-Многого составляет всю загадку бытия» (Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные и литературные. – СПб. – 1907. – С. 178). Если следовать началу зарождения логики, то непрерывное Единое, исключаящее дискретную множественность, и дискретное Многое явились первыми противоположными определениями природы материи. А, вообще-то, в становлении воззрений на природу материи были разные точки зрения: существует только однородное Единое, исключаящее различие и дискретную множественность; существует самостоятельность Единого и Многого, их одновременное и независимое существование; существует непрерывное Единое с его продуктами творения в виде мира дискретной множественности; существует только Единое в его пространственно-временном недискретном многообразии; существует только Многое как совокупность дискретных элементов.

Единое в разных мировоззрениях поименовано по-разному: в древнеиндийской мифологии – Пурушей; в древнеиндийской философии – Брахманом (в санхье – Праkritи); в китайской философии – Дао; в пифагореизме – Верховной Тринею Божественной Единицей

(Моносом); в христианстве – Святой Троицей. Человеческая мысль называла Единое творящей первоосновой, находящейся вне сферы чувственного опыта. В Едином усматривалась законченная картина мира. С самого начала зарождения представлений о Едином, оно обозначалось как некая трансцендентная реальность, среди характерных особенностей которой указывалось на **непрерывность, материальность, бесконечность, вечность, троичность**. То, что Единое является тройственным, а не двойственным, засвидетельствовала история онтологической мысли, независимо от разнообразия её мировоззренческой окраски – теистической, идеалистической или материалистической.

Если посмотреть на природу Единого с учетом всего культурно-исторического фона, в рамках которого эволюционировало знание, то увидим, что главный вопрос – как из тройственного Единого происходит непрерывное многообразное бытие? – не был решён. Предполагалось, что к его решению причастен пол. Но тайна самого пола оставалась нераскрытой и онтологически непрерывное многообразное вещественное бытие превратно было принято за дискретное Многое.

О Едином. «Единое является единым по природе, а не через соприкосновение или связь, оно носит в себе причину своей непрерывности» (Аристотель. Метафизика. – М. – Л. – 1934. – С. 164). Пребывая за сферой чувственного восприятия и опыта, Единое, будучи необъективированным (из-за чего часто называлось «трансцендентальным», «потусторонним»), требует необъективированной логики своего постижения. Это означает, что метод его познания должен совпадать с природой самого Единого, с его саморазвитием. Что же касается логики познания Объективированного (Многого), то она сложилась на основе принципа дискретности и в этом отношении требует наличия гносеологического субъекта (познание Многого в значительной степени обязано атомистам древности, их механическому методу постижения действительности путём «собираения целого из частей»).

Открытая мной Тригнозисная логика выяснила: видимый вещественный мир является продуктом преобразования тройственной Субстанции (Единого) в «уплотнённое» состояние – вещество, которое становится вторичным уровнем материи, оставаясь при этом непрерывным и тройственным (подробнее об этом ниже). Иными словами, Единое не распадается на дискретную множественность, оно извечно порождает самого себя, будучи одновременно и творческим началом, и

продуктом собственного развития, обуславливая этим два троичных за природой уровня своей телесности: первичный – триипостасный субстанциональный и вторичный – триполярный вещественный.

Высокое звучание Единое приобрело в древнегреческой философии из уст Платона. Но этот мыслитель был в плену ложного вопроса – как из непрерывного Единого произошло дискретное Многое. Единое, считал Платон, является началом всего сущего. В отличие от Платона, Анаксагор [ок. 500-428 до н. э.] полагал, что Единое и Многое не переходят одно в другое и не происходят одно из другого. А знаменитые элеаты (Зенон Элейский [ок. 490 до н. э. - ок. 430 до н. э.], Ксенофан Колоронский [ок. 570 - после 478 до н. э.], Мелисс Самосский [ок. 485 до н. э. - 425 до н. э.], Парменид и др.) признавали только Единое, исключаящее дискретную множественность. Они выступили с критикой идеи множественности и атомизма пифагорейцев, а также основ учений, созвучных анаксагореизму, исходящих из идеи бесконечной делимости материи (Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М. – 1982. – С. 14). Бытие в дискретную множественность, считали элеаты, иллюзорно «преобразовывают» органы чувств. Сущность, не ведающую единства, элеаты приравняли к ложному знанию. Но однородное, неподвижное и без тройственности Единое элеатов не содержало зацепки к его постижению. Элеаты не предложили метода постижения непрерывного Единого, что «вызвало громкий, прокатившийся по всей Греции, хохот» (Гомперц Т. Греческие мыслители. – СПб. – 1911. – Т. 1. – С. 16). Как отмечает Иван Захарович Цехмистро [род. 1937-2017], «метод постижения парменидовского Единого не был найден и присущее древним живое и целостное восприятие мира по необходимости должно было уступить детальному аналитическому исследованию отдельных объектов» (Цехмистро И. З. Диалектика множественного и единого. – М. – 1972. – 276 с.).

Учение о Едином проходит через все оттенки мифологии. Вспомним древнеиндийского мифологического Пурушу. Из Пуруши возникло всё, в том числе и «я», символизирующее первочеловека, образ перехода от единой целостности к множественной недискретной расчленённости. Пуруша – тот, кто нейтрализует противопоставление «быть единым» – «быть многим» (Топоров В. Н. Пуруша. – В кн.: Мифы народов мира. – М. – 1982. – С. 351).

Как видим, фундаментальнейшим вопросом в учении о Едином есть объяснение происхождения из него непрерывного многообразного бытия. Я уже сказал, что ответа на этот вопрос элеаты не дали. Они не увидели в природе Единого присутствия тройственности, которая, как раз, и составляет ключ к разгадке развития Единого, становления из него вещественного разнообразия мира. Смелую попытку объяснить механизм разнообразия мира предпринял Гераклит Эфесский [ок. 544 до н. э. - 483 до н. э.]. Он взял за основу абсолютное Единое элеатов в его непрерывном, вечно живом движении, однако наделил его не тройственностью, а двойственностью, и причину никогда не прерывающегося процесса творения усмотрел в некой «борьбе двух внутренних мировых противоположностей». Раздваиваясь, полагал Гераклит, Единое перерождается в многообразие, не имеющее самостоятельности (дискретного статуса).

О Многом. Если говорить о Многом, то наиболее рельефно концепция мира как дискретного Многого представлена воззрениями Демокрита и Агарья Канады [род. ок. 600 до н. э.]. Эти мыслители утверждали, что подлинно существует только Многое, состоящее из дискретных частиц (атомов), а Единое есть нечто пустое. Пиама Павловна Гайденко [род. 1934] указывает, что атомисты античности разработали механистический метод постижения бытия (метод «собирания целого из частей») (Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. – М. – 1080. – 567 с.). Отмечается, что: «Демокрит не видел, что роль чувств в происхождении знаний (источник) и в уже готовом, сформировавшемся знании, глубоко различная. Отсюда вытекает противоречивость его утверждений. Начав с защиты (против элеатов) реальности предмета чувственного восприятия, он построил на этом теорию атомов, в силу же логики последней оказался вынужденным поставить под сомнение реальность чувственного восприятия» (Макаров М. Г. Развитие понятий и предмета философии в истории её учений. – Л. – 1882. – С. 35). Атомизмом в упрощённой формулировке можно назвать взгляд, согласно которому все материальные вещи составлены из элементарных объектов, атомов. В конечной своей формуле атомистика преподносит бытие как Многое, состоящее из дискретных элементов. Главным в атомизме является идея элементарности и дискретности. Традиционное понимание атомистики определяло её как учение о дискретном, прерывном строении материи. Классический атомизм рассматривал дискретность

единственно реальным и объективным (вне головы) фактом. Термин «атомизм» иногда употребляется как синоним дискретности вообще.

Дискретное Многое – реальность иллюзорная, объективированная. «Разрыв» непрерывного на «дискретное» совершается объективизатором бытия – субъектом на базе чувственного восприятия реальности. Субъект «разрывает» триполярность (пол) вещества на иллюзорно-дискретную тройственность. *Первыми тремя «дискретными атомами» («первоатомами-объектами») выступают индивиды в образе мужчины, женщины и андрогина* (тройственность в качестве пола просматривается в даосизме, тантризме, санхье, пифагореизме). «Разрыв» тройственности наглядно иллюстрирует возникновение мифологического атомизма: до-ведийское трехосновное Верховное Божество по имени Дьянус-Азура-Питар претерпевает дробление на три «дискретных» самостоятельных облика; триединство трехглазого Зевса «растаскивается» на триаду дискретных богов – Зевс-Посейдон-Плутон; такая же ситуация с триадой – Юпитер-Юнона-Минерва, бывшей ранее единым богом. Нечто подобное находим и в объяснении происхождения «атомов» Канады.

Представления об «атомах» возникали неоднократно, причём независимо у разных народов (индусов, китайцев, греков и др.). Для науки вопрос – каково происхождение дискретных начал мироздания? – был и остаётся большой загадкой и до ныне. Она ещё не осознала, что «атомы» – продукт мнимого «разрыва» субъектом онтологической троичности – материи.

Атомистика способствовала становлению механистического миропонимания, базирующегося на признании составимости материи из дискретных частиц, хотя онтологически множественный аспект бытия не имеет реального статуса и понятие «отдельного элемента» и «множества элементов» носит идеализированный характер. «Атом» оказался «очень полезной фикцией», вспомогательным средством для представления явления. Атомистическая модель мира является наиболее утвердившейся в познании. В рамках атомизма, «начиная от натурфилософских построений древности, через атомизм классической науки, включая современные формы атомизма, происходило обоснование наиболее общих представлений об устройстве мира» (Абрамова Н. Т. Мировоззренческие аспекты редукционизма. – В кн.: Мировоззрение и естественно-научное познание. – К. – 1983. – С. 108-109). Ныне ато-

мизм используется в форме методологии системного подхода, а это означает, что процесс теоретического познания в рамках научной (объективационистической) логики претерпел переход от предметоцентризма к системоцентризму.

Надо сказать, что критиков и противников атомистики было всегда достаточно и спор о ней длится уже больше двух тысячелетий. «Начиная от единого непротиворечивого мыслимого бытия Парменида, концепция атомистов постоянно подвергалась нападкам. Кант, который решал с помощью понятия непрерывности второе противоречие чистого разума, не был одинок» (Резеберг У. Философский атомизм и современная физика высоких энергий. – В кн.: Методологические и философские проблемы физики. – Новосибирск. – 1982. – С. 178-179). Платон относил атомизм Демокрита в разряд заблуждений и призывал собрать все сочинения Демокрита и сжечь. Гегель превозносил непрерывность и называл атомизм «принципом величайшей внешности». Мир Многого Гегель назвал «дурной бесконечностью», к нему может прийти только эмпиризм, исходящий из отдельно взятых частей и элементов. Атомистический материализм Гегель определил «мнимым», «ничтожным», выведенным на основе чувственности. Конкретно-эмпирическое он именовал «дискретностью», вводящей в заблуждение ум, оно лишено подлинного существования. Для Гегеля истиною есть Целое без частей, на роль которого он предложил Абсолютную Идею. Великий Артур Шопенгауэр [1788-1860] квалифицировал атомистическую теорию как «возмутительную нелепость». Высказывалось мнение, что, хотя атомистика практически и удобная теория, всё же она олицетворяет механический материализм и место атомной гипотезы «в пыли библиотек». Яростно против атомистической концепции (особенно социального атомизма) выступил Владимир Сергеевич Соловьёв [1853-1900]: «Отдельный личный интерес, случайный факт, мелкая подробность – атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве, – вот последнее слово западной цивилизации. Она выработала частные формы и внешний материал жизни, но внутреннего содержания самой жизни не дала человечеству; обособив отдельные элементы, она довела их до крайней степени отдельности; но без внутреннего органического единства они лишены живого духа, и всё это богатство является мёртвым капиталом» (Соловьёв В. С. Собрание сочинений. Философские начала цельного знания. – СПб. – 1896. – Т. 1. – С. 222-223).

Идеалом целостной жизни Владимир Соловьёв считал божественное Триединство в «человеке».

Ещё раз подчеркну: коллизия непрерывного Единого и дискретного Многого является ложной конструкцией в истории мысли, хотя и оказалась в центре внимания всех значимых мировоззрений, включая философское, религиозное и научное познание. «Вся история философии является иллюстрацией тысячелетней борьбы антиномий Единого и Многого» (Baumgarten A. Bemerkungen zur Erkenntnistheorie des dialektischen und historischen Materialismus. – Berlin. – 1957). «В кругу проблемы Единого и дискретного Многого вращалась мысль всех крупнейших рационалистов от Платона до Гегеля» (Киссель М. А. Судьба старой дилеммы. – М. – 1974. – С. 30). Философы то и делали, что решали, как из непрерывного Единого возникает дискретное Многое. Переход Единого в Многое и, наоборот, был терзаемым особенно для греческих мыслителей. «Тема перехода от Множественного к Единому и от Единого к Множественному была основной для греческой философии... Философия хотела возвыситься над обманчивым чувственным миром, проникнуть за этим множественным и изменчивым миром к Единому» (Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. – Париж. – 1947. – С. 87). «Человеческая мысль настойчиво пыталась понять единство Многого и Единого. Убедительное доказательство этому – труды Платона и Аристотеля. Трудность понимания и научного объяснения единства Многого и Единого явилась одной из гносеологических причин идеализма. Число пифагорейцев, идея Платона, энтелехия Аристотеля, в новейшее время холизм Я. Х. Смэтса и т. д. свидетельствуют о якобы фактическом бессилии человеческого разума найти естественное объяснение этому феномену» (Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. – М. – 1976. – С. 100).

Проблема непрерывного Единого и дискретного Многого в контексте её «решения» посмеялась и над такими выдающимися мыслителями, как Эмпедокл [ок. 490 - ок. 430 до н. э.], Плотин [ок. 204/205 - 269/270], Прокл Диадох [412-485], Якоб Бёме [1575-1624], Спиноза, Шеллинг. Якоб Бёме даже умудрился предложить идею тройственного ритма, наличия в Боге двух начал (утверждающего и отрицающего). Самораскрытие Троицы в Природу он видел в некой «диалектике борьбы противоположностей», в «борьбе противоположных начал». Решение вопроса – как Единое становится дискретным Многим – терзало и мыслителей древней Индии.

Коллизия Единого-Многого (Необъективированного и Объективированного) определила трагизм судьбы философии. В онтологии бытия прерывного (дискретного) не существует и существовать не может. Говоря о наивности попыток вывести из непрерывного Единого дискретное Многое, Харальд Геффдинг [1843-1931] справедливо отмечает: «Попытки вывести Множественность из Единого не удались, поскольку немислимо логически вывести множественность из единства, ибо в этом случае заключение содержало бы в себе то, чего нет в посылах» (Геффдинг Х. Философия религии. – СПб. – 1912. – С. 65).

Надо возвыситься над обманчивым чувственно-дискретным миром, преодолеть иллюзию объективизации бытия. Признание объективированного Многого основанием бытия – ошибка незрелого разума Человека. Существует лишь тройственное Единое в его первичном онтологическом статусе (в состоянии Субстанции) и в статусе вторичном (в состоянии вещества).

Сегодня, с появлением Тригнозиса, начинается величайшая мировоззренческая революция, связанная с изменением наших представлений о сущности бытия (см. Харченко П. А. Необъективированный Человек. – К. – 2014. – 312 с.).

Возникнут далеко идущие взгляды на сущность жизни, произойдёт отказ от сложившихся стереотипов, ограничивающих горизонт мышления. Уже сегодня появляются яркие и неожиданные идеи. Казалось бы, что общего между взаимопревращаемостью «элементарных частиц» и инверсионностью пола? И тем не менее, то и другое указывает на неоправданность поиска конечных элементов материи, универсальных единиц объяснения. Надо покончить с абсолютизацией атомистики. В названных явлениях взаимопревращаемости кроется её «конец». Атомистика рождена субъектом как следствие «разрыва» триполярности вещества, объективации индивидов-полярностей Необъективированного Человека. Вызывает сожаление тот факт, что разум в течение многих тысячелетий оставался объективированным, вышколенным в лоне формально-логического мышления, пребывал в плену онтологического и гносеологического элементаризма, был озабочен поиском элементарного объекта, двигаясь не в направлении осмысления непрерывности бытия, а в направлении изучения его иллюзорной дискретности. Поиск элементарных объектов и конструирование с их помощью явлений действительности сформировало объективационистический тип

мышления рациональной философии и науки (включительно с биологией). На стадии своего становления биология оказалась обманутой, восприняла философское понимание носителя жизни, в качестве которого был назван «дискретный индивид». В дальнейшем, продвигаясь к различным объединениям индивидов, она пришла к таким множествам «дискретных индивидов», как вид, популяция, ценоз, биосфера в целом. Субъект постоянно углублял гносеологическую объективацию бытия, и как плод его работы имеем атомистическую концепцию «жизни» и «человека» с его телесностью в образе онтологически несуществующего дискретного индивида.

2. Объективизация Человека

Никто из серьёзных мыслителей не станет отрицать, что так называемый «внешний мир» есть объективированное бытие. И тем не менее, философия не избавилась от цепей объективации, не осуществила прорыва к необъективированному («трансцендентальному», «потустороннему») бытию.

Объективация (опредмечивание, превращение в объект) бывает гносеологическая и *онтологическая*. Онтологической объективацией можно назвать процесс порождения Субстанцией вещества.

Объективированное бытие Николай Бердяев удачно называл «падшим», «овнешневлённым». Бердяев писал: «Объективированное бытие не есть уже истинное бытие, оно препарированное субъектом для целей познания»; «Человек познаёт как извне данную ему реальность то, что порождено им самим, поработённостью субъекта»; «Объективированный мир, который называют «объективным», есть мир распада и отчуждения и вместе с тем мир принудительно объединённый, скованный и детерминированный, мир социализированный, мир общего»; «Нужно окончательно отказаться от применения к истине прилагательного «объективная» (сам же Бердяев ошибочно считал истиной «целостность в субъекте» – прим. П. Х.).

«Падшим» (объективированным) является и «человек»-дискретный индивид. При объективации имеет место проекция «я», отчуждённого вовне; замыкание объекта в себе, его самоизоляция; «я», которое предстаёт как дискретный индивид, есть отчуждённым. Такого индивида онтологически не существует.

Деобъективация Человека покончит с так называемым «трансцендентальным», неустанно порождающим различных кантов, хайдеггеров, ясперсов, сартров...

Одной из центральных проблем философии является так называемая проблема тождества субъективного и объективного («тождества бытия и мышления»). Но это тоже ложная проблема и возникает она при восприятии философами уже объективированного бытия. «Решение» этой проблемы имеет длинную и «приключенческую» историю, приведшую к порождению многих абсурдных философских воззрений, в числе которых – «субъективный идеализм», «объективный идеализм», «диалектический материализм», «экзистенциализм» и ряд других умоблудных представлений.

Объективация лежит в основе всего современного взгляда на мир. Она определила основную черту традиционного мира – дихотомию пола и механический принцип извечной борьбы двух дискретных противоположностей. Эта дихотомия (изначальная ложь) стала источником зла, детерминатором всех страданий человечества.

Конечно, тяжело осознавать, что разум Человека пребывает в плену иллюзорного разрыва пола, распада мира на объект и субъект. Но это так. Объективированное человечество находится у последней черты. Оно олицетворяет «людей-индивидов» с их низостью, лживостью, тщеславием, эгоизмом..., порождёнными объективацией.

Когда философы рассуждают о человечестве как совокупности дискретных индивидов, мне припоминаются слова Рискова – героя книги Михаила Петровича Арцыбашева [1878-1927] «У последней черты»: «Купцы, мужики, мещане. Все в отдельности – дрянь! А вместе – человечество. Чтоб вы передохли все, сволочи». И «передохнут!» Человек непременно сбросит с себя клеймо объективации – «человека»-дискретного индивида.

3. Внешность «внешнего мира»

Главным «творческим произведением» субъекта, надо полагать, явился «внешний мир», составивший своей «реальностью» мучительную проблему для таких мыслителей, как Августин Блаженный [354-430], Рихард Авенариус [1843-1896], Джордж Беркли [1685-1753], Карл Роберт Эдуард фон Гартман [1842-1906], Гегель, Декарт,

Кант, Эрнст Мах [1838-1916], Парменид, Платон, Спиноза, Шанкара [ок. 788 - ок. 820], Шопенгауэр, Дэвид Юм [1711-1776] и др.

Реальным ли является «внешний мир» в дискретном проявлении? Сомнение в существовании дискретного «внешнего мира» высказывали мадхьямики, элейцы, мегарцы, элидо-эритрейская школа философов. Как констатирует Александр Иванович Введенский [1856-1925], «из философов одни совершенно отрицают существование внешнего мира, а другие, хотя и признают его существование, но признают его не таким, каким он представляется нашим чувствам» (Введенский А. Реальность внешнего мира. – Вера и разум. – 1901. – № 1, 4, 7, 11, 12). Введенский отмечает, что наши чувственные представления обманчивы. То, что мы называем вещами, вовсе не вещи внешнего мира, а наши ощущения, или вещи, но не внешние, а внутренние.

Вся загадка существования «дискретного внешнего мира» заключается в объективационистической деятельности субъекта, в объективации вещественной телесности Необъективированного Человека.

Объективация (от лат. *objectivus* – предметный; *objectum* – предмет) выражает процесс опредмечивания, прерывание непрерывного, разделение на субъект и объект. Низвержитель всякого объектового порядка, «воевавший против объективации как таковой», Н. Бердяев говорит: «Я называю объективацией трансформацию в объект, то, что Маркс назвал отчуждением человеческой природы в капиталистической экономике. При объективации имеет место проекция «я», отчуждённого во вне, замыкание объекта в себе, его самоизоляция. «Я», которое предстаёт как индивид, является падшим, отчуждённым. Такое «я», пытаясь выйти из изоляции, создаёт фиктивное подобие единства – внешнее единство в форме механического соединения индивидов. Объективированное не есть настоящим. Объективация всегда разрыв и раздвоение, то, что Гегель называет «несчастливым сознанием».

Ниже будет обосновано, что первый голос субъекта, возникшего на базе чувственности, был обращён к индивиду противоположной полярности: «я» – это не «ты», что явилось началом образования иллюзии существования «дискретного внешнего мира». Субъект (объективированное «эго») творит иллюзию «разрыва» пола, «разрывает», овнешняет, отчуждает и противопоставляет то, что всегда составляет неразрывное единство.

Чувственность явилась и первичным «средством» гносеологической объективации субъектом бытия, «превращения» его в дискрет-

но-множественную реальность, одна часть которой предстала «внешним миром», а другая – объективированным «человеком» в образе дискретного индивида.

Проблема внешности «внешнего мира» – одна из центральных в философии. Её различное решение находим у Парменида, Демокрита, Платона, Авенариуса, Маха, Гегеля, Шопенгауэра... Уже в древнейшем ведантийском сочинении «Брахма – Сутра» намечается спор буддистов по вопросу реальности внешнего мира. Сомнения в реальности «внешнего мира», как дискретной реальности, высказывали Шанкара, Декарт, Августин, Спиноза, Беркли, Юм и др. мыслители. Кант отрицал существование «внешнего мира» как познаваемого в своей сущности. По Канту, дискретные вещи не только не имеют абсолютного существования, но всецело зависят от форм нашего ума. В Предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он пишет: «Остаётся вечным скандалом для философии и человеческого разума то, что мы должны просто принимать на веру существование вещей вне нас и если кому-нибудь придет в голову это отрицать, мы не можем выставить в противовес ни одного приемлемого доказательства». Много аргументов против реальности чувственно-дискретных вещей и внешности «внешнего мира» выставил Беркли.

Согласно Густаву Тейхмюллеру [1832-1888], происхождение «внешнего мира» есть происхождение множественности сущностей (Тейхмюллер Г. Действительный и кажущийся мир. – Казань. – 1913. – 389 с.). Он, как и Спиноза, множественность и самостоятельность отдельных вещей считал обманом и заблуждением.

«Внешний мир» нельзя мыслить как нечто внешнее, дискретно-множественное по отношению к Необъективированному Человеку. Он, в его непрерывности, олицетворяет вещественную телесность Человека. Непринятие современным Человеком «внешнего мира» в качестве своей телесности порождает экологические проблемы, с которыми всё труднее и труднее приходится справляться цивилизации.

4. Объективизация вечности

Существует истинная вечность, олицетворённая субстанциональным уровнем телесности Необъективированного Человека. В истинной вечности нет временной последовательности. Временная после-

довательность свойственна сотворённому Субстанцией веществу. И проявляется она, когда вещество образуется и исчезает. В результате его объективации возникает историческое (субъектовое) время, наделённое последовательностью, механическим движением и дискретностью.

Николай Бердяев назвал историческое время «неподлинным, падшим, конечным, преступным» временем человеческой истории. Преодоление объективации означает преодоление времени, отчуждённости и вражды. Бердяев указывает: «Не будет объективированного времени этого мира». При этом полагал, что «падшее время и смерть порождает пол» (Бердяев Н. А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики).

Словом, Необъективированный Человек, будучи пленённым субъектовой логикой самоосознанности, возникшей на почве иллюзии «разрыва пола», впал в самообман, связал свою судьбу исключительно с историческим («преступным») временем.

Несколько слов относительно вечности – истинного времени Субстанции. Субстанция пребывает в самой себе. Она «конечная» в трёх ипостасях и бесконечная в их неустранимом взаимопревращении, в котором бесконечно приходит к самой себе, порождая вещество. Августин Блаженный говорит: «Святая Троица, не характеризующаяся пространством и временем, но движет своими творениями во времени и пространстве».

Согласно неоплатоников, время началось «с первого возмущения» – распада Единого на прерывное Множественное.

В онтологической связи вневременной (вечной) Субстанции («Бога») и вещества коренятся все нюансы проблематики времени. Это понимают богословы. Они осознают, что «между Богом и миром имеется что-то неладное в отношении времени» (см.: П. Сержантов. Исихастская антропология о временном и вечном. – М. – 2010. – 320 с.).

Представление о высшей реальности, как о вневременной, характерно для Парменида, Платона, Максима Исповедника [ок. 580 - 662], Августина Блаженного и многих других мыслителей. Максим Исповедник, к примеру, писал, что пришествие в духе Христа, «который ни есть мужской пол, ни женский... положит конец существованию нынешнего чувственного мира... Всякое движение прекратится... и будет конец времени». Думаю, деобъективация бытия на фоне самоосознан-

ности Человеком себя необъективированной реальностью поставит в проблеме познания времени окончательную точку.

5. Сознание или Откровение?

Категориальный аппарат традиционной философии покоится на объективированных смыслах, препятствующих подлинному видению действительности. Открытие Необъективированного Человека (о нём ниже) засвидетельствовало, что проблема сознания и субъективности поставлена в философии неправильно.

В материалистической объективационистической философии сознание привязано к субъекту, к несуществующему онтологически «человеку» – дискретному индивиду. Субъект олицетворяет объективированную полярность триполярного **Одного**, иллюзорное «я» **дискретного** индивида, который сам по себе как дискретность в онтологическом отношении является фикцией. Следовательно, **никакого сознания субъекта не существует и существовать не может**. Субъект вторичен и о нём можно говорить только в гносеологическом контексте как о некоем рабочем функционально-вспомогательном «устройстве» процесса объективированного модуса осознанности себя Необъективированным Человеком.

Экзистенциализм рассматривает проблему «человека» сквозь призму «бытия человеческой субъективности и сознания». При этом само «сознание» истолковывается по-разному. Наиболее распространённым стало рассмотрение экзистенциалистами «сознания» как специфического вида бытия, как «вещи в себе», не сводимой к статусу объекта. Сознание, считают они, невозможно выразить в субъект-объектной форме. Оно – вид «свободного», непосредственно слитого с «жизненной реальностью», бытия, никем и ничем не предзаданного и не предопределённого. Согласно экзистенциалистическому течению «философии жизни», «сознание» является способом проникновения в суть объективированного мира. Экзистенциалист Гуссерль, например, вычленил дорефлексивный уровень «сознания» и считал его первичной «чистой» основой («абсолютной реальностью»), из которой творятся и рождаются исходные смыслы всех форм действительности. Он пытался через редукцию субъекта (психофизического и социально-культурного «я») получить «чистое сознание» в образе онтологического (трансценден-

тального) «Я». Но уже экзистенциалист Сартр отстаивал существование только рефлексивного «я» и считал, что «чистое сознание» – реальность без «Я». Он не признавал трансцендентального «Я» Гуссерля как особо организованной субъективности («чистое сознание», согласно Гуссерлю, является иррефлексивным, необъективированным, оно не может быть предметом познания). В экзистенциализме имеются и другие трактовки «сознания» и «субъективности», вплоть до признания «мира без сознания». Но в общем можно сказать, что экзистенциалисты не разобрались ни в «бытии субъекта», ни в «бытии сознания», ни в «онтологии сознания и субъективности».

Как было сказано выше, в традиционной философии представления о «сознании» преимущественно привязываются к субъект-объектной дихотомии. Николай Бердяев полагал, что возникновение «сознания» связано с утерей «человеком» цельности, раздвоением его на субъект и объект. «Сознание, – писал он, – есть единство «я» и различие его от «не-я». Но, как раз «единство «я» и различие его от «не-я» указывает на *самоосознанность себя Человеком*, а не на наличие некоего «сознания», вращающегося вокруг фикции – онтологически не существующего дискретно индивида. Поскольку истинная сущность Человека определяется его необъективированным статусом, то, естественно, что и проблематику таких понятий, как «сознание», «я», «субъект», «субъективность», «объективность», надо пересмотреть с учётом природы Необъективированного Человека.

Из-за незнания истинной сущности Человека как *необъективированной* реальности, философы погрузили в болоте мнимых проблем. Накопились целые горы абсурдологических вымыслов, среди которых, к примеру, в так называемой постчеловеческой персоналогии, рассуждение о «посттелесном «Я». Непросвещённый истинным знанием о сущности Человека философский разум оперирует понятием «сознание субъекта», не разобравшись, что такое, на самом деле, субъект и может ли он обладать неким «сознанием». Традиционно под субъектом подразумевается дискретный индивид, воспринимающий себя как «я», кому принадлежат мысли, «сознание», желания, переживания. «Я» гарантирует индивиду самоидентичность, оно управляет его телом, обеспечивает принятие индивидуальных решений и т. п. Кажется, всё логично. Но проследим жизненный путь инстанции «я-субъект» в философии. Можно полагать, он начался с платонового «я» в качестве

индивидуальной души «человека-индивида», далее, через декартовое «*cogito ergo sum*», преобразовался в Трансцендентального субъекта Канта,... потом означился как «файловое «я». Сегодня идут разговоры об исчезновении вообще «я» (вспомним «эпистемологию без познающего субъекта» постмодернизма). Заговорили философы и о «ничейном сознании» (не принадлежащем «человеку»-индивиду), о «посттелесности» (неклассическая гносеологии). Как видим, жизненный путь «я-субъекта» оказался в философии на грани внебытийного и внетелесного статуса, а сам «человек»-дискретный индивид» возвращается в некую «первоначальную пустоту» (утверждение субъектоцентриста Юрия Михайловича Фёдорова [1936-2001]). Как говорится, приехали, «начиналось за здоровье, а кончилось за упокой». И это хорошо. Истина о субъекте заключается в том, что за этим иллюзорным феноменом стоит реальная необъективированная полярность пола (триполярного Одного) вещественной телесности Необъективированного Человека.

Словом, *никакой реально существующей отдельно материальной реальности, именуемой «сознанием», не существует, как не существует в таком статусе и самого «субъекта»*. Под «сознанием» Человека кроется его *информационное самораскрытие (Откровение)*, оператором которого выступает субстанциональная эгосистема ТриЭго, к которой позже присоединяются вещественное Триэго и субъект с его техническими и другими средствами объективизации (мозг, язык, формальная логика и пр.).

Сознания, повторяю, как самостоятельной материальной реальности, не существует, как не существует и некоего «универсального разума», «исходной субъективности», «трансцендентального субъекта». Кант осознал, что субъект-объектное познание не ведёт к Истине. Он покладался на существование некоего «трансцендентального субъекта» и «трансцендентальной логики», носящих, по его мнению, априорный и всеобщий характер. Но он не догадывался, что за этими «трансцендентализмами» стоит атрибутивная информационная троичность телесности Необъективированного Человека.

Ни классическая гносеология из её критицизмом, субъектоцентризмом и наукоцентризмом, ни гносеология неклассическая из её посткритицизмом и отказом от фундаментализма, субъектоцентризма и наукоцентризма не решили главную эпистемологическую проблему – проблему познания Истины как Необъективированного Человека. Пар-

менид был близок к правде, что философское знание может быть лишь как самопознание и самообоснование человеческого разума. По Пармениду, мышление и бытие совпадают, поэтому «мышление и бытие – одно и то же» («одно и то же мысль о предмете и предмет мысли»). Но Парменид недоосмыслил важного момента. Совпадение мышления и бытия может касаться только необъективированного мышления (откровения) и такого же необъективированного бытия. Истинным бытием является не система вещей, а Необъективированный Человек, истинным мышлением – «мышление из Человека и через Человека». Истинное содержание мысли не зависит от субъективных актов мышления, разворачивающихся вокруг объективированного бытия. Учение Парменида о «пересечении» бытия и мышления разработано применительно к объективированному бытию, находящемуся в потоке чувственных ощущений. Парменидово понимание совпадения бытия и мышления следует назвать «тождественностью с различием», но ни в коем случае не «тождественностью истинного знания и бытия». Ещё глубже застрял в объективации Гераклит, который *совпадение* бытия и мышления видел в функции слова. Можно сказать, что объективация явилась ловушкой для всей европейской философии, включая Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля, Хайдеггера. И не важно, касается ли это «совпадение мышления с бытием» неподвижного или подвижного объективированного бытия. Трясина объективированного бытия оказалась для философии роковой. Николай Бердяев понимал, что «целостная, нечастичная Истина есть откровение высшего, то есть необъективированного мира», и покоится она на «трансцендентальном человеке». Вот только этот «трансцендентальный человек» не дооткрылся Бердяеву до Человека Необъективированного, который в своей троичной природе телесности содержит открытую мной «трансцендентальную логику», имя которой – *Тригнозис*.

РАЗДЕЛ II

Самый великий мировоззренческий вопрос – «Что есть Человек?»

«Человек», телесность которого ограничена пределами дискретного индивида, является фикцией, продуктом объективационистического модуса осознанности Необъективированным Человеком своей сущности.

Петро Харченко

1. В западне-гробу «живого трупа» (объективированного человека)

1.1. Объективированный «человек»-индивид Гегеля

Печать идеализма на проблеме Человека поставил платонизм. Довершил этот идеализм Гегель. В интерпретации границ телесности Человека Гегель остановился на объективированном (дискретном) индивиде. В «Энциклопедии философских наук» читаем: «Человек как индивид относится к самому себе. У него две стороны: единичность и всеобщая сущность. Человек должен согласовать своё отдельное существо со своей всеобщей природой – образовать себя».

Каким же образом «человек»-индивид («единичное») должен «образовать себя» и приобрести «всеобщность»? «Всеобщность» индивида означает наполненность его духовными феноменами (социально-историческими, культурными, религиозными и т. п.) в процессе «диалектического развития Абсолютной Идеи». «Человек... есть дух» (Гегель Г. В. Ф. *Философия религии*. – М. – 1975. – Т. 2. – С. 231). Не трудно догадаться, что эта наполненность представлена *объективированным духовным хламом*, из которого состоит и телесность диалектической триады («субъективное-объективное-абсолютное») при самопознании Идеи.

По Гегелю, «человек»-индивид есть необходимый *modus essendi* Идеи, вышедшей из Природы, но не осуществившей ещё свою абсолютную свободу. Он начинается в «бездне конкретно-эмпирического отпадения». Но когда Идея приобретает свободу и достигает самоосознанности, самопознания в Логике-конца, *Природа и «человек»-индивид отпадают, исчезают, им приходит конец*.

Объективная идеалистическая диалектика Гегеля (надо называть не «объективная», а «объективированная») с её диалектической триадой не годится на роль методологии необъективированного познания бытия. Она не решает тринитарно вопроса тождества единичного и всеобщего, единого и троичного.

1.2. Общественный «человек»-дискретный индивид Маркса

На крючок «объективной диалектики» Гегеля попался К. Маркс, пытаясь преодолеть её идеализм. В итоге появился ещё один абсурд – «диалектический материализм» («диалектика вещей») и «общественный человек как историческое образование».

Узловыми категориями марксизма являются «субъект» и «объект». «Человеком» марксизм называет дискретного индивида, «утверждающего себя в предметной деятельности». Речь идёт об объективированном «человеке», задействованном в производственных отношениях. Круг социальной объективации «человека»-индивида в марксизме замыкается его опредмечиванием, решающей формой которого выступает материальное производство и распределение потребления материальных благ, включительно с предметами культуры. «Сущность человека, – пишет К. Маркс, – не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 3).

В методологическом отношении марксистская концепция «человека» опирается на так называемую «диалектику вещей» и механистический (вещественный) материализм в экономике и естествознании.

Марксистская «диалектика вещей», как я уже сказал, возникла на базе немецкой классической философии. В юности Маркс и Энгельс интересовались гегельянством. Гегелевскую идею развития нематериального духа они применили к **объективированной вещественной реальности** («внешний мир», «человек»-дискретный индивид, «мир искусственных предметов» и т. п.). Это основательная ошибка данных мыслителей, несомненно, весьма одарённых. Ведь объективированное уже само по себе мёртвое и развиваться не может. Вещественная реальность не развивается, а только изменяется (эволюционирует), будучи

сама по себе продуктом развития базового (субстанционального) уровня материи. Объективированный «человек», о благе которого позаботился марксизм, как выясняется, не имеет онтологической реальности, он фикция. Онтологически реальным индивид предстаёт лишь как полярность триполярного Одного, которое выражает вещественную телесность Необъективированного Человека.

Карл Маркс называет труд главным фактором перехода от человекообразной обезьяны к социальному «человеку», а первой предпосылкой человеческой истории считает существование дискретных человеческих индивидов. В процессе общественно-исторической практики индивиды «очеловечивают» часть Природы, «добавляя» её таким способом к своей телесности. Отношение к продукту труда и отношение труда к акту производства в самом процессе труда характеризуют марксистскую «диалектику опредмечивания и распредмечивания» «человека»-индивида.

Исследуя капитализм, Маркс обстоятельно и справедливо продемонстрировал его жестокость, преступность и аморальность. Но этого, к сожалению, не увидел по отношению к коммунизму.

Капиталистическая и коммунистическая социологии вращаются вокруг объективированного индивида. Капитализм – предельный индивидоцентризм, а коммунизм – граничный коллективизм, в котором личность исчезает в домогательствах социального коллектива. Капитализм и коммунизм не совместимы с заповедью Христа «возлюби ближнего как самого себя», поскольку онтологически такого «ближнего», как дискретный индивид, не существует.

И капитализм, и коммунизм – *неонтологизированные формы общества, и по этой причине их крах исторически неизбежен.*

Карл Маркс выступил в защиту прав призрака – «человека»-фикции – дискретного индивида как общественного единичного, механически связанного с общим (обществом). Дискретный индивид как онтологически фиктивная инстанция и не может обеспечить внутреннего единства Я, Ты, Мы.

Марксистская идея социального преобразования общественных отношений привлекательна, но, с точки зрения способа доказательства, неверная. Она объективационистическая и ориентируется на абсурдную сущность Человека.

1.3. Недочеловек биообъективизма

«...Уже часть и целое – это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе... Части лишь у трупа...».

Фридрих Энгельс

В недрах философии зарождались и определенное время эволюционировали основные естественные науки. Закономерно, что и смысловое значение многих понятий философии перешло в научные дисциплины. К примеру, философское понятие «дискретная единица» и биологическое – «дискретный индивид» гносеологически одностатусные. Дискретность признана одним из фундаментальных принципов в биологии.

Историю биологии вообще можно рассматривать как чередование разных форм биологического атомизма. Индивид, популяция, вид, биоценоз, клетка, ген... – дискретные объекты биологии. «В широком смысле как протон является «атомом» ядра, так и клетка есть «атом» живого организма, а живой организм – «атом» биогеоценоза, как и человек – «атом» человеческого общества» (Степанов Н. И. Концепция элементарности в научном познании. – М. – 1976. – С. 46).

Что же подразумевает под «индивидом» биология? Вот несколько разъяснений: «Индивид или особь – это отдельный организм, такой, каким мы его видим и осязаем» (Комаров В. Л. Учение о виде у растений. – М. – Л. – 1944. – С. 105); «Под индивидом следует понимать самостоятельно функционирующую биологическую единицу» (Рыжков В. Л. Место индивида среди биологических систем. – В кн.: Развитие концепции структурных уровней в биологии. – М. – 1972. – С. 247); «Индивид – это неделимая, отдельная особь» (Сукачев В. Н. Опыт экспериментального изучения межбиологической борьбы за существование у растений. – Труды Петергофского биологического института. – 1935. – Вып. 15. – С. 72).

Предшественник эволюционного учения Жан-Батист-Пьер-Антуан Ламарк [1744-1829] под предметом биологии понимал изучение «отдельного организма» как геоцентрической дискретной единицы жизни. Целостность живого мира Ламарк интерпретировал через физиологический акт рождения в ряду потомков, где в качестве цепи, связывающей воедино весь органический мир, выступает «отдельный индивид».

Организмоцентризм характеризует и учение Ч. Дарвина. Дарвинский вид есть совокупностью ламарковых «отдельных индивидов», объединённых по сходству и родственности. «Дарвин был представителем классической или организменной биологии, в которой в качестве носителя жизни выступал организм» (Хайлов К. М. Эволюционная теория. – В кн.: Философская энциклопедия. – М. – 1970. – Т. 5. – С. 532).

Пребывая в плену объективации, обусловившей искусственное разделение субъектом единого бытия на «живое» и «неживое», Дарвин придерживался вымысла происхождения «человека»-индивида от объективированной обезьяны. Он как учёный был недостаточно «сумасшедшим», чтобы осознать дискретность индивида онтологически не существующей.

Кризис организмоцентризма привёл к становлению в биологии системоцентрических представлений. Необходимость отхода от аспекта дискретного организма стала очевидной уже с появлением теории Ч. Дарвина. Говоря о последовательности появления системных представлений в биологии, Кирилл Михайлович Хайлов [1929-2014] отмечает, что вначале органический мир казался состоящим лишь из организмов, затем из организмов и видов, позже к этим двум системам добавились биоценоз, биогеоценоз (экосистема) и биосфера (Хайлов К. М. Эволюционная теория. – В кн.: Философская энциклопедия. – М. – 1970. – Т. 5. – С. 531-532). Концепция экосистемы, полагал Кирилл Хайлов, знаменует отказ не только от организмоцентризма и видоцентризма, но и от биоцентризма.

Можно полагать, что в становлении системной биологии важную роль сыграли взгляды Карла Линнея [1707-1778], теория Ч. Дарвина, популяционная генетика, учение о биосфере Владимира Ивановича Вернадского [1863-1945], теория биогеоценоза Владимира Николаевича Сукачёва [1880-1967], общая теория систем Людвиг фон Бергаланфи [1901-1972]. Однако для системоцентризма (как и для организмоцентризма) характерно объективационистическое видение носителя жизни, базированное на идеях атомизма и дискретности. Если во времена Жорж Леопольда Кювье [1769-1832] дискретный индивид рассматривался как носитель жизни и понятия «жизнь» и «индивид» считались синонимами, то системная биология рассматривает индивид как подсистему единой иерархической системы – биосферы.

Считается, что прорывом в преодолении био- и геоцентризма в понимании сущности жизни явилось учение В. И. Вернадского о биосфере. Оно отвергло концепцию дискретного организма как носителя жизни. В. И. Вернадский полагал, что физические предпосылки жизни предзаданы начальными условиями эволюции Вселенной, и в этом отношении жизнь предстаёт закономерным результатом всего предшествующего развития и эволюции материи. Но и концепция биосферы Вернадского не стирает с биологии печать объективационизма. В современной биологии доминирует доверие к теоретико-множественной концепции мира, хотя и в системном варианте. В свете системцентризма единство так называемой «живой Природы» представляется как системная совокупность взаимозависимых через внешние связи дискретных индивидов, выражающая якобы «непрерывность органического бытия». Можно однозначно сказать, что такое «единство живой Природы» выведено на основе атомизма с помощью субъектового теоретического мышления.

Системцентризм так и не решил вопроса касательно истинного носителя жизни. Коллизия Объективированного и Необъективированного оставалась нерешённой в биологии, вплоть до моего Тригнозиса. Системцентризм – это форма проявления методологии атомизма в биологии. И справедливо отмечается, что «методология атомизма является формой редукции, постоянно возрождающей возможность неоднократного применения механических приёмов для изучения и объяснения исследуемой реальности» (Григорьев Б. В. Методологическая роль атомизма в биологии. – Автореферат диссертации канд. философских наук. – М. – 1979. – С. 16).

Классическая догма дискретной множественности бытия ошибочна. Биология как наука находится в плену этой догмы, в плену объективационистического «материализма». Познание сущности Человека научным методом не достигается. Серён Кьеркегор, который вообще называл научное познание «злом», констатировал, что «человек не только не может быть объектом научного познания, он не может рассматриваться и как субъект-объект, каким его выставляет наука». Многие современные мыслители соглашались и с Хайдеггером: «Наука не может мыслить». Лауреат Нобелевской премии Ричард Филлипс Фейнман [1918-1988] отмечал, что наука по существу не даёт истинной картины мира, она является «сплошным надувательством». В своё время

Кант и Гегель справедливо указывали – наука базируется на формальной логике и в этом отношении недостаточна для познания истины.

Будучи скованной цепями гносеологической объективации, биология не осознала, что Человек – необъективированная реальность. Он извечный, ни от кого не происходил, всеживотный, всеорганический, всематериальный и не есть объективированным «недочеловеком» – дискретным индивидом, не есть обособлением какой-то «живой природы». Чисто биоцентрическое понимание сущности Человека – ошибочно.

2. Поиск надиндивидуности Человека

2.1. Сверхчеловек древних традиций

Один из многих подходов к познанию сущности Человека связан с поиском его надиндивидуности, провозглашением множественности дискретных индивидов простой иллюзией восприятия, признанием идеалом жизни полное растворение индивидов в Абсолюте (индийская философия).

Идея сверхиндивидуности телесности Человека («сверхчеловека») стара как мир. Её различные интерпретации можно найти во многих традициях: «Царство Божие в тебе самом», – учит христианство; «Посмотри в себя, ты есть Будда», – утверждает буддизм; «Бог живет в тебе как ты» (сидхти-йога); «Тот, кто знает себя, – знает своего Аллаха» (ислам). Вспомним: кто идёт в гармонии с мировым ритмом, тот входит в триаду с Небом и Землёй и становится Всечеловеком (даосизм); «Человеческая природа стягивает в себе всю Вселенную» (Николай Кузанский [1401-1484]).

Идею сверхиндивидуности Человека Дени Дидро [1713-1784] во «Сне Д'Аламбера» высказал следующим образом: «Бросьте индивидов, отвечайте мне... Не признаёте ли вы, что всё в природе связано и что невозможно, чтобы в цепи были пробелы? Что же вы хотите сказать вашими индивидами? Их нет, нет, их нет... Есть только один великий индивид – это целое. В этом целом, как в механизме, как в каком-нибудь животном, имеется часть, которую вы называете такой или иной; но, называя индивидом известную часть целого, вы исходите из

такого же ложного взгляда, как если бы назвали индивидом крыло птицы или перо крыла... И вы говорите о сущностях, несчастные философы!» (Дидро Д. Избранные философские произведения. – М. – 1941. – С. 164).

Человек в древних культурах соотносился с абсолютным бытием, поименованным по-разному: Аллах, Бог, Брахман, Будда, Дао, Единое и т. п. Всё бытие наделялось антропоморфизованными свойствами и лишь позже оно было «разорвано» субъектом на первооснову – творческое начало и вторичную реальность (продукт творения). Ко второй реальности был причислен и «человек»-фикция в образе объективированного (онтологически не существующего дискретно) индивида.

Как же выглядит Человек вне рамок объективации? На этот вопрос древние мыслители ответа не дали, ибо не разгадали тайны пола, хотя и догадывались о значении раскрытия онтологии пола при познании сущности Человека. Любопытен факт: почти у всех народов мира распространены мифы о происхождении «человека» от андрогина. Считалось, что человеческая природа, совместно мужская и женская, есть первобытное единство, за которым последовало разделение. Согласно космогонической концепции Эмпедокла, генезис «человека» идёт «от гермафродитизма к раздельнополости с извечной периодической повторяемостью этих стадий».

Своеобразный подход к познанию сущности Человека содержится в буддизме. Освобождение от дискретного «я» (субъекта) составляет основу учения о «спасении» в буддизме. Индивид одновременно пребывает и в сансаре (сансара – учение о страданиях существ в земной жизни и переселении душ умерших в другие тела), и в нирване (нирвана – состояние полной отчуждённости от жизненных пристрастий). Нирвана – высшее состояние души во время слияния её с «божественной» первоосновой мира. Она – вечный, абсолютный, бессмертный Человек, высший смысл бытия, которого достигается через трое дверей освобождения (пустоту, отсутствие желаний, отсутствие признаков). Состояние нирваны не осознаётся индивидом по причине «помутнения» его сознания чувственностью. Чувственность порождает иллюзию дискретности «я», а вместе с ней – и сансару – иллюзию дискретности и внешности мира. Нирвана не постигается логически. Великий Космический Человек-Будда, утверждает буддизм, живет в каждом индивиде.

У всех народов древности существовало учение о Космическом Человеке (Первочеловеке). Любопытно в этом отношении учение гностиков. Некоторые из их сект (наасены, офиты) считали, что «человек» сотворён по образу «Высшего Человека» – в нём проявляется тройственная природа и одновременно в нём же сочетаются мужеско-женские элементы. У китайцев Первочеловек носил имя Пань-гу (даосизм), у персов – Гайомарт, у индусов – Пуруша (индуизм), в иудаизме – Адам Кадмон (в котором с самого начала заключалось всё человечество), в зороастризме – Фраваша. В мистической традиции иудаизма Адам Кадмон – существо двуполое и выступает как духовное явление человеческой сущности до начала времён. Он – первообраз для духовного и материального мира, а также для «человека» как эмпирической реальности. Согласно древнеиндийской мифологии, из Первочеловека Пуруши путём расчленения возникли все элементы космоса, в том числе «я» и вселенская душа. Из состояния единой целостности Пуруша перешёл в состояние множественной расчленённости. Внешний мир, пророчествовали индусы, со временем растворится в первоначальном Великом Человеке и ориентация «человека»-индивида на внешний мир исчезнет. Индивидуное «я» сольётся с Космическим «Я» Великого Человека. В книге «Человек и его символы» Мария-Луиза фон Франц [1915-1998] отмечает: «Некоторые традиции утверждают, что Космический Человек является целью мироздания, но достижение этой цели невозможно понять как внешнее событие. С точки зрения индусов, например, дело не в том, что внешний мир однажды растворится в первоначальном Великом Человеке, а в том, что экстравертная ориентация «эго» на внешний мир исчезнет, уступив путь Космическому Человеку. Это произойдёт, когда «эго» сольётся с Самостью. Широкий поток проявлений эго (идуший от одной мысли к другой) и его желаний (которые бегут от одного объекта к другому) затихнет в момент, когда внутри будет обрётён Великий Человек. Действительно, мы никогда не должны забывать, что внешняя реальность для нас существует лишь до тех пор, пока мы её сознательно воспринимаем, и что мы не можем доказать её существование «в себе и самой по себе». Многие примеры из различных цивилизаций и различных эпох показывают универсальность символа Великого Человека. Его образ присутствует в сознании человека как своего рода цель или выражение сокровенной тайны нашей жизни. Обозначая идеал цельности и завершенности, этот символ часто пред-

ставляется как бисексуальное существо. В этой форме символ примиряет одну из самых важных пар психологических антиподов: мужское и женское начала» (в кн.: Юнг К. – Г. Человек и его символы. – М. – 1997. – С. 200-201).

Первочеловек, упоминаемый в древних мировоззрениях, есть своего рода Необъективированный Человек, но представлен лишь со стороны его вещественной телесности и пресловутой биполярности. Он не раскрыт через онтологию триполярности (пола).

Что же касается предсказаний древних индусов о «приходе времени, когда однажды внешний мир растворится в Первочеловеке», то это время уже наступило с появлением *Необъективированного мировоззрения – Тригнозиса*. Первочеловек не умер, не рассыпался на дискретную множественность элементов вещественного мира. Он извечно был и есть. Его настоящее имя – *Необъективированный Человек*.

2.2. Христианский Богочеловек

Христос – мистифицированный прообраз
Необъективированного Человека.

Петро Харченко

Святой Августин Блаженный Аврелий писал: «Мы, люди, созданные по образу Творца своего, по образу Троицы, неслиянной и нераздельной». Вторая ипостась Святой Троицы – Христос является Богочеловеком, соединяющим в себе два естества – Бога и «человека»-индивида. Правда, церковные споры вокруг природы Христа продолжаются до сих пор. Во Христе (Всечеловеке), толкуют богословы, загадочно соединились два естества – божественное и человеческое, но «принятие Христом человеческой плоти является необъяснимой тайной, которую человеческий разум не в силах постичь». Для объективационистического разума это «соединение двух естеств», действительно, непостижимо. Что же касается необъективированного постижения тайны «соединения двух естеств», то в основе её постижения лежит выяснение онтологической связи триипостасности и триполярности (пола).

Взаимоотношения Сына с человечеством как совокупностью дискретных индивидов рассмотрел знаменитый интерпретатор христи-

анства Ориген [ок. 185 - 253/254] в книге «Толкования на Евангелие от Иоанна». Однако и он не открыл «таинственной» логики природы Сына Божьего, соединяющей Божественное и человеческое (Ориген, по всей видимости, автор термина «Богочеловек»).

Много мыслей о природе Человека высказали Василий Великий [ок. 330-379] и Григорий Нисский. «Человек – это существо, которое получило предписание стать Богом», – писал в своей работе «Шестиднев» Василий Великий. «Какой Человек, такой и Бог», – утверждал его брат Григорий Нисский.

Святой Афанасий Александрийский [ок. 293-373] об отношении Бога и «человека»-индивида писал следующее: «Человек входит в Святую Троицу. Сын Божий поднимает наше естество выше небес, выше ангелов. Но не следует ограничивать это прославление человека только человеческою природою в Ипостаси Христовой. Не одно только человечество Христа, и не всё человечество вообще, но и каждый человек обоживается, т. е. становится по причастию Богом».

Тема Богочеловека и Богочеловечества – одна из ведущих тем персоналиста христианского направления Николая Бердяева: «В Богочеловеке, Сыне Божьем и Сыне человеческом, зачинается новый человек, человек новой и вечной человечности» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 320). В этой же работе Н. Бердяев подчёркивает: «То, что индивидуально произошло в Богочеловеке, должно произойти в богочеловечестве» (там же, с. 353). В другой работе («Философия свободного духа») Н. Бердяев отмечает: «На высочайших высотах христианского сознания открывается, что человек не только тварь, он больше, чем тварь. Через Христа, вторую Ипостась Святой Троицы, он внедрён в Божественную жизнь. Только христианское сознание признаёт вечность человека. Человек наследует вечность в Божественной действительности, он не может быть преодолен, не может эволюционно перейти в другой род. Вечный лик человека находится в недрах самой Божественной Троичности. Вторая Ипостась Божества есть Божественная человечность. Христианство преодолевает инобытие, чуждость, устанавливает абсолютную родственность между человеком и Богом».

Библия повествует о приходе «нового Человека», обновленного познанием «по образу Творца его». В «Послании ефесянам» апостол Павел [предположительно 5-10 – 64-67] говорит: «Посему я говорю и

заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их; Они, дошедши до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью. Но вы не так познали Христа, Потому что вы слышали о Нём и в Нём научились, – так как истина во Иисусе, – Отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, А обновиться духом ума вашего И облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4:17-24). Когда апостол Павел говорит о «ветхом человеке», то речь идет о тех, кто «умопомрачён», имеет объективационистический разум, а «новый человек» – это тот, кто **«обновляется в познании по образу Создавшего его»**, преодолевая (об этом ниже) «лукавое сечение пола». «Новый человек» для меня не составляет загадки. Это Необъективированный Человек.

2.3. Трансцендентальный «человек» Бердяева

Николай Бердяев первый из мыслителей
осознал, что истинный Человек не является
объективированным бытием.

Петро Харченко

Существующее мнение, будто бы Человека открыла философская антропология, – неверное. Несмотря на то, что к познанию Человека приложили усилия многие известные субъекты: Фома Аквинский, Августин Блаженный Аврелий, Якоб Бёме, Мартин Бубер [1878-1965], Чарльз-Роберт Дарвин, Рене Декарт, Демокрит, Иммануил Кант, Эрнст Кассирер [1874-1945], Конфуций [551-479 до н.э.], Карл Маркс, Фридрих Ницше [1844-1900], Блез Паскаль [1623-1662], Платон, Карл-Раймунд Поппер [1902-1994], Бенедикт Спиноза, Сократ [ок. 469-399 до н. э.], Макс Шелер, Зигмунд Фрейд [1856-1939], Карл Ясперс и многие, многие др., всё же сущность Человека оставалась нераскрытой до появления моих **тригнозисных** работ.

Философы воспринимали Человека в образе дискретного индивида, и это была для них истина в последней инстанции. Мало кто из философов осознавал, что дискретный индивид – объективированная

реальность. Специфически представлял сущность Человека Николай Бердяев. Он различал «личность» и «индивидуум». Личность подавалась Бердяевым как духовная реальность, главной чертой которой есть свобода. Личность не является объектом, а олицетворяет «торжество свободы над рабством объективации», ей непринятый коллективизм, целое, составленное из дискретных частиц. Под «индивидуумом» Бердяев понимал дискретное человеческое существо, порождённое биологическим родовым процессом. Индивидуум есть частицей Природы и элементом социального целого, олицетворяя падение Человека, его объективацию, разрыв целостности (андрогина) на части (мужчину и женщину). Николай Бердяев подчёркивал: корень зла, рабства, не-свободы – объективация. На смену нынешнему объективированному миру, пророчил Бердяев, придёт новый мир, до этого ещё неизвестный. Он говорил о приходе третьего Откровения – эпохи Троичного Духа. Это Откровение, указывал философ, будет антропологическим, и совершит его сам «человек» через творчество. Творчество это, по словам Бердяева, будет проявлением процесса «деобъективации затвердевшего в формах бытия, природы и истории». Опираясь на тринитарный дух, «человек» прорвёт поработщающее господство объективации и обеспечит своё вступление в царство Богочеловечества. Он писал: «В тринитарной религии Духа, освобождённой от рабства объективности, будет раскрыта новая антропология»; «Новая эпоха Духа предполагает изменение человека»; «Будет явление нового человека, нового космоса». И это, отмечал Бердяев, будет «завершением мистической диалектики Троичности» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 353).

В работе «Истина и откровение», обсуждая вопрос, – каким есть Человек вне разделения его на субъект и объект (то есть до объективации), Бердяев констатирует: «Человек есть существо трагическое, потому что природа его двойственная и он принадлежит к двум мирам, не может довольствоваться одним миром. За природным человеком, включая сюда и социального человека, скрыт человек, которого я называю трансцендентальным человеком. Трансцендентальный человек есть внутренний человек, существование которого находится вне объективации, вне разделения на объект и субъект. Этому человеку принадлежит то, что не выброшено в человеке вовне, не отчуждено, не детерминировано извне, что есть знак принадлежности к царству свободы...

Никакие эволюционные теории не могут опровергнуть существование трансцендентального человека, ибо всегда имеют дело уже со вторичной природой, с миром объектов... Трансцендентальный человек находится вне разделения на субъект и объект, и потому все теории, извлечённые из познания объекта, ничего не могут сказать о нём. Все аргументы тут находятся во вторичной сфере и не могут быть распространены на первичную сферу. Человек имеет богочеловеческий опыт, вся религиозная и духовная жизнь отсюда проистекает, и это свидетельствует о существовании трансцендентального человека за человеком природным. И речь идёт тут о человеке, о человеческом познании, а не о познании внечеловеческом, как хотел бы Гуссерль, как хотел абсолютный монистический идеализм... Трансцендентальный человек находится по ту сторону уже объективированного противоположения индивидуального и универсального, он и универсальный, и индивидуальный человек, но ни универсальный разум, ни кантовское трансцендентальное сознание, ни гегелевский мировой дух, он есть человек. Совершенно так же неверно было бы утверждать дуализм и пропасть между трансцендентальным человеком и земным, эмпирическим человеком, дуализм вещи в себе и явления. Такой рационализм есть уже рационализация, свойственная объективированному миру. Совершенно неудивительно, что так говорится, потому что очень трудно выразить то, что находится вне противоположения субъекта и объекта, вне объективации. В отличие от кантовской вещи в себе трансцендентальный человек действует в этом мире, он обнаруживает себя во всём великом, сотворенном человеком, когда человек возвышался над собой как исключительно природное существо.

Трансцендентальный человек действует в этом мире, но он из другого мира, из мира свободы. Трансцендентальный человек не эволюционирует, он творит. *Его существование есть условие возможности религиозного и духовного опыта, как бы **a priori** этого опыта* (курсив – П. Х.). Но он не закрыт, как вещь в себе у Канта, он открыт для мира и происходящих в мире процессов. Тут существуют символические отношения двух миров. Между трансцендентальным человеком и земным, эмпирическим человеком нельзя мыслить причинные отношения, которые существуют уже в объективированном мире, но нужно мыслить отношения творческие и свободные. Творчество и свобода противоположны каузальным отношениям и детерминизму. Мышление о свобо-

де всегда есть мышление апофатическое. Если в мире возможно было откровение Бога, то исключительно потому, что существует трансцендентальный человек, Адам Кадмон. Эмпирическому, исключительно земному человеку, Бог не мог бы открыться. Но этот эмпирический, земной человек всегда ограничивает и часто искажает откровение, налагая на него свою антропоморфную и социоморфную печать. Настоящая человечность откровения, человечность Бога обнаруживается именно от пробуждения трансцендентального человека, а не от человека, ограниченного природными и социальными влияниями. Критика откровения заключается в посильном выявлении трансцендентального человека, который и есть очеловеченный человек. Очеловечение же в понимании откровения и есть вместе с тем его обожение, т. е. освобождение от искажающих ограничений эмпирического, земного человека, человека природного и социального, находящегося во власти объективации. Если не допустить существования трансцендентального человека, то невозможно притязать на познание истины, он есть *a priori* всякого познания истины и даже самого существования истины. Это не есть логическое *a priori*, *a priori* отвлеченного разума, это есть *a priori* целостного человека, *a priori* Духа. Откровение воспринимает и понимает целостный человек, а не отвлеченный, частичный, лишь психологический человек. И человек ограничивает и искажает откровение своим отвлеченным, частичным составом, природным и социальным. Откровение открывается внутреннему, духовному человеку, трансцендентальному человеку. Откровение есть как бы пробуждение внутреннего человека, существование которого предшествует возникновению объектного мира. Истина познается не отвлеченным, частичным человеком, который именуется разумом, сознанием вообще или универсальным духом, а целостным человеком, трансцендентальным человеком, образом Божества, который может быть совсем не раскрыт в данном эмпирическом человеке, иногда более напоминающем образ зверя. Говорю сейчас не об истинах, а об Истине. Но и познание истин в специальных науках предполагает существование трансцендентального человека, хотя и частично выраженного. Разум, логика в человеке человечны в смысле трансцендентального человека, а не внечеловечны и противочеловечны, как хотели бы отвлеченные идеалисты – Гуссерль и многие другие. Рационализм есть не что иное, как отвлечение разума от целостного человека, от человечности, и потому он античе-

ловечен, хотя иногда хотел бороться за освобождение человека. Задача экзистенциальной философии заключается в том, чтобы разум, интеллект вернуть к человечности. Спросят, каким органом может познаваться трансцендентальный человек? *Он сам себя познает в акте до распада на субъект и объект (курсив – П. Х.)*. Об этой возможности свидетельствует универсальный духовный опыт человечества. В свете экзистенциальной философии целостного, духовного, трансцендентального человека постановка большей части трудных проблем христианской теологии и метафизики является устаревшей и получает лишь экзотерический, педагогический смысл. Споры о естественном и сверхъестественном (различие, выдуманное схоластикой и неизвестное патристике), о свободе и благодати, о естественной религии и сверхъестественном откровении, о естественном разуме и морали, в отличие от сверхъестественной истины, нужно признать устаревшими и связанными с неверной постановкой проблем. Противоположение между сверхъестественным и естественным, которое идет от Фомы Аквината, между сверхъестественным откровением и естественным путем добытой истиной означает пребывание во вторичной сфере объективации, невыявленность духа, экзотерический характер мышления. Истина всегда сверхъестественна, означает возвышение духа над естественным. С другой стороны, сверхъестественное откровение заключило в себе много естественного, много ограничений, связанных с природным и социальным человеком, воспринимавшим откровение, и подлежит духовному очищению. Благодать, которую объективировали, и есть божественный элемент в человеке, извечная связь трансцендентального человека с Богом. Основное противоположение – духа и природы, плана экзистенциального и плана объективированного. Откровение есть откровение Духа, но оно объективируется в истории и социальной жизни. В нём сохраняется лишь священная символизация. Основной вопрос, который стоит перед нами, есть вопрос об Истине» (Бердяев Н. А. Истина и откровение. – СПб. – 1996. – С. 14-19). В этой длинной цитате содержатся гениальные рассуждения Бердяева! И все же открыть Необъективированного Человека Бердяеву помешал миф Платона о «разрыве андрогина» на две дискретные половинки – мужчину и женщину. Бердяевский трансцендентальный человек – андрогин Адам Кадмон – не есть Необъективированным Человеком. В этом вопросе Бердяев ошибся, хотя и мыслил в правильном направлении:

«Целостная, нечастичная Истина есть откровение высшего, т. е. необъективированного мира»; «Трансцендентальный человек есть не бытие в смысле сферы объективации, а свобода» (Бердяев, там же, с. 26-27, 68, 70-71).

2.4. «Человек-Абсолютное сознание» Грофа

Станислав Гроф [1931] не осознал разницы между бытием объективированным и бытием необъективированным, из-за чего, в вопросе сущности Человека, запутался в сетях идеализма и иррационализма.

Петро Харченко

Одним из направлений философской антропологии является трансперсонализм в психологии.

Начало трансперсональной психологии положили, главным образом, мистический опыт и греко-античные представления о сверхчеловеческом разуме Универсума.

Выдающимся современным представителем трансперсональной психологии, одним из её основоположников является Станислав Гроф. Книги Станислава Грофа, как и книги Николая Бердяева, способствовали моему освобождению от смирительной рубашки догматических убеждений.

Психоделическими и холотропными исследованиями Гроф установил, что зона бессознательного охватывает не только «индивидуальное» Зигмунда Фрейда, не только первообразы (архетипы) человеческого рода, которые Карл Густав Юнг [1875-1961] назвал «коллективным бессознательным», но и всё то, что вообще теряет статус традиционного понимания специфически человеческого. Станислав Гроф экспериментально доказал: в трансперсональном состоянии психики «человек»-индивид теряет ощущение себя отдельным существом и переживает отождествление с другими людьми, животными, растениями, неорганическими процессами и телами, физической Вселенной в целом. Словом, происходит уподобление тому, что не относится традиционно к человеческому.

Здесь и возникает вопрос: существует ли вообще «человек» в его традиционном представлении как дискретный индивид и что же про-

исходит на самом деле при его трансперсональном «путешествии»? Сначала наступает «оживление» приобретённой всем человечеством объективированной информации на уровне вещественного бытия, а при подходе к субстанциональному уровню материи вся упаковка человечества «субъективированностью» и «объективированностью» исчезает. Происходит деобъективация и десубъективация, сворачивается вся субъект-система объективированного человечества.

Исчезновение субъекта и ощущение «дематериализации» вещественного состояния при трансперсональных сеансах дало повод представителям трансперсональной психологии отрицать материальность бытия. На вопрос – существует ли «человек» в его традиционном обозначении? – Станислав Гроф отвечает: «Человека нельзя сводить к дискретному индивиду с его «эго в капсуле из кожи». «Индивид, – говорит Гроф, – это иллюзорная реальность, у нас нет фиксированной личности».

Но Гроф совершает непростительную ошибку, когда отрицает существование Человека как материальной реальности. «То, что традиционно понимается под «человеком», – говорит Гроф, – составляет нематериальное Абсолютное Сознание, которое является одной-единственной космической Реальностью». С. Гроф не осознал разницы между объективированной реальностью и необъективированной, не разграничивает вещественного и субстанционального, из-за чего и попал в сети идеализма и иррационализма. Он абсолютизировал гносеологические возможности трансперсонального эмпиризма, не увидел объективированного характера содержания трансперсональных переживаний, что и привело его к отрицанию материальности: «Как могло случиться, что бесконечная и вечная духовная сущность сотворила из себя и в себе самой некую виртуальную репродукцию – осязаемую действительность, населённую чувствующими существами, которые переживают себя как отдельных и от своего истока, и друг от друга? Как могло стать, что все действующие в мировых событиях окутаны наваждением веры в объективное существование их собственной призрачной действительности?» (Гроф С. Психология будущего. – М. – 2001. – С. 346). Гроф, посвятивший свою научную жизнь изучению надличностных переживаний, так и не объяснил их онтологию. Он не открыл истинной сущности Человека, свёл Человека к призрачной дей-

ствительности. Словом, объективированный мир завёл в заблуждение разум выдающегося учёного нашего времени – Станислава Грофа.

2.5. Субъектоцентрический «человек» Ю. М. Фёдорова

Согласно субъектоцентризму, мир – продукт разума «человека». «Человек» есть воплощённый дух, материализация духовной первоосновы мира. Основу концепции «Иерархического Человека» в субъектоцентрическом мировоззрении Юрия Михайловича Фёдорова составляет понимание первосущего как Пустоты, последовательно развертывающейся в полноту Бытия и вновь свертывающейся в изначальную Пустотность. Труд Ю. Фёдорова «Сумма антропологии» обострил проблематику идеализма и объективационистического материализма. Согласно объективационистическому материализму, возникновение «человека» происходит следующим образом: некая часть телесной организации Мироздания, благодаря отражательным свойствам, постепенно субъективируется и на высшем этапе своей истории приобретает сознание, которое и придаёт ей свойства субъекта, то есть возникновение «человека» привязывается к завершающей стадии эволюции объективированной реальности. Что же касается субъектоцентризма, то здесь «человек» связан не с объектным характером эволюции мира, а с перманентным порождением, креацией Духа. Ю. Фёдоров отмечает, что «переход от Хаоса к Гармонии, возникновение Великой Пустоты, Ничто и дальнейшее развертывание трансцендентного вакуума и есть процесс перманентного самопорождения Бесконечного Субъекта и той его первично обмирщвленной, оременённой и овнешнённой субъективации, каковой является человек». В субъектоцентризме «человек» изначален, он входит в перманентный процесс самопорождения Абсолюта. Субъектоцентристское мировоззрение связывает начало человеческой истории с активностью Духа, с самодетерминированностью Субъекта. «Человек», констатирует Ю. Фёдоров, взирает на Мир, который сам же и творит. Мир есть не что иное, как обмирщвленный «человек». А потому не «человек» порождается Миром, а Мир творится «человеком». В процессе своего исторического становления «человек» «достраивает свою субъективность до низших и конечных субъективаций». При этом субъективность последовательно объективируется,

что приводит к расширению его внешнего мира, в результате чего возникает целый эманационный каскад форм бытия, по которому Субъект не только нисходит к полноте своего конечного и релятивного овнешненного экзистирования, но и восходит к пустоте своей овнутренней бесконечной и абсолютной бессодержательности. Происходит расчеловечивание «человека» в мировой истории, результатом чего является мировое зло. И нисхождение в Полноту, и восхождение в Пустоту «человек» осуществляет одновременно. Окончательно во внечеловеческий объект Природа превращается с онтологическим обособлением гносеологического субъекта, абсолютно противостоящего ей всем своим научно-техническим потенциалом. Это самая наивысшая форма репрессивного и принудительного «освоения» человеком себя в мире и мира в себе. Всё в мире оказывается для него элементами «объективной реальности». Объектное измерение, пишет Ю. Фёдоров, «завершает иерархию онтологических измерений человека. Человек как телесное существо олицетворяет высшую форму объективации и это пребывание его перед концом истории (апокалипсисом), концом объективированного, обмирщенного, овремененного мира и возвращение человека к своим собственным субъективированным первоначалам, к восстановлению истинных онтологических, мирожизненных приоритетов в человеческом экзистировании, но уже не эволюционным, а инволюционным путем». Конец истории – это не гибель человека в физическом значении этого слова, а его метафизическое преобразование, начало перехода к жизни вечной и бесконечной. Истинной истории у Человека, считает Ю. Фёдоров, «еще и не было, была лишь история его самоотчуждения, история экзистенции обособившегося от него внешнего мира. История, которая «осознается», «фиксируется» Рацио как процесс прогрессивного развития человечества, на самом деле, есть его антиистория, истинная же история Иерархического Человека как процесс перманентного возвращения к Абсолюту пишется Логосом и хранится Бессознательным. В нём же хранятся и истинные свидетельства о мире, который «во зле лежит», о мире, который «прогрессировал» не иначе, как за счет перманентного разрушения человеческого в Человеке, т. е. история того, как на самом деле протекала перманентная антропологическая катастрофа».

3. Изъяны антропокосмизма и биоцентризма

Термин «антропокосмизм» ввёл в обращение украинский учёный Николай Григорьевич Холодный (1882-1953). Им обозначается единство «человека» и Космоса. Идея единства мира и всеобщей взаимосвязи всех явлений бытия в составе целого ярко представлена, к примеру, в холизме – мировоззренческом течении нашего времени. Но представления о единстве «человека» и Вселенной были широко распространены ещё в древних философских и религиозных системах.

Специфически о космической сущности «человека» говорили Пётр Демьянович Успенский [1878-1947], Николай Фёдорович Фёдоров [1828-1903], Константин Эдуардович Циолковский [1857-1936], В. И. Вернадский. Их представления касались зависимости объективированного «человека»-индивида от такой же объективированной Вселенной, порождающей «человека».

Древние течения антропокосмизма были более серьёзными в онтологическом отношении. Это, в частности, относится к некоторым течениям философского мышления Древней Индии, которые провозглашали тождество «человека» с божественно-целокупным мировым целым. Показательные в этом отношении представления мыслителей поздневедийского периода о внутреннем тождестве Атмана и Брахмана, символизирующие сущностное и субстанциональное определение человеческого бытия. Человек как бы «растворён» в космосе. Ещё далее пошёл брахманистский миф. Здесь повествуется о происхождении Вселенной из «макрокосма» – тела «космического Человека», то есть: не тело «человека» является уменьшенным аналогом Космоса («микрокосмом»), а Вселенная.

Важно сказать, что древний антропокосмизм приписывает Космосу одухотворённые свойства. Эта идея содержится не только в буддизме, индуизме, даосизме, но и в некоторых направлениях греческой античной философии, в частности, пифагореизме и платонизме (вспомним изречение Сократа: «Познание и развитие космоса вытекает из познания и развития человека»).

Элементами антропокосмизма характеризуется христианская религиозно-философская традиция, рассматривающая «человека» как единство индивидо-человеческого и божественно-вселенского (Авре-

лий Августин, Климент Александрийский, Ориген). Антропокосмизм присущ и первичным формам пантеизма.

Несколько слов о биоцентризме. Биоцентризм ставит в центр всего происходящего в космосе те феномены, которые биологическая наука называет словом «жизнь». Часто таким феноменом называется «сознание». Сознание-жизнь считается первично по отношению к Вселенной. О роли «сознания» дискуссия длится в течение всей истории философии. Только беда в том, что самого сознания как отдельной самостоятельной материальной реальности не существует («если предмет смеётся, то метод не бывает серьёзным»).

Жизнь не есть дискретным феноменом «позднейшего происхождения», якобы «вписавшийся в уже готовую пространственно-временную систему мира». Вечность жизни абсолютная. Никакие достижения молекулярной биологии, кибернетики, биохимии и биофизики не смогут научным методом объяснить сущность жизни. Это мировоззренческий вопрос. Очень здраво сказал Василий Васильевич Налимов [1910-1997]: «Жизнь, а следовательно, и время в нашем представлении о Вселенной появляется только после того, как в непрерывном выделяется дискретное. Отказ от дискретности порождает в нашем сознании другую Вселенную, создавая представление о вневременной жизни в системе понятий, лишённого двойственного противопоставления» (Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. – Тбилиси. – 1978. – С.55). Жизнь вечна и непрерывна. Глупой является и сама постановка вопроса о происхождении жизни. В понимании сущности жизни надо изменить ракурс атрибутивного подхода к ней, выйти из плена объективационистического понимания её носителя. Субъект называет носителем жизни «дискретного индивида». Но индивида в дискретном статусе онтологически не существует. «Дискретный индивид» никогда и нигде не зарождался из так называемой «неживой материи», не развивался, не эволюционировал. И скорбно, что он выступил кардинальным пунктом, вокруг которого вертится всё в религии, философии и обществоведении. Можно сказать, что дискретный индивид, не имеющий онтологической реальности, выступает фундаментом всех существующих мировоззрений. Поэтому требуется их пересмотр, надо менять традиционный образ мира в его глубочайших основах и жизненных последствиях, нужна мировая духовная революция, мировоззренческий переворот, отказ от объективированного

понимания сущности жизни. Объективированное олицетворяет иллюзорное дискретное Многое. Но, как справедливо пишет Иван Цехмистро, «способ объяснения современной науки, который берет своё начало в воззрениях Левкиппа и Демокрита и который не знает ничего, кроме множеств и элементов, их образующих, не может претендовать на универсальность. Объяснить явление путём разложения его на составляющие элементы – это далеко не единственный способ объяснения, если его вообще можно назвать объяснением ввиду очевидно присущей ему «дурной бесконечности» и незавершённости, всегда повторяющейся на каждом новом этапе такого «объяснения». Всеобщее существует не как нечто Многое, и оно не может быть воспроизведено ни в логике, ни в математике на основе какой-либо теоретико-множественной его модели» (Цехмистро И. З. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. – Харьков. – 1981. – С. 93, 94; Цехмістро І. З. Голістична філософія науки. – Харків. – 2003. – 279 с.).

Раздел III

Антропологический переворот: Человек без «лукавого сечения пола»

Объективированный («падший») «человек» порождён субъектом
в «лоне» Необъективированного Человека, субстанциональную
телесность которого он охрестил «Богом».

Петро Харченко

1. Дельфийский девиз «Познай себя!»

Главное предназначение мыслителей –
открыть Необъективированного Человека.
Без знания сущности Человека, продвижение
к истинному знанию невозможное.

Петро Харченко

Возвращение полово-целостной природы
Человеку поновит его богоподобный образ.

Григорий Нисский

Моё мировоззрение возвеличивает не Космос, породивший якобы «человека»-дискретного индивида, а славит Необъективированного Человека, создавшего себя в образе Космоса.

Что такое Необъективированный Человек в его телесной выраженности? Обычно Человека сводят к гносеологической тайне познающего субъекта. Это ошибочная постановка вопроса. Происхождение самого субъекта – проблема частная и второстепенная. Тайна сущности Человека определяется онтологическими пределами границ его телесности.

До моих тригнозисных исследований Человека господствовала элементаристская (объективационистическая) трактовка телесности Человека, которая признавала носителем его телесности дискретного индивида. Но Тригнозисная онтология Человека круто изменила решение проблемы. Оказывается, дискретный индивид не имеет реального онтологического статуса и на нём нельзя обосновывать границы телесности Человека, выстраивать социальное единство Человечества. Не дискретный индивид выражает тело Человека. И не их связь определяет телесность Человечества, а такое их континуалистское и онтоло-

гическое состояние, которое раскрывается инверсионностью пола, не переходящей в дискретную множественность.

Григорий Нисский пророчил приход эпохи необъективированного мировосприятия. Человек, отмечал он, познает себя новым способом человекопонимания. До «падения» он имел другое познание, нежели теперь. «Падение» Григорий Нисский связывал с обманом ума, с подчинением чувственности и половой страсти. Говоря по-современному, речь идёт о «логике зла» – объективационистическом мироотражении, символизирующем на Древе Познания «запрещённый плод». Григорий Нисский предвещал кончину чувственного мира и вступление «обновленного» Человека по образу триединого Бога в новую, непостижимую для нас сейчас жизнь. Он пророчил приход нового познания. «Дискретная особь, – писал он, – не может быть воплощением идеи человечества, настоящим воссозданием образа триединого Бога».

Специфически видел сущность мирового процесса и смысл жизни Человека ирландский философ Иоанн Скот Эриугена [ок. 815 - ок. 877]. Эта специфичность сводилась им к возвращению человеческой природы в идеальное (троичное) состояние, а «в ней и через неё – и всего созданного». «Человеческая природа, – писал Эриугена, – должна сама в себе воссоединиться с триединым Творцом». «С наступлением новых времён, – пророчил он, – различие между полами исчезнет».

Можно допустить, что Эриугена различал два принципиально разных подхода к пониманию пола – формально-логический, опирающийся на объективацию (дискретность и чувственность), и подход онтологический, который усматривает в поле выражение неразрывной триполярной целостности человеческой природы. Заинтересовавшись, каким образом человеческая природа, будучи единой, существует во множественности отдельных индивидов, Эриугена замечает: «...если принять во внимание природу человека, созданную по образу триединого Бога, то в ней охвачено «всех животных», «весь мир». Человек тогда лишился «совершенных» (целостных) знаний о себе, когда принял разделение на пол как дискретное обособление. Эриугеновое «с наступлением новых времён различие между полами исчезнет» выражает отрицание дискретности и множественности в природе пола и намёк на приход целостного миропонимания, базированного на видении всего «в одном Триедином». Этот мыслитель чувствовал что-то неладное в нашем понимании природы пола, догадывался об онтологи-

ческой неразрывности пола. Заявляя, что исключительно-чувственное познание привело к подчинению человека закону механической причинности, Эриугена при этом отмечает – «богоугодным делом есть обновление целостных знаний о мире и это произойдёт через поновление полово-целостной природы человека».

Для традиционного представления о сущности «человека» используются термины «индивид» и «личность». Индивид видится существом, наделённым дискретностью, которой, якобы, и очерчиваются границы человеческой телесности. Развивая в себе духовность и творчество, индивид становится личностью – объектом, наделённым своеобразным культом «я», духовными и социальными качествами.

К сожалению, в истории познания вопрос – что представляет собой телесность индивида и как она связана с онтологией всеобщего бытия? – не рассматривался. Его решение связано с *раскрытием космологической сущности пола*, осилить которую оказалось не под силу до-тригнизисным мыслителям. Не осмысленными онтологически остались и слова Христа: «И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Моё» (Мар. 14:22).

Правда, древние индусы, китайцы и греки интуитивно осознавали, что Человек телесно не заканчивается индивидом, а охватывает собой всё бытие. Возможно, именно в таком контексте и высказался Протагор (ок. 480 - ок. 410 до н.э.): «Человек – мерило всех вещей». Трезвые умы древности полагали: нельзя называть истинным Человеком то, что именуется «дискретным индивидом».

По мнению Сократа, главная задача философии – реализация девиза «Познай самого себя» («Gnōthi sayton»). Человек – ключ к познанию всего бытия: «Познай себя и познаешь богов и Вселенную!». «Осуществление идеала «Познай себя», – констатирует Владимир Алексеевич Шмаков (ум. 1929), – это истинная цель всех человеческих поисков, любого познания и всей философии» (Шмаков В. Священная книга Тота. Великие арканы Таро. – М. – 1993. – С. 136).

«Кто познал себя – просветлённый Человек», – утверждал Лао-Цзы, а патрист Климент Александрийский провозглашал: «Тот, кто знает себя, – знает Бога». На «Познай себя!» святой Августин отвечал: «Познав себя, Тебя познаю. Noverim me, Noverim te». Оба – и святой Климент, и святой Августин утверждают одну и ту же истину: «Какой

Человек, такой и Бог». Другими словами, человекопознание есть богопознанием.

Упрекну знаменитого Григория Нисского за ошибку. Он заявлял: «Человеку себя не узнать и не разгадать. Это «познай самого себя» остаётся навсегда неразрешимой загадкой». Этот великий мыслитель полагал, что «образ Божий онтологически неопределим».

И всё же, как познать себя? Можно ли преодолеть чувственную видимость дискретности границ телесности индивида и осознать себя другой реальностью? Можно! Только минуя объективацию!

В познании себя Необъективированным Человеком имеют место следующие модусы самоосознанности: *изначальное (невербальное) Откровение; субъект-объектное познание; медитация; трансперсональное переживание; вербальное Откровение*. Невербальное Откровение Необъективированного Человека имело место до возникновения субъекта и началось оно как религиозный процесс. Субстанция (с её имманентным информационным ТриЭго – безмолвным Словом Бога [«вначале было Слово и Слово было Бог»]) породила триплетный вещественный уровень своей телесности, чем детерминировала появление Триэго и субъекта (см.: Харченко П. А. ТриЭго. – К. – 2008. – 420 с.). С возникновением субъекта и средств объективации, возник и объективационистический модус самоосознанности Необъективированного Человека. Субъект «разорвал» двухуровневую телесность Человека. Триипостасный субстанциональный уровень стал «Богом», а триполярный вещественный – «человеком»-дискретным индивидом и Природой.

Свойство откровения имманентно присущее бытию. То, что совершается в откровении, – совершается в бытии. Николай Бердяев, как никто другой, понимал, что откровение совершается в необъективированном мире. В «Философии свободного духа» он писал: «Откровение совсем не идёт от объекта к субъекту, и вместе с тем природа откровения совсем не субъективная». Но, не зная истинной (необъективированной) сущности Человека, Бердяев за необъективированную реальность принял лишь «часть» Необъективированного Человека – Бога. Религия, считал он, «есть откровение Божества и божественной жизни в человеке и мире». В «Философии свободного духа» этот замечательный мыслитель называет христианство религией религий: «Вся многообразная религиозная жизнь человечества есть лишь раскрытие по

ступеням единого христианского откровения. Откровения в других религиях – это лишь часть христианского откровения». Мировоззрение Бердяева недалеко от открытия Необъективированного Человека. Приведу на этот счёт его мысли из «Философии свободного духа»: «Откровение воспринимает и понимает целостный человек»; «Откровение есть как бы пробуждение внутреннего человека, существование которого предшествует возникновению объектного мира»; «В откровении рождается человек, раскрывается не только божественная, но и человеческая природа. Ступени откровения означают и ступени развития человека. Откровение есть всегда откровение Бога и откровение человека, т. е. откровение богочеловеческое. В христианстве этот богочеловеческий характер откровения находит себе окончательное выражение. В Христе-Богочеловеке дано откровение не только Бога, но и Божьего другого, т. е. Человека. Вторая Ипостась Святой Троицы есть Абсолютный Человек, и откровение Второй Ипостаси есть откровение Абсолютного Человека, т. е. раскрытие нового духовного человека, вечного человека. Но новый духовный человек не раскрылся ещё окончательно. И в христианстве принципиально возможно новое откровение... Истина откровенная должна быть освобождена от тисков обскурантной ограниченности, порабощённости сознания конечному, и должно совершиться излияние более яркого света из мира духовного». *Это замечательные слова – слова истинного мыслителя – Николая Бердяева.*

Книга «Откровение Человека без «лукавого сечения пола»» – Откровение Троичности, Откровение Тригнозисное как новая ступень Откровения Необъективированного Человека. Невозможно уразуметь Откровение, оставаясь в объятиях дефиниции традиционного понятия «сознание», тотально внедрённого в гносеологический обиход философией и наукой. Никакого сознания как самостоятельной реальности не существует. Здесь много напутал Кант, рассматривающий «сознание» как чистый разум, действующий лишь за критерием целесообразности. А те мыслители, которые рассматривают «сознание» как специфическое отражение бытия, при котором происходит «создание субъективных образов объективного мира в формах материальной и духовной культуры человечества», должны понимать, что в данном случае речь идёт об объективационистическом модусе осознанности себя Необъективированным Человеком. Нельзя полагать, что этот модус возника-

ет как «индивидуальное сознание отдельных дискретных индивидов». Неразумно под «сознанием» подразумевать и «разум, принадлежащий особенному субъекту».

Недопустимо переоценивать и научную логику. Она представляет собой лишь объективационистический рационализм в раскрытии сути Человека. Это понимал Бердяев: «Человек вне досягаемости науки». Тайной, в которой рациональное мышление заканчивается, отмечал Бердяев, есть то, что «человеческое существо... творится Богом в вечности, во времени же человеческое существо рождается от человека» (Бердяев Н.А. О назначении человека. – М. – 1993. – С.71). Бердяев был убеждён: открыть до конца Человека – значит открыть Бога. Это разумно сказано. Он подчёркивал: идею Бога дано человеку не откуда-то извне как мысль о Боге, а предметно-фактически, совершённую в нём природой его личности как живого образа Бога. Если бы человек не осознавал природу своей личности, то он не смог бы иметь и представления о реальном существовании божества, и никакое сверхестественное действие никогда не заложило бы в него это сознание, поскольку своим человеческим сознанием человек мог бы воспринимать только реальность чувственного мира (Бердяев Н. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. – СПб. – 1901. – 373 с.). Приведу и мнение Виктора Ивановича Несмелова [1863-1937], согласно которому, «идея Бога дана человеку не откуда-нибудь извне, в качестве мысли о Боге, а предметно-фактически осуществлена в нём природою его личности, как нового образа Бога. Если бы человеческая личность не была идеальной по отношению к реальным условиям её собственного существования, человек и не мог бы иметь идеи Бога, и никакое откровение никогда бы не могло сообщить ему эту идею, потому что он не в состоянии был бы понять её... Человеческая личность реальна в бытии и идеальна по своей природе, и самим фактом своей идеальной реальности она непосредственно утверждает объективное существование Бога как истинной личности» (Несмелов В. Наука о человеке. – Казань. – 1898. – Т. 1. – С. 299-300). А вот мысли Юлиуса Эвола [1898-1974]: «Среди основных признаков традиционного мира – осознание изначальной противоположности, *полярности* полов. Это выражено в чисто метафизических категориях под видом божественно-мифологических фигур, воплощающих космические элементы – богов и богинь. Современные историки религий полагают всё это чистым антропомор-

физмом: считается, что человек творит богов по своему образу и подобию, в частности, переносится на них половое деление, свойственное нам, простым смертным. Все божественные диады и дихотомии, таким образом, – фантазия, порождённая единственным подлинным содержанием, – человеческим опытом в области секса. На самом же деле, всё наоборот. Человек традиционного мира не творил божество, а искал в нём свои истоки, в том числе и сущность пола. *Половое деление прежде своего физического существования было и есть трансцендентным принципом, присутствующим в области священного, космического, духовного.* Среди множества мифологических фигур богов и богинь чётко прослеживается природа вечно мужского и вечно женского, порождение чего и есть деление людей на два пола. Тезис историков должен быть как бы перевёрнут: не половые отношения людей породили мужские и женские мифологемы – но, напротив, эти последние и есть ключ к глубинам и универсалиям пола» (Эвола Ю. Метафизика пола. – М. – 1996. – С. 186).

Специфическим осознанием религиозного процесса явились элементы пантеистических взглядов, которые встречаются в философских системах брахманизма, индуизма, даосизма, в ведической религии, а также в представлениях Анаксагора, неоплатоников и др. Яркими приверженцами пантеизма были Николай Кузанский, знаменитый Джордано Филиппо Бруно [1548-1600], Бенедикт Спиноза, Йоганн Вольфганг Гете [1749-1832], Йоганн-Готфрид Гердер [1744-1803], Григорий Сковорода. Основу пантеизма (термин «пантеизм» предложил в 1705 году Джон Толанд [1670-1722]) составляет учение об эманации. Важным этапом пантеистического понимания бытия была эпоха Возрождения (от раннего гуманизма XIV ст. до натурфилософии конца XVI – начала XVII ст. ст.). Спецификой пантеизма этого времени были: склонность к обожествлению Природы и человека; пересмотр философского содержания понятия «Бог» и понятия «Природа»; усиление антропоцентризма.

Но большим просчётом пантеистов этого времени было: в политеизме и монотеизме они не увидели природного оповещения Необъективированным Человеком наличия у него двух уровней телесности – вещественного и субстанционального. Необъективированный Человек оставался «разорванным» на Бога и Природу. Он подменялся «чело-

веком»-фикцией – объективированным (онтологически не существующим дискретно индивидом).

Среди великих пантеистов (и одновременно теоцентристов) был Якоб Бёме, о чём свидетельствуют его труды «Пансофское таинство», «О трёх началах», «О тройственной жизни человека» и др. Бог, согласно Бёме, не наделён самопознанием, он не может познать самого себя, является «безосновным» для себя (Ungrund), хотя и выступает основой всего сущего. Чтобы самораскрыться, Святая Троица должна выйти из себя в отличительное (Природу). Это движение самораскрытия Бога путём саморазделения, уверял Бёме, свидетельствует о тождестве Бога и Природы.

Мысль о присутствии Бога в Природе и объективированном «человеке» является главной в пантеизме Бёме. До Бёме никто так открыто не говорил и о движимости, изменяемости Бога (Святой Троицы): «Троица есть торжествующее, кипящее, подвижное существо и содержит в себе все силы». Саморазделение Бога, считал Бёме, есть причиной рождения мира, но этот процесс не есть разворачивание Бога в множественность вещей, а связан с появлением в Природе противоположных начал и их борьбой. Два противоположных начала составляют суть единого предмета, единую дуальность. Обращаясь к объективированному «человеку»-индивиду, Бёме говорит: «Слушай же, слепой человек, ты живешь в Боге, и Бог пребывает в тебе, и если ты живёшь свято, то сам ты Бог» (Бёме Я. Аулога, или утренняя заря. – М. – 1914. – С. 331). Человек, указывал Бёме, «воплощает в себе всё мировое, природное и божье начало».

И всё же, будучи монотеистом, ведя много разговоров вокруг Троицы, Я. Бёме так и не согласовал троичность Бога с троичностью Природы, не доосмыслил необъективированно идею тождества Бога и Человека. Затрагивая проблему творения Богом мира, он говорил о «борьбе двух противоположных начал». Такой взгляд сделал его одним из отцов так называемой диалектики.

Я не сомневаюсь в том, что зрелый религиозный процесс информационно (в смысле троично) раскрывает тайну Человека, естественно (через образы языческих богов и образ монотеистического Бога), оповещает о наличии в Человека двух уровней телесности – вещественной и субстанциональной. И зрелый (триадный) политеизм, и зрелый (тринитарный) монотеизм оповещают – природа Человека тройственная.

Одновременно религиозный процесс – это и процесс рождения объективированного «человека» Человеком Необъективированным.

Важно знать: политеистическую триаду нельзя понимать упрощённо. Есть два вида триад – необъективированная (онтологическая) и объективированная (арифметическая). Онтологическая триада вещественной телесности Необъективированного Человека выходит за пределы «биологического индивида» и охватывает всё Мироздания. В отличие от неё, арифметическая триада является субъектовой конструкцией из объектов – предметов, понятий, явлений и т. п. на основе арифметического дискретного числа три и дискретного счёта. Вот примеры объективированных триад политеизма или религиозной атомистики. «Разрыв» субъектом первоначально единого троичного Божества на три дискретных образа проявляется по отношению к доведийскому трёхосновному Верховному Божеству по имени Дьянус-Азура-Питар, которое в эпоху Ригведы «распалось» на самостоятельные дискретные облики. Подобное гносеологическое «растаскивание» триединства при объективации триполярности (пола) произошло и в истории тройственного Зевса, превратившегося на триаду, которая позже разъединилась дискретно. Примером происхождения «атомизированных» богов путём «разрыва» триполярности служит и объективация триады Юпитер (мужчина) – Юнона (женщина) – Минерва (андрогин).

Языческое триединство можно подать триадами богов «Вишну – Брахма – Шива (ведийцы); Ахурамазда – Митра – Ариман (персы); триумвират мойр – богинь судеб (эллины); Логос – Дый – Гермес (Платон и аркадский герметизм); Ве – Вили – Один или Хенир – Один – Лодур, Фрейр – Один – Тор, триумвират норн (скандинавы); Тевтат – Таранис – Езус (галлы); три бога Дану, Дагда – Нуаду–Луг (Ирландия); Род и Рожаницы, богини судеб Доля – Макошь – Недоля (именуемые тремя Ягишнами или Божьей Матерью с сёстрами), Явь – Правь – Навь или Белбог – Род – Чернобог (славяне) и так далее...» (Гаврилов Д. А., Наговицын А. Е. Боги славян. Язычество. Традиция. – М. – 2002. – С. 35). Кстати, митрополит Илларион (Иван Иванович Огиенко) [1882-1972] указывает, что языческое верование у славян «не успело развиваться в законченную полную систему, ибо пришло христианство и остановило это развитие, хотя сразу и не убило его» (Митрополит Илларион. Дохристиянські вірування українського народу. – К. – 1994. –

С. 17). Первобытные религии, согласно Иллариону, были анимистическими. Человек верил, что всё вокруг него живое, и загадка всего бытия есть загадкой сущности Человека. «Поэтому, – пишет митрополит Илларион, – человек стал всё своё окружение обособлять, очеловечивать, верование становилось антропоморфическим (гр. *antropos* – человек). Три элемента: анимитизм – оживление, анимизм – одухотворение и антропоморфизм – очеловечение – составляют основу давнейшего дохристианского верования, и это видим во всей жизни и во всех верованиях древнего человека, ибо всё: солнце, звёзды, луна, огонь, вода, растения, животные, камни, деревья, ветер, сорняки и т.п., – всё это живое, имеет свою душу, человекоподобное» (там же, с. 14).

Дозревание национального политеизма в законченную систему (специфический монотеизм) состоялось в Индии. Троичным олицетворением единого Бога в индуизме выступает Тримурти. Здесь проблема Единого решена в пользу Триединого. Двухуровневость троичной телесности Тримурти удостоверяет онтологическое и функциональное единство его ипостасей и полярностей. По линии вещественной телесности Тримурти является триполярным (Вишну проявляет себя богом мужского пола, Брами – гермафродитом, Шива меняет пол, предстаёт то мужчиной, то женщиной, то гермафродитом). Одновременно Тримурти свойственна и субстанциональная телесность, наделённая тремя ипостасями (гунами), которые называются Саттва, Раджа, Тамас.

В христианстве единство субстанционального и вещественного уровней телесности Необъективированного Человека олицетворяет Христос (Богочеловек).

У славян дозревание политеизма происходило через культ Триглава (верховного бога всей Вселенной). Триглав (Троян) в украинском религиозном процессе поименованный ещё «Солнечным богом» – «Дажьбогом». Во многих источниках есть воспоминания о Солнце как о «трисветлом» («Светлое и трисветлое солнце», – обращается к нему Ярославна в «Слове о полку Игореве»). Каждое лицо Триглава (Сварог, Перун, Световид) может проявляться в качестве двух других. У «Велесовой книги» (ВК, 11-А, 4) отмечается: «Это тайна великая, что Сварог есть Перуном и Световидом, а те оба удержанные в Свароге». Лица Триглава олицетворяют и времена трёхвременного года древних славян: Световид – весну, Перун – лето, Сварог – зиму и, соответственно, три стихии – воздух, огонь, землю.

Несколько слов о самопознании путем *медитации*. Буддизм допускает постижение истинной реальности («конечного состояния самоосознанности») через медитацию. Подаю определения медитации (взятые из работы Ю. А. Кимелева Феномен мистицизма и современная буржуазная философия религии. – Вопросы философии. – 1985. – № 8. – С. 140-148): «Медитация – это «опыт единства, которое мистик считает первичным и базисным для мира» (У. Стейс); медитация – это «реализация единения или единства с чем-то, что в огромной степени превосходит эмпирическое «я» (Р. Зенер); медитация – это «встреча с высшей божественной реальностью» (Р. Элвуд); медитация – это «интуитивное постижение пространственно-временного мира как целого или чего-то, что трансцендирует мир» (У. Уэйнрайт); медитация – это «видение единства; вещи и процессы мира здесь уже не многое, разделённое, разорванное, но каким-то образом всё, целое, единое» (Р. Отто)». По В. Налимову, «при медитации возникает континуальное состояние сознания, при котором происходит слияние с объектом медитации, растворение в нём, потеря границы собственной личности и появляется ощущение целостности. В этом состоянии сознания нарушаются законы аристотелевой логики, дискретные символы языка оказываются недостаточными для выражения этого состояния сознания» (Налимов В. В. Вероятностная модель языка. – М. – 1979. – С. 227).

Центральной особенностью мистического состояния является восприятие недифференцированной целостности, имеющей статус предельной реальности, основы бытия вне всякого эмпирического различия. При этом появляется ощущение исчезновения (умирания) субъекта. Наступает прозрение того, что «всё есть Одно», появляется ощущение себя вне времени, вне прошлого и будущего, в вечности и бесконечности.

Конечно, при медитации не раскрывается вся полнота сущности Человека в его онтологических и исторических проявлениях. Частично исторический аспект бытия Человека (пребывание его в «плену» объективации) достигается в *трансперсональных переживаниях*. Коснусь этих переживаний подробнее. Но перед этим несколько слов об истории психологии. Среди представителей объективационистической психологии знаменитостями являются З. Фрейд, К. Юнг, С. Гроф, Кэннет Эрл Уилбер [род. 1949]. Основоположник психоанализа З. Фрейд своей публикацией «Толкование сновидений» открыл метод изучения

бессознательного пласта психики. О бессознательном, каждый по-своему, говорили Эдуард фон Гартман, Герман-Людвиг-Фердинанд Гельмгольц [1821-1894], Гегель, Уильям Джеймс [1842-1910], Иммануил Кант, Карл Густав Карус [1789-1869], Готфрид Лейбниц, Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр и другие.

Артур Шопенгауэр называл «бессознательное» «начальным и естественным состоянием всех вещей». Он связывал сущность «человека»-индивида с сексуальностью, с воплощением сексуального инстинкта. Сексуальное желание, констатировал А. Шопенгауэр, «составляет суть человека» (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М. – 1900. – Т. 1. – С. 525-530).

Фрейд считал, что все психические процессы «человека»-индивида приводит в движение сексуальное влечение. Будучи вытесненными из сознания, сексуальные влечения ждут благоприятной возможности, чтобы в завуалированной форме вновь заявить о себе.

Ошибся ли З. Фрейд в признании секса носителем бессознательного? Фрейд находился в плену объективированной рефлексии, в плену традиционного смыслового содержания таких понятий, как «сознание», «бессознательное», «человек», «пол», «индивид» и др. Он понял значение секса, но не пола, исследовал объективированного «человека», а не настоящего – Необъективированного.

«Секс» и «пол» хотя и связанные между собой понятия, но по своей сути не тождественны друг другу. Секс – онтогенетический феномен и охватывает функцию размножения, психосексуальность индивида как полярности триполярного Одного, его сексуально-физиологическую жизнь и т. п. Пол – феномен-универсалия всекосмического вещества, олицетворяющий триполярную природу вещественной телесности Необъективированного Человека. Онтологизируясь с триипостасностью, он является, если так можно выразиться, следствием её «сублимации» (преобразования).

«Человек»-индивид, констатировал Фрейд, углублён своими корнями в бессознательное, как в хранилище инстинктивных влечений. Сначала Фрейд ядром бессознательного назвал сексуальное влечение. Позже его взгляды на сексуальную этиологию неврозов переросли в более общую теорию, согласно которой сексуальные влечения принимают непосредственное участие во всех сферах человеческого духа. Сексуальность приобретает широкую трактовку. Но в своих, уже последних работах, Фрейд указывает на роль в бытии «человека»-инди-

вида не только Эроса («инстинкта жизни»), но и Танатоса («инстинкта смерти»).

Фрейдовская трактовка личности связана с вычленением трёх субъектовых взаимосвязанных структурных элементов – «Id» (Оно), «Ego» (Я), «Super-Ego» (сверх-Я). «Оно» – глубинный слой бессознательных влечений, существенное ядро личности, вокруг которого структуризуется и над которым надстраивается всё остальное. «Я» – область сознательного, посредник между бессознательными влечениями «человека» и внешней реальностью, включительно с природным и социальным окружением. «Сверх-Я» олицетворяет сферу обязанности, моральную цензуру, установку общества. Фрейдовское «Я» – это своего рода дифференцированная часть «Оно» и, следовательно, не сознание управляет бессознательными процессами, а, наоборот, последние господствуют над индивидом. Моральное и социальное «сверх-Я», согласно Фрейду, является наследником бессознательного. Поэтому «Я», зависящее и от «Оно» и от «сверх-Я», не является «хозяином в своем доме».

Словом, сексуальность в её различных проявлениях выступает центральной проблемой индивидуальной психики – так можно кратко охарактеризовать учение З. Фрейда. Что же касается взглядов Карла Юнга, то его послефрейдовский творческий путь называют «путем продвижения к целостности» («Путь Дао»). Юнг бросил определённый вызов фрейдовой теории сексуальности. Он больше говорил о некоем «бинарном поле», чем о сексе. До конца своей жизни Юнг признавал одним из центральных бинарных архетипов – архетип Анимы (женское начало в «бессознательном» мужчины) и Анимуса (мужское начало в «бессознательном» женщины). Но, как я уже не раз отмечал, бинарная концепция пола является объективированной, глубоко ошибочной. Юнг выделил в фрейдовом «Оно» «индивидуальное бессознательное» и наполненное архетипами «коллективное бессознательное». В труде «Метаморфозы и символы либидо» Юнг пишет, что фрейдовое индивидуальное бессознательное – это лишь часть широкого коллективного бессознательного, наполненного архетипными суммативными образами, выражающими общую память всего человеческого рода, его наследие истории культуры. Человек рассматривается Юнгом, главным образом, архетипным существом. Его внутреннюю сущность составляют

архетипы как формальные элементы психики. Это наиболее интересная часть мировоззрения Юнга. Но представления о Человеке и поле в Юнга были объективистскими, то есть привязывались к дискретному индивиду.

Карл Юнг не знал формата истинной телесности Человека. Телесность Человека тогдашняя наука (как и нынешняя) сводила к телу объективированного, онтологически не существующего дискретно, индивида. Впоследствии Юнг начал говорить о каких-то архетипах «психоидной природы», не принадлежащих ни к сфере психики, ни к сфере материальной реальности, а существующих в «неведомой сумеречной» реальности и наделённых сознанием, полностью отдельным от собственно человеческого. Эти архетипы, говорит Юнг, нужно рассматривать как существа, которых не порождает «Я». Они сами порождают себя и имеют собственную жизнь (Юнг явно не догадывался, что за этими «существами-архетипами», возможно, стоят эгофондные эго-полярности, которые при трансперсональных переживаниях в буквальном смысле оживают и обретают как бы «независимое» существование).

Если информацию о наличии «коллективного бессознательного» Юнгу доставляли сновидения, то в опытах С. Грофа эта информация «оживала» под воздействием психоделиков и холотропного дыхания. Я полагаю, что «коллективное бессознательное» – это закодированная информация, носителями и выразителями которой являются эго-полярности эгокомплекса ТриЭ(э)го (о нём речь позже). ТриЭ(э)го и есть «Мировым Разумом» (выражение Платона, но в него великий мыслитель заключил иной смысл – «совокупность идей-архетипов – нетленных форм вещей, связанных с созданием чувственного космоса»).

Бесспорно, ни Фрейд с его «бессознательным пластом» индивидуальной психики сексуальной природы, ни Юнг с его «коллективными архетипами» не осознали информационного механизма Онтологического Шествия бытия Человека, они не знали истинной (необъективированной) сущности Человека и его эгокомплекса. Наивным выглядит и смысл, который вкладывали оба учёные в понятия «сознательное» и «бессознательное».

Надо сказать, Юнг толковал сущность «человека»-индивида по-разному. Став сторонником даосизма, он признал вторичность объективированного «эго» (субъекта) и вообще «человека»-индивида по

отношению к Самости (Дао). Вспомним: согласно с Лао-Цзы, Дао есть Высшее Бытие, Первичная Сущность и Вечный Путь. Используя мудрость древнекитайской «Книги Перемен», Лао-Цзы в своём произведении «Дао-де-цзын» провозгласил Путь Целостности, призвал отказаться от объективированного индивидного «эго» и подчиниться Самости, вернуться к Великому Вечному Пути Дао. Но даосизм не помог Юнгу. Не будучи онтологом, он не понял сути Человека. «Мы не знаем, – писал Юнг, – что такое человек, мы только можем сказать, что он не является ни животным, ни растением, ни кристаллом, но что такое человек – этого сказать невозможно».

Изучать психику и не знать истинной сущности Человека – недопустимо. Фактически и Фрейд, и Юнг находились в ловушке объективационистического человекопонимания. Они имели дело с человеком-фикцией – «человеком»-мертвецом (дискретным индивидом), изучали фальшивое (дискретное) «эго», а не «эго» как полярность Триэго вещественной телесности Человека.

Карл Юнг называл дискретное «эго» (субъекта) центром сознания. Архетипический образ Анимы и Анимуса, как я уже сказал, он связывал с «бинарным полом». Юнгу незнакомой была онтологическая связь между вещественностью и субстанциональностью, триполярностью (полом) и триипостасностью. Да и сама Троица трактовалась Юнгом арифметически. Он говорил о её «неполноте», указывал, что полный символ архетипного ряда (символ Святой Троицы) должен быть «четверицей, включая в себя образ Божественной Матери», которая является символом Анимы. Догмат Святой Троицы волновал Юнга ещё в юности, но постичь этот *догмат-путеуказатель к разгадке тайны Человека* он не смог. Истину Юнг искал через бинарность, через пары противоположностей («мужское-женское»; «добро-зло» и т. п.) и их примирение.

Фрейд и Юнг были представителями объективационистической психологии и психиатрии, они не знали, что индивид является полярностью триполярной телесности Человека и его в дискретном статусе онтологически не существует.

Далее Фрейда и Юнга пошёл Станислав Гроф, но тоже не преодолел иллюзии объективации бытия. Исследуя сущность объективированного «человека» через призму трансперсональных переживаний,

Гроф, в конечном итоге, пришёл к отрицанию существования материального Человека.

В состоянии трансперсональных переживаний засвечивается вся история объективации, вся деятельность субъекта-объективизатора. При этом, когда трансперсональное переживание доходит до начальных стадий исторического зарождения субъекта, сам он исчезает. Из этого Гроф сделал мировоззренческий вывод: «Человека в образе дискретного индивида не существует». Онтологически это так. Но казус в том, что Гроф вообще отрицает существование Человека как материальной реальности. Его место в суждениях Грофа заняло нематериальное «Абсолютное Сознание». Оказавшись в ловушке объективации, Гроф не увидел разницы между объективированным состоянием реальности и необъективированным, между дискретным «эго» (субъектом) и истинным «эго». Я горел желанием об этом сказать лично Грофу. Моя встреча с ним состоялась в Москве летом 2010 года. Кроме книги «ТриЕго», я вручил этому выдающемуся учёному копию своего письма, которое отправил ему электронной почтой 24 марта 2010 года и на которое он не дал ответа. Подаю текст письма:

«Глубокоуважаемый доктор Гроф! Мне приятно было узнать, что Вы в прошлой жизни (с Ваших слов) «были украинцем и жили в Украине, порабождённой Российской империей» (Ваша «прошлая жизнь» в Киево-Печерской лавре, которую Вы описали в своей книге).

В книге «Космическая игра» Вы отмечаете: «Если кто-либо из критиков трансперсональной психологии сумеет сформулировать убедительную, трезвую и приземленную материалистическую теорию, объясняющую удивительный мир холотропных переживаний, я первым пожму ему руку и принесу свои поздравления».

Это вознаграждение следует присудить не за опровержение Ваших открытий, а за их методологический ремонт.

Искренне скажу: Станислав Гроф, действительно, мировая гордость современного человечества, великий сподвижник духа. Но история великих учений знает примеры их обесценивания по причине методологических упущений. Сведения по природе Человека, которые преподносит трансперсональный эмпиризм («эмпирическая логика»), в самом деле, во многом противоречат материалистической науке и её эпистемологическому инструменту – формальной логике.

Формальная логика породила разные типы «деревянного» материализма и идеализма, однако и сюжетное наполнение трансперсональных переживаний по своей природе формально-логическое. Своим происхождением оно обязано объективации и материалистической науке и практике. Поэтому вполне понятно, почему аристотелево-картезианская логика оказалась беспомощной перед «носом» Абсолюта, когда с определенного отсчёта трансперсональных переживаний исчезают дуальности и сам субъект. Здесь, с Вашей стороны, утверждается, что «разум не в состоянии постичь сущность Абсолютной Реальности», и это аргументируется неким «запретом на знание того, кто мы есть». Это не так.

Подобное уже случалось в истории познания. Вспомните парменидово Единое. Да и христианские богословы провозгласили непостижимость разумом Святой Троицы (почему-то в своих книгах Вы обходите проблему троичности Абсолюта). Атомистически-материалистический рационализм, в самом деле, не способен постичь субстанциональную реальность, то есть ту область телесности Человека, которую поименовано «Абсолютом», «Богом», «Буддой» и т. п.

Однако там, где заканчиваются познавательные возможности субъект-объектного рационализма и трансперсонального эмпиризма, свою эпистемологическую силу проявляет необъективированный модус осознанности бытия – Тригнозисная Логика. Я около 50 лет работаю над созданием постнаучного мировоззрения (Тригнозиса), которое интегрировало и Ваш прорыв в исследовании так называемого «сознания». Тригнозисное познание сущности Человека лежит через решение центральной коллизии духа – коллизии Необъективированного и Объективированного. Оно проясняет: разделение и прерывность иллюзорны (носят объективационистический характер); статус дискретности индивида онтологически нереальный; Человек представлен двумя уровнями телесности – триполярным вещественным и триипостасным субстанциональным.

Резонно Вы спросите: почему же тогда в трансперсональных (холотропных) состояниях не переживается триипостасность Человека? А потому, что трансперсональные переживания по своей природе объективированные, дискретные. Подробный ответ на этот вопрос содержится в моей книге «ТриЭго».

Тригнозисный концептуальный вызов объективационистическому пониманию телесности Человека в биологии и психологии аргументируется мной в книгах «Антиномия индивида и триединства», «Від індивіда до Боголюдини», «Тригнозис», «Друге Пришестя».

*О «холотропном сознании» и Тригнозисном трансперсональном проекте мне хотелось бы поговорить с Вами при встрече. Есть ли на это у Вас желание? Убежден: наши потомки когда-то скажут – «Революционное дело великого специалиста **Грофа** дополнено работой обобщателя **Харченко**».*

С уважением, 24 марта 2010 г.»

Станислав Гроф придерживается идеалистического варианта доктрины «вечной философии», согласно которой существует лишь одно духовное высшее начало всего бытия (среди трансперсоналистов есть и такие, кто признаёт множественность и разнообразие высших духовных реальностей). Физическая Вселенная, по мнению Грофа, является продуктом эманации (излучения) нематериального монистического Духа, который лежит за гранью всех архетипных форм. Его Гроф называет «Абсолютным Сознанием».

С появлением трансперсонального проекта в психологии и психиатрии обострился давний спор между идеализмом и материализмом в отношении полагания первичности материи или духа. Спор этот безпредметный. «Материей» у материалистов выступает вещество в его объективированном статусе. Но вещество – вторичная реальность, производная от первоматерии-Субстанции. Это дало Грофу повод заявить: «У меня почти не осталось сомнений в том, что современное понимание Вселенной, природы, реальности и человека является поверхностным, неверным и неполным» (Гроф С. За пределами мозга. – М. – 1993. – С. 48). Однако философской чепухой является и утверждение о существовании некоего первичного нематериального «сознания». У Грофа оно названо «Абсолютным Сознанием», «Мировым Разумом». В глубоких трансперсональных переживаниях объективированный «человек» исчезает вместе со своим дискретным «эго», «дематериализируется». На это Станислав Гроф среагировал заявлением: «Существование трансперсональных переживаний наносит смертельный удар по картезианству в науке, механистическому мышлению вообще и требует изменений в самом базисе научного мировоззрения». Остриё своей критики он направил на декартовое дуалистическое «Cogito ergo sum».

«С появлением трансперсональной психологии, – пишет Гроф, – наступает посткартезианский поворот (полная замена направления) в познании и загорается заря постформального модуса мышления». В труде «Начала философии» Рене Декарт признал реальность существования «Я» как мыслящей субстанции, независимой от мозга. А Гроф в книге «За пределами мозга», опираясь на трансперсональные переживания, заявил о существовании нематериального «Абсолютного Сознания», независимого от мозга. Оба эти мыслители загнаны в тупик объективированным «человеком».

Итак, повторяю: при трансперсональном модусе осознанности происходит раскодировка исторического бытия Человека. Трансперсональный эмпиризм – это объективированное бытие, окутанное аристотелизмом, кантианством, картезианством, всевозможными дуальностями, дискретностями, множественностями... Основу сюжетов трансперсональных переживаний составляет история «объективированного человечества», его формально-логическая познавательная деятельность, практика. Перейдя в разряд «бессознательного» (архетипного), эта история, под воздействием психоделиков или холотропного дыхания, активизируется, «оживает», заново переживается. И важно при этом знать, что переживает трансперсональные события не субъект, а Необъективированный Человек.

2. Деобъективация пола. Мужская, женская и андрогинная полярности триполярного Одного

Величайшим заблуждением Человечества является его
вера в реальность дискретности мужских,
женских и андрогинных индивидов.

Петро Харченко

До меня проблема носителя жизни не получила решения с онтологических позиций. Уже изначально статусом носителя жизни был наделён объективированный индивид. И только мной обнаружено отсутствие онтологической реальности дискретного статуса индивида. Установлено, что индивиды, именуемые биологией как «самец», «самка» и «гермафродит», олицетворяют не дискретное множество, не три дискретные единицы, как это представляется чувственному восприя-

тию, а *триполярное Одно*. Надо сказать, что ещё Веданта провозглашала дискретное разделение между мужчиной и женщиной иллюзорным.

Триполярное Одно характеризуется инверсионностью, о чём свидетельствует характер поляризации биологических видов:

- вид представлен лишь самцом, который с возрастом, пройдя стадию гермафродитизма, превращается в самку;

- вид представлен лишь самкой, которая с возрастом, пройдя стадию гермафродитизма, превращается в самца;

- вид представлен самкой, которая с возрастом становится гермафродитом;

- вид представлен самцом, который с возрастом становится гермафродитом;

- вид представлен самкой, самцом и гермафродитом;

- вид представлен самцом и самкой, которая с возрастом становится гермафродитом;

- вид представлен самкой и гермафродитом, который с возрастом становится самцом;

- вид представлен самкой и самцом, который с возрастом становится гермафродитом;

- вид представлен гермафродитом;

- вид представлен самцом и гермафродитом, который с возрастом становится самкой;

- вид представлен самцом и самкой, которая с возрастом, пройдя стадию гермафродитизма, становится самцом;

- вид представлен самкой и самцом, который с возрастом, пройдя стадию гермафродитизма, превращается в самку;

- вид представлен самкой и самцом;

- вид представлен двумя гермафродитами, у одного из которых наблюдается склонность к инверсии в сторону самца, а в другого – в сторону самки;

- вид представлен только самкой, которая с возрастом, пройдя стадию гермафродитизма, превращается в самца, а потом ещё раз пройдя стадию гермафродитизма, снова становится самкой;

- вид представлен только самцом, который с возрастом, пройдя стадию гермафродитизма, превращается в самку, а спустя некоторое время, ещё раз пройдя стадию гермафродитизма, снова становится самцом.

Как видим, краеугольный камень *биоатомистики* – понятие «дискретный индивид» – рухнул. Биология, признающая носителем жизни «дискретный индивид», терпит мировоззренческое крушение. Назрел пересмотр атомистической (объективационистической) теории жизни. Нельзя больше в понимании носителя жизни опираться на «земной индивидоцентризм». В своё время Ф. Энгельс называл био- и геоцентрическую биологию, провозгласившую «дискретный индивид» носителем жизни, ограниченной. Она, отмечал Энгельс, со временем будет отвергнута.

Недоверие к атомистической методологии познания зародилось ещё в древние времена. Махаянская философия, например, не признаёт дискретности бытия индивидов и утверждает, что все они находятся в единой трансцендентальной реальности, а индивид – это лишь частное и весьма призрачное проявление. Приведу факты онтологической нереальности дискретного статуса индивида. У многих рыб, равноногих ракообразных, моллюсков, червей, морских миног и др. представителей животного мира особи вначале функционируют как самки, потом становятся самцами. А у рыбы *Inegocia meerdervoorti* все особи в молодом возрасте представлены самками, потом превращаются в гермафродитов, потом снова становятся самками, потом снова превращаются в гермафродитов и снова становятся самками. У многих представителей ракообразных семейства циматоидов, морских звёзд, головожаберных моллюсков, рыб и других животных все молодые особи функционируют как самцы, но с возрастом, через гермафродитную стадию, превращаются в самок. Есть виды животных, у которых молодые особи являются гермафродитами, но с возрастом превращаются либо в самцов, либо в самок. У слизней, перловиц, беззубок, устриц и других представителей животного мира инверсия половых полярностей в течение жизни совершается много раз.

Онтология пола засвечивает *триполярную природу вещества*. На примере инверсии полярностей слизня *Limax maximus* (он сначала представлен в качестве самки, потом становится андрогинном, потом становится самцом, потом снова становится андрогинном и, наконец, снова превращается в самку) убедительно видно: полярных состояний слизня три, но плоть одна. В течение жизни слизень переходит в противоположные, но *свои три «я»*, его превращение есть превращением в своё «другое» и своё «третье». Эти неслиянные и нераздельные три

«я» указывают, что онтологически слизень олицетворяет собой единую неразрывную триполярность, **необъективированное надиндивидуальное триполярное Одно**, но субъект (наше чувственное восприятие) прерывает непрерывное, объективирует слизня, создаёт внешнюю видимость «разрыва» триполярности на три, онтологически не существующие, дискретные единицы – самку, самца и андрогина. Такое объективационистическое понимание триполярности (пола) и господствует в современной биологии.

Но каждая наука, со временем, вступает в такую стадию своей эволюции, когда её предмет, по мере достижений онтологии и гносеологии, претерпевает кардинальную реконструкцию. Раскрытие истинной природы пола показывает, что теория жизни должна быть иной и охватывать целостную картину триполярного Мироздания с его основополагающими законами и закономерностями онтологического характера. В то же время теория жизни должна быть и теорией познания. А это требует от биологии изменения ракурса атрибутивного похода, направления движения мысли к иному мировоззренческому пространству, открывающему новый образ носителя жизни. Речь идёт, как будет обосновано ниже, о признании Необъективированного Человека основанием бытия, а онтологическую троичность – за основополагающий принцип жизни. Приходит осознание ситуации, что биология, математика, физика и другие научные дисциплины стоят перед фактом отсутствия у них верного предмета изучения. Они погрузили в трясину атомизма и объективации. Как пример, эволюция представлений о носителе жизни в биологии прошла ряд атомистических этапов, включая организмоцентризм, видоцентризм, концепцию экосистемы и учение о биосфере. Но эти представления не исходят из онтологического принципа целостности материи. Биоонтологически они уязвимые, наивны мировоззренчески.

Вот почему требуется переосмысление основ биологии, избавления её от главной мнимой проблемы – признания дискретного индивида носителем жизни. В свете необъективированной логики мышления постановка вопроса о дискретном организме как носителе жизни онтологически несостоятельная. «Дискретный организм» никогда и нигде не зарождался из некой «неживой материи», не развивался, не эволюционировал, ибо его, как онтологически дискретной данности, не существует (известно, что Ч. Дарвин оказался бессильным объяснить про-

исхождение «дискретного организма» и был вынужден апеллировать к «божественному творческому акту»). Пора биологам очнуться от гипноза объективационизма и атомизма, *понять жизнь как бытие всеединной мировой материи, имя которой Необъективированный Человек.*

Жизнь не есть акт позднейшего происхождения, якобы вписавшийся в уже готовую пространственно-временную систему мира. То, что мы понимаем под «жизнью», изначально связанной с возникновением дискретного и самостоятельного индивида, есть заблуждение, есть великая иллюзия, созданная объективизатором бытия – субъектом. Материальный мир не «мёртв» и не «живой», он – существующий. Его наделяет «жизнью» и «омертвляет» за атомистическим сценарием субъект. Верно пишет В. Налимов (Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. – Тбилиси. – 1978. – С. 55-56): «Жизнь, а, следовательно, и время в нашем представлении о Вселенной появляются только после того, как в непрерывном выделяется дискретное». Отказ от дискретности, отмечает Налимов, «порождает в нашем сознании другую Вселенную, создавая представление о вневременной жизни и системе понятий, лишённой двойственного противопоставления. Пожалуй, наиболее яркое выражение это нашло в философии дзен, где снимается противопоставление жизни и смерти, добра и зла». В древности Человек и Природа рассматривались как единый организм. Вспомним китайскую даосскую систему «Хуайнань-цзы» (II ст. до н. э.), согласно которой, всё живое выступает как одно тело, вся Вселенная представляет собой живой организм, неотделимой частью которого является «человек» («одно во всём и всё в одном»). Согласно традиционным китайским учениям, «всё есть Природа и равно – всё есть человек» (Григорьева Т. П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений. – В кн. : Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М. –1983. – С. 6-16). В центре натурфилософских учений древневосточной античности находится космическая концепция Человека. Человек рассматривается как уменьшенный образ всего мира. Принцип единства Человека и Природы означает, что Природу нельзя понять вне Человека и в познании её надо исходить из особенностей Человека (Мироздание построено «по образу и подобию Человека»). Идея о субстанционально-структурном тождестве Человека и Вселенной, развитая древнеиндийскими и древнекитайскими мыслителями, явилась онтологическим основанием

антропоцентрического мировоззрения многих народов, в котором от-правной точкой глубокого очеловечивания Вселенной выступает пол.

Пол позволяет познать истинную сущность Человека, минуя те-оретико-множественный путь объяснения, открывает **возможность познавать «из Необъективированного Человека и в Необъективи-рованном Человеке»** (по Н. Бердяеву, «надо познавать из человека и в человеке и значит не объективировать, и тогда лишь открывается смысл...») (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 24, 27). «С полом..., – писал Бердяев, – может быть связано возникнове-ние объективированного феноменального мира, и здесь есть точка, в которой решается судьба мира и человека. Преображение мира есть, прежде всего, преодоление павшего пола [*здесь Бердяев говорит о «разрыве» пола – прим. П. Х.]*» (Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. – Париж. – 1947. – С. 210-211).

Словом, до последнего времени сущность пола не была раскрыта. Находясь в плену объективации, философы не вывели пол на вселен-ский уровень осмысления, не осознали его как **универсалию-трипо-лярность**, присущую всеобщему мировому веществу как единой це-лостности. Пол оказался в тисках объективации, в плену бинарного биологического толкования и был сведён к двум дискретным поляр-ностям – мужской и женской, образовавшихся якобы вследствие «раз-рыва» андрогина на две половинки. Такое бинарно-объективацион-истское понимание пола и составляет главный признак современной цивилизации.

В истории решения проблемы пола наблюдается такой казус: сна-чала была придумана ошибочная постановка проблемы, а потом на-чался мучительный поиск её решения. Речь идёт о «проклятии полово-го дуализма человека и отсоединении его от всей Высшей Природы». Устранение этого «проклятия» пытались решить путём «преодоления глубокого разъединения двух половых начал и соединения половин-частых душ». Но индивид не был деобъективирован и осознан поляр-ностью **наиндивидуного триполярного Одного, которое** и составляет смысл феномена «пол».

Я уже отмечал, что «разрыв» пола на «совести» субъекта. С воз-никновением субъекта онтологическое триединство претерпевает гно-сеологическую объективацию, пол «разрывается», наделяется стату-сом дискретной троичности.

Теперь коротко об истории загадки пола. Полом интересовались многие мыслители, но рассматривался он с позиций объективизма и «пресловутого бинаризма» (правда, не всегда, вспомним, к примеру, представления о гармонии мира как олицетворении двух сил, уравновешенных третьей [в частности, греческий образ Гармонии выражал идею связи мужского начала, начала женского и их производного – гермафродитного]).

Половые различия признавались за «основные начала для всех живых существ, как животных, так и растений, у одних они только не разделены, у других же – отделены» (Аристотель. Трактат о возникновении животных. – М. – Л. – 1944. – С. 159).

Особое место проблема пола занимает в древней мифологии и религии. Пол признавался сверхъестественным и приписывался всему бытию. Противопоставление мужского, женского и андрогинного положено в основание многих мифологий и религиозно-философских течений мысли. Этот «половой дискретный триумвират» рассматривается ими в качестве основания всего космогонического процесса. Древние герметики полагали, что во всех мировых явлениях существует и проявляется великий закон – принцип пола и принцип полярности. Принцип пола гласит: пол проявляется во всех плоскостях, никакое творчество – физическое, душевное или духовное невозможно без этого принципа. Все вещи и все люди содержат половые начала. Всегда в женской форме присутствует мужское начало, а в мужском – женское. Свой шаг в понимании сущности пола сделали гностики. Жизнь понималась ими как единство мужского и женского начал. При этом каждое начало имеет своё дополнение в другом и, таким образом, мир троичный. Печать троичности мира особенно присуща воззрениям офитов, которые, кстати, полагали, что первым материальным началом из духовного мира рождается гермафродитное.

Шеллинг считал пол единственной предпосылкой *нерасчленённого* познания мира (движения мысли по логике целостного бытия). Он попытался постичь жизнь как целостность «без частей», полагая, что Природа не есть агрегат объектов (множество элементов), соединённых внешней связью. Рассудочно-аналитический анализ, отмечал Шеллинг, насильственно разрушает целое, целостное мировидение, омертвляет Природу, делает её трупом, который легко поддается анатомированию. Для Шеллинга проблема целостности жизни – это про-

блема всеобщего единства материи. Тождество духа и Природы есть принцип всеобщего развития мира как целого. Шеллинг отмечал: как только наше исследование восходит к идее Природы как целого, тотчас же исчезает противоположность между органической и неорганической Природой. Противопоставление живого неживому ошибочно и лишь задерживает прогресс естествознания. Но незнание онтологической сущности пола погубило философию Шеллинга. Он усматривал в поле «высшую собственную потенцию материи», проявление **закона всеобщей биполярности бытия**. Но именно в этой «биполярности» как раз и беда. Все ведущие мировоззрения человечества включили в своё основание ошибочное дискретно-бинарное представление о поле, порождённое объективацией, и можно сказать, что признание «разорванности» пола – главный признак традиционного и современного мира. Валериан Викторович Лункевич [1866-1941] справедливо отметил: «Вопрос сущности пола – это тот Минотавр, который безжалостно пожрал не одного из смельчаков, вступивших в лабиринт даже во всеоружии морфологической и исторической эрудиции» (см.: Лункевич В. В. Нерешённые проблемы биологии. – СПб. – 1904. – С. 154).

Проблеме пола уделили внимание такие личности, как Аристотель, Эмпедокл, Парменид, Платон, Дарвин, Ламарк, Карл Линней, Николай Бердяев, Дмитрий Сергеевич Мережковский [1866-1941], Юлиус Эвола, Иоганн Якоб Бахофен [1815-1887], Якоб Бёме, Франц Ксавер фон Баадер [1765-1841], Артур Шопенгауэр, Владимир Сергеевич Соловьёв, Василий Василиевич Розанов [1856-1919], Отто Вейнингер [1880-1903] и др. Александр Сент-Ив д'Альвейдр [1842-1909] отмечал: «Тайна отношения Бога и Природы есть тайна пола и *полное развитие древа жизни и познания – в извечных принципах мужского и женского*» (Сент-Ив д'Альвейдр. Ключи Востока. Тайны рождения. Пол и любовь. Тайна смерти. – СПб. – 1912. – 44 с.). По Гегелю, «пол выражает кульминационный пункт живой природы, так как в нём она находит своё родовое единство». Великий мыслитель XX века, сын украинской земли Николай Бердяев справедливо подчёркивал, что проблема пола является главной проблемой философской антропологии. С полом, писал он, связано возникновение феноменального мира, его преобразование и целостность. К сожалению, проблема пола, как «самая важная и страшная проблема жизни», оказалась наименее решённой и наименее поставленной. Н. Бердяев спрашивает: много ли можно

найти информации во всемирной литературе и философии по вопросу пола? И отвечает: «Пир» Платона, самое гениальное, самое вечное из всего написанного в этой области, буддийские рассуждения Шопенгауэра, прозрения некоторых крупных художников, удивительная статья Вл. Соловьёва «О смысле любви» и Розанов. Вот и всё кажется. А над всем этим загадочные, непонятные, невмещённые слова Христа» (Бердяев Н. Опыты философские, социальные и литературные. – СПб. – 1907. – С. 356). Согласно Бердяеву, вне пола нет Человека, загадка пола – это загадка сущности Человека, пол не только физиологической и эмпирической природы, в нём скрыты метафизика духа и метафизика плоти, тайна мирового процесса: «Пол – это то, что должно быть преодолено, пол – это разрыв. Пока остаётся этот разрыв – нет ещё индивидуальности, нет полного человека, но преодоление пола есть утверждение пола, а не отрицание, есть творческое соединение полов, а не отворачивание от полового томления. Нужно утвердить пол до окончательного его преодоления, до исчезновения полов, до соединения в единый дух и единую плоть. Это, конечно, нельзя понимать так, что каждая монада, мужская и женская, перестанут существовать самостоятельно» (Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви. – В кн.: Новое религиозное сознание и общественность. – СПб. – 1907. – С. 156-192).

Многие мыслители считали, что человечество никогда не раскроет загадку пола, эта загадка – непроницаемая тайна. А между тем, вокруг проблемы пола зарождались многие ведущие типы мироосознанности, включая мифологию, религию и философию (особенно заметна роль пола в зарождении древнеиндийской санхьи и древнекитайского даосизма). Древний человек сексуализировал Вселенную, стремился к единству мужского, женского и андрогинного начал. Эти начала преподносились как единый первичный источник происхождения мира. «Пол несоизмеримо шире, – пишет Бердяев, – и глубже того, что мы называем в специфическом смысле половой функцией. Сама специфическая половая функция есть уже результат дифференциации какой-то общей прасексуальной жизни... От пола зависит мировоззрение человека. Пол – источник бытия; половая полярность – основа творения. Чувство бытия, его интенсивность и окраска имеют свой корень в поле... В сексуальности человека узнаются метафизические корни его существа... Пол относится не к части человека, а к целому человеку... Человек скреплён с космосом прежде всего через пол. Кате-

гория пола – мужское и женское – категория космическая, не только антропологическая...». Бердяев рассматривал половую поляризацию в качестве всекосмического признака: «Не только у человека, но и в космосе есть половое разделение мужского и женского, и половое их соединение» (Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М. – 1915. – С. 174-177). «Человек, – отмечал Бердяев, – есть половое существо, и половая полярность характеризует всю человеческую природу. В глубине пола лежит что-то вселенское, более вселенское, нежели на общепринятой поверхности» (Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Эрос и личность. – М. – 1989. – С. 17-51). «Вокруг пола, – говорит Бердяев, – создавались и эволюционировали все религии, они есть только объективацией, мировым обобщением субъективно-интимного, что происходит в скрытой, потайной глубине. Тайну пола нужно раскрыть, иначе человечеству угрожает гибель от внутренней анархии, хаотичности». В работе «Метафизика пола и любви» он констатирует, что христианство не вывело проблему пола на вселенский исторический путь, наоборот, оно прокляло её. Поэтому трагическая христианская вера давно уже умерла в человеческих сердцах, перестала определять ход европейской культуры, хотя христианские суеверия относительно пола ещё живут, отравляют нашу кровь нестерпимым дуализмом. «Слова Христа о поле и любви, – делает вывод Бердяев, – остались непонятыми, и пол выпал из христианского сознания, сделался приобретением эзотерических учений». В работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» Бердяев пишет, что в сексуальности человека узнаются метафизические корни его сути, его происхождения. Пол есть точка пересечения двух миров в организме человека. В этой точке спрятана тайна бытия. Губительной ошибкой было бы, как это часто делается, отождествлять пол с сексуальным актом. Пол – космическая сила и только в космическом аспекте её можно понять. Пол не только точка пересечения двух миров в человеке, но и точка пересечения человека с космосом, микрокосмоса с макрокосмосом. *Человек скреплён с космосом в первую очередь через пол* (курсив – П. Х.). В поле – источник истинного единения человека с космосом и рабской его зависимости от него» (Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М. – 1915. – С. 174-177). Гениально сказано.

Важное значение полу отводил В. С. Соловьёв. Он осознавал, что социальный и нравственный мир человека основан на внешнем, по-

верхностном объединении индивидов и придавал полу универсальное значение в деле исцеления мира. Пытался познать тайну пола и Дмитрий Мережковский: «Пол есть божественная в человеческом теле Тройственность, двуострый меч Господен в сердце нашем, Тайна Двух... Пол есть первое, изначальное, кровнотелесное осязание Бога Троидного. Вот почему и в Завете Отчем, и в язычестве всё начинается с Пола. Полом облечён, как девственной плёнкою цветочной завязи, ещё нераспустившийся цветок Божественного Трилистника» (Мережковский Д. Тайна Трёх. – М. – 1999. – С. 32, 460). И всё же Мережковский не справился с проблемой пола. Более того, он наделил полом и Бога, не увидел отличия ипостасности от половости, субстанциональности от вещественности.

Пол занял важное место в мировоззрении Юлиуса Эвола: «Пол – это самая большая тайна, спрятанная в глубинах человека. Проблема пола не сводится к проблеме секса, хотя она содержит в себе и секс, однако не отождествляется с ним». Этот мыслитель называет тему пола «жгучей и проклятой» и связывает её с проблемой «преодоления человеческого проклятия собственного дуализма и разъединённости со своей Высшей Природой». Понятие «пол», констатирует Эвола, «извечно обозначало дуальность, раздвоение, сокращённую форму понятия «половина». Пол содержит в себе не только силу, которая разделяет целое на части, но и силу взаимного притяжения, соединения, слияния. Традиционный подход видит решение проблемы пола – одной из центральных проблем человеческого существования – в преодолении глубинной разделённости двух начал и соединении половинчатых душ, которые потерялись одна от другой во время длительной космической одиссеи грешного человека. Решить проблему пола можно только при условии выхода в сферу, где двойственности просто нет» (Эвола Ю. Метафизика пола. – М. – 1996. – 448 с.). Эвола эту «раздельность двух начал» пытался преодолеть через андрогина. Ошибка коренная! По смыслу понятие «пол» (как «половина» в русской интерпретации) является абсурдным. В поле надо видеть триполярность. Пол – не две дискретные «половинки» когда-то целого, а три неслиянные и нераздельные «трети» извечного Одного. Эвола полагал, что некий дискретный половой дуализм возник тогда, когда разрушилось начальное «первородное дуальное единство» в лице андрогина: «Начальный андрогинат – это абсолютное, не разъединённое и не раздробленное ду-

ализмом бытие»; «В платоновом мифе мы имеем один вариант общей традиционной темы «грехопадения»; «Разница полов тождественна не первородному «дуализму», а условиям разорванного и, следовательно, конечного, смертного бытия, при котором бытие имеет жизнь не в себе, а в «другом» (Эвола Ю. Метафизика пола. – М. – 1996. – 448 с.). В действительности, никакого «первородного дуального единства» (андрогина) никогда не было. Онтологически индивид дискретно не существует. Андрогин – одвечно неотрывная полярность триполярного вещественного Одного (Едино́го), а не дискретная единица.

Словом, человечество не разобралось в онтологии пола, заблудилось в «трёх соснах», из-за чего и потеряло правильный ориентир в жизни и познании. Утверждение, что «человек парализован экзистенциальной разорванностью», является фальшивым. **Человек парализован объективацией.** Истинный (Необъективированный) Человек – извечно экзистенциально единотроичный.

О гермафродитизме. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Если творение происходило по троичному образу Бога, то Бог должен был сотворить триполярное Одно с неслиянными и нераздельными полярностями в одной плоти, а не **двоих** неких так называемых дискретных существ «мужского и женского пола». В таком случае возникает вопрос – где же третье? В книге «О граде Божием» Августин Блаженный промолвил: «Андрогин – тоже творение Божие». Такого же мнения и Иоанн Златоуст [ок. 347- 407], Иоанн Дамаскин [675-753], Григорий Нисский... Словом, Богом сотворено не двоих, а троих одной плоти.

Гермафродитизму в древности уделялось большое внимание. И всё же, способные к серьёзной мысли философы прошлых времён (Парменид, Эмпедокл, Платон, Гиппократ [460 до н. э. – 370 до н. э.], Аристотель, Тит Лукреций Кар [ок. 99 до н. э. – 55 до н. э.]...), хотя и обсуждали проблему гермафродитизма, но в целом её провалили.

У древних народов мира почитались боги-андрогины (Праджапати, Пуруша, Туисто, Ра, Имира, Эрос, Зевс, Ардханарисва, Аттиса, Адонис, Дионис, Кибела). Греки, например, чтили бога Гермафродита. В древней естественной религии Египта первобожество называлось Амуном. Из него, как существа гермафродитного, развилась вся видимая Вселенная. В мифологии и религиозно-философских течени-

ях мысли Природа часто выступает как продукт творчества гермафродитного бога (греческий Эрос орфиков, индийский Кама и др.). Детерминаторами единства и творения Природы выступали полярности богов – мужская, женская и гермафродитная. Среди мифологических богов, наряду с мужскими, женскими и гермафродитными, встречаются и такие, которые в течение жизни меняют свою полярность на противоположную.

Надо сказать, что сегодня превращение мужчины в женщину и, наоборот (половая метаморфоза), не представляется «делом нечистой силы», как это было во времена христианской инквизиции. Об инверсии половых полярностей упоминается в древнеиндийской эпической поэме «Махабхарата», в различных религиозных писаниях, о ней знали первобытные народы. Говорил о ней Гиппократ, Гай Плиний Секунд [23-79] и другие мыслители.

В генетической символической мужская полярность обозначается знаком ♂. Это символ мужественности – иероглиф щита и копья – эмблема воинственного бога Марса. Женская полярность обозначается знаком ♀. Это символ женственности – иероглиф зеркала с крестообразной ручкой – древняя эмблема итальянской богини любви Венеры. Гермафродит обозначается символом ♀♂. Понятие о нём свойственно ещё мифу. Иногда пишут, что понятие «гермафродит» заимствовано из поэмы римского языческого поэта Публия Овидия Назона [43 до н. э. – 17/18 год н. э.] и происходит от имени героя этой поэмы – Гермафродита – сына бога производительных сил Гермеса и греческой богини любви Афродиты. Гермафродит был юношей необыкновенной красоты, в нём совмещались божественная красота с мужеством и силой. Охваченная страстью к Гермафродиту коварная нимфа Салмакида, обвивается вокруг него в зловещем озере, в котором он решил искупаться, блуждая жаркой Сицилией. Она уговаривает богов соединить их навсегда, и юноша превращается в новое (двуполое) существо, чему способствовала и сама вода. Купанье в этом озере было причиной изменения полярностей купающихся (Вулих Н. В. Сказочные мотивы в поэме Овидия «Метаморфозы». – В кн.: Язык и стиль античных писателей. – Л. – 1966.). Этот сюжет из Овидия я подаю в своём поэтическом описании следующим образом:

Страждає в спразі Салмакіда,
В озерне плесо погляд кида,
Благає Зевса: «Ти мене
З'єднай з коханим Афродітом
В єдину суть – навічно злите
В журбі та радості Одне».

І враз Еротове всесилля
У купіль кинуло тройзілля,
Щоб поєднався з нею він...
Зайшла у воду Салмакіда,
Взяла за руку Афродіта...
На берег вийшов... андрогін.

Тож, як збагнути переміну?
Їх стало троє в ту хвилину?
Е, ні! Одне у ликах трьох!
Єство відкрилося Людини:
Вона одвічно Триєдине,
А не сукупність багатьох.

Хто спричинив метаморфозу?
Хто Салмакіді витер сльози?
А відповідь на це проста:
Перервність – це чуттів облуда,
Не «многе» те, що зветься «людом»,
А Трійця суцця і свята.

Докіль Гермеса флейта грає
І Афродіта чари має,
Жагу блаженну не спинить!
Коли спокусна Салмакіда
Тремтить в обіймах Афродіта, –
Наш третій лик – Гермафродит.

Осмыслить сущность Человека через андрогина пытался Николай Бердяев. Он полагал, что первоначальная природа человека была це-

лостной, андрогинной. Новое рождение человека как андрогина, писал он, будет принятием внутрь себя всей природы, подлинным раскрытием макрокосмичности человека. В истинном рождении целостного человека и Бог, и Природа будут внутри его, а не во вне. Внешняя объективность и предметность, отмечает Бердяев, были связаны с половой разорванностью. «Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи. Новый человек есть, прежде всего, человек преображённого пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искажённое распадом на мужское и женское в человеческом роде. Тайна о человеке связана с тайной об андрогине» (Бердяев Н.А. Опыты философские, социальные и литературные. – СПб. – 1907. – С. 196). Бердяев, хотя и воевал против объективации, видел в ней корень зла, рабства и несвободы, но всё же в вопросе пола и Человека не преодолел её. Его андрогин – это соединение объективированных мужского и женского начал, а потому Бердяевым не решена антиномия пола (триполярности) и триипостасности, входящая в более общую коллизия духа – коллизия **Необъективированного и Объективированного (Единого-Многого)**. Только решение этой коллизии открывает путь к разгадке триипостасного образа в Человеке и соединение всех людей в богочеловеческой общественности. Бердяев отмечал: «Прорваться к познанию бытия можно только через пол» (см.: Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. – Париж. – 1947. – С. 210-211), но сам не прорвался, не раскрыл метафизики пола. В этом вопросе великий мыслитель застрял на дискретном (объективированном) индивиде. Кроме этого, совершенно надуманными являются рассуждения Н. Бердяева об отличии андрогинизма от гермафродитизма: «Мистическая идея андрогинизма имеет своё опасное, карикатурное подобие в гермафродитизме. Вывороченный наизнанку андрогинизм в «мире сем» принимает форму гермафродитизма»; «Андрогинизм есть богоподобие человека, его сверхприродное восхождение. Гермафродитизм есть животное, природное смешивание двух полов, не претворённое в высшее бытие». Эти слова Бердяева говорят о его заблуждении в понимании природы пола, о стремлении наделить Бога «духовной» половой поляризацией (духовным андрогинизмом). По словам Бердяева, доктрина андрогина является основой всей метафизики пола. Эта доктрина и стала источником мировоззренческих ошибок Бердяева. «Пол, – это разрыв», – писал Бердяев (Бердяев Н. Метафизика пола и

любви // Эрос и личность. – М. – 1989. – С. 17-51). «Разрыв андрогина» помешал Бердяеву открыть Необъективированного Человека, увидеть онтологическую связь всекосмической триполярности вещества и триипостасности материи субстанционального уровня («Бога»), то есть наличия двух уровней телесности Необъективированного Человека – триполярного вещественного и триипостасного субстанционального.

Существует не три неких «дискретных пола», как это преподносит нам объективация, а триполярное Одно – триполярность.

Можно сказать, что доктрина андрогина стала источником мировоззренческого блуда и социальных ошибок всего человечества. Ошибочное понимание онтологии пола определило господство бинарной парадигмы в жизни объективированного общества. В социальной жизни эта парадигма принесла огромные страдания человечеству – войны, распри, угнетение, гомофобию и т. п. Она, как возникшая на почве иллюзорной дискретности двух «половых половинок андрогина» – мужской и женской (вместо единотроичности), определила объективированный, криминальный и фатально трагический характер современной цивилизации.

3. Триипостасность и триполярность

Триипостасность и триполярность – составляют главную характеристику телесности Человека.

Петро Харченко

Белым пятном в проблеме пола, за решение которой ещё никто не брался, явилась ***проблема онтологической связи (коррелятивности) триипостасности Абсолюта и триполярности продуктов его творчества.*** Решение мной этой проблемы открыло величайшую космогоническую тайну: оказывается, пол (триполярность) причастный не только к сексуальной функции и морфологическим признакам ***необъективированного индивида***, но и выражает троичную целостность всекосмического вещества. Стало ясно, что господствующее тысячелетиями в гносеологии объективационистическое познание бытия не позволяло увидеть связи между триипостасной природой субстанции

онального Абсолюта и триполярностью вещественных продуктов его творения. Объективация породила глубоко ошибочное (бинарное) понимание природы самого пола, ставшее одним из главных препятствий на пути к открытию Необъективированного Человека.

Об этом более подробно. Христианская антропология повествует о двух состояниях Человека – необъективированном и объективированном – и представлена теологами: творения, грехопадения, искупления, воплощения и воскресения (спасения).

Теологема «творение» повествует, что «Человека» сотворил триипостасный Бог (исходная творящая Субстанция) по образу и подобию своему. Можно полагать, что это был вначале БогоЧеловек (Бог и Человек как Одно), имеющий два уровня своей телесности – божественную (субстанциональную) и вещественную. Теологема «грехопадение» повествует о возникновении субъективного способа мировосприятия и становлении «падшего» (объективированного) «человека», обусловленного отпадением вещественной телесности от БогоЧеловека. Объективация «разорвала» БогоЧеловека. С его вещественной телесности «образовалась» дискретная Природа и «биочеловек» в образе «дискретного индивида». Теологемы «искупление», «воплощение» и «спасение» выражают процесс «восстановления Человека», преодоление объективации, приход необъективированного способа мировосприятия, возвращение «падшего человека» в единую с Богом целостность – Богочеловека.

Но куда подевалась Божья троичность у «падшего человека»? В трактате «Об устроении человека» Григорий Нисский пишет: «Устроение естества нашего есть некое двоякое. Одно уподобляемое естеству Божественному и другое разделяемое на разные полы». Это указание на связь божественной триипостасности и пола (триполярности). «Пол, – пишет Дмитрий Мережковский, – это Божественная в человеческом теле троичность». В необъективированном толковании сущности Человека это означает, что триполярность вещественного уровня телесности Необъективированного Человека является «подобием» триипостасности его телесности субстанционального уровня, которая в христианстве значит «Богом» («Святой Троицей», которую, кстати, Гегель назвал «религией истины», завершённой, зрелой религией).

Говоря кратко и поверхностно об истории учения о триипостасности, то есть Святой Троице («Три в Одним»), надо отметить, что это

высокий принцип христианской религии. Она не согласуется с математикой, не есть арифметическое $1+1+1=3$ или $3 \times 1=3$. В Святой Троице ипостаси неслиянные и нераздельные.

Единичность и недискретная множественность в Боге единосущие. «Бесконечный Бог, – констатирует Псевдо-Дионисий Ареопагит [вторая пол. 5 ст.], – высший от понятия единства, которое обозначает сущее с количественной стороны. Будучи названным Единицей и Троицей, Он не есть ни единица, ни тройка в смысле математических понятий, постижимых нашему разуму» (Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Эриугены. – СПб. – 1898. – С. 162).

Действительно, это так. Христианская Троица – число метафизическое, оно не есть арифметически-дискретной величиной. Сергей Николаевич Булгаков [1871-1949] объясняет: «Бог – единый, Бог – троичный в ипостасях. Арифметические единица и три суть числа, которые подлежат всему численному ограничению (с помощью единицы нельзя выразить Единого Божества, потому что единица существует только во множественности, и три в Святой Троице суть совсем не три в смысле исчисления: раз, два, три или один-один-один, или один-два...). В Божестве число выражает то, что выступает как безвремяе, вечность и внепространство – то, что сверхпространственное, повсюду» (Булгаков С. Свет невечерний. – Сергиев Посад. – 1917. – С. 71). «Христианская вера в Божескую Троицу объединяет два момента: единство божеского существа и троичность (недискретную множественность) божеских ипостасей при единстве существа» (Попов К. Тертуллиан. – К. – 1880. – С. 156).

Острые споры вокруг доктрины Троицы развернулись в II, III и IV столетиях. В богословских полемиках принимали участие: Арий [256-336], Афанасий Великий [295-373], Василий Анкирейский [ум. 362], Василий Кесарийский (Великий), Григорий Богослов, Григорий Нисский, Епифаний [310-403], Евномий [ум. 392], Ориген, Павел Самосатский [200-275], Савелий [II ст. - III ст.] и другие. К этому периоду относятся и два Вселенских собора церкви – Некейский (325 г.) и Константинопольский (381 г.). На Константинопольском соборе тринитарная доктрина стала официальным постулатом христианской церкви.

В Средние века весомое влияние на разработку Тринитарной доктрины имели трактаты Августина Блаженного (особенно трактат «О

Троице)), Бонавентуры [1218-1274], Франциска Ассизского [1181/1182-1226], Фома Аквинского и других. Августин Блаженный заявил, что он «потерпел славное поражение в умственном постижении Троицы». Признал это и Фома Аквинский в своих попытках рационально постичь тайну Святой Троицы.

Истинная сущность Бога оставалась загадкой и в эпоху протестантской Реформации [XVI ст.]. В это время существовало четыре подхода к пониманию Троицы – традиционный, реформаторский, реконструкционный и рационалистический. Реформаторами были Мартин Лютер [1483-1546] и Жан Кальвин [1509-1564], а антитринитариями – Мигель Сервет [1511-1553], Фавст Социн [1539-1604], Френсис Давид [1539-1604].

Главным аргументом антитринитаристов, как известно, был и остаётся упрёк: доктрине о Троице не хватает рациональной обоснованности, «Три в Одном» идёт вразрез с математическими категориями формальной логики. Оппозиционеры к Святой Троице не осознали ограниченности познавательных возможностей формальной логики. Познавание, обозначенное «рациональным», даёт результат только в сфере объективированного бытия и непригодно для необъективированного мироосмысления. Но и богословы «перегнули палку». Они объявили Троицу такой, что пребывает за пределами человеческого понимания. «Её мы сможем постичь только на небесах», – заявлял Августин Блаженный. Вышло так: церковь провозгласила Святую Троицу рационально непостижимой, но за отрицание троичной природы Бога наказывала отступников смертью (вспомним сожжение на костре Мигуэля Сервета за трактат «Об ошибках троичности»).

Когда богословы заявляют – учение о Святой Троице есть глубокая тайна, основа и вершина всех тайн, которую никакой разум, пусть он был бы самым могущественным, не может постичь (Геттингер Ф. Апология христианства: В 2-х частях. – СПб. – 1872-1873. – Ч. 2. – С. 56), – это справедливо только для *объективационистического разума, объективационистического модуса осознанности бытия*.

Святая Троица является *необъективированной реальностью* и познать её, опираясь на принципы формальной логики, действительно, невозможно. Формальнологическое познание Троицы обречено на провал, на «гибельную объективацию смысла», что и засвидетельствовали все попытки осмыслить Троицу со стороны рациональной фило-

софии, «пребываемой под знаком объективации». В «Критике чистого разума» И. Кант констатирует, что доказать существование Бога рациональными способами нельзя, а Николай Онуфриевич Лосский [1870-1965] отметил: «Троичный догмат есть крест для человеческой мысли... никакая спекулятивная философия никогда не смогла подняться до тайны Пресвятой Троицы» (Лосский Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. – М. – 1991. – С. 52). Лосский заявлял, что постичь Троицу можно только «за пределами мира», вне объективации. Троица не есть объективированным Целым. Она есть Единое. Как пишет Климент Александрийский, «несправедливо было бы назвать Бога Целым. Так же нельзя утверждать о наличии в нём частей, потому что Единое не подлежит делению. Бог не есть единством целого, которое состоит из частей» (цит. по: Сильвестр, епископ. Опыт православного догматического богословия. – Киев. – 1885. – Т. 2. – С. 17).

Примечательно то, что точно так же богословы заявляют и о непостижимости пола с позиции «части и целого», поскольку тайна пола «содержится в акте творения как проявлении Бога в самом богочеловеческом единстве». Пол наделён в христианстве «сверхъестественным статусом». «Тайна эта великая есть», – говорит в адрес пола первоверховный апостол Павел.

Если Бог является необъективированной реальностью и наделяет «человека»-индивида полом, то, естественно, спросить: что же представляет собой пол вне рамок объективации? Здесь и оказывается: природа троичного Бога и природа пола составляют одну тайну, разгадка которой лежит в плоскости необъективированного выяснения коррелятивности триипостасности и триполярности (пола), их онтологической связи. О том, что такая связь существует, указывает уже сам вектор движения мысли древнего мировосприятия: от пола к триединому Абсолюту (Дао) двигалась древнекитайская мысль; от пола к тригунной Пракрити эволюционировала мысль древних индусов; от пола к триипостасному Богу двигалась религия христианского исповедования. Вокруг пола зарождались ведущие типы мировоззрений – мифология, религия и философское мироосмысление. В древности Человек сексуализировал Вселенную, но, к сожалению, находился в плену комплекса «разрыва пола» (то есть объективированной его сущности).

Словом, если ставить вопрос о коррелятивности триипостасности и триполярности с позиции необъективированного смысла, то **учение**

о Троице имеет революционное значение для выяснения истинной сути Человека. «Человек являет создавшую его Троицу и человек есть образ Святой Троицы» (слова Василия Селевскийского [умер около 459]). Онтология связи *необъективированной сущности пола (триполярности) и Святой Троицы открывает Необъективированного Человека.* В таком ракурсе, но в обратном порядке прочтения мифа, можно истолковывать и мифологическую версию происхождения Человека (здесь процесс творения касается сугубо вещественной телесности Человека и пересказывается он уже возникшим субъектом – объективизатором бытия, а не Откровением досубъектного Человека). Внимательно осмыслим фрагмент языческой поэмы Платона «Пир»: «Когда-то наша природа была не такой, как теперь. Люди были трёх полов, а не двух, как ныне – мужского и женского, ибо существовал ещё третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя – андрогины, ...они сочетали в себе вид и наименование обоих полов – мужского и женского. Было этих полов три... потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский – от Земли, а совмещающий оба этих – от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала. Страшные своей силой и мощью, они пытались великие замыслы и посягали даже на власть богов. Они пытались совершить восхождение на небо, чтобы напасть на богов. И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними и не знали, как быть. Наконец, Зевс придумал и говорит: ...«Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а, во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. А если они и после этого не угомонятся и начнут бунтовать, я ... рассеку их пополам снова». Сказав это, он стал разрезать людей пополам. Итак, каждый из нас – это половинка человека, рассечённого на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половинку» (Платон. Сочинения: в 4-х т. – М. – 1993. – Т. 2. – С. 98-100). Как видим, в этом мифе осталась вне внимания природа самого Зевса. Зевс, как и «созданные им люди», *онтологически тройственной природы* (триада – Посейдон-Плутон-Зевс образуется через половую метаморфозу и не означает «разрыва» тройственного Зевса). Это даёт основание предположить, что Зевс «разрезает» андрогина нераздельно «методом половой метаморфозы». Половая метаморфоза свидетельствует о поле как *триполярном Одном*. Я об этом уже говорил. Добавлю ещё

фактического материала. Некоторые виды зубастых карпов состоят из самца и самки, но самка с возрастом через посредство гермафродитизма становится самцом. У представителей из Sparidae и Maenidae многие виды представлены самцом и самкой, но самка с возрастом переплощается в гермафродита. Самки рыбы *Monopterus albus* после нереста обычно превращаются в самцов. Эта метаморфоза распространена среди *Spicara smaris*, *Sarura marcaritacea*, *Mycteroperca bonaci*, *Mycteroperca tyris*, *Xiphophorus helleri*, *Epinephelus guttatus*, *Epinephelus striatus*, *Pagellus erythrinus*, *Diplodus sargus*, *Pagellus mormyrus*, *Taius tumifrons*, *Spicara maena*, *Fluta alba*, *Mycteroperca microlepis* и многих других рыб. Превращение самок в самцов наблюдается у равноногих ракообразных (например, *Ciatura carinata*), червей (например, *Ophryotrocha puerilis*), морских миног (например, *Petromyzon marinus*), моллюсков. У слизней, перловиц, беззубок, устриц, как уже я отмечал, инверсия пола особи за жизнь происходит много раз. Некоторые виды животных сначала являются гермафродитами, но с возрастом преобразуются либо в самцов, либо в самок (например, у *Mylio macrocephalus*). Некоторые популяции лягушек состоят или только из одних самок, или самок и гермафродитов, однако самки и гермафродитные особи часто превращаются в самцов. У ракообразных семейства циматоидов все молодые особи функционируют как самцы, но в зрелом возрасте через гермафродитную стадию преобразуются в самок. Подобное явление имеет место среди морских звёзд, головожаберных моллюсков, рыб (например, *Clamus varia*, *Clamus distorta*, *Sparusaurata*, *Pagellus ascarne* и др.), насекомых (например, муха *Termitoxenia*) и других представителей животного мира. Примером инверсии пола среди микроорганизмов есть бактерия *E. coli.*, у которой, кроме женского типа F-, имеется ещё и несколько мужских типов, предельными из которых есть типы F+ и Hrf, причём самцы F+ в определённых условиях становятся самками F-. А вот примеры среди растений: большинству зонтичных свойственна протандрия, то есть явление, когда растение в начале жизни представлено мужской полярностью, а потом становится женским растением; для многих природных популяций клещевины свойственна спонтанная инверсия женских растений в гермафродитные. Замечено, что пробковый дуб в молодом возрасте, как правило, представлен мужским деревом, но позже становится женским. Сосна обыкновенная,

наоборот, сначала проходит женскую стадию, потом, с определённого возраста, полностью омужествляется. Успешно происходит и экспериментальная инверсия пола у растений и животных.

Пол выступает **«заключительным аккордом» триполярности всеобщего вещества на уровне его целостности**. Триполярность «Божьих творений» – это подобие божественного «Три в Одним». Мужское, женское и андрогинное – не три дискретные единицы, а **триполярное Одно**, полярности которого, как и ипостаси Святой Троицы, **«неслиянные и нераздельные»**. Существование онтологической связи между «божественной триипостасностью» и тварной триполярностью – факт несомненный. И поэтому, когда говорят, что «не мужчина и не женщина есть образ и подобие Божье, а лишь целостный человек – андрогин», – это коренная ошибка. Миф об андрогине сбил с толку многих мыслителей. Следом за Пифагором [ок. 580-500 до н. э.], Платоном, Бёме, Баадером, и Бердяев ошибочно принял пол за неполное, половинчатое бытие, которое будто бы когда-то было целым, но впоследствии разделилось на два дискретных начала – мужское и женское. Бердяев пишет: «Первородный грех связан, прежде всего, с половым разрывом, с падением человека как существа целостного, с утерей человеческой девственности и образованием дурной мужественности и дурной женственности» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 69); «Человек не цельное существо. Цельное существо было бы андрогинном. Человек есть существо половинчатое, т. е. половое существо» (Бердяев, там же, с. 315). Бердяев не осознал, что дискретный (объективированный) андрогин – такая же онтологически фикция, как и дискретные мужчина и женщина.

Традиционная философия не познала сущности пола. Она застолбилась на объективационистическом его понимании (на дискретной двойственности, олицетворяющей мужское и женское начало), не увидела **в основании бытия онтологической троичности**. Двойственность сыграла не последнюю роль в становлении пресловутой диалектики с её объективированной триадой. Бинарность пола не приводит к постижению «тайны Троичности, обращённой к миру», не обеспечивает разгадки необъективированного отношения между триипостасностью Творца (имею ввиду субстанциональную телесность Необъективированного Человека) и половой троичностью продуктов его творений.

Проблема онтологической связи триполярности и триипостасности не исследовалась. Высказывались лишь отдельные мысли на этот счёт. По мнению Я. Бёме, пол «проистекает из Бога»: «Тайна Триипостасности есть саморазличение в Боге, которое же производит противоположности в твари». О связи пола с Троицей догадывался Дмитрий Мережковский, хотя и придерживался бинарной концепции пола: «Гераклит единственный из древних философов, посвященный в мистерии, говорит на языке троичном и половом, половом и троичном вместе»; «Гераклитовый антиномизм есть не что иное, «как *тринитаризм*, троичность, а тринитаризм – не что иное, как преломленный в философском мышлении религиозный сексуализм – половая насыщенность, напряжённость древней мистерии. В мире – Пол, в Боге – Троица... Пол есть божественная в человеческом теле Троичность... первое, изначальное, кровнотелесное осязание Бога Троиединого». Кстати, Дмитрий Мережковский осознавал, что и осмысление коллизии Единого-Множественного должно лежить в плоскости разгадки природы пола. «Пол есть переброшенным мостом над пропастью единого и множественного» (Мережковский Д. С. Тайна Трёх. – М. – 1999. – С. 31-32). Но по-настоящему Д. Мережковский не постиг связи триипостасности и триполярности, он не уразумел вне объективации «таинственного сопряжения богочеловечности и Боготроичности», не разобрался в коллизии индивида и триединства и, как следствие, не догадался о существовании Необъективированного Человека.

Единство вещественного и субстанционального – это единство триипостасного и триполярного, раскрывающее тайну христианской формулы создания Человека «по образу и подобию Творца». Триполярность вещественного уровня материи и триипостасность субстанционального уровня материи – инварианты материи как таковой.

Не найдя необъективированного пути человекопознания, не раскрыв метафизику троичного Абсолюта и пола, историческое христианство исповедует объективированного «человека» – дискретного индивида - «раба Божьего».

Как выйти из этого рабства? Ответ утаивают слова Христа: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. 8:32). Истина не совместима с объективацией. *Путь к Истине и одновременно к Свободе – деобъективизация «человека»-индивида через Откровение «из Человека и через Человека».*

4. Вербальное Откровение Человека. Информационный эготриплет ТриЭ(э)го.

Существует не «сознание», а самораскрытие (Откровение) Человека.

Никакого «сознания» объективированного «человека»-фигиции (дискретного индивида-субъекта) нет. Информационным оператором Откровения Человека выступает ТриЭ(э)го. Познание Истины лежит через троичную природу телесности Человека.

Петро Харченко

«Прорваться к познанию бытия можно только через пол».

Николай Бердяев

Христианство называет «сечение пола» «лукавым» (кстати, в украинском языке одно из смысловых значений слова «лукавый» – «ложный», «не настоящий»). «С истреблением лукавого сечения пола и приведением человеческого единства в единение с самим собой и со Спасителем» богословы предсказывают **приход нового познания, при котором наступит «конец старому свету вещей», исчезнет объективированное мироощущение и миропонимание**. Фактически речь идёт о «конце» объективированного «человека», отлучении объективации от Истины и о пришествии **Человека Необъективированного**. По мнению Максима Исповедника, «человек», начиная с преодоления своего разделения на мужское и женское начала, может соединить все остальные разделения Вселенной и достичь Бога, как причины всего.

«Первородный грех», о котором повествует христианство, надо связывать с онтологической объективацией (порождением Субстанции-вещества) и последующей гносеологической объективацией бытия субъектом, вследствие чего Человек осознал себя фальшиво, в образе дискретного индивида. «Истребление лукавого сечения пола» – путь возвращения к тому познанию, которое «благодать поновляет и обновляет в Человеке возрождённом» (слова Василия Великого). «В райском состоянии Человека-Человечества умопостигаемые и чувственные сущности не находились в разорванном, трагически и антиномически противостоящем друг другу состоянии» (Русинов В. От переводчика. – В кн.: Эвола Ю. Метафизика пола. – М. – 1996. – С. 426).

Николай Бердяев – один из тех, кто весьма осознанно считал объективацию препятствием на пути к познанию Истины: «Природа-кос-

мос раскрывается вне процесса объективации, и это раскрытие предполагает восстановление родственной общности человека с природой и людьми между собою. Тайна космической жизни остаётся скрытой для обычных путей познания, и наука ею не интересуется. Откровение космоса, тайны творения ещё предстоит, и оно связано с откровением человеческого общения, преодоления чуждости, порождённой объективацией... «Объективное» научное познание и есть такая ориентировка» (на «дурную бесконечность» – *прим. П. Х.*). Познание, писал Н. Бердяев, «есть возгорание света внутри бытия, а не стояние перед бытием-объектом»; «рациональное познание объективирует, в объективации же исчезает подлинно существующее и существующий» (Бердяев Н. А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики»). Николай Бердяев предсказывал приход новой структуры разума, новой эпохи духа и связывал это с раскрытием мира по ту сторону распада на субъект и объект, с прекращением отчуждения и объективации не только в мысли, но и в самой жизни. Истина, писал Бердяев, несовместима с объективацией: «Человек выброшен в объектный мир, и самая важная задача, стоящая перед сознанием, – перестать объективировать, перестать создавать фикции путём превращения *непрерывного в дискретное*, в объект, в самостоятельную сущность, воплощённую в предметные формы, образы и прочее». Чтобы добыть истину, говорил Бердяев, надо познавать бытие «из человека и в человеке и, значит, не объективировать, и лишь тогда открывается смысл». Он настаивал на неотложном решении проблемы непрерывного и прерывного, лежащей в основе центральной коллизии христианского мировоззрения – коллизии *Единого* (неразрывной Святой Троицы) и *Многого* («падшего» [дискретного] человечества), составляющей всю загадку бытия.

Тайна космической жизни – это тайна Онтологического хода Необъективированного Человека. Эту тайну раскрывает логика необъективированного познания – Тригнозис, о котором речь пойдёт ниже как о предельном основании знания, определяющим и его мировоззренческие рамки.

Но сначала о неудачах на этом пути. Некоторые одарённые мыслители (К. Уилбер, С. Гроф и другие) признают существование вечного нематериального Абсолютного Сознания (Верховной Личности). Ведя разговор вокруг такого «сознания», Уилбер различает Нисходящее познание (Внешняя дуга сознания) и Восходящее познание (Внутренняя

дуга сознания). Нисходящее познание, указывает Уилбер, направлено на познание Множественного. Поверхностные методы такого познания в течение двух тысячелетий ведут войну с Восходящим познанием, представители которого славят Единое, ищут Истину и называют Нисходящий путь познания злом. Нисходящее познание – это история возникновения дискретного «эго» (субъекта). Нисходящий путь познания, констатирует Уилбер, опирается на дуальность, чувственность, почитает тело, секс и отрицает всё трансцендентное. Сторонники этого познания думают, что дуальный вещественный мир является единственно существующим и живут в чувственных восприятиях этого мира, как в клетке. Восходящее познание, в отличие от Нисходящего, носит недualный характер, главная его черта – преодоление раздвоенности на субъект и объект (см.: Кен Уилбер. Проект Атман. – М. – 1999. – 256 с).

Кен Уилбер – автор концепции «Холархии», рассматривающей бытие как иерархическое Целое, бесконечно составленное из «голонов» (целого/частей). Высшим уровнем Холархии значится нематериальный Дух, а одним из голонов этого Духа выступает «человек»-индивид как «фундаментальная структурная единица (целое в самом себе)». Нетрудно увидеть, что уилберова концепция «Холархии» искусственная и, как бы сам Уилбер не сопротивлялся её критике, она объективационистическая и никакого концептуального прорыва в осмыслении бытия не производит. Фактически эта концепция явилась результатом интеграции разнообразных (и часто недостоверных) учений, различной информации о мире, добытой на базе тех же дуальностей, к которым сам Уилбер испытывает неприязнь.

Своеобразно заблуждается Станислав Гроф. Он полагает, что при своей инволюции Абсолютное Сознание образует пантеоны архетипных существ и множество индивидуальных единиц, составляющих мир виртуальной материи, который при наступлении эволюции возвращается к первоначальному нераздельному единству, происходит исчезновение его границ и слияние с Сознанием.

Идеалистический тупик С. Грофа возник по той причине, что он не разобрался в вопросе природы трансперсональных сюжетов, не осознал их объективационистического характера. В этом легко убедиться: «В холотропных состояниях мы способны выходить за пределы воплощённого эго, с которым обычно отождествляемся, и переживать себя другими людьми, животными, растениями и даже неорганическими

частями природы или различными мифологическими существами. Мы обнаруживаем, что разделение и прерывность, которые нам обычно видятся в творении, произвольны и иллюзорны. Когда все границы растворяются, и мы оказываемся за их пределами, мы можем переживать отождествление с самим истоком творения, который проявляется либо в форме Абсолютного Сознания, либо как Космическая Пустота. Таким образом, мы обнаруживаем, что наша истинная личность – это не индивидуальное «я», но «Я» Вселенное. Каким образом нам объяснить силу своей веры в то, что мы – существующие в мире физические тела, если наша глубочайшая природа действительно божественна и мы тождественны вселенскому творческому принципу? Какова природа этого фундаментального неведения касательно нашей истинной личности, этой таинственной пелены забвения, которую Алан Уотс называл «запрет на знание того, кто ты есть?». Как возможно, что неисчерпаемая и вневременная духовная сущность фактически творит из себя и внутри себя виртуальное факсимиле материальной реальности, населённой живыми существами, переживающими себя отдельными как от своего истока, так и друг от друга? Почему актёры, играющие в мировой драме, заблуждаясь, верят в объективное существование своей иллюзорной реальности?» (Гроф С. Космическая игра. – М. – 1997. – С. 172-173). Ответить Грофу можно так. Познать себя как «вещь в себе» («ding an sich»), пребывая под эгидой будничной объективационистической (субъектовой) осознанности, действительно, невозможно. Мы привыкли фрагментарно полагать, что «человек» – это отдельный объект в виде дискретного существа, жизнь которого начинается от «рождения» и заканчивается «смертью». Но онтологически **дискретного индивида** нет, следовательно, жизнь не прерывается и осуществляет свой ход в лице своего истинного носителя – Необъективированного Человека. Важно не смешивать нашу истинную природу с тем, что нам чувственно кажется.

По отношению к Необъективированному Человеку не существует позиции внешнего наблюдателя в познании. Необъективированное познание должно как бы повторять процесс творения бытия. Вспомним Парменида: «Одно и то же есть мысль и бытие... Слово и мысль бытием должны быть». В противоположность этому, объективированное познание вязнет на связи субъекта с объектом и базируется на чувственном отражении действительности.

История онтологической мысли засвидетельствовала, что фундаментальным свойством бытия есть *троичность*, а, следовательно, необъективированное постижение Человеком всебытия должно начинаться с познания *себя самого, опираясь на собственную троичность*. Иными словами, речь идёт о реализации знаменитого дельфийского девиза – «Познай себя!» через раскрытие антиномии индивида и триединства. Такой путь познания подтверждает издавна простую истину: Человек и Природа – Одно, единая триполярная целостность и *вопрос происхождения Природы – это вопрос сущности Человека*.

Принимая во внимание троичную природу Абсолюта (Святой Троицы, Тримурти, Пракрита, Брахмана...), можно сказать представителям доктрины «Вечной философии» следующее: доктринальным её ядром является *онтологическая троичность*. Но, вероятно, эта троичность оказалась «неудобной» приверженцам трансперсонального модуса осознанности бытия, включая Уилбера и Грофа. В трансперсональных объективированных переживаниях *онтологическая троичность* не проявляется, она атрибутивна, по природе необъективированная.

Поскольку Абсолют – реальность необъективированная, его явление возможно лишь через самораскрытие, самооткровение. Надо сказать, что стремление к познанию своей необъективированной (позасубъектной) сущности не покидало Человека с древних времён. В даосизме, например, выход за пределы уровня субъекта (индивидуального дискретного «я») означает слияние с Абсолютом (Дао); в буддизме – это означает познание «начального» как своей единственной родины (Будды); индуизм описывает деперсонализацию субъекта как исчезновение «индивидуального сознания, индивидуального «я» и растворение личности в сознании Атмана», который является наиндивидуальным «Я», космической сущностью, доминирующей над личным и вещественным; суфизм, чувство исчезновения дискретного «я» во время медитации, считает доказательством единства «человека» и Бога.

Но познать Человеку себя как необъективированную реальность (Абсолют) путём субъектового отражения невозможно. Абсолют (Бог), полагают христианские богословы, непостижим для объективационистического разума. Таково мнение и философа Гермеса Меркурия Трисмегиста [период жизни – XV – XIII ст. ст. до н. э.]: «Ни одна из наших мыслей... не в состоянии понять Бога, и никакой язык не в состоянии определить Его. То, что бестелесно и не имеет формы, не может быть

воспринято нашими чувствами. Следовательно, Бог невыразим. Правда, Бог может сообщить нескольким избранным способность подниматься сверх естественных вещей, дабы приобщиться к сиянию его духовного совершенства, но эти избранные не находят слов, которые могли бы перевести на обыденный язык бесплотное видение, повергнувшее их в трепет. Они могут объяснить человечеству второстепенные причины творчества, которые проходят перед их глазами как образцы космической жизни, но Первопричина остаётся нераскрытой, и постигнуть её возможно лишь по ту сторону смерти» (см.: Шюре Э. Великие посвящённые. – Калуга. – 1914. – С. 101-102).

Некоторые обозначения Абсолюта (как, например, Единое элеатов) не содержат в своей природе никакой структуры, за которую при их познании способен вцепиться разум. Однако христианский Бог, Брахман, Праkrit и ряд других, наделены троичностью и, следовательно, их познание реально, но не через субъект.

Утверждение богословов о неспособности разума раскрыть тайну Святой Троицы, повторяю, следует отнести к субъект-объектному разуму. Надо осознавать, что не кто иной, как объективационистический разум и «создал» внеонтологического «человека». Николай Бердяев, вслед за Гегелем, назвал субъект-объектное познание «несчастливым сознанием»: «Образование мира объектов есть источник всех несчастий человека... Гегель связывал «несчастное сознание» с отношением к объекту, с раздвоением и разрывом». «Несчастное сознание», – подчёркивает Бердяев, – всегда предполагает противоположение на субъект и объект и потому всегда заключает в себе несчастье» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 355). Объективационистический рационализм овнешнил Человека, загнал его в статус дискретной частицы Природы. «С эпохи Возрождения...», – говорит Бердяев, – человек начал узнавать себя как часть природы, и это даже показалось ему освобождением. *Теперь настало время открыть и реабилитировать человека не как часть природы и мира объективированного, а как бытие в себе, вне объектности и предметности, во внутреннем его существовании. Тогда и проблема познания будет поставлена вне противоположения субъекта и объекта как противоположения познания и бытия (курсив – П. Х.)».*

Открыть и реабилитировать Человека «не как часть природы и мира объективированного, а как бытие в себе, вне объективации», спо-

собен лишь Тригнозис. *Тригнозис – необъективированное вербальное откровение Человека, отстраняющее единовластие субъекта в познании бытия.* Субъект, как справедливо пишет Бердяев, «не первоначален, он гносеологичен и не есть бытие, он противостоит бытию»; «Человек находится в бытии и есть бытие до познания бытия. И возможность познания бытия определяется тем, что есть бытие самого человека».

Познание само есть бытие и происходит в бытии Человека. Познание без объективизатора бытия – субъекта – это тот случай, когда Человек осознаёт сам себя через природу собственной телесности, то есть необъективированно. Но *что* является *оператором* необъективированного самораскрытия (Откровения) Человека – никто не знал. Это «*что*», разумеется, должно быть необъективированным, имманентно присущим человеческому существованию. Им, как мной выяснено, *является экзистенциал ТриЭго – имманентная информационная троичность телесности Человека, играющая роль информационно-осознающего аппарата*, достигнув состояния ТриЭ(э)го. Она (троичность) не есть субъектом, не противостоит бытию, а имманентна ему и выражает внутреннюю информационную природу телесности Необъективированного Человека, не принадлежит объективированному миру, не является выброшенной в поработщающий мир объектов. Думаю, именно наличие ТриЭ(э)го спровоцировало Канта, Гегеля и других мыслителей утверждать, что познаёт совсем не «человек»-дискретный индивид, а какой-то «чистый мировой разум», «Трансцендентальный субъект», «Трансцендентальное сознание» и т. п. Наличие ТриЭ(э)го явилось, на мой взгляд, и предпосылкой возникновения идеи «бессознательного» в психологии. Пребывая в плену объективации, мыслители прошлых времён не увидели Необъективированного Человека с его экзистенциалом ТриЭго, который первоначально обеспечил невербальное Откровение Необъективированного Человека, явился информатором и одновременно выразителем троичной природы бытия. Гегель разминулся с ТриЭ(э)го Необъективированного Человека. Он провозгласил безличностный разум («Абсолютную Идею») самостоятельной сущностью, рождающей и познающей всё существующее. Гегель пытался отойти от субъект-объектного типа познания. Но не получилось. Абсолютная Идея, полагал он, объективная (в смысле необъективированная), не является ни индивидуальным, ни транс-

цендентальным субъектом. Однако, на самом деле, она выступила объективированной, явилась Субъект-Объектом. Никакой эпистемологии без познающего субъекта у Гегеля не получилось.

Уже в Платона объективированная форма мировидения вызывала сомнение, но и он не нашёл гносеологического ключа к открытию Необъективированного Человека. Единственным подлинным бытием Платон считал «потусторонний» мир и ставил эпистемологические вопросы в контексте этой «потусторонности» («трансцендентальности»). Источником знания, полагал Платон, являются воспоминания человеческой индивидуальной души о мире идей, созерцаемые ею до того, как она вселилась в смертное тело (то есть, в «посюстороннее» вещественное тело «дискретного индивида»). Я не буду детализировать учение Платона о Мировой и индивидуальной душе. Он в Мировой душе не усматривал открытого мною *ТриЭго* субстанциональной телесности Необъективированного Человека, а в душе индивидуальной – полярного эго в едином *Триэго* вещественной телесности Человека (см.: Харченко П. А. ТриЕго. – К. – 2008. – 420 с.).

Средневековые схоласты также не разобрались в «универсальном бытии». Дискретный индивид сбил с панталыку и таких мыслителей, как Хайдеггер, Гюссерль, Кант, Поппер, Фихте [1762-1814], Шеллинг, Ясперс и других. Их гносеологические концепции не преодолевают «проклятия дискретного индивида» на пути к Истине. Ими не осознано, что структура бытия раскрывается *только* в Необъективированном Человеке. Если вначале объективационисты в познании бытия главное внимание уделяли объекту, то, начиная с Декарта и до нашего времени, в центре внимания философов оказывается субъект «потустороннего» или «посюстороннего» статуса (это: наиндивидуальный [«потусторонний»] Трансцендентальный Субъект Канта как вместилище «чистого сознания», априорных форм и всего универсального; посюсторонний Коллективный Субъект Маркса как общество психологических субъектов; Плюралистический Субъект, вмещающий в рамках одной индивидуальности множество психологических субъектов; и т. п.). В числе субъектов состоит и гегелевская Абсолютная Идея как Абсолютный Субъект познания и творения мира. Эта субъективность Абсолютной Идеи даёт основание говорить, что основной принцип философии Гегеля – принцип тождества мышления и бытия – является тождеством

объективированного характера, и диалектику Гегеля следует называть не объективной (вне субъекта), а объективированной.

Проблема «кто познаёт?» особенно волновала Николая Бердяева. Он писал: «Познающий субъект – не есть бытие, субъект гносеологичен, а не онтологичен, он есть идеальные логические формы, совсем не человеческие, связь которых с человеком остаётся непонятной... Как осмыслить и углубить то неустранимое предположение познания, что познаёт человек?» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 26). Но Бердяев не осознал, что познаёт Необъективированный Человек, а не «человек»-дискретный индивид.

Проблему «кто познаёт?» не решили и представители трансперсональной психологии. Кен Уилбер полагает, что дуализм субъект/объект нельзя устранить с помощью любой формальной модели познания. Этот дуализм преодолевается только на постформальной стадии эволюции «сознания». Но этот мыслитель допускает ошибку, считая трансперсональный эмпиризм постформальным за природой знанием, он не осознал, что по своей информационной характеристике мир трансперсональных переживаний является миром объективированным. Уилбер ошибается и принимая «сознание» в качестве самостоятельной реальности. Ошибочная постановка проблемы познания характерна и для таких мыслителей, как Анри Бергсон [1859-1941], Ортега-и-Гассет Хосе [1883-1955], Эдмунд Гуссерль, Альбер Камю [1913-1960], Серен Кьеркегор, Габриэль Марсель, Фридрих Ницше, Жан-Поль Сартр, Мишель Фуко [1826-1884], Мартин Хайдеггер, Макс Шелер, Артур Шопенгауэр, Карл Ясперс и других.

Согласно классической философии, познание осуществляет субъект, обладающий «сознанием». Присмотримся, что же такое «сознание»? Вот несколько его определений: «Сознание – свойство высокоорганизованной материи – мозга»; «сознание – особый, высший уровень организации психической жизни субъекта, выделяющего себя из окружающей действительности и отражающего эту действительность в форме психических образов, которые служат регуляторами целенаправленной деятельности»; «сознание есть отношение субъекта к среде»; «сознание – отражение объективного мира»; «сознание – субъективный образ объективного мира, субъективная реальность»; «сознание – непосредственная субстанция, открытая лишь для созерцающего её субъекта и противостоящая пространственному миру».

Абсурдно признавать извечное существование субъекта, а также приписывать наличие некоего «сознания», онтологически не существующему, якобы его носителю, – дискретному индивиду. Существует не «сознание» объективированного «человека», а за этим стоит самораскрытие Необъективированного Человека, его Откровение через ТриЭ(э)го. Гносеологический субъект лишь «устройство» объективации бытия, и появляется он позже становления эгосистемы ТриЭ(э)го Необъективированного Человека.

Экзистенциально-антропологическая философия занята познанием онтологии «бытия субъекта», «субъективности» и «сознания», но она, как и традиционная философия, опирается на вымышленный смысл понятий «сознание» и «субъект». Большинство сторонников философской антропологии говорят о невозможности познания «сознания» субъектовым способом и отмечают, что оно не может быть объектом, вторичной формой, объективированной в различных явлениях. Сознание, считают они, есть нерелексивное «живое сущее», непосредственно знающее самого себя, свою основу и тождественное самой жизни. Правда, интерпретированы эти мысли по-разному. Например, Анри Бергсон и Артур Шопенгауэр (представители «философии жизни») признавали и нерелексивное сознание, и релексивное. А основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль утверждал, что сознание не содержит в себе субъекта, не есть объектом познания, оно есть реальностью, в формах которой нам даётся мир. Сознание является той абсолютной основой, в которой «творяются» и «рождаются» исходные смыслы всех форм человеческой активности. Поскольку в таком сознании субъект и объект отсутствуют, то его можно только описать, но не объяснить. Гуссерль попытался вычлнить в изначальной (онтологической) сфере некоторый «дорелексивный уровень сознания» и описать его в сущностной «чистоте», в его «чистом» бытийном плане, то есть как «вещь в себе», не поддающуюся субъект-объектному различению. Он полагал, что в «чистом сознании» субъект и объект отсутствуют. Процедура феноменологической редукции всех социальных, культурных и прочих психологических детерминаций показала, что в «осадок» выпадает «не психофизическое и социально-культурное «я», то есть псевдоэго-субъект (релексивное «я»), а некое трансцендентальное «я», не устранимое никакой редукцией и сопровождающее все субъективные акты объективированного «человека». Эдмунд Гуссерль не

усмотрел в онтологических («трансцендентальных») полярных «я» информационного «я» Триэго – этого «онтологического мозга», обеспечивающего возможность существования и самой информации, и самого феномена познания себя Человеком в разных модусах осознанности. Не догадался он и о том, что ТриЭго Необъективированного Человека сохраняет информацию обо всей Вселенной (которая, кстати, воспроизводится виртуально трансперсональными переживаниями в психоделических сеансах).

Называя рефлексивное «сознание» классической философии объективированным, «неживым», вторичным, нацеленным на познание явлений, представители философской антропологии считают, что истинное «сознание» не может быть предметом гносеологии, его невозможно выразить в объективированной форме, оно первично относительно предметного бытия, не является объектом. Мартин Хайдеггер полагал, что «чистое сознание» должно быть без «Я-я», иррефлексивным. Феноменологическое описание «сознания» должно совершаться негносеологически (без объективации). Он склонялся к онтологическому анализу человеческого существования без обращения к «сознанию». Но не зная о существовании ТриЭго Необъективированного Человека, экзистенциалисты запутались в своих «онтологических» представлениях о «сознании», пришвартованном к «человеку» – дискретному индивиду.

Лишь Николай Бердяев глубоко осознал препятствие на пути к истинной гносеологии и познанию сущности Человека. Привожу его мысли: «Один из величайших и неоправданных предрассудков гносеологии заключается в том, что познанию противостоит вне его находящийся предмет, объект, который в познании должен отражаться и выражаться» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 21); «Настоящая теория познания должна стать философской антропологией, учением о человеке, а не учением о трансцендентальном сознании и гносеологическом субъекте, но и не психологическим или социологическим учением о человеке, а онтологическим и пневмотологическим учением о человеке»; «В человеке скрыта загадка познания и загадка бытия. Разрыв между трансцендентальным сознанием, гносеологическим субъектом, идеальным логическим бытием и живым человеком, в сущности, делает познание невозможным. Я – познающий – изначально пребываю в бытии и составляю его неотрывную часть. И познаю я

бытие в себе, в человеке, и из себя, из человека. Только бытие в силах познавать бытие. И если бы познание не было уже бытием, то доступ к бытию был бы ему закрыт. Познание в бытии совершается и является внутренним событием в бытии, изменением бытия. Познающий и познание имеют онтологическую природу. Познание есть внутренний свет в бытии. Поэтому познание имеет космогонический характер. Объективирование в познании означает отчуждение между познающим и познаваемым. Объективирование и ведёт к тому, что и познающий, и познание перестают быть «чем-то» и делаются «о чём-то». «О чём-то» и значит быть объектом. Познающий субъект, которому противостоит бытие как объект, не может быть «чем-то», он всегда «о чём-то», он изъят из бытия. Когда ваше познание есть познание «о чём-то», об объекте, то невозможно поставить в глубине вопрос об онтологической реальности и ценности» (Бердяев, там же, с. 27, 28, 29). Истинное познание, говорит Бердяев, есть «обнаружением смысла из человека», «высшим сознанием», которое раскрывает мир по ту сторону распада на субъект и объект. Оно было до «мучительной раздвоенности», до «отпадения от единства с Богом», до того, «когда человек начал различать и оценивать, вкусил от древа познания добра и зла». Настоящее познание «существовало до объективации, до появления предметного, вещного, объектного мира, в котором смысла нет». Теория познания, полагал Бердяев, должна быть учением о целостном Человеке, который не знает «отпадения от Божественной Троицы», из которого не выпадает Космос и не становится «внешним миром». «Смысл раскрывается из человека, из его активности и означает открытие человекоподобности бытия. Внечеловеческое идеальное бытие бессмысленно» (Бердяев, там же, с. 26). Открыть настоящую теорию познания – означает решить великую эпистемологическую задачу – познать себя и в статусе вещественном, и как триипостасного Бога, а это требует «расшатывания затверделого феноменального мира и большего просвечивания ноуменального ядра мира» (Бердяев, там же, с. 352).

«Ноуменальным ядром мира» есть онтологическая Троичность. Главной трудностью на пути к постижению телесности Человека, его сущности является преодоление объективации, связанной с «разрывом пола». Субъект – проводник гносеологической объективации, омертвления действительности. Проблема истинного познания, прежде всего, должна сводиться к познанию сути Человека. Гносеологический

корень такого познания уходит к раскрытию онтологической связи вещественной триполярности (пола) и субстанциональной триипостасности, онтологической сублимации (переходу) **триипостасности в триполярность**. При таком концептуальном основании познания коллизия Обьективированного и Необьективированного вокруг сущности Человека исчезает.

Всё гениальное, действительно, простое. Я удивляюсь, почему до меня никто из мыслителей не открыл Необьективированного Человека, не увидел в мужчине, женщине и андрогине триполярной неразрывной целостности, а пребывал в плену надуманного полового бинаризма, «разрыва андрогина». В онтологическом отношении никакого «разрыва» пола никогда не было. Истинный (Необьективированный) Человек телесно был, есть и будет триипостасно и триполярно целостным. И остаётся лишь сожалеть о постоянном звучании заявлений, подобных высказыванию Бердяева, что «человек... существо половое и разорванное, неполное и ущербное, стремящееся к полноте и цельности, к андрогинному образу» (Бердяев, там же, с. 72).

Но тот же Бердяев отмечал, что преодоление объективации, выход из рабства мира объектов «может быть назван пробуждением сверхсознания или высшего сознания» (Бердяев, там же, с. 355). Он указывал, что с преодолением разрыва пола «сознание получит новую направленность и это будет революция сознания». И хотя Бердяев пользовался неудачным понятием «сознание», всё же справедливо абсолютизировал значение идеи троичности Абсолюта для раскрытия тайны бытия: «Невозможно осмыслить мир и мировую историю вне идеи троичности Абсолюта; «История мира зачалась в троичности и только в ней предвечно решается» (Бердяев Н. А. *Философия свободы*. – М. – 1911. – С. 155). Правда, эту аксиому до Бердяева высказывал и Сен-Мартен [1743-1803]: «Исключительно правдивым языком о сущностном содержании человека должен быть язык триединства» (Леман Б. Сен-Мартен. – М. – 1917. – 116 с.).

Самораскрытие Необьективированного Человека тождественно его природе, его развитию за логикой троичной жизни. Эта логика не привносится «извне», а проявляется **в форме следствия, в форме раскрытия его сущности**. Она есть самопознанием «из Человека и в Человеке», исключаяющим объективацию, есть самопознанием, не знающим дискретной множественности («составленности из дискретных

элементов»), «внешнего», «прерывного», всяческих «дуальностей», «арифметических триад»..., всего того, что характеризует объективированное субъектовое познание («несчастное сознание»).

Без преувеличения можно сказать, что необъективированное познание (Тригнозис) является мессианской гносеологией освобождения Человека из рабства объективации, из плена оппозиции «добро/ зло». Если гелиоцентрическая система Николая Коперника [1473-1543] в свое время положила начало переворота в естествознании, то Тригнозис – *переворот в гносеологии*. Он, несомненно, приведёт к революции во многих научных дисциплинах. Тригнозисный модус осознанности ставит в центр Всебытия Необъективированного Человека и этим наносит смертельный удар по теоцентризму. Тригнозисный антропоцентризм – иной антропоцентризм, чем тот, который в истории философской мысли связан с объективированным «человеком»-атомом в образе дискретного индивида.

Психодуховное преображение Человека в русле Тригнозисного мировосприятия – процесс неотвратим, он уже начался с раскрытия мной Откровения Троичности. Говорят, «ничто не остановит идею, время которой пришло». Необъективированный Человек уже стоит на пороге XXI века. Мировая духовная революция на марше. Наступает нравственный перелом в жизни Человечества, оно осознаётся *Человеком единого Человечества – Необъективированным Человеком*. Из нашего разума устранился субъект-объектное представление о Человечестве, возникнет новая социология, новая форма общества. Социальные последствия Тригнозисного прорыва в познании революционны. Человечество очутилось перед задачей переиначить существующие общественные отношения, привести их в соответствие со своей необъективированной природой. Необъективированный Человек снимет все антагонизмы в обществе. Он не может конфликтовать с *самим собой*, убивать, грабить, обманывать... В книге «Второе Пришествие» я уже рассмотрел дилеммную проблему «я и ты» («ego et tu»), минуя традиционные принципы разума (формально-логические законы). Применив в употребление необъективированную гносеологию – *Тригнозис*, я показал, что онтологически «*я*» и «*ты*» *телесно Одно*. Истинно справедливые слова Христа: «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Матф. 22:39). Ближний и есть ты сам! Объектность и предметность

Человека были связаны с иллюзией разорванности его телесности в рамках половой триполярности.

Необъективированный Человек ожидался тысячелетиями. Он явился. Его пришествие состоялось через познание, «истребляющее лукавое сечение пола», восстанавливающее целостность пола. Это вестит о конце исторического времени и начале вечной жизни Человека. Завершается смысл мировой истории. Сбывается благая весть Николая Бердяева о том, что «в будущем люди будут не родового сознания и родового понимания пола, а Божественного, они увидят универсальное значение пола для всего Человека, для всего Космоса, они дальше пойдут в понимании пола, нежели только в его связи с сексуальными актами».

Объектность Человека связана с иллюзией разорванности триполярности его телесности. Главное отличие вербального Откровения Человека от объективационистического самопознания следующее:

<i>Вербальное Откровение</i>	<i>Объективационистическое познание</i>
Осуществляется через информационный эготриплет ТриЭ(э)го	Осуществляется через посредство субъекта
Человек раскрывается в образе Необъективированной тройственной реальности	«Человек» предстаёт в образе дискретного индивида мужского или женского «пола»

5. Субстанциональная телесность Человека в истории онтологической мысли

Субстанциональный уровень телесности Человека существует вечно, он первичнее вещественного уровня. Субстанция не имеет дифференциальных признаков. Ей свойственна лишь триипостасность. Взаимопревращение ипостасей Субстанции приводит к её «уплотнению», дифференциации – появлению триполярного вещества (вещественного уровня телесности Человека). Вещественный триполярный мир «разрушаясь», снова становится триипостасной Субстанцией.

Петро Харченко

5.1. Троиный Брахман

«Едино то, что стало Всем».

Ригведа

Деобъективация пола, проникновение в его тайну как триполярности всемирного вещества ведёт к кардинальным изменениям наших представлений о сущности Человека. История онтологической мысли свидетельствует, что изначально (в логике неосознанного Откровения) Человек засвечивается необъективированной реальностью (Абсолютом). Но с появлением субъекта и средств объективации происходит сужение телесности Человека. Её пределы субъект ограничивает «биологическим дискретным индивидом». Происходит «разделение» Абсолюта на субстанциональное и вещественное.

В поисках первоосновы бытия древнеиндийская философия дошла до концепции Брахмана. Наиболее основательно эта концепция разработана в Упанишадах и сочинениях Шанкары. Брахман (Абсолют) – наивысшее начало всему, которое, уплотняясь, вызвало возникновение вещественного мира из себя. Из Брахмана берёт начало вещественный мир и в него возвращается при своём разрушении (Шветашватара-упанишада). Брахман творит вечно и непрерывно. Развитие Брахмана не вносит никаких изменений в него самого. Изменению подвергается только им порождённое. Брахман – непрерывный, вне времени и пространства, вне причинно-следственных отношений, лишённый дискретной множественности. С помощью дифференциальных признаков описать его невозможно. Он доступен разве что высочайшей религиозной интуиции, которая составляет основу интегрального опыта.

Упанишады признают множественность отдельных (дискретных) элементов бытия иллюзией, потому и требуют отказа от эгоистических устремлений. Знатоки индийских священных книг отмечают: в Упанишадах единство всего сущего нашло своё воплощение в концепции единой безличностной реальности – Брахмана (Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. – М. – 1955. – С. 54). Мир, говорится в Упанишадах, берёт своё начало от Брахмана, выстраивается на нём и, будучи разрушенным, возвращается назад к нему. Реальность

множественности отдельных объектов отрицается, но признаётся их единство в одной реальности – Брахмане. Брахман безначальный, нескончаемый и высший от древа времени. Он – первичное творческое начало, зародыш всего сущего. Мир есть его манифестацией. В отдельных рассуждениях Упанишад ***Брахман тождественный материализованной троичной силе***, которая существует во всех вещах и которая создаёт, охраняет, уничтожает и возвращает их назад к себе.

Упанишады – это философская часть Вед. Идея триединства бытия – центральная идея Упанишад. Она проходит сквозь всю ведическую литературу. «Числовой комплекс троичности в Упанишадах – это три состояния Пуруши, три элемента Брахмана, три породы существ, три сущности миров, связанных с творческим актом Праджapati. В космологических спекуляциях Упанишад троичность составляет ведущий принцип моделирования Вселенной. Брахман – троичная первооснова, первопричина всего сущего, он единый (не имеет частей, неделимый). Брахман создаёт всё и всех, в том числе феноменальный мир и богов, но делает это через посредничество Атмана (Наивысшего «Я», Абсолютного духа, Пуруши). Душа Брахмана – Атман – есть alter ego Брахмана и, значит, тоже ***троична по природе***. Брахман, хотя и находится вне времени и пространства, но до предела наполняет собой время и пространство. Он есть и познание, и мысль, и истина» (Васильев Л. С. Дао и Брахман: феномен изначальной верховной всеобщности // Дао и даосизм в Китае. – М. – 1982. – С. 140).

Как видим, наиболее фундаментально характеризует Брахмана его троичность (о троичности Брахмана имеется специальное исследование: Holtzman A. Brahman in Mahabharata // Zeitschrift fur die deutschen morgenlandischen Gesellschaft. – 1884. – Bd. 38). Идея троичности Брахмана фиксируется в целом ряде Упанишад (Чхандочья-упанишада, Майтри-упанишада, Брихадараньяка-упанишада, Шветашватара-упанишада и др.) и связывается с его деяниями, с его статусом источника разнообразия мира: «Великий, имеет три свойства (три гунны – прим. П. Х.), идущий тремя путями, он, владыка пран, странствует всюду со своими деяниями» («Шветашватара-упанишада»). Одной своей стопой Брахман двигается в первых трёх [гунах] и тремя двигается в последней (Майтри-упанишада). Беспреданно двигаясь, Брахман манифестирует себя как троичная Единица (Топоров В. Н. О Брахмане. К

истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М. – 1974. – С. 20-74).

Исследования многих авторов говорят, что учение о трёх гунах первично заложено в Упанишадах и характеризует троичность Брахмана. В дальнейшем оно получило своё развитие в философии санкхьи. И, действительно, идея триединства в истории индийской философско-религиозной мысли отменно утверждается через три Абсолюта: троичного Брахмана, тригунного Пракрита и Тримурти.

Обычно характеризуют Брахмана как неизменяемого, без свойств. На вопрос – каким образом из абсолютного Единого проявляется призрак дискретного множественного, дискретного разнообразия бытия («мир имён и форм»)? – брахманисты отвечают: «это следствие незнания, результат субъективного обмана». Брахман и мир – суть двухуровневое Единое. Некоторые направления Веданты (Веданта – завершающий этап ведийского периода, представленный Упанишадами) признают реальность зависимого от Брахмана мира и допускают наличие у Брахмана творческой потенции (шакти) продуцировать недискретную множественность объектов. Иногда эта потенция связывается с половой характеристикой Брахмана. Правда, ответ на вопрос – какого пола Брахман? – удивительный: «Он не женщина и не мужчина, он и не бесполой» (Шветашватара-упанишада); «Женское, мужское, среднее (андрогинное) – это образы его рода» (Майтри-упанишада). В Брихадараньяка-упанишаде говорится: «Он стал таким, как женщина и мужчина, которые соединились в объятиях. Он разделил себя на две части. Тогда возникли мужчина и женщина. Вот почему сами по себе мы словно половинки целого». Как отмечается в литературе, подобные мотивы получают более полное объяснение в рамках общей теории «двойственного» рода, андрогинизма и близнячества (Топоров, там же, с. 63).

Половую характеристику Брахмана нужно связывать с его инобытием – триполярным веществом, с трансформацией триипостасности в триполярность.

5.2. Тройственный Будда

Эволюцию осознанности Необъективированным Человеком тройственности своей телесности демонстрирует буддизм. Буддистская махаянистская Троица представлена символом незримой Трикаи – «трёх

тел Будды, представляющих духовную сущность, олицетворённую тремя существами. Первое тело (дхарاماкая) олицетворяет одвечную неизменную реальность. Второе тело (самбхогакая) олицетворяет пребывание Будды в сверхъестественных мирах. Третье тело (нирманакая) олицетворяет приобретение им образа человека. Будда является высшим принципом, первичной основой всего бытия. Три тела Будды – это три аспекта единого образа.

Природа Будды является универсальной основой существования всех индивидов, она в каждом из нас.

В китайском буддизме (таньтай, хуаянь, чань) Будда одновременно совмещает в себе целостный универсальный разум и разум отдельного индивида. Природа Будды составляет истинную сущность индивидов, в силу чего все они взаимотождественны. Нет такого «я», которое отгораживалось бы дискретно автономными чувствами, желаниями, эмоциями. Но в земном (сансарическом) бытии индивиды, из-за мнимого дискретного «я» (как сознания, которое обуславливает проектированный мир иллюзорных вещей), не тождественны своей сущности, поэтому их существование мыслится как разобшённое. Конечной целью любого индивидуального существования есть слияние с природой Будды, которое равносильно вхождению в нирвану, где исчезают границы между вещами и всё предстаёт целостным, единым, без противоречий. Будда – вершинное, просветлённое, абсолютное состояние Единого.

5.3. Тримурти

Проблема единства триипостасной субстанциональной и триполярной вещественной телесности Необъективированного Человека экзотерически (открыто) засвечивается при рассмотрении Тримурти в постведическом индуизме. Брами, Вишну и Шива являются одним (в тройственном своём проявлении) божеством – Тримурти, пребывают в онтологическом и функциональном единстве. Тримурти создаёт мир, сохраняет его и разрушает. По линии вещественной телесности лики Тримурти выступают полярностями (характеризуются половой полярризацией). Творец мира Брами является гермафродитом и имеет супругу Савитри (или Сарасвати), Вишну проявляет себя божеством мужского пола и находится в браке с Лакшми (или Сри), а Шива, имеющий супругу Деви, иногда предстаёт гермафродитом, но часто его пол

инверсирует (смене пола подвергнуты все три лика Тримурти). Являясь ипостасями субстанциональной телесности Тримурти, лики Брами, Вишну и Шива взаимопревращаются.

5.4. Тригунный Пракрит

Выразительно связь триполярности и триипостасности выражает санкхья – ведущая философская школа древней Индии (основатель Капила, жил в VII ст. до н. э.). Идеи этой философии существовали ещё до возникновения буддизма. Известный историк индийской духовной культуры Дебипрасад Чаттопадхья [1918-1993] отмечал, что «санкхья, возможно, является развёрнутым философским проявлением теоретической основы, которая содержится в тантризме. Но достаточно и категорических мнений: тантризму позаимствовала свою теоретическую основу санкхья». Санкхья определённой мерой базируется на Упанишадах. Она, как и тантризм, связана с онтологией пола (вообще весь материализм древнего Востока формировался вокруг проблемы пола).

Ведущая категория санкхьи – Пракрит. Пракрит не имеет составных частей. Он – первичная материя триединой природы, из которой создаются видимые вещи, эмпирический мир. Санкхья различает два уровня материи: первичный субстанциональный (созидаемый) и вторичный (созданный, продукт первичного). В терминологии, которая используется философами санкхьи, подчёркнуто разницу между Природой как продуктом Пракрита и Пракрита как причиной Природы (вьякти и авьякти). Вьякти – это то, что имеет причину: вторичное, временное, непостоянное, множественное, составленное из частей. Авьякти – извечная (первичная) бесструктурная материя, вездесущая субстанция, всюдупроникающая. Авьякти – тригунная реальность, она постоянно трансформирует себя с помощью гун в Природу (вьякти), в чувственно ощущаемую множественность вещей, с которыми сталкиваемся ежедневно (авьякти им внутренне свойственна). Развиваясь, авьякти продуцирует индивидуумов трёх полов, которые различаются между собой соответственно различиям между тремя гунами. В санкхьи молвится, что во всём содержится три субстанциональные гуны, которые пребывают в неразрывном единстве. Гуны – три качественные нитки, из которых сплетена субстанциональная ткань Пракрита. Процесс развития Пракрита есть состоянием нарушения

равновесия трёх гун. От нарушения равновесия гун возникает всё разнообразие и постоянное изменение форм в феноменальной Вселенной. Разум и «я» (субъект) также возникают вследствие нарушения равновесия гун.

Гуны как материальные сущности упоминаются и в Упанишадах (Чхандочья-упанишада). Само слово «гуна» – многозначное, но чаще всего его переводят: «качество», «верёвка». Три гуны (Саттва, Раджас, Тамас), словно верёвки в канате, сплетают материальность Пракрита: все три гуны извечно соединены друг с другом; все три – всегда в наличии; Саттва соединена с Раджасом, Раджас с Саттвой, таким же образом обе они (Саттва и Раджас) связаны с Тамасом, а Тамас – с Саттвой и Раджасом. Между ними нет дискретного соединения или разъединения, они – извечное триединство. Саттва, Раджас и Тамас не вступают ни в одно взаимосочетание, поскольку они никогда не разделены. Гуны несочетаемые с конкретным веществом, но и не теряют свою вещественность.

Уже в архаической индийской мифологии Пракрит признаётся первоначальной субстанцией, у которой три гуны. Гуны – субстанциональная первооснова Пракрита. Соединение Пракрита с Пурушей (духовным началом, которое «оживляет» Пракрит) выводит гуны из равновесия и вызывает развитие, следствием которого есть рождение Природы, которая тоже наделена тремя гунами (следует понимать – тремя полярностями) и являет видоизменение своей материальной причины (то есть субстанционального уровня Пракрита). Гуны всегда взаимопревращаются: «Даже в том состоянии, которое считается состоянием равновесия, гуны постоянно превращаются одна в другую» (Радхакришнан С. Индийская философия. – М. – 1956. – Т. 1. – С. 233). Создание отдельных вещей происходит тогда, когда одна из гун доминирует над двумя другими, а они, со своей стороны, подчиняются ей.

С гунами связывается идея единства, непрерывности, материальности, развития и разнообразия материи. Две гуны противоположные, а третьей принадлежит роль уравнивать две первые, она – что-то среднее, промежуточное (Мюллер М. Шесть систем индийской философии. – М. – 1901. – С. 229). Гуной, которая заботится о равновесии двух других, Капила [жил не позже 7 в. до н. э.] называет Раджас, другие авторы – Саттву.

Гегель, анализируя учение санкхьи, приходит к выводу, что оно, как и другие индийские системы философии, сосредоточивается на трёх качествах (гунах).

Но почему Праkrit состоит именно из трёх недискретных составляющих гун? Вот одно из объяснений. Если будет провозглашена только одна гуна, то она не сможет объяснить всё разнообразие мира; если две гуны, то они будут взаимно уравниваться и не будут создавать предпосылок к развитию (или одна из них возьмёт верх над другой и обусловит только одностороннее направление изменчивости). И только три гуны есть тем минимальным числом, которое обеспечит и развитие материи, и объяснит её разнообразие (Аникеев Н. П. О материалистических традициях в индийской философии. – М. – 1965. – С.158).

Гуны обусловили наличие триполярности (пола) на уровне продуктов развития субстанционального Праkritа. В учении о троичном Пракрите древние индусы соединили принцип материального единства с принципом всеобщего развития. «Учение санкхьи о трёх гунах, с помощью которых объясняется самодвижение, саморазвитие материи, есть одним из величайших достижений индийской философии. В санкхьи содержится предположение о том, что источник развития и движения следует искать в самой материи» (Аникеев, там же). От неатомистической концепции тригунной материи (Праkritа) к эмпирической триполярности – это и есть тот путь, который прошла в своей поступи классическая древнеиндийская теория сущего.

Учение о трёх гунах содержится также в религиозной доктрине Махабхараты, в других течениях индийского философствования. Соотносясь с сущностью Бога, «три гуны ведут к концепциям Вишну, Брахмы и Шивы. Гуны являются неотъемлемыми способностями божества, которые существуют не только в совершенном равновесии покоя, но и в божественном действии» (Радхакришнан С. Индийская философия: В 2-х т. – М. – 1956. – Т. 1. – С. 428).

Праkrit познаётся через гуны (природа предмета становится методом познания). Развитие проявляется как процесс возникновения отличительного в одинаковом и происходит в направлении «не от целого к части» и не «от части к целому», а всегда от относительно менее различного целого к относительно более различному целому» (Чаттопадхья Д. Локаята даршана. История индийского материализма. – М. – 1961. – С. 496).

5.5. Троединое Дао

В древнейших преданиях Китая Единое (Дао) описывается как Троединое. «Дао – есть три и три – суть одно; Дао – есть бытие в тройственности; непостижимость этой Троицы заключается в единстве. Она вечна и есть творящее начало в тройственности, есть существо, видимое разумом, а не взором» (см.: Вельтман А. Первобытное верование и буддизм. – М. – 1864. – 115 с.).

Дао является не только основной категорией даосизма, который репрезентирует сложный мировоззренческий комплекс, но и всей китайской философии и культуры. Начало даосизму положил Лао-Цзы [2-я пол. 6-1 пол. 5 ст. до н. э.], создав книгу «Дао де цзин».

Центральной идеей древнего даосизма является идея триединства источника мира в недрах Дао. Дао – непрерывная первооснова, «пращур» (отец и мать) всего сущего. Благодаря Дао, всё сущее рождается. Дао проявляет себя в вещах и есть принципом их существования, оно первобытнее от мира вещей – так его описывает Ге Хун [283-343], который стоял у истоков средневекового даосизма. Даосисты условно различали вечное, безымянное Дао (как глубокую субстанцию вещей) и Дао, наделённое именем, которое вещественно предстаёт на чувственном уровне. Внешность вещей – это «цветок Дао».

Триединство – фундаментальная черта Дао. Лао-Цзы признавал Верховное Существо (Дао) трединым (Троицкий Н. И. Триединство Божества. – Тула. – 1909. – С. 8). В сочинениях Лао-Цзы изложено учение именно о Троице (Николь О. Философские размышления о Божественности христианской религии: В 2-х т. – Тамбов. – 1867. – Т. 2. – С. 396). Гегель тоже отмечал, что «тотальность Дао обнаруживает определение троичности» (Гегель Г. В. Ф. Философия религии: В 2-х т. – М. – Т. 2. – С. 476).

Что же касается полемики вокруг природы Дао, то она вызвана тем, что Лао-Цзы высказывался как бы двузначно по этому поводу: «Всё есть Одно, двуединая природа Абсолюта»; «Три есть Одно». Думаю, под «двуединой природой» Дао следует понимать двухуровневый характер его телесности – субстанциональный и вещественный.

Онтологические взаимоотношения между тремя «ипостасями» Дао – вечные и одномоментные. Трединая субстанциональность Дао

существует вне исторического времени и пространства, хотя одновременно заполняет собой и все вещи без остатка. Дао пребывает в состоянии непрерывного развития. Рождение переходных, «смертных вещей» представляется как следствие взаимодействия «троих». Вещи не развиваются, развивается только Дао. Взаимоотношения «троих», их единство – это покой в движении и движение в покое. Покой, учил Лао-Цзы, – вот «главное в движении». Покой Дао – это покой, который таит в себе движение и обеспечивает гармонию, благодаря которой мир находится на своём месте.

Итак, безымянное субстанциональное триединое Дао движется в покое (равновесии), вследствие чего «трое рождает все вещи» – происходит рождение вещественного Дао, наделённого именем, которое олицетворяет «принцип существования вещей». Проявляемое в вещах и людях Дао есть Дэ. Дэ – манифестация, эманация Дао в феноменальном мире. Отсюда берёт начало китайское понимание гармонии: мир пребывает в движении на поверхности, и в покое – в своей основе. Покой – верховное состояние мира, несмотря на то, что Дао пребывает в извечном становлении. Исходя из такого понимания единства и развития материи, даосисты принимали Вселенную как своё тело, смерть ими *не воспринималась как конец*. Дао (Единое) – извечное состояние материи, которое развивается в ходе разноступенчатого взаимодействия инь-янь. На вопрос – кто отец и мать? – даосисты искали ответ за пределами биологического «индивида», апеллировали к Дао. Объективированный человек своим дискурсивным мышлением, которое, к сожалению, ориентируется на принцип дискретной бинарной оппозиции, а не на непрерывную тройственность, расчленяет гармоничное единство и целостность бытия и тем самым его объективирует, отчуждает себя от своей же внутренней природы, рождает сам все свои беды.

Полюса Дао инь и янь не могут быть оторванными друг от друга и пребывают в такой тесной взаимосвязи и единстве, что о борьбе между ними («борьбе противоположностей») говорить нет смысла. Полюсам не угрожает гибель. Основой взаимодействия инь и янь, условием развития, согласно с Лао-Цзы, выступает единство, а не борьба противоположностей. Поэтому сопоставление Лао-Цзы с Гераклитом как «двух отцов диалектики», открывших закон «единства и борьбы противоположностей», является ошибочным (Григорьева Т. П. Японская

художественная традиция. – М. – 1979. – С. 106-107). Татьяна Петровна Григорьева [1929-2014] отмечает: «Если на Западе был признан закон причинности, натуральный ряд чисел, закон развития от простого к сложному, идея прогресса, то восточные мыслители имели представления о волнообразном движении, о повторении одних и тех же стадий в новом цикле». Великое Дао, благодаря взаимопереходу его ипостасей с наличными в них инь и янь, движется по великому кругу и, достигнув предела, возвращается к истоку. Развитие есть результатом взаимочередования инь-янь. Дао – путь, ход мирового Единого (Лао-Цзы. Путь, истина и свет. – Одесса. – 1916. – 56 с.; Янхиншун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. – М. – Л. – 1950. – 160 с.). Рождённые Дао вещи и существа снова возвращаются в своё первоначало, и снова Дао придаёт им жизненное движение, и снова, как и всегда, совершается нескончаемый кругооборот.

Следует сказать, что инь и янь сначала олицетворяли половое раздвоение на женское и мужское. И только позже принцип инь-янь приобрёл философский смысл, начал символизировать недискретное раздвоение материи и принцип развития. Даосисты наделяли взаимоотношения между полами космическим содержанием. Загадка пола и онтология триединства Дао, считают китайцы, неразделимы.

Три субстанциональные сущности (ипостаси) Дао причастны к проявлению пола (триполярности). Чтобы это постичь, нужно вникнуть в суть коллизии индивида и триединства. Даосизм древности и средневековья проявлял глубокий интерес к вопросам пола: «С точки зрения инь-янь, вполне естественным представлялось придание отношениям между полами космического значения и рассмотрение их в связи с внутренней сущностью Вселенной. Даосисты полагали, что пол не только не является препятствием на пути к так называемому состоянию «ши» (*«ши» настоящий человек – прим. П. Х.*), но и может оказать значительную помощь в деле его достижения» (Чаттопадхьяя Д. Локаята даршана. История индийского материализма. – М. – 1961. – С. 377). Даосизм рассматривает интимные отношения Человека как такие, что связаны с великим ритмом Природы и повторяют единение сил инь и янь.

Дао в древнекитайской философии обозначает не только основу процесса видоизменения и обновления Природы – «путь Неба», но и «путь Человека». Сущность человека даосизм связывает с началами

инь и янь, причём эти начала «нечто большее для человека, чем мать и отец» (Чжуан-цзы [ок. 369 до н. э. – ок. 286 до н. э.]).

Дао открывается умом, а не чувственностью. Лао-Цзы словом «Дао» отмечал сверхчувствительное существо и положил это слово в основу своей системы (Конисси. Лаоси. – М. – 1894. – С. 4). Только отдаляясь от чувственности и от её страстей, человек может увидеть в самом себе духовную сущность Дао, познавать мир, не выходя из двора (Лао-Цзы).

5.6. Святая Троица

Идея единства, исключающего дискретную множественность, нашла воплощение в образе Святой Троицы. Ранние христиане почитали трёх родственных Богов – Отца, Сына и Святого Духа, однако это ещё не был триединый Бог. Ни в Старом, ни в Новом Завете, полагают некоторые исследователи, нет зрелого догмата о триедином Боге, неслиянном и нераздельном при трёх извечных равносильных и единосущных ипостасях. Разное понимание взаимоотношений между ипостасями вызвало возникновение разных христианских церквей. Догмат триединого Бога не был окончательно выработан даже на вселенском Никейском соборе. Споры вокруг троичности Бога не утихали и только постепенно сформировалась мысль, что все три ипостаси христианского Бога – это одно Божество, единое в Трёх, и единое есть Три.

Бог как Единое – полнейшая противоположность множественности. Святая Троица не есть обычное арифметическое число три. Григорий Богослов говорит: «Все Трое суть Одно, Единица в Троице поклоняемая и Троица в Единице возглавляемая, вся достойная поклонения, вся царственная, единопрестольная, равнославная, премирная и превышая во времени, несозданная, невидимая, непостижимая» (цит.: Спасский А. Тринитарный вопрос: история учения о Святой Троице. // История догматических движений в эпоху вселенских соборов. – Сергеев Посад. – 1914. – Т. 1. – С. 511). Учителя церкви считают Бога единым по числу и единым в себе самом своим внутренним единством, он неделим, единичность и множественность в нём единосущны.

Троичность – основное определение, «высокий принцип христианской религии». Троичность и единство – это одно и то же, что и «триединство». Григорий Богослов говорит: «Не успеваю помыслить

об Едином, как озаряюсь Тремя. Не успеваю разделить Трёх, как возношусь к Единому». Нет единства без троичности, а есть троичность в единстве и единство в троичности. Троица у богословов (как и Божественная Верховная триединая Единица пифагорейцев) – число метафизическое, она – не арифметическая дискретная величина.

Весомый вклад в разработку догмата Святой Троицы сделали Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан [160-225], Татиан [ок. 120 - ок. 173], Ориген, Климент Александрийский, Афанасий Великий, Августин Блаженный, Иоанн Дамаскин, Пьер Абеляр [1079-1142], Пётр Ломбардский [ок. 1095-1160], Фома Аквинский, Бонавентура, Мартин Лютер, Филипп Меланхтон [1497-1560], Готфрид Лейбниц и многие др. Однако наибольшую роль в становлении учения о триедином Боге (единого по существу и троичного в ипостасях), бесспорно, сыграли каппадокийцы – Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский – в православном регионе и Августин Блаженный на Западе, у «латынян». Они поняли Троицу как единство в различии, а различие – в единстве.

Относительно происхождения идеи троичности известны разнообразнейшие мнения. Я полагаю, что Троичность оповестил сам себе Необъективированный Человек в ходе своего «откровения», самораскрытия. С этим закономерно следует связывать возникновение религиозного процесса как невербального самораскрытия Человеком своей сущности.

Христианские богословы единодушны в том, что идея триединства оповещена человеку самим Богом. И поэтому, констатируют они, первоисточником догмата Троицы не могут быть учения древних языческих религий о Божестве. Однако учение о троичности Божества можно найти во многих древних религиях, например, индийской (браминской), персидской, египетской, греческой, римской.

Но между христианским догматом триипостасности и триадами языческих религий – коренное различие. Триипостасность соотносится с субстанциональным уровнем телесности Необъективированного Человека, а языческая триадность – с вещественным уровнем телесности Человека. Не образовалось христианское учение о Троице и под влиянием языческой философии Платона и Плотина (Малиновский Н. Православное догматическое богословие. – Сергеев Посад. – 1910. – С. 459-460).

В новейшей философии господствует точка зрения, что идея триединства в Библии не оригинальна. Шеллинг жаждет видеть её в дохристианских религиях и в идее космического всеединства. Гегель заметил её первейшие ростки тоже в архаических религиях, однако он доводит, что только в христианстве она достигла окончательной зрелости. Владимир Соловьёв отдаёт преимущество эллинистической и позднеантичной духовной атмосфере, подчёркивая, что отрицать связь между Филоновым учением и неоплатонизмом с одной стороны и христианским учением о Троице – с другой, в полной мере нельзя (Соловьёв В. С. Духовные основы жизни. – СПб. – 1897. – С.98).

До меня онтология Троицы не была разгадана. Богословы, хотя и написали о ней горы книг, но не раскрыли её тайну, не осознали закономерного характера возникновения религиозного процесса. Природа Святой Троицы провозглашена богословами тайною тайн, которую разумом не постичь, разве что, согласно с Григорием Нисским, одно можно и нужно знать: «...божественная Единица заключается в Троице, и Троица, в которой раздельность и единство непостижимы, заключается в Единице...» (цит.: Сильвестр. Опыт православного догматического богословия. – К. – 1885. – Т. 2. – С. 601). Догмат Троичности был объявлен сверхразумным, рационально непостижимым. Августин Блаженный писал: «Какой образ рассуждения, какая сила и могущество рассудка, какая живость ума и пронизательность соображения покажут нам... как существует Троица! Что такое она есть, это неизречённо, этого не может изъяснить даже язык ангельский, а тем более человеческий» (цит.: Сильвестр, там же, с. 601-602). А Григорий Нисский отмечал: «Если бы кто и попытался постигнуть Троицу, с тем должно бы было произойти то же, что бывает с прерывающимся от чрезмерного напряжения голосом, или с ослабевающим и даже совершенно туманящимся зрением, когда оно пытается поймать солнечный луч» (цит.: Сильвестр, там же, с. 603). Научная Американская Энциклопедия авторитетно заявляет, что догмат о Троице пребывает вне предела всяческого человеческого разумения.

Постичь онтологию Святой Троицы объективационистически невозможно. Она постигается Тригнозисной (необъективированной) логикой познания, которая содержится в природе Необъективированного Человека и раскрывает онтологическое единство триполярности и трипостасности бытия «из Человека и в Человеке». Если полнота

образа бесполого Бога характеризуется тремя лицами в одной плоти, то и созданные им по своему образу мужчина, женщина и андрогин должны соответствовать формуле – «полярностей три, а плоть одна». Уже этого достаточно, чтобы считать Бога и Человека одной сущностью – Богочеловеком, который существует в двух измерениях своей телесности – субстанциональном и вещественном. То, что проявляется как «Бог», – есть дофеноменальным (субстанциональным) телом Необъективированного Человека (онтологическая связь между полом Человека и троичностью Бога, очевидно, богословами замалчивается сознательно).

В христианском Боге единство божеских ипостасей – это единство через «брак взаимопревращения». Такое единство оказывается триединством, а не арифметической триадой (дискретным троебожием). Становясь веществом, Субстанция трансформирует триипостасность в триполярность. Связь пола с ипостасностью, как я уже говорил, можно проследить и при рассмотрении моно- и политеистических этапов становления религиозного процесса. В случае христианского монотеизма триипостасный Бог создаёт мужчину, женщину и андрогина, но сам при этом не имеет пола. В политеизме божества дифференцированные в половом отношении. Это или мужское, или женское, или андрогинное существо. Андрогинные боги имели широкое распространение: Эрос, Зевс («был мужским началом и бессмертной нимфой»), Эрван, Митра, Даму (бог здоровья в шумеро-аккадских мифах), Ометеотль (у племён науа), Туисто (у давних немцев), Амон (первобожество египетской религии), Солнце (в сабеизме), Адити (в ведийском и брахманистском пантеоне Индии) и т. п. Некоторые мифологические божества на протяжении жизни меняют свой пол на противоположный через посредничество андрогинной стадии (например, Палес в римской мифологии).

Природа пола составляла на протяжении всей истории познания большую загадку. Разгадка космогонической тайны пола открывает Необъективированного Человека и дифференциацию его телесности на биологические формы (виды). Исходное значение пола для раскрытия тайны Человека признавалось многими мыслителями. Заинтересовавшись, каким образом человеческая природа, будучи единой, существует в множественности отдельных индивидов, Эриугена констатирует: «Если взять во внимание природу человека, созданную по образу три-

единого Бога, *то в ней через пол охвачены «все животные», «весь мир»*. В онтологическом единстве триипостасности и пола усматривали разгадку бытия Н. Бердяев, Я. Бёме, Ф. Баадер. Бердяев, как и Бёме, не рассматривал Бога статичным, то есть таким, в котором нет действия, а наоборот («Троичность есть внутреннее движение в Божестве, в динамике Троичности творится мир»; «Происходящее в глубине человека происходит в глубине Бога. Не может сохраниться статическое понимание Бога. Именно христианский Бог... может быть понят лишь динамически. В Боге есть в вечности совершающийся творческий динамический процесс. Это не должно пониматься так, что Бог зависит от мира и происходящего в мире процесса, но так, что происходящий в мире процесс внутренне связан с происходящим в вечности, а не во времени процессом в Боге, т. е. с божественной драмой» [Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 280]).

Я считаю взаимопревращение ипостасей главным механизмом «боготворческой деятельности», олицетворяющей появление «уплотнённой субстанции» (вещества) триполярного мира. Кстати, о взаимопроникновении ипостасей Святой Троицы говорил в своё время Иоанн Дамаскин. Он полагал, что субстанциональная Тройка извечно находится в движении. А Оноре де Бальзак [1799-1850] заметил: «Бог есть число, одарённое движением».

Бог и Необъективированный Человек – единая Реальность, представленная двумя уровнями телесности – триипостасным субстанциональным («божественным») и триполярным вещественным («человеческим»). Н. Бердяев близок к этой истине, когда пишет: «Есть две природы – божественная и человеческая, которые не тождественны. Но обе эти природы находятся в Божественной Троичности. Предвечно есть Божье Другое. Таинственно сопрягается богочеловечность и Бого-троичность, тайна двух (богочеловек) и тайна трёх (Божественная Троичность)» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 278). Бердяев относил мужское, женское и андрогинное к тем началам, которые подлежат синтезу в новом миропонимании (такого мнения был и Василий Розанов, согласно которому, пол укореняется в мистическую жизнь не только Природы, но даже и в жизнь самого слитого с Природой Божества).

Божья телесность (Человеческая телесность субстанционального уровня) существует вне времени, не имеет пола, ей свойственна толь-

ко триипостасность, которая в Человеческой телесности вещественного уровня преобразована в триполярное единство, то есть в пол. *Пол (триполярность) является предельной основой вещественного бытия.*

При осмыслении онтологических конструкций мысли – Брахмана, Праkritи, Тримурти, Дао, пифагорейской Верховной Божественной Единицы, Абсолюта в учении «чань», христианского Бога и других, я осознал, что их триединство и половая тройственность индивидного уровня человеческой телесности связаны между собой, пребывают в универсальном отношении ко всему бытию. Стало ясно, что сами эти конструкции онтологической мысли олицетворяют сверхиндивидную телесность Человека. Иными словами, история онтологической мысли есть историей познания мыслью своей материальности (телесности), своего отелеснения на субстанциональном уровне.

Субстанция (лат. substantia – нечто, лежащее в основе) – основа всего бытия, не содержит множественности, непрерывна, ей нечего противопоставить, весь вещественный мир создан ею. Она не «улавливается» органами чувств. Из-за этого считалась нематериальной, воспринималась как что-то абстрактное, чисто духовное, трансцендентное (эзотеризм, буддизм, йога, платонизм, философия Гегеля и т. п.). Такое нематериальное понимание субстанционального уровня материи положило начало «идеализму», который и сейчас гуляет в головах философов. В отличие от материи-вещества, Субстанция не имеет никаких структур и качеств, а только наделена *триипостасностью* (информационным кодом-оператором при создании вещества). Создавая вторичный уровень материи – вещество, триипостасная Субстанция наделяет его триполярностью (полем), которая и «руководит» дальнейшей судьбой вещества, определяет его эволюцию.

Как продукт развития Субстанции вещество не развивается, а только эволюционирует (структуризируется, качественно изменяется, разрушается и т. п.).

Итак, Субстанция и вещество – это одна и та же материя, которая пребывает в разных статусах (грубо говоря, субстанциональное и вещественное можно сравнить с «парадоксом волна – частица» в боровской физике). Открыть приборами Субстанцию науке не удалось. Она открывается методологическим инструментом – Необъективированным познанием (Тригнозисом).

5.7. Троян

Украинский этнос уже со времён древности был причастным к архетипному формированию тригнозисного мировосприятия. Триединая природа Абсолюта признавалась украинцами ещё задолго до насильственной их христианизации. Своего Бога Триглава (Трояна) они воспринимали как почитание триединой целостности, ипостаси которой существуют неслиянно и нераздельно. Ипостаси Триглава: Сварог, Перун, Свандевид – вечные и живут каждый в каждом.

Следует сказать, что в истории украинской религии Бог именовался по-разному (Триглав, Троян, Дажбог). По-разному именовались и его ипостаси, но все три ипостаси олицетворяли единого триипостасного Бога и все три выступали аспектами каждой из них. Одна одну рождает, но не через физиологический акт рождения, а через их взаимопревращение. Отсюда – метафизическое Три в Одном и Один в Троицах.

5.8. Триединая Верховная Единица

«Всё – Три и нет ничего ни больше,
ни меньше этого числа Три».

Ион Хиосский [490-420 до н. э.]

В центре числового материализма пифагореизма стоит проблема Триединого – Многого, решаемая через метафизическое Число, числовые отношения, гармонию и пол. Метафизическое Число ранних пифагорейцев именуется **триединой** Божественной Верховной Единицей. Она – первородная (первичная) субстанция, порождает вещи внешнего мира. Вместе со своими продуктами развития она является **математизированной материей**.

Кроме метафизического Числа, пифагорейцы выделяли «стихии Числа» или числа в обычном математическом понимании, олицетворяющие принцип множественности и дискретности по линии вещей.

Первым нечётным числом по линии «стихии Числа» у пифагорейцев была арифметическая тройка (а не единица). А первым чётным была двойка.

Божественная Верховная Единица выражает *онтологическую тройственность*, является прообразом всех арифметических чисел («стихии Числа») и содержит в себе мужское и женское начало. Очень ценно то, что Пифагор Самосский [ок. 570-490 до н. э.] усматривал в Числе совпадение мышления и бытия.

5.9. Развивающаяся в триадичности Абсолютная Идея

«В духе же основной формой необходимости является троичность».

Гегель

Философия Гегеля направлена на целостное осмысление бытия. В «Феноменологии духа» творящим началом выступает диалектический разум, именуемый Абсолютной Идеей. Идея – первичная реальность и первооснова всего сущего. Производным (вторичным) от Абсолютной Идеи выступает вещественная Природа – чешуя (инобытие) Идеи. Сама Идея развивается диалектическим способом в триадичности. Такая троичность (триадичность), по Гегелю, есть «основная форма развивающегося духа», принцип существования и развития Идеи.

«Триада» как термин обозначает тройственный ритм движения бытия и мышления. Идея развивается по принципу триады – тезис, анти-тезис и синтез, выступая сперва в виде чистых логических сущностей, затем в форме инобытия (Природы) и, наконец, снова восходит к духу, возвращается к единству с собой. В Природе Абсолютная Идея не развивается, а лишь циклически воспроизводит себя в пространстве (важно подчеркнуть: эволюцию вещественной Природы Гегель не отрицал, но полагал, что изменение вещей во времени не является развитием).

Абсолютная Идея вечно есть, она внеисторическая и только раскрытие её носит временной порядок.

Гегель называл атомистический материализм «мнимым», «ничтожным», несовместимым с диалектикой. Это правильно в адрес материализма. Но гегелевская диалектика с её «пресловутым противоречием» – заблуждение ума.

По замечанию Ивана Александровича Ильина [1883-1954], главное слово философии Гегеля заключается в признании эмпирической раздельности единичностей метафизически не истинным состоянием

мира (Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога в человеке. – М. – 1918. – Т. 2. – С. 300).

В центре гегелевской «философии духа» стоит проблема Человека, но человека *объективированного*. Дух – третья и последняя стадия раскрытия Абсолютной Идеи. Здесь она проходит этапы субъективного, объективного и Абсолютного духа, которыми олицетворяется человек-индивид. Человек как отдельно взятый индивид представляет, считал Гегель, измерение субъективного духа; человек как социальное существо воплощает измерение объективного духа; Абсолютный дух представляет человека в идеологическом плане. Ступень Абсолютного духа завершает «Голгофу человеческого духа», приходя к познанию самого познания. Но дело в том, что Гегель споткнулся на объективированном человеке – дискретном индивиде, не разрешил коллизии Необъективированного и Объективированного, не открыл Необъективированного Человека.

6. Вещественная телесность Человека и видовая дифференциация

«Всё в мире – Человек,
Он свет и мироздание,
И солнце в небесах
Есть Человека лик».

Имадеддин Насими [1370 – 1417]

«Кто постигнет когда-нибудь тайну, что Бог есть человек,
что тварь есть Творец, а Творец есть тварь?».

Мартин Лютер

Решение вопроса о происхождении видов, их количественного приращивания в системе «живого мира» биологией провалено. И это сделал Ч. Дарвин. Научной логикой, которой он пытался решить эту проблему, она не решается.

Происхождение видов невозможно раскрыть без знания истинного носителя жизни. Но до меня биология не знала, каким есть истинный носитель жизни. Ч. Дарвин, к примеру, в своих умозаключениях по проблеме вида и видообразования опирался на фиктивного (объективированного) носителя жизни – дискретного индивида. Этот есте-

ствоиспытатель был озадачен мнимой проблемой выяснения происхождения дискретного организма, с которым естествоиспытатели связывали сущность и возникновение жизни вообще. Учение Дарвина страдает объективационизмом и механицизмом. Оно далеко от понимания единых детерминант целостности и развития всеобщей материи. Теория Дарвина выталкивает «жизнь» во вне, в обособленный (чисто биологический) статус.

Современный разум нуждается в новом (необъективированном) решении проблемы жизни, исходя из непрерывности и всеобщей целостности Мироздания. Такая предпосылка познания открывается через природу пола – выразителя *универсальной триполярности и единства материи вещественного уровня*.

Эвристичность такого подхода к познанию бытия несомненна, но она оставалась недоказуемой в древности. Например, элейская философская школа (Парменид, Зенон и др.) хотя и говорила о непринятии идеи дискретности бытия и отстаивала непрерывность, целостность и неделимость мира, но основу непрерывности бытия искала в обычных механических доказательствах, не вникая в *онтологический аспект* проблемы непрерывности и целостности.

Прогрессивность взглядов о единстве всего «живого бытия» заключалась в их антропоцентричности. В поэме «Очищение» Эмпедокл говорит, что «все животные – это тоже мы в ином состоянии». В новейшее время Шеллинг высказал мнение, что Человек был всегда, он жил в многообразных формах животного мира. Другой натурфилософ Лоренц Окен [1779-1851] рассматривал весь животный мир в качестве одного грандиозного организма (расчленённого на части Человека). Аналогично рассуждал Даниил Михайлович Кавунник (Велланский) [1774-1847]: «Животное царство есть один общий организм, частные члены которого – суть все животные, а общую целость составляет Человек; в животных Человек представлен раздробленным, а в Человеке животные образованы соединёнными» (Велланский Д. М. Биологическое исследование природы в творящем и творимом ею качестве, содержащее основные начертания всеобщей физиологии. – СПб., – 1812. – 464 с.).

Первое слово о наличии двух уровней телесности бытия сказала религия. Специфически об этом высказался Н. Бердяев: «Есть две природы – божественная и человеческая, которые не тождественны. Но

обе эти природы находятся в Божественной Троичности. Предвечно есть Божье Другое. Таинственно сопрягается богочеловечность и Бого-троичность, тайна двух [богочеловек] и тайна трёх [Божественная Троичность]» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 278).

Образ Христа (Богочеловека) – это своеобразный образ всебытия – Необъективированного Человека с присущими ему двумя уровнями телесности – вещественным («человеческим») и субстанциональным («божественным»). Впрочем, в произведении «Нарцисс» украинский философ Григорий Сковорода отмечает: «Верим, что Бог есть в человеческом теле. Есть настоящим он в теле нашем видимым, невещественный в вещественном, вечный в телесном, один в каждом из нас и целый в каждом. Бог в теле и тело в Боге, но не тело Богом и не Бог телом».

Я уже говорил, каким образом возник объективированный «человек», который, согласно предсказаниям Библии, отойдет в небытие в «конце мира». Коротко повторюсь: порождён такой «человек» иллюзорным «разрывом» субъектом триполярной вещественной телесности Необъективированного Человека на три дискретные единицы – мужчину, женщину и андрогина. Тригнозис как альтернативная логика субъектовому познанию («несчастному сознанию») преодолевает объективацию, устраняет раздвоение на субъект и объект, стирает грань между «потусторонним» и «посюсторонним», «божественным» и «человеческим», познаёт целостность Всебытия как телесного Человека, обесмысливает «привычные истины» о «человеке», добытые наукой – проводником гносеологической объективации. Устраняя иллюзию «разрыва» пола, Тригнозис этим узаконивает «конец объективированного света» («злой системы вещей»), является могильщиком объективированного «человека», который в «конце света», повторюсь, охарактеризован Библией следующим образом: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжёлые. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (2 Тим. 3:1 - 4).

Возвращение в наш разум необъективированного антропокосмоса – Необъективированного Человека свершил Тригнозис. Предсказание нового знания о сущности Человека («нового Воплощения челове-

ка») чётко задекларировано устами апологетов христианства, несмотря на «онтологический запрет данного события до определённого времени» («меч Архангела охраняет этот запрет и он же разрубит его тогда, когда человеческого времени уже не будет, а чтобы это произошло, нужно потерпеть до второго и славного пришествия Христова»).

Время «онтологического запрета» закончилось. *Второе пришествие Христа – это открытие Необъективированного Человека Тригнозисом как качественно новым тринитаризмом.*

Большая вина за задержку пришествия Необъективированного Человека лежит на совести представителей объективационистической науки. Выражу этот упрёк библейскими словами: («Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете» [Мат. 23:13]). Тригнозис олицетворяет переход к целостному мировосприятию. Объективированный, разорванный образ мира погаснет, упразднится. Мир «умрёт в своей явленности и снова в мгновение ока воскреснет юным из одряхлевшего при чаемом [нами] воскресении. Тогда и человек, как часть с целым и как малое с великим, совоскреснет с миром, получив обратно силу непреходящего нетления. Тогда, по благолепию и славе, тело уподобится душе и чувственное – умопостигаемому» (Творения преподобного Максима Исповедника. – М. – Т. 1. – С. 168).

Главным препятствием, помешавшим ученым и философам открыть Необъективированного Человека, явилось дискретно-бинарное представление о сути пола, которое, кстати, ещё в прошедшие времена, породило разговоры о «неполной целостности человека». Такие разговоры звучали из уст Платона, Пифагора, Бёме, Баадера и продолжают звучать в наши дни: «Подлинное бытие человека невозможно охватить в его целостности, потому что оно расколото. Индивид рождается мужчиной или женщиной, что обуславливает в нём тягу к выполнению своего бытия. Есть желание реализовать в себе всю полноту существования, но это невозможно. Человек далёк от того, чтобы быть абсолютным и законченным единством в себе самом, хотя большинство философов именно так его и представляют. На самом деле индивид обнаруживает в себе лишь относительное и фрагментарное единство. Человек, даже если его рассматривать во всей полноте его самораскрытия, никогда не достигнет полноты бытия. Он может быть всего лишь частичным проявлением бытия. Человек стремится преодолеть грани-

цы собственного существования, расширить их. Это его сущностное свойство. Однако большинство людей вполне могут удовлетвориться обычным природным существованием, раствориться в недрах социальной анонимности, не пытаясь прорваться к истине бытия» (Гуревич П. С. Философская антропология. – М. – 2008. – С. 241).

Приведенная цитата Павла Семёновича Гуревича [род.1933] отражает типичные трудности понимания телесности Человека, основанное на объективации, на непосредственно-чувственном сопоставлении мужчины и женщины как «двух дискретных единиц разорванного андрогина». Неонтологический подход к телесности Человека демонстрирует и украинский философ Назип Виленович Хамитов [род. 1963]: «Человек всегда располовинен... Раздвоенность человеческого бытия на мужское и женское – одна из самых глубинных его тайн. Это одна из фундаментальных причин переживания человеком одиночества и сиротства» (Хамитов Н. В. Пределы мужского и женского. – К. – 1997. – С. 22). В то же время Н. Хамитов понимает, что целостность «человека» определена полом: «Наиболее глобальные пределы человека – это пределы пола мужского и женского. Поэтому проблема пола – одна из самых фундаментальных проблем метаантропологии. Становясь учением о поле, метаантропология становится учением о человеческой целостности и возможностях её обретения» (там же, с. 171). Понимал это и болгарский мыслитель Тодор Дмитров Павлов [1890-1977]: «Не надо забывать, что в природе нет отдельного, единичного существа «человек», а всегда налицо мужчина + женщина, которые вместе составляют содержание того, что мы обычно называем человеком... В сущности, человека вообще нет, а есть человеческие пары – мужчина + женщина... Нет сомнения в том, что в недалеком будущем появятся новые теоретические разработки в этой области, которые, несомненно, вызовут большой научный интерес философов и социологов» (Павлов Т. Шест писма: Въпроси на научната философия. – София. – 1977. – С. 37).

Пол традиционно истолковывался механистически, сквозь очки объективации. И только Тригнозису удалось разгадать его космогоническое содержание, что позволило устранить центральную коллизия духа и бытия – коллизия Необъективированного и Объективированного и сопутствующую ей антиномию индивида и триединства. ***Разгадка тайны пола открыла наличие субстанционального и вещественного уровней телесности Человека.***

Вещественная телесность Человека – это необъективированный триполярный Всекосмос («Царство Небесное») без какого-либо дискретного дробления (разрыва) на самостоятельные части (см. книги П. Харченко: «Антиномия индивида и триединства», «Від індивіда до Боголюдини», «Тригнозис», «ТриЕго»). Надо сказать, что ещё мистическая традиция, открыв путешествие «эго» по сферам всеобщего бытия, утверждала принадлежность к телесности Человека «неорганической материальности» всего Мироздания. Однако до меня господствовало объективационистическое толкование телесности «человека» (подробно об этом: Гомілко А. Е. Метафізика тілесності. – К. – 2001. – 339 с.) и оставалась невыясненной космическая сторона единства вещественной телесности Человека вне объективации. И лишь с появлением Тригнозиса выяснилось, что *универсальным космическим детерминантом её целостности и единства выступает триполярность (пол).*

Объективационистическая логика восприятия действительности опирается на элементаризм, который исходит из утверждения о наличии последних элементарных дискретных кирпичиков любого исследуемого объекта. Элементаризмом называют общую методологию поиска элементарных дискретных единиц материи и построения на их основе теоретической картины реальности. Ядро элементаризма составляет атомистика с её идеей механической дискретности.

Путём элементаризма эволюционирует вся современная биология. Она признаёт дискретность жизни одним из фундаментальнейших законов: «На Земле всеобщей и основной характеристикой жизни является дискретность живых форм» (Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. – М. – 1996. – С. 15); «Всё огромное число отдельных дискретных особей может быть разбито на характерные группы, в целом образующие систему дискретных совокупностей – таксонов» (Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В. Очерк учения о популяции. – М. – 1973. – С.7).

Основной разновидностью биологического атомизма выступает индивидоцентризм (организмоцентризм). Организмоцентризм в истории биологии корреспондируется с ламаркистской традицией. До того, как вид стал научной проблемой, единственным носителем жизни биологами признавался организм (индивид).

В свете организмоцентризма эволюция дискретного организма представляется как возникновение и изменение его признаков. Ж.-Б. Ламарк пытался отыскать сущностное пространство живого через «признаки» дискретного индивида с точки зрения их изменчивости. Целостность и родство живого мира он понимал через физиологический акт рождения в цепи потомков, где звеном, которое связывает воедино весь органический мир, выступает «отдельный дискретный индивид».

Не преодолел атолизма в понимании телесности жизни и Карл Линней. В «Философии ботаники» он сводит фенотипическое разнообразие жизни к единству через поиск существенных признаков дискретного индивида, которыми были названы органы плодоношения. Но, использованная Линнеем атомистическая концепция пола, не позволила ему обнаружить образ истинного носителя жизни – Необъективированного Человека.

Что касается Ч. Дарвина, то на его эволюционные выводы заметно повлияла идея непрерывности. Общность морфотипа он объясняет общностью происхождения. Эволюционные изменения (в том числе, полученные по материалам палеонтологии) он считал непрерывными, постепенными. «Ч. Дарвин был сторонником идеи непрерывности в эволюционизме: дискретная структурная схема животного царства стала камнем преткновения для эволюционной мысли... Зрелый Дарвин считал, что всё генеалогическое древо животного царства может быть построено из непрерывных рядов, что развитие биологических форм никогда не было скачкообразным, а произошло через постепенные, непрерывные, едва заметные изменения... Дарвин неоднократно подчёркивал, что выдвинутые им факторы эволюции объясняют только непрерывную изменчивость... Те исследователи делают плохую услугу Дарвину, которые усматривают в его трудах раскрытие диалектики непрерывного и дискретного в эволюционной изменчивости в виде преодоления односторонности как катастрофизма, так и униформизма... Проникновение эволюционной мысли в биологию могло вначале произойти только в форме признания непрерывной изменчивости» (Вальт М. Х. О проблеме непрерывности и дискретности в истории эволюционизма // Учёные записки Тартуского университета. Труды по философии. – 1971. – № 15. – С. 22-23).

Однако Дарвин своим эволюционным учением коснулся только механической непрерывности. Исходным носителем жизни, считал Дарвин, выступает дискретный индивид, на который он смотрел сквозь призму «признака». Его теория видообразования сложилась на сведениях о половом размножении, но исходила из атомистической концепции пола. Вид, полагал Дарвин, представляет собой не что иное, как совокупность ламарковских «отдельных индивидов», объединённых сходством и родством. Дарвиновский путь обоснования единства органического мира через интеграцию сходных дискретных индивидов является объективационистическим, механистическим. Справедливо отмечается: «Дарвин был «представителем классической биологии, в которой в качестве носителя жизни выступал организм. Классическую биологию можно рассматривать как биологию в основном организменного уровня, исследовавшую среди надорганизменных систем только вид» (Хайлов К. М. Эволюционная теория // Философская энциклопедия. – М. – 1970. – Т. 5. – С. 532).

Нужно сказать, что концепция дискретности организма натолкнулась на сопротивление и возражение ещё в древности. Индуистская махаянская философия отвергала реальное бытие индивидов в их дискретной онтологической самостоятельности и утверждала, что все они находятся в единой трансцендентной реальности, а индивид – лишь отдельное и весьма иллюзорное её проявление. Эта трансцендентальная протореальность, которая сконцентрировала в себе все индивиды, пронизывает всё сущее, из-за чего единичное может восприниматься как потенциальное Единое. Нечто похожее утверждает и китайская даосская система «Хуайнань-цзы»: всё живое – одно тело, Вселенная – живой организм, «человек» – неотъемлемая часть этого организма. Древнекитайское мышление в основу рассмотрения Природы положило принцип «одно во всём и всё в одном».

Идею единства всех форм жизни утверждали и некоторые направления европейской философии. По Эмпедоклу, живой мир – это один суперорганизм. На этом основании Эмпедокл осуждал убийство и употребление в пищу живых существ. Подобные мысли содержатся в некоторых трактатах Порфирия [232/233 – около 304] и Платона.

Единение живого организма со всем Космосом отстаивали элеаты. Всё предстаёт как одно бытие Единого, которому не свойственна дис-

кретная множественность. «Куда ни гляну, – говорил Ксенофан Колофонский, – всё сливается в одно, всё Единое».

Римские мыслители отстаивали идею вечности и безизначальности жизни, идею глубокого единства всего Космоса. Представитель римской религии знаний Аполлоний Тианский [1-98 н. э.] Вселенную рассматривал как женско-мужское существо, наделённое душой.

Арабский философ Ибн-Туфейль [ок. 1110 -1185] считал животный мир целокупным единством, множественность его особей он вознёс на одну ступень с множественностью членов отдельного индивида, которая, на самом деле, не множественная.

В IX ст. Иоанн Скот Эриугена отмечал, что живой мир лишь иллюзорно дробится на много отдельных видов и индивидов.

Лоренц Окен, отстаивая идею вечности жизни и отрицая возникновение живого из неживого, был уверен, что животный мир является одним грандиозным организмом (расчленённым на части «человеком»). Согласно Окену, «человек» составляет весь земной мир, а Вселенная есть продолжение чувствительной системы «человека».

Жорж-Луи-Леклерк Бюффон [1707-1788] подчёркивал, что несмотря на огромное разнообразие живых существ, все они имеют единый план построения и функционирования.

Готфрид Лейбниц свой знаменитый принцип непрерывности провозгласил законом Природы и отверг наличие качественных границ, отдаляющих людей от животных, животных от растений, а последних – от мёртвой Природы. На почве лейбницевской монадологии (принципа непрерывности) в XVIII-XIX ст. ст. было разработано учение о единстве морфологического типа и эмбриологическая концепция в виде теории параллелизма.

Учение Лейбница о непрерывности живого заметно повлияло на взгляды Шарля Бонне [1720-1793] и Жана Батиста Рене Робине [1735-1820]. Эти исследователи считали всё в Природе за одну непрерывную цепь. Досадно лишь, что они не сумели онтологически увидеть эту «непрерывную цепь» триполярной, не осознали в троичности «совершенного единства». Таксономическая «лестница существ» Робине опиралась на закон непрерывности Лейбница, а основу его философских взглядов составило «учение об органическом зачатии как первооснове». В фундаменте Природы, полагал Робине, лежит «совершеннейшее единство, соединённое с большим разнообразием», и это «совершен-

нейшее единство» содержит единство плана всей Природы. Робине называл закон непрерывности «основой всякой истинной философии».

Иоганн Гёте полагал, что все формы растений и животных представляют собой модификацию единого, общего для всех их феномена.

Один из авторов термина «биология» (наряду с Карлом Фридрихом Бурдахом [1776-1847] и Ж.-Б. Ламарком) Готфрид Рейнхольд Тревиранус [1776-1837] видел в кругу интересов биологии всю живую Природу как единственный суперорганизм, который подлежит вечным превращениям, а его возникновение во времени совпадает с началом возникновения Вселенной.

Этьен Жоффруа Сент-Илер [1772-1844] постоянно искал единый план организации в надиндивидуальной универсалии, которая, по его мнению, является источником направленных изменений.

Наибольшее влияние на биологическое мышление XIX века оказали философия Фридриха Шеллинга и эволюционная концепция Дарвина. Шеллинг рассматривал органическое и неорганическое как одно Целое. В трудах «О мировой душе. Гипотеза общего организма» и «Взгляд на Природу как Целое» Шеллинг излагает концепцию «общего организма» («всеорганизма»). «Для Шеллинга проблема жизни и ее познания предстаёт не в виде задачи, подлежащей разрешению в рамках эмпирического естествознания («естественной истории»), а как одна из центральных проблем натурфилософии, дающей теоретическое рассмотрение объекта («идеи природы в целом») на основе суждения а priori... С его точки зрения, природа в целом представляет собой единую цепь абсолютной организации, «существо которой отличается абсолютной органичностью». В этом смысле собственно органическая природа является единой с природой неорганической. Вся природа представляется в форме одухотворенного всеобщего организма: она одухотворяется не какими-то внешними причинами, а единой «мировой душой», которая на различных ступенях развития природы проходит различные этапы своего развития» (Фролов И. Т. Жизнь и познание. – М. – 1981. – С. 31-32). «Как только наше исследование приближается к идее Природы как Целого, отмечал Шеллинг, сразу же исчезают противопоставления между механизмом и организмом, неорганическим и органическим, которые долго задерживали прогресс естествознания. Поэтому суть жизни – не в выяснении её на физико-хи-

мическом пути». Отрицая дискретно-материалистическое понимание эволюционизма, Шеллинг в основу развития жизни положил всеобщее раздвоение и поляризацию в первичном тождестве. Полярность (единство противоположностей), считал Шеллинг, является «общим мировым законом», «первым принципом философского учения о Природе». Шеллинг указывал, что в познании жизни нельзя противопоставлять органическое и неорганическое. В познании жизни Шеллинг обращается, главным образом, к организму (индивиду). В нём данный мыслитель видел разгадку целостности Природы. Быть индивидом – значит быть одновременно общей и особенной жизнью в виде непрерывного творческого процесса. Высказываясь о Человеке, Шеллинг отмечал: «Человек был всегда и жил в многообразных формах животного мира». Согласно Шеллингу, настоящим обоснованием единства Природы служит не просто «связь всего со всем», наглядно данная в живом организме, но именно такая связь, которая раскрывается в эволюционном аспекте, причём раскрывается как единство, которое не переходит в множественность». Возникновение организма можно объяснить только исходя из основоположения, что мир есть органическое целое. Универсальным свойством Природы, как я уже отметил, Шеллинг называл полярность, под которой он понимал объединение двух противоположностей, относящихся друг к другу как полюсы. Эта сила обуславливает возникновение на Земле различных организмов, она движет процесс эмбриогенеза индивида. Индивидуальная жизнь есть особая форма и проявление всеобщей жизни: «Природа не могла бы произвести индивидуальную жизнь, если бы сама она не была живою по всей внутренней сущности и основанию... Природа живёт, как целое, и сама жизнь есть первоначальное, а мёртвый продукт – вторичное явление, так что жизнь не состоит в оживлении мёртвых тел, а наоборот, мёртвые тела возникают как результат потухшей жизни» (цит.: Линьков Е. С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. – Л. – 1973. – С. 60).

К сожалению, Шеллинг не раскрыл метафизики пола, находился в плену объективации и пресловутой «первоначальной двойственности и борьбы противоположностей», поэтому и не открыл носителя жизни – Необъективированного Человека, не нашёл метода необъективированного восприятия бытия, не смог показать, что не «двойственность и борьба противоположностей», а онтологическая троичность связывает всю Природу во всеобщую единую реальность, и последова-

тельный ряд всех органических существ представляет собой результат непрерывного разветвления одной и той же организации – Необъективированного Человека.

Последователь Шеллинга украинец Даниил Кавунник приходит к выводу: «Каждый индивид заключает в себя весь мир и равен целой органической сфере... Для познания какого-либо организма нужны сведения о целом органическом мире. Животное царство – один общий организм в частных его видах». Человек, указывал Кавунник, «составляет целостность животного царства; в животных представлен человек раздробленным, а в человеке животные образованы соединёнными» (см.: Велланский Д. М. Основные начертания общей и частной физиологии или физики органического мира. – СПб. – 1836. – С. 6-7). Даниил Кавунник, как и Шеллинг, не постиг целостности вещественного бытия на основе необъективированной триполярности (пола).

По Анри Бергсону, живые существа образуют единую историческую систему, они не являются самостоятельными многими частями Целого.

Попытка разработать представление об органическом мире как о супраорганизме характерна и для Людвиг фон Берталанфи. Берталанфи соглашается с мнением, что в Природе индивидов нет, есть только иерархическое объединение и субординация частей в целом. «Индивид» – это субъективное понятие, которое нужно удалить из теоретической биологии. Он склонен был думать, что индивидуальность – это лишь предел, к которому приближается эволюция многоклеточных животных в онтогенезе и филогенезе, но которого никогда нельзя достичь. Как отмечают исследователи, «предположение Берталанфи о том, что индивидуальность организма – явление историческое, вытекало из рассмотрения им организмов как открытых систем. А поскольку критерием индивидуальности есть целостность, то организм как открытая система не является абсолютной целостностью, а, следовательно, и индивидуальностью» (цит.: Левин Г. Г. Проблема индивидуальности у растений // Ботанический журнал. – 1961. – Т. 46. – № 3. – С. 436).

Идеи о неразрывном единстве жизни со всем бесконечным Космосом (орфики, Эмпедокл, Джордано Бруно, Николай Кузанский, Томас Брадвардин [1290-1349], Леже Мари Дешан [1716-1774], Иосиф Дигген [1828-1888] и др.) в XX веке получили дальнейшую разработку.

Наиболее энергично идею вечности и безизначальности жизни, идею «космического единства живой и неживой Природы» защищал украинский мыслитель Владимир Иванович Вернадский. Земля, писал он, – это создание космического процесса, в котором нет случайности. Живая и неживая части планеты формировались одновременно, создавалась единая организованная система – биосфера. Организм, выведенный из биосферы, – нереальное построение. Возникновение живого надо искать не в самом низшем (молекулярном) уровне живой природы, а в организации её самого высокого – биосферного и, в конечном счёте, – в космической организованности. Благодаря исследованиям Вернадского, современная научная мысль начинает осознавать, что физические предпосылки жизни заданы начальными условиями эволюции Вселенной, и в этом плане жизнь предстаёт закономерным результатом всей предыдущей эволюции (см.: Пресман А. С. Идеи В. И. Вернадского в современной биологии. – М. – 1976. – С. 20, 41).

Против геоцентрического подхода к пониманию так называемой проблемы возникновения жизни выступил основоположник гелиобиологии Александр Леонидович Чижевский [1897-1964]: «Мы привыкли придерживаться грубого и узкого антифилософского взгляда на жизнь как на результат случайной игры только земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же... в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики космоса... Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звёзд, Солнца и планет» (Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М. – 1976. – С. 33).

При всей значимости биосферного подхода к осмыслению сущности жизни, однако его переоценивать не стоит, поскольку олицетворяет объективационистический подход к поиску неразрывной целостности жизни со всем Мирозданием и, как правило, ограничивается лишь общими соображениями. История науки свидетельствует, что временные «выходы» из тупика объективационистического происходили за счёт внешнего «укрупнения» масштабов видения проблемы.

Подлинное осмысление бытия состоит не в доказательстве его физического единства, а единства онтологического. Такое познание бытия возможно лишь с учётом принципов развития и триединства. Что же касается биосферного подхода Вернадского, то он основан на формаль-

нологическом способе доказательства. К осмыслению эмпирических данных о жизни этот великий ученый привлекает, главным образом, принцип системности и дальше этого опосредованного осмысления фактов не идёт, то есть его логика познания бытия не покидает уровня традиционного логизирования при обработке полученных наукой знаний, не прибегается к тринитарному методу, без чего механизм процесса познания в теоретическом отношении остаётся незаконченным. Хотя В. Вернадский и пишет, что «индивид, изъятый из целостной Вселенной и биосферы – это нереальное, абстрактно-логическое построение», однако дискретному организму он приписывает онтологически реальный статус «элемента» объективированной иерархической системы – биосферы.

Словом, до Тригнозиса в биологии господствовала ошибочная концепция жизни и её носителя. Жизнь рассматривалась как дискретный вещественный феномен, возникший в силу каких-то благоприятных обстоятельств на Земле и не имевшая никакого отношения к жизни Абсолюта. Тригнозис не только вскрывает ошибочность понимания сущности жизни с объектоцентрических позиций и признания в качестве её носителя дискретного индивида, но и указывает на неприпустимость ограничения её содержания *биоцентрическим* подходом. Поскольку «дискретного организма» онтологически не существует, все разговоры о развитии и эволюции «организма» являются пустыми.

Биоцентрическая концепция жизни спровоцировала умы учёных на «решение» многих псевдопроблем, не существующих онтологически в дискретном статусе объектов – вида, индивида, клетки, гена и др.

Тайна целостности жизни связана с половой поляризацией. К сожалению, эволюция представлений о сущности пола спуталась с пресловутыми «бинаризмом» и «раздельнополостью». Пол показался биологам «совокупностью морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих его размножение». Редукционистский взгляд на пол особенно укрепился с появлением генной теории, которая рассматривает его как дискретный «признак», кодируемый генами. Начались поиски мужских и женских генов в так называемых «половых хромосомах». Со временем пришло убеждение, что и аутосомы играют важную роль в образовании пола, и тогда было заявлено: пол – состояние, по природе не подчинённое законам отца генетики Грегора Иоганн Менделя [1822-1884]. Более того, наблюдаемые

явления «перехода одного пола в противоположный» засвидетельствовали, что «мужское» и «женское» начала представлены единым гено-типом.

Много ошибочных представлений зародилось и вокруг гермафродитизма. Гермафродитизм связывали то с малоподвижностью, то – с паразитизмом, то – с приспособляемостью к выживанию. Часто его относили к так называемым низшим ступеням эволюции форм полового размножения. В этом случае отождествлялись две разные категории явлений: полярное состояние индивида и способ размножения. Владимир Вернадский справедливо заметил, что наличие гермафродитного и «раздельнополого» состояний живого вещества наблюдается по всей геологической истории Земли (Вернадский В. И. Живое вещество. – М. – 1978. – 358 с.). Независимо от разнообразных условий жизни и целесообразности приспособлений живых существ половая поляризация носит универсальный характер.

Словом пытаться атомистически объяснить происхождение пола как дискретного приспособительного признака организма – глубокое заблуждение. Такого пола не существует. Лишь гносеологическое свёртывание индивидуальной множественности в недискретную триполярность Одного даёт ответ на вопрос – что такое пол?

Теперь рассмотрим более подробно проблему происхождения видов. Я уже говорил, что в познании сущности пола важно дистанцироваться от классического дискурса, который вырос на почве атомистики и объективации Человека и поставил европейскую цивилизацию на грань гибели. Внешняя объективность и предметность бытия связаны с иллюзией половой «разорванности», которая порождает объективированного «дискретного индивида». Но носитель жизни не определяется биологическим метражом объективированной материи, он всеживотный, всерастительный, всевещественный, всесубстанциональный и представлен Необъективированным Человеком. Ипостаси субстанциональной телесности Необъективированного Человека взаимопревращаются и в этом состоит сущность процесса развития, которое порождает вещественную телесность Человека, одновременно наделяя её инверсионной триполярностью. Взаимопревращение ипостасей, вместе с инверсией полярностей порождённого вещества, составляют процесс дифференциации материи на космические образования и биологические виды. В таком контексте видения явления творения можно

говорить о всеживотном, всерастительном, всесубстанциональном и всевещественном характере телесности Необъективированного Человека.

К сожалению, взаимопревращаемость ипостасей и инверсионность триполярности вне внимания учёных и философов, но именно эти явления раскрывают великую *тайну возникновения биологических видов (и небесных тел Космоса) – как процесса количественного приращивания вещественной телесности Необъективированного Человека*. Уже говорилось, что некоторые естествоиспытатели высказывали мнение – «человек» был всегда, жил в разнообразных формах животного мира. Эти мыслители часто воспринимали всё царство живого грандиозным организмом («Человеком, разделенным на части»). Из такого «Человека», говорили они, составлен весь земной мир. Основу натурфилософских учений, которые пытались открыть Человека, формировало мнение о материальной и структурной идентичности всей Природы как вообще, так и в отдельных частях, уверенность относительно внутреннего единства очень малого (микрокосмоса) и очень большого (макрокосмоса). Человек воспринимался как уменьшённый образ всего мира. Принцип единства Человека и Природы означал, что Природу невозможно понять вне Человека и при её познании надо руководствоваться особенностями Человека.

Тригнозис расширяет границы телесности Человека за пределы индивида, открывает два уровня его телесности. Индивид в дискретном статусе потерял онтологическую реальность. Мироздание предстало как вещественное тело Необъективированного Человека. Всевозможные структуры Вселенной оказались макро- и микрофизическими «органами» Человека. Познать структуру Вселенной означает – познать космическую анатомию и физиологию Необъективированного Человека.

Итак, повторяю, увеличение числа биологических видов обязательно *Онтологическому шествию бытия*. Оно находится под знаком порождения вещественной телесности Необъективированного Человека путём взаимопревращения ипостасей субстанционального уровня его телесности, оно не является результатом «борьбы за существование и естественного отбора» неких, уже наличных и откуда-то взявшихся, организмов. Иное дело эволюция видов. Здесь главными моментами выступают изменчивость и воспроизводство вещественной телесности

Человека. Я бы назвал эволюцию *Механическим шествием бытия*. Истину о сущности развития и эволюции открывает Тригнозисный модус осознанности бытия.

Ни эволюционной теории Ч. Дарвина, ни учению Гегеля о «диалектическом развитии духа», ни марксистской теории «развития вещей» незнакомо *истинное содержание процесса развития* – порождение материи-вещества материей-Субстанцией. Его содержание находится вне рамок объективации. Трипостасность Субстанции – это тот информационный Код, который проектирует создание мира вещества в тройственности. Онтологическая Тройственность является не только логикой творения мира, но и логикой познания. Как логика творения, она определяет вездесущую троичность вещественного мира. Достаточно указать: биологическая характеристика бытия обозначена тремя полярностями – мужской, женской, андрогинной, а не иным числом; генетический код триплетный; три так называемые «частицы» – электрон, протон и нейтрон («трилектрон») являются теми тремя «первокирпичиками», из которых, как полагают современные химики, составлено всё вещество в земных условиях; заряды «элементарных частиц» ограничены тремя возможностями: +1, -1, 0; «кварки» двигаются только тройками и не возникает сочетаний из другого их числа; каждый «кварк» может находиться в трёх различных проявлениях; переносчиком явлений слабых взаимодействий выступает триплет бозонов W^+ , W^- и Z^0 ; три цвета (синий, жёлтый, красный) создают всю гамму самых тончайших красок... В троичности ответ на вопрос – каким порядком «сделан» мир вещества? Он создан триплетным порядком.

Рассмотрим количественное увеличение числа биологических видов на основе онтологической троичности телесности Необъективированного Человека.

Существует много теорий видообразования, но все они ориентируются на объективационистическое понимание сущности жизни и вида. Объективированные виды в биологии поименованы по-разному: «линнеоны»; «жорданоны»; «элементарные виды»; «круги рас»... Вот несколько объективационистических определений понятия «вид»: «Вид – упорядоченные разновидности»; «вид – конкретные дифференцированные системы»; «вид – коллективно организованные существа»; «вид – особые индивиды»; «вид – жёсткая, целостная систе-

ма с дискретным набором особей, полов»; «вид – основная реальная дискретная форма существования организмов» и т. п. Объективационистический подход к объяснению возникновения видов является типиковым, о чём засвидетельствовала теория Ч. Дарвина. «Дарвин дал своей знаменитой книге название «О происхождении видов» (хотя он не разрешил эту проблему), и с тех пор вопрос о том, каким образом возникают новые виды, служит предметом многих научных дискуссий и горячих споров» (Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. – М. – 1982. – С. 278). Если в 1914 году Уильям Бэтсон [1861-1926] констатировал – «вопрос происхождения видов до сих пор остаётся абсолютно неразрешимым», то и через 50 лет известный специалист по проблеме вида Кирилл Михайлович Завадский [1910-1977] признал: «Состояние всей проблемы вида в целом в настоящее время таково, что число более или менее вероятных гипотез значительно больше, чем численность истин, твёрдо установившихся в качестве незыблемых законов. Некоторые самые коренные вопросы до сих пор ещё не получили своего разрешения» (Завадский К. М. Азы об эволюции // Знание – сила. – 1978. – № 3. – С. 5).

Конечно, не один Дарвин был крупной фигурой на поприще исследования проблемы вида, потерпевшей неудачу. В этом положении оказались многие мыслители: Аристотель, Бэтсон, Альфонс Декандоль [1806-1893], Этьенн Луи Жоффруа [1725-1810], Клод Тома Алексис Жордан [1814-1897], Йозеф Готлиб Кельрейтер [1733-1806], Жорж Кювье, Карл Линней, Ян Паулус Лотси [1867-1931], Шарль Виктор Ноден [1815-1899], Сент-Илер, Жозеф Питтон де Турнефор [1656-1708], Джон Рэй [1627-1705], Хуго Де-Фриз [1848-1935], Эрнст Вальтер Майр [1904-2005], Сергей Иванович Коржинский [1861-1900], Николай Иванович Вавилов [1887-1943], Владимир Леонтьевич Комаров [1869-1945] и многие др.

Чтобы истинно решить проблему вида, надо пересмотреть исходные представления, лежащие в основе самой постановки проблемы. Конструктором объективированных (дискретных) видов является субъект, объединяющий индивидов в системы. Уже изначально смысловая загрузка понятия «вид» была связана со становлением объективационистического взгляда на жизнь, основу которого составляла концепция дискретного организма. Идея дискретности выступила исходной идеей в объективационистической теории вида. Прав Вита-

лий Арнольдович Кордюм (род. 1931): «Вид – продукт эволюционной парадигмы, и выйти из неё можно, только сменив саму парадигму» (Кордюм В. А. Эволюция и биосфера. – К. – 1982. – С. 174).

Для разгадки тайны происхождения видов важно знать носителя жизни в необъективированном статусе. Тригнозисная концепция вида признает носителем жизни Необъективированного Человека, а видообразование рассматривает как процесс дифференциации (приращивания и изменчивости) вещественной телесности Человека. Видообразование происходит вследствие взаимопревращения ипостасей и инверсии полярностей. Всё это проявляется как периодическая повторяемость «раздельнополых» и «гермафродитных» форм, а также их способов размножения. В различных условиях жизни это фактически означает расчленение вещественной телесности Необъективированного Человека на непрерывное разнородное членение. Речь идёт об эволюционном процессе – изменчивости в признаках. Словом, происхождение видов включает числовое приращивание телесности Необъективированного Человека по логике развития (процесс рождения нового единства из триединства) и её изменение в признаках по логике эволюции.

Эволюция выражает процесс возникновения и исчезновения качественных изменений вещества, его структуры, признаков и т. п. Существуют различные объективационистические толкования проблемы вида и видообразования. Имеются многие течения биологического эволюционизма (ламаркизм, психоламаркизм, дарвинизм, неodarвинизм, мутационизм, номогенез и др.).

Наибольший вклад в эволюционизм внёс Чарлз Дарвин. Его теория эволюции сложилась на данных полового размножения. По Эрнсту Генриху Геккелю [1834-1919], дарвинизмом следует называть теорию отбора, которая раскрывает пути изменчивости организмов. Ч. Дарвин исследовал объективированный (атомистический) вид, который, согласно его теории, эволюционирует благодаря адаптациям, фиксирующим целесообразность строения особей на основе принципа полезности. Движущими силами эволюции Дарвин признал борьбу за существование и естественный отбор.

Ч. Дарвином не осознавалось, что *развитие и эволюция – разные явления*. За количественное увеличение числа необъективированных видов, как я уже сказал, отвечает развитие, а не эволюция, за которой

стоит изменчивость созданных видов. Силы развития находятся в субстанции телесности Человека. Превращение Субстанции в вещество – условие возникновения видов. Самое трудное – заглянуть «по ту сторону» вещественности – туда, где Субстанция ещё была «довещественной», чтобы узнать, каким образом «довещественное» переходит в «вещественное». И здесь роль мудрого Харона, который знает самый тяжёлый и самый загадочный путь из «нездешнего» в «здешнее» и обратно, выполняет *Тригнозис*.

Научными методами познания Субстанция не фиксируется. А если ближе к правде, то науке почти не известна. Религия и философия именуют её, как Ничто, Абсолют, Бог... Вездесущая Субстанция генезисно причастна ко всему миротворению (творя мир, она формирует его). Процесс достойный названия космогенетичного единения Всего!

Над учением о Субстанции (Боге) Иоанн Дамаскин размышлял следующим образом: Божеская триипостасная реальность вечно есть и рождается путём взаимопревращения ипостасей. О Боге, что «рождает из себя», после «отцов церкви» на Западе больше всего писали немецкие мистики, – в частности, Экхарт Майстер [1260-1328] и Якоб Бёме. Последний представлял Бога в тождественности Единого и Троичного источником многообразия Природы: «Всё рождается из Троичности и всё этой Троицей есть. Если в вечном Единстве не было бы исходного действия Троицы, то Единство было бы вечным покоем, не было бы творения. Но сам Бог – абсолютное единство, и как только начинается переход от Бога к Природе, сразу же в неё привносится «раздвоение». Бог – первоначальное состояние всех вещей, и его нужно искать, прежде всего, в человеке, а не «в сверхзвёздных глубинах» (см.: Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. – М. – 1980. – 368 с.). В православном регионе идея развития триединого Бога классически представлена в творчестве знаменитого создателя «нового религиозного сознания» Николая Бердяева. Согласно Бердяева, «мир есть внутренняя драма троичности. Отрицание процесса продвижения в Боге – уклон к деизму. Учение о троичности Божества должно признать развитие в Боге и понять возникновение и ход мирового процесса как внутреннее движение Божественной Троицы» (Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика Божественного и Человеческого. – Париж. – 1952. – С. 128-129).

Во многих религиях и мифологиях получило распространение сказание о созидании мира путем простого деления божества. Так, первоначальный японский бог гермафродитной природы, чтобы создать Вселенную, рассекает своё тело на две части, из которых одна – мужская (Изаначи), другая – женская (Изанами). Из их обоюдной любви возникает Всебытие. У народов Полинезии мир создал Таороа. Он гермафродит, сексуально спаривается с женским началом Иной, которое сам из себя выделяет. От этого спаривания рождается сын Оро. А согласно древней египетской религии, из гермафродитного первобожества Амона, путём разделения его на мужское и женское начала и последующего их соединения, возникает видимая Вселенная.

Ведущая роль объективированному полу в генезисе мира отводилась и древнейшими космогониями, в которых «мужское», «женское» и «андрогинное» выступают как фундаментальная мирозидательная троичность. Число Три в этих космогониях символизирует верховную сущность существ.

В христианской религии Природа – создание Божье. Производя Природу, Бог везде оставляет на ней свою печать троичности, что, согласно Тригнозиса, является следствием сублимации триипостасности в триполярность (пол). При этом деянии Субстанция частично превращается в вещество.

Пол (но в его искажённом смысле), считался базовым основанием мира в религиозно-философском типе знания. Многие мировоззрения с раскрытием загадки пола связывали выяснение сути Человека. Сексуальные отношения преподносились моделью возникновения всего сущего. Особенно это чётко прослеживается в таких древнеиндийских религиозно-философских течениях мысли, как шиваизм, тантризм, сабеизм, санкхья, шактизм и др. Ведическая космогония выстраивала процесс мирозотворения на сочетании обожествлённых андрогинного, мужского и женского начал. Не обошлась без пола и религиозная философия евреев – Каббала. Из недр Троицы как наивысшего абсолютного единства появляются две основы: одна – мужская, другая – женская. От таинственной и вечной связи этих основ рождается сын, который наследует черты отца-матери и называется первородным Сыном Божьим. Все трое содержат в себе в единой целостности всё сущее, и между собой они объединены в целостность древнейшую из древнейших, ибо все они есть Он, а Он есть все они. Сефириты – творящие атрибуты Го-

спода, подчинённые друг другу по три в ряду, формируют трёхкратное единство вроде триад, каждая из которых состоит из одной Сефириты активной – «мужской», второй – пассивной «женской» и третьей (единства первых двух) – «гермафродитной» (см.: Гейликман Т. Б. О Каббале и хасидизме. Критика иудейской религии. – М. – 1964. – С. 356). У меня закрадывается подозрение, что понимание природы пола древними людьми не было тотально объективированным. Именно это делало их космогонические представления довольно проникновенными в глубь и ширь, мы же извращаем эти представления, пропуская их сквозь гносеологическую призму объективации.

Если проблему творения рассматривать в чисто философском аспекте, то наиболее интересным представляется учение древнеиндийской санхьи о трёх гунах, которые детерминируют единство и развитие. Праkrit находится в полном равновесии трёх гун, но, нарушение их равновесия, ведёт к созиданию мира (находясь изначально слитно в одном триединстве, гуны затем «растроиваются» и снова «строиваются»).

В древнекитайских конфуцианских и даосистских источниках говорится о женском «инь» и мужском «янь», которые своим взаимодействием внесли порядок в первоначальный хаос. Картина всеобщего космического становления от взаимодействия сил «янь» и «инь» описана в «Книге Перемен».

Признавала пол источником творения и европейская философия. Гераклит отмечал, что без мужского и женского начал не было бы ни гармонии, ни жизни во Вселенной. Источником возникновения нового считал пол и Аристотель (Аристотель. О возникновении животных. – М. – Л. – 1940. – С. 53). Космогоническую роль пола отмечали Платон, Ф. Баадер, Н. Бердяев, Я. Бёме, А. Шопенгауэр, Ф. Шеллинг, Владимир Соловьёв и другие мыслители. По Шеллингу, «пол – высшая собственная потенция материи». Гегель видел в поле «кульминационный пункт» материи, в котором она «находит своё родовое единство». А Бердяев в работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» Н. Бердяев отмечает: «Человек скреплён с космосом прежде всего через пол»; «В поле источник истинного соединения человека с космосом и рабской его зависимости»; «В глубине пола лежит что-то вселенское, нежели на общепринятой поверхности. В будущем люди будут не родового сознания и родового понимания пола, а Божественного, они увидят уни-

версальное значение пола для всего Человека, для всего Космоса, они пойдут дальше в понимании пола, чем только в связи с сексуальными актами». К сожалению, объективировав пол, философы не вывели его на космогонический уровень осмысления, и не получили ответа и на вопрос – как индивид интегрирован в телесность всего Мироздания?

Большое значение объективированному полу отводила и наука на ранних этапах своего становления (в рамках «мифофилософии»). Александрийские герменевтики думали, что во всех мировых явлениях проявляются великие принципы пола и полярности. Принцип полярности гласит: всё имеет полюса, всё имеет свой антипод, свою противоположность. Принципу полярности вторит принцип пола: пол во всём, пол имеет проявление во всех плоскостях, никакая деятельность – физическая, душевная и умственная – невозможна без него. Позднеантичные гностики также утверждали, что жизненный процесс разворачивается через посредничество половых начал, каждое из которых имеет свое дополнение в другом – и в такой способ мир приобретает троичность. Но природа пола не была осмыслена во взаимосвязи со сверхиндивидным триединством.

В XIX веке объективированный пол в качестве источника движения мира рассматривали Лоренц Окен, Готфрид Рейнхольд Тревиранус, Лудольф Кристиан Тревиранус [1779-1864], Жан-Луи Арман Катрфаж [1810-1892], Эдвард Дринкер Коп [1840-1897], Чарлз Дарвин. Теория Катрфажа, например, называет пол самым фундаментальным признаком жизни, одним из тех основных законов, которые программируют существование мира от первого момента его создания. Но вся эта великая роль пола объяснялась без знания сущности его самого.

Не угас интерес к полу в науке и в XX веке. Пол в объективированной упаковке часто рассматривался в качестве основного фактора эволюции: «Половой инстинкт несёт с собой не только утверждение, но и усовершенствование форм живой природы, а многоликая проблема пола становится, таким образом, к нам еще одним своим лицом, – как проблема, органически связанная с историей преобразований и прогресса в мире растений и животных...» (Лункевич В. В. Проблема пола // Кубанский научно-медицинский вестник. – 1928. – № 7. – С. 12); «Эволюция пола показывает нам сложную картину главного механизма всей органической эволюции. И тот факт, что во всех группах организмов, начиная с бактерий и вирусов, действует половой ме-

ханизм, позволяющий генам рекомбинироваться, указывает на огромное значение рекомбинирования для процесса эволюции. Пол, как и многие другие этапы завоевания Земли жизнью, должен считаться одновременно итогом и причиной эволюции» (Ауэрбах Ш. Генетика. – М. – 1966. – С. 296); «Эволюция пола является самой яркой и убедительной иллюстрацией к теории происхождения форм жизни. Кажется правильным предположение: не составляет ли пол не только посредствующий элемент в эволюции или её спутника, но и важного деятеля, одного из главных факторов её?» (Навашин С. Г. Пол – фактор органической эволюции. – Вологда. – 1926. – С. 10). Пол в качестве источника разнообразия биологических форм превозносил и Владимир Вернадский. Он указывал, что смену морфологически разных поколений и половые отличия живого вещества следует рассматривать вместе (Вернадский В. И. Живое вещество. – М. – 1978. – С. 298).

Но продолжим рассмотрение происхождения видов сквозь призму троичности как тождества в различии, единства в многообразии – чего не осилил объективированный разум Ч. Дарвина. Николай Кузанский отмечал: «Кто может подняться настолько высоко, чтобы постигнуть многообразие в единстве и единство в многообразии? Это сочетание свыше всякого разумения»; «Кто сможет понять это – что все вещи суть образ единой бесконечной формы и разнообразны только от того, что так их определил случай, как если бы творение было неполным (*occasionatus*) Богом, как акциденция есть неполная субстанция, а женщина – неполный мужчина?» (Кузанский Н. Избранные философские сочинения. – М. – 1937. – С. 102, 117). Субстанциональное тождество в различии носит имманентный характер и представлено ипостасями (Три в Одном), то есть находится в пределах единой сущности. При этом, если различие вызвано наличием трёх ипостасей, то тождество реализуется непрерывным взаимопревращением ипостасей, переходом каждой в другую и третью как в своё «другое» и «третье». Великие каппадокийцы Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский правильно поняли Святую Троицу как тождество в различии, хотя и не рассматривали этого тождества через взаимопревращение ипостасей. Что касается вещества, то здесь тождество в различии определено природой триполярности, наличием трёх полярностей и их инверсионностью – с чем также (наряду из взаимопревращаемостью ипостасей) связана дифференциация вещественной телесности Необъективиро-

ванного Человека на биологические виды. Здесь надо дать некоторые разъяснения относительно дефиниции «полярность». Я вижу полярность «компонентом» триполярного Одного, а не неким «свойством» объективированной материи, как это преподносится философами и биологами, хотя и придавая ему огромного значения в жизни Природы. Гете, например, назвал полярности «маховым колесом всей Природы», а Шеллинг – «универсальным свойством материи», «общим мировым законом», «первичным принципом философского учения о природе». В полярности Шеллинг видел «раздвоение единого» (см.: Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – М. – 1936. – С. 154). Лоренц Окен считал полярности «глубочайшей основой всего сущего». А Гегель заявил: «физика пришла бы в ужас, если бы она осознала до конца смысл, содержащийся в полярности». Но и Гегель не разобрался в сущности полярности. Кстати, на ошибочном понимании полярности как «раздвоении единого» сложилась и система всей так называемой «диалектики» (включая и гегелевскую). Если Гераклит (один из основоположников диалектики) провозгласил: без начал мужского и женского не было бы никакой гармонии, никакой жизни в мире и «всё есть переходы с одного в другое, из раздвоения в единство и из единства в раздвоение», то Гегель перефразировал Гераклита следующим образом: «Природа есть никогда не останавливающееся движение и Вселенная переходит от одного к другому, от раздвоения – к единству и от единства – к раздвоению» (см.: Гегель. Сочинения. – М. – 1929-1959. – Т. 9. – С. 254). Гегель главным законом диалектики назвал «закон взаимопревращения противоположностей», который марксисты перефразировали в «закон единства и борьбы противоположностей» и приложили его к объективированной материи. Диалектика в марксизме стала «диалектикой вещей» (диалектикой тупа). Её сущность К. Маркс выразил словами: «Сосуществование двух взаимопротиворечивых сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М. – 1955-1974. – Т. 4. – С. 136).

Необходимо отказаться от классического смыслового значения дефиниции «полярность» и принять смысловое содержание полярности как неразрывно входящей в триполярность. Триполярность (то ли назовём её «половой», то ли «магнитной») – это лишь разные наименования всеобщего свойства материи-вещества как таковой.

Сами по себе полярности являются выражают имманентные различия в тройственной целостности. Здесь различие превращается в тождество, а тождество – в различие. Полярности тождественны в том смысле, что они различия одной сущности, а их различие связано с полюсной противоположностью. Если в мужской полярности мужское начало доминирует над женским, то в женской – женское начало доминирует над мужским, а в андрогинной – мужское и женское начала пребывают в живом единстве движения и равновесия. В ходе эволюции вещественной телесности Необъективированного Человека и дифференциации её на виды имманентные различия полярностей «становятся половым ди-, три- и полиморфизмом, на чём и основываются морфологические и функциональные различия между видами.

Из-за того, что проблема тождества и различия «зависла» на «дискретном индивиде», вопрос происхождения разнообразия существ, за решение которого брались видные естествоиспытатели – Дарвин, Ламарк, Линней – оставался открытым.

Григорий Александрович Кожевников [1866-1933] важнейшим для познания законов видообразования считал выяснение направленности половой изменчивости: «Интересно отметить, что в пределах одного вида и даже одной породы *величина вторичных половых отличий не есть величина постоянная*. Превосходным примером может служить человек. Наряду с мужчинами и женщинами, у которых вполне ясно и нормально выражены признаки пола, мы имеем женственных мужчин и мужественных женщин (*virago*)» (Кожевников Г. А. Изменчивость организма. – Итоги науки в теории и практике. – М. – 1912. – С. 503-505).

Половой триморфизм фиксирует различия между самцом, андрогинном и самкой в пределах одного фенотипного тождества. Поэтому разделение признаков на «половые» и «видовые», а половых признаков на «первичные» и «вторичные», надо признать условным, несмотря на то, что самец, самка и гермафродит могут иметь и такие различия между собой, которые достигают видового, родового и даже семейственного рангов. Высокого разграничения половой триморфизм достиг в царстве позвоночных, особенно у птиц и млекопитающих. Отчётливее, чем у рыб, половой триморфизм проявляется у амфибий. Впрочем, выражаясь таким образом, нужно помнить, что андрогин, самец и самка

онтологически не отделены, являются полярностями одной индивидуальности и олицетворяют отличие в тождестве и тождество в различии.

Половой триморфизм нельзя рассматривать как приспособительный признак, наличие которого якобы повышает уровень приспособленности вида (как считал Ч. Дарвин). Дарвин своей теорией полового отбора отстаивал взгляд, согласно которому появление вторичных половых признаков существ вызвано особенностями приспособления. Он объясняет яркие различия в признаках между самцами тем, что этими различиями одни самцы приобретают преимущество над другими самцами и через механизм наследственности передают их потомству мужского пола. Половой отбор, считал Ч. Дарвин, закрепляет наследственные различия между полами.

Однако часто появление признаков не связано с их целесообразностью, что противоречит учению о естественном отборе. Немало особенностей триморфизма бывают не только лишними или бесполезными для существ, но и просто вредными. «Относительно многих вторичных половых признаков мы имеем полное основание отрицать какую бы то ни было их полезность» (Кожевников, там же, с. 505).

Вторичные половые признаки (как и вообще признаки видовые и полового триморфизма) не относятся к особенностям приспособления.

Если говорить о целесообразности существ, то её смысл равнозначен целесообразности монизма всебытия, основанном на взаимоотношениях ипостасей Субстанции. Уже Шеллинг выводил целесообразность из космического монизма, из развития материи как единого «всеорганизма».

Чарлз Дарвин переоценил значение приспособляемости и отождествил её с целесообразностью, а, между тем, это совсем разнородные явления. Целесообразность обусловлена троичной природой единства материи. Приспособляемость – явление вторичное, хотя и зависящее от целесообразности. Как справедливо отметил Каспар Фридрих Вольф [1733-1794], «дарвинизм является поствитальным объяснением целесообразности, однако объяснение целесообразности должно совпадать с объяснением жизни» (Вольф К. К критике дарвинизма // Теория развития. – СПб. – 1904. – С. 144-184). Словом, движущие силы развития и эволюции находятся за пределами дарвиново-го дискретного индивида и его системных совокупностей. Носителем жизни является не «дискретный индивид», а наиндивидуное трипо-

стасное и триполярное Одно (Человек). Потому, по логике вещей, Дарвин, прежде, чем обосновать движущие силы эволюции, должен был сначала выяснить онтологическую реальность дискретности своего объекта исследования – индивида.

Проблема реальности исследуемого объекта всегда была в центре познания. Со времени своего возникновения наука постоянно вынуждена решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли те объекты, знанием о которых она есть, а если существуют, то как они существуют? (Грязнов Б. С. Логика и рациональность // На пути к теории научного знания. – М. – 1984. – С. 13). Дарвин не знал статуса индивида как полярности триполярного Одного, из-за чего теория происхождения видов, над которой работал великий естествоиспытатель, утвердилась на базе фикции – объективированном (дискретном) организме.

Решение проблемы видообразования требует от исследователя методологической зрелости. В этом отношении Ч. Дарвин хромал. Он, повторяю, не осознавал разницы между категориями «развитие» и «эволюция», «Целое» и «Единое», не разобрался в сущности пола, был далёк от онтологического принципа троичности, не понимал, что мир прерывного – это мир объективированного, чувственного и что только онтологически непрерывное является миром истины.

Нельзя решить проблему видообразования и без понимания феномена времени и вечности. Почему время принадлежит созданному – вещественному миру, имеет временную последовательность, переходящий характер, но, кроме такого времени, существует ещё и вечность, принадлежащая Субстанции? Теория Дарвина не вышла за пределы объективационистической рефлексии, привязана к субъектному, физическому пространству и времени. Пространство в теории Дарвина – это физико-географическая территория обитания существ (Галапагосские острова, Гималаи, Австралия, Тихий океан и др.), а время – обороты Земли вокруг Солнца. Самка, самец и андрогин одного вида могут находиться порознь в одно и то же календарное время (например, «киевское») в различных пунктах земного пространства, но в онтологическом пространстве они не дискретные, а олицетворяют непрерывное пространственно-временное триполярное Одно.

Психика объективированного человека привязана к тому «времени», которое определяется механическим вращением Земли вокруг Солнца. Эта форма времени – «великий мастер иллюзии». Чарлз Дар-

вин думал, что новые признаки индивидов анаболически прибавляются к завершающим стадиям филогенеза по вектору протекания календарного времени – «от настоящего к будущему», из чего сам по себе напрашивался релятивистский вывод: последовательность формообразования направлена от объективированного индивида к его совокупностям — виду → роду → семейству → классу → типу. Гибче думал Карл Эрнст фон Бэр [1792-1876]: «Общие признаки, принадлежащие крупным систематическим группам (типам, классам, семействам, родам), появляются раньше в жизни особи, чем признаки отдельные (видовые)». В законе Бэра установлено два общих факта: во-первых, признаки взрослого животного закладываются в зародыше в определённой закономерной последовательности; во-вторых, эмбриональное образование этих признаков происходит в направлении, обратной той последовательности, в которой по степени общности располагаются систематические категории, к которым принадлежит определённое животное (цит.: Северцов А. Н. Морфологические закономерности эволюции // Северцов А. Н. Собрание сочинений. – М. – Л. – 1949. – Т. 5. – С. 15-536). Некоторые исследователи и призывали делать выводы о направленности эволюции, опираясь на открытые К. Бэром закономерности протекания эмбриогенеза (эмбриогенез протекает от общего к специальному, то есть не от прошлого к настоящему, а от будущего к настоящему). Если это так, то считали, что эволюция идёт в направлении: тип → класс → семейство → род → вид → индивид, а не в обратном направлении, как это представлялось Дарвину. Интересным является мнение Льва Семёновича Берга [1876-1950]: «Если Геккель говорит, что «филогенез является механической причиной онтогенеза», то я совершенно отказываюсь понимать, о какой «механике» здесь может идти речь и путем каких умственных операций можно подойти к объяснению, почему филогенез должен быть причиной онтогенеза. С большим правом и основанием можно было бы сказать, что онтогенез является причиной филогенеза, ибо филогенез – это последовательность и совокупность онтогенезов» (Берг Л. С. Закономерности в образовании органических форм. – Л. – 1925. – С. 40). Многие исследователи рассуждают и так: онтогенез не повторяет филогенез, а создаёт его. Потому-то о филогенезе можно говорить только в том случае, когда в порядке последовательных онтогенетических процессов наступит изменение. Совокупность изменений в онтогенезе и есть

филогенез. Онтогенез – это нечто первоначальное, а филогенез – производное. Производное не может быть причиной первоначального. Бронислав Александрович Домбровский [1885-1973] соглашается, что «онтогенез отнюдь не краткое повторение филогенеза, а филогенез сам производный из онтогенеза – он выступает интегралом последовательного ряда онтогенезов» (Домбровский Б. А. Сравнительная морфология животных и синтетическая зоология. – Алма-Ата. – 1982. – С. 212).

О каком бы направлении эволюции не говорили биологи, нужно твёрдо знать, что вопрос видообразования относится к *Онтологическому Шествию бытия*. Его постижение разумом связано с гносеологическим преодолением «полового разрыва», который некоторые богословы пытались рассмотреть сквозь призму коллизии Единого – Множественного. В трактате «Об устройении человека» Григорий Нисский говорит: «Будучи одной сущностью, люди составляют многочисленную множественность; Бог дарит человеческому роду способ размножения, но не тогда, когда создал человека по своему троичному образу, а когда «произвёл различие – мужской и женский пол, провидев Своим предвидением, что полнота человеческого рода войдет в жизнь рождением. Тот, Кто видит будущее наравне с настоящим, по этому самому предусмотрел и соразмерное устройению людей время, чтобы появлению определенного числа душ соответствовало и продолжение времени, и тогда остановится текущее движение времени, когда прекратится в нём распространение человеческого рода. А когда кончится этот способ рождения людей, с окончанием его кончится и время и, таким образом, совершится обновление Вселенной и за изменением целого последует и переход человечества от тленного и земного к бесстрастному и вечному. Это, кажется мне, имеет в виду и божественный апостол, предрекая в Послании к Коринфянам внезапную остановку времени и поступление движимого в обратный путь, когда говорит: «Се тайну вам глаголю, вси бо не успнём: вси же изменимся: вскоре во мгновении ока, в последней трубе» (1 Кор. 15:51-52). Ибо, как думаю, когда полнота человеческого естества в предуведанной мере достигнет конца, потому что не потребуется уже никакого приращения к числу душ, тогда как словами «вскоре во мгновении ока» наименовав этот неизмеряемый и неимеющий протяжения предел времени, учит апостол, в мгновение времени совершится изменение существ». Под этими, в определённой мере деобъективационистическими рассужде-

ниями Григория Нисского (если их понимать в контексте онтологии пола), определённо вырисовываются фрагменты картины происхождения (становления) видов как процесса дифференциации вещественной телесности Человека вследствие развития Бога-Субстанции (если, конечно, признать взаимопревращение ипостасей). Творцом, говорят богословы, есть Бог (в свете Тригнозиса Бог олицетворяет триипостасную субстанциональную телесность Человека). Три неслиянно соединённые и неотделимо разделённые ипостаси существуют вечно и одновременно. Вот только трудной для богословов оказалась проблема постижения разумом антиномического принципа – одновременного существования тождества в различии и единства в недискретной множественности. В Святой Троице каждая ипостась пребывает в каждой из двух других. Возникает вопрос: как тогда Бог-Отец родил Бога-Сына из самого себя? Это – одна из великих тайн для богословов. Рождение Сына не следует понимать так, будто он получил свое бытие во времени через отделение от Отца. Сын совечен Отцу и Отец Сыну. Сын рождается от Отца не так, как рождаются «люди-индивиды». Сын рождается от Отца без пола и вечно – путём взаимопревращения Отца в Сына и наоборот. Речь идет о взаимопереходе ипостасей, взаимопереходе одного в другое и в третье, как в «своё другое» и в «своё третье». Благодаря взаимопереходу, взаимопроникновению ипостасей сохраняется неразрывность Отца, Сына и Святого Духа, их вечное рождение без отделения, их совечность, тождество и различие в триипостасном бытии. И когда Василий Великий говорит: «Бог рождает не так, как человек, Он рождает истинно, проявляя рождение из Себя Самого», то речь как раз и идёт о взаимопревращении ипостасей, отражением которого на уровне вещества выступает метаморфоза пола (инверсия полярностей). К сожалению, взаимопревращение ипостасей Святой Троицы не стало в христианстве признанным и гласным принципом догматики.

Биология не смогла открыть носителя жизни и подняться выше объективированного (механистического) понимания целостности жизни и механизма возникновения видов. «Виды одного рода, – отмечал Дарвин, – так же, несомненно, происходят от общего предка, как и два пола одного и того же вида» (Дарвин Ч. Происхождение видов. – М. – 1952. – С. 139), но это его аксиоматическое мнение относится к объективированному полу, не стало намёком на существование «общего

предка» как наиндивидуального триполярного Одного. Он не поднялся выше чисто морфофизиологического понимания сущности пола. Опираясь на данные полового размножения, теория Дарвина доказывает родство органических форм общностью происхождения, но эта «общность происхождения» преподносится биофункционально (через физиологический акт рождения). Уразуметь, что начало родства существ закладывается взаимопревращением ипостасей Субстанции, и что разнообразие в признаках их вещественной телесности обуславливается триплетным кодом на уровне триипостасного и триполярного программирования Дарвин, конечно же, не смог.

Инверсия полярности на противоположную, различие в так называемых «первичных и вторичных» половых признаках», «половой полиморфизм», «чередование половых и партеногенетических поколений» и многое, многое другое однозначно указывают на причастность изменчивости к полу, как и самого видообразования в целом. Вот картина дифференциации вещественной телесности *триполярного Одного* через инверсию и тривергенцию полярностей: вид представлен одним самцом, осуществляющим с возрастом инверсию в самку через стадию гермафродитизма; вид представлен только самкой, осуществляющей с возрастом инверсию в самца через стадию гермафродитизма; вид представлен самкой, которая с возрастом становится гермафродитом; вид представлен самцом, который с возрастом становится гермафродитом; вид представлен самкой, самцом и гермафродитом; вид представлен самцом и самкой, которая с возрастом становится гермафродитом; вид представлен самкой и гермафродитом, который с возрастом становится самцом; вид представлен самкой и самцом, осуществляющим с возрастом инверсию в гермафродита; вид представлен гермафродитом; вид представлен самцом и гермафродитом, который с возрастом становится самкой; вид представлен самцом и самкой, которая с возрастом через стадию гермафродитизма становится самцом; вид представлен самкой и самцом, осуществляющим с возрастом инверсию в самку через стадию гермафродитизма; вид представлен самкой и самцом; вид представлен двумя гермафродитами, у одного из которых наблюдается склонность к инверсии в сторону самца, а другого – в сторону самки; вид представлен только самкой, осуществляющей с возрастом инверсию в самца через стадию гермафродитизма, а, став самцом, спустя некоторое время, снова через посредство стадии гермафродитизма ста-

новится самкой; вид представлен только самцом, осуществляющим с возрастом инверсию в самку через стадию гермафродитизма, а, став самкой, спустя некоторое время, снова через посредство стадии гермафродитизма становится самцом и т. п.

За всем многообразием явлений в жизни «органического мира», как инверсия полярностей; параллелизм, конвергенция и тривергенция признаков между видами; периодическая повторяемость гермафродитных и раздельнополых форм и способов их размножения; чередование поколений; неотения (течение информационного времени в «обратном направлении») и другими, стоит главный их детерминатор – взаимопревращение ипостасей и инверсия полярностей.

Периодическая повторяемость гермафродитных и раздельнополых форм регистрирует этапы видообразования через «самку», «самца» «гермафродита (с наступлением нового способа размножения, как правило, наступает репродуктивная изоляция [нескрещиваемость] – явление, которое иногда опережает возникновение различий в признаках (бесплодие часто не совпадает и с видовым отличием в признаках). Кстати, периодичность явлений была широко известна в древности. Древнекитайская «Книга Перемен» повествует о мужском «янь» и женском «инь», которые находятся в неразрывном единении и составляют источник движения. Постоянное взаимопревращение и чередование «инь» и «янь» надают процессу развития Дао периодический характер).

На периодичность повторения поляризации телесности «органического мира» в той или иной форме указывают «гермафродитные» и «раздельнополые» существа вторичного и третичного происхождения. «Путь эволюции половых рас от гермафродитов к раздельнополым и от раздельнополых к вторичным гермафродитам должен быть понят, изучен и обоснован научными исследованиями. Это одна из крупнейших проблем ближайшего времени, которая стоит перед генетиками и селекционерами» (Розанова М. А. Проблема пола у высших растений // Теоретические основы селекции растений. – М. – Л. – 1935. – Т. 1. – С. 160). Чарлзу Дарвину не посчастливилось объяснить «возникновение вторичной раздельнополости, что пришла на смену гермафродитизму, которому, в свою очередь, предшествовало разделение полов» (Джапаридзе Д. И. Пол у растений: В 2-х частях. – Тбилиси. – 1963. – Ч. 1. – С. 65). Решение тайны этого явления Дарвин завещал будущим

исследователям (Дарвин Ч. Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. – М. – 1939. – С. 318).

Среди растений «гермафродитные» и «раздельнополюе» формы имеют место в самых различных пунктах родословного дерева (в дальнейшем выражение «гермафродитизм» и «раздельнополюе» в кавычки брать не буду). Наглядным примером служит группа цветочных растений. По данным Сергея Спиридоновича Хохлова [1910-1974], гинодиэичные роды (виды которых состоят из особей, которые имеют гермафродитные цветки, плюс особей, которые имеют женские цветки) встречаются среди одних только покрытосеменных не менее, чем в двадцати двух семействах, расположенных, однако, в самых разных пунктах родословного дерева (Хохлов С. С. Происхождение гинодиэичных видов в свете исследований эволюции цветка при апомиксисе // Апомиксис и цитоэмбриология растений. – Саратов. – 1968. – С. 3-30). Во всех гинодиэичных видах, наряду с гермафродитными и женскими особями, имеются особи переходного типа с тычинками на разных стадиях редукции, что бесспорно свидетельствует о происхождении женских особей от гермафродитных путём редукции андроцея. Выращивание растений из семян, собранных с женских и гермафродитных особей, показало, что в том и другом случаях вырастают особи обеих форм. Среди гермафродитных и женских особей не существует чёткого разграничения: они связаны рядом переходных форм с различной степенью редукции андроцея. Гинодиэичные виды, как правило, более или менее диогамные. Причём в протандрических форм женские особи более многочисленны в начале вегетационного сезона, а в протогинических форм отношение женских и гермафродитных особей обратное, то есть женских особей больше в конце вегетационного сезона. Андродиэичные роды тоже расположены в разных пунктах родословного дерева.

О периодическом повторении появления гермафродитных и раздельнополюх форм свидетельствует и пёстрота распределения половых типов. В роде *Cuscutis*, к примеру, половые типы следующие: андрогенный гермафродитизм, монойкизм, гиногенный андромонойкизм, гиногенный тримонойкизм, гиноандрогенный тетрамонойкизм. А вот примеры различного сочетания половых форм в пределах одного вида. Пять форм – гермафродиты, гино- и андромоноэичные, гино- и андродиэичные описаны у подорожника среднего (*Plantago medial*),

четыре половые формы – гермафродиты, однодомные, андро- и гиномоноэичные описаны у рожкового дерева (*Cerratonia siliqua*). Гермафродитная организация формировалась в разных филах независимо и на разных этапах эволюции. Вторичная раздельнополость возникала многократно в разных таксонах.

Раздельнополость и гермафродитизм в мире растений словно перебиваются друг в друга: то в рамках одного и того же семейства раздельнополость сменяется гермафродитизмом, то имеет место обратный переход от гермафродитизма к раздельнополости. «В растительном мире переход от обоеполовости к раздельнополости и обратно принадлежит к настолько повседневным явлениям, что просто даже не привлекает к себе внимания» (Талиев В. И. Мужское и женское в природе. – М. – Л. – 1927. – С. 124). Касааясь перехода от гермафродитного цветка к раздельнополостному в жизненном цикле покрытосеменных, биологи отмечают, что этот переход происходит (и происходил) через целый ряд транзиторных форм: морфологических (однодомность, андро- и гинооднодомность, полигамия и полигамодвудомность и т. д.) и физиологических – автостерильность, «дихогамия», «мужская стерильность» и т. д. (Шубернецкий Я. В. О половых формах некоторых групп покрытосеменных растений // Учёные записки Тираспольского педагогического института. – 1958. – Вып. 7. – С. 263-264). Процесс стерилизации андроеца или гинецея, ведущий к двудомности, составляет генеральную линию эволюции растений: «При переходе растений от одной формы проявления пола к другой во многих семействах наблюдаются последовательные переходы от растений с гермафродитными цветками к растениям с раздельнополыми цветками» (Жуковский П. М. Гетерозис растений и филогенетическая стерильность как эволюционные явления в природе // Генетика. – 1967. – № 5. – С. 33-44).

С особой наглядностью повторяемость гермафродитного и раздельнополостного состояния проявляется в тех случаях, когда имеет место изменение полярности в онтогенезе существа (эукомия, дынное дерево, японская хурма и др.). У дынного дерева, например, последовательность в смене полярностей такова: 1 – мужские цветки, 2 – мужские и несколько гермафродитных цветков, 3 – несколько мужских и многочисленные гермафродитные цветки, 4 – несколько мужских, многочисленные гермафродитные и несколько женских цветков, 5 – только гермафродитные цветки, 6 – гермафродитные цветки и несколько жен-

ских, 7 – несколько гермафродитных и многочисленные женские цветки, 8 – только женские цветки (Schaffner J. Sex and determination in the light of Observation on dioecious plants // Am. Nat. – 1927. – Vol. 62).

Периодическая повторяемость гермафродитных и раздельнополых стадий довольно очевидная и в мире животных. Гермафродитизм и раздельнополость встречаются во всех пунктах зоологической лестницы. Рихард Гессе [1868-1944] отмечает, что нет ни одного типа животных, в котором хотя бы отдельные виды не были гермафродитными (Гессе Р. Тело животного как самостоятельный организм. – СПб. – 1913. – С. 445-446). Даже целые типы, классы или отряды могут состоять почти исключительно из гермафродитов. Гермафродитизм и раздельнополость не исключают друг друга. В одном и том же роде часто встречаются гермафродитные и раздельнополые виды. По данным Рихарда Гольдшмидта [1878-1958], «устрицы *Ostraea edulis* L. и *O. lurida* – гермафродиты, а *O. viridinica* и *O. angulata* – раздельнополые; большинство видов гребешка – гермафродиты, но у *Pecten inflexus* Poli и *varius* L. полы разделены. Существуют и такие виды, особи которых в одной местности – гермафродитные, в другой – раздельнополые: у морского щетинконового червя *Nereis dumerilii* Aud. Edw. полы обыкновенно разделены, но возле Баньюля в Лионском заливе можно найти и гермафродитные формы; мелкая морская звезда *Asterina gibbosa* Forb. в Эрмельском канале в молодом возрасте продуцирует сперматозоиды, а затем в продолжение всей остальной жизни производит в тех же железах яйцеклетки; наконец, в Неаполе наряду с настоящими самцами этой звезды встречаются самки и гермафродиты. Эти переходы показывают, что гермафродитные формы превращаются в раздельнополые и наоборот» (см.: Гольдшмидт Р. Механизм и физиология определения пола. – М. – Л. – 1923. – 296 с.).

Гермафродитизм свойственный некоторым кишечнополостным, плоским червям, малощетинковым и пиявкам, мягкотелым и оболочникам. Раздельнополость – типичное явление у круглых червей, членистоногих, иглокожих, бесчерепных и позвоночных, «однако в группах, для которых типично свойственна раздельнополость, встречаются отдельные гермафродитные роды и виды, а среди групп типичных гермафродитов встречаются отдельные роды и виды с разделением полов»

(Кацнельсон З. С. Лекции по общей биологии. – Ленинград. – 1941. – Ч. 2. – С. 140).

Простейшие. Простейшие наделены способностью приобретать признаки троих полярностей. Пауль Каммерер [1880-1926] считает простейших гермафродитами (Каммерер П. Пол, размножение и плодовитость. – Л. – 1926. – С. 213). Другие авторы выделяют и гермафродитные, и раздельнополые формы среди простейших. Владимир Михайлович Шимкевич [1858-1923] указывает, что колониальные жгутиконосцы рода *Volvox* (их некоторые исследователи берут за исходную форму при объяснении происхождения многоклеточных) представлены как гермафродитными, так и раздельнополыми колониями (Шимкевич В. М. Пол и его признаки. – СПб. – 1917. – 128 с.).

Губки. Известняковые губки – гермафродиты. У остальных видов бывают и гермафродитные, и раздельнополые формы.

Кишечнополостные. Представлены раздельнополостью и гермафродитизмом. Ктенофоры, например, гермафродиты. Гермафродитизм широко распространён среди гидр. У зеленой гидры (*Hydra viridis*) и серой (*H. grisea*) преобладает гермафродитизм, но, кроме гермафродитных экземпляров, встречаются и раздельнополые. У бурой гидры (*H. fusca*) доминирует раздельнополость.

Гребневики. Представители этого типа – гермафродитные. Половое созревание и размножение у некоторых видов гребневиков характерно и для личинок (явление дисогонии).

Плоские черви. В своём большинстве плоские черви имеют гермафродитную организацию. Раздельнополость является лишь исключением в каждом классе (*Sabussowia dioica* и *Cercyra teissieri* – из морских триклад; *Didymozoonidae* и *Schistosomatidae* – среди дигенетических сосальщиков; *Dioecocostus* – среди цестод).

Первичнополостные черви. Нематоды – раздельнополые, хотя, в отдельных случаях, бывает и закономерное чередование гермафродитного и раздельнополого поколений в цикле онтогенеза некоторых видов (например, нематода *Angiostomum nigrovenosum*). Гастротрихи – обычно гермафродиты (*Macrodasypoidea* и частично *Chaetonotoidea*). У большинства *Chaetonotoidea* известны только самцы. Кинотрихи и коловратки – раздельнополые. Во многих коловратках распространены различные степени дегенерации самцов, вплоть до полного их исчезновения и перехода самок к партеногенезу.

Немертины. Считается, что немертины возникли от примитивных форм турбеллярий – далиеллид, которые стали раздельнополыми и потеряли сложную половую гермафродитную систему (Федотов Д. М. Эволюция и филогения беспозвоночных животных. – М. – 1966. – 404 с.).

Моллюски. Представлены как раздельнополыми, так и гермафродитными формами. Класс панцирных (Loricata) представлен раздельнополыми формами, за исключением отдельных гермафродитных видов (например, *Lepidochiton raymondi*). Класс бороздчато-брюхих (Solenogastres) – гермафродитный, раздельнополыми являются только представители ряда Chaetodermatoidea. Класс брюхоногих (Gastropoda) – гермафродитный.

Среди переднежаберников известны гермафродитные формы – *Pancturella noachina*, *Acmaea fragilis*, *Cocculina valvata*, *Marsenina*, *Bathysiadum*, *Velutina* и др. В значительном большинстве случаев у этих форм вызревание спермы предшествует созреванию яйцеклеток (протерандрический гермафродитизм) – *Aplysia*, *Clio*, *Arion empiricorum*, *Acmaea fragilis*, *Crepidula*, *Janthina* и немало других. Но в ряде случаев наблюдают и протерогинию, например, в *Agriolimnax laevis*, *Limnax maximus* и др. Класс двустворчатых (Bivalvia) – раздельнополый, однако встречаются и гермафродитные формы. Гермафродитами являются высокоспециализированные формы, объединённые в трибы Clavagellacea и Pandoracea. Есть семейства целиком гермафродитные или за исключением отдельных видов: Tridaenidae, Poromyidae, а также роды Scioberetia и Entovalva. Наоборот, среди видов родов Pecten, Ostrea, Cardium гермафродитами являются лишь отдельные виды. Наконец, есть виды (Anodonta, Mytilus) раздельнополые, но временно становятся гермафродитными. Головоногие – раздельнополые.

Аннелиды. Среди полихет – Nereis, Ophryotrocha и Salmacina – лишь отдельные особи гермафродитные. Но уже Diopatra, некоторые Hesionidae, Poligordius triestinus – стойкие гермафродиты, у которых в одном и том же сомите наблюдают и мужские, и женские гонады. У некоторых особей среди Serpuloidea и Protula в передних сомитах полового отдела формируются мужские гонады, в задних – женские; в Spirorbis – наоборот, при этом наблюдается протерандрия. Sabella имеет стойкие гермафродитные гонады. Довольно своеобразные отноше-

ния существуют в Myzostomida. Они являются гермафродитами, но формирование мужских гонад у ещё небольших по размерам особей ведёт сначала к функционированию данной особи самцом, а затем уже наступает созревание женских гонад. Очень хорошо выражена протегандрия у сидящих форм (*Myzostomum glabrum*). Как правило, на спине большой гермафродитной особи прикрепляются небольшие самцы, которые, однако, постепенно подрастая, становятся гермафродитами. У цистикольных стадия гермафродитного функционирования выпадает, и за стадией самца наступает некоторый стерильный период, после которого данная особь начинает функционировать как самка. Для класса малощетинковых (*Oligochaeta*) гермафродитизм является нормой так же, как и для пиявок (*Hirudinea*) и приапулид (*Priapulida*). Сипункулидам (*Sipunculida*) и эхиуридам (*Echiuroidea*) свойственна в основном раздельнополость.

Членистоногие. Членистоногие преимущественно раздельнополые, но и здесь встречаются гермафродитные виды, например, среди ракообразных. Как черта отдельных особей, возникающих эволюционно с гермафродитной организацией, гермафродитизм характерен для многих членистоногих. Среди насекомых гермафродит *Termitoxenia* начинает жизнь самцом, затем становится самкой.

Форониды. Большинство форонид – гермафродиты. Раздельнополыми являются лишь некоторые представители.

Мшанки. Мшанки, как правило, гермафродиты. Раздельнополыми являются лишь отдельные виды.

Брахиоподы. Брахиоподы обычно раздельнополые, за исключением отдельных видов (*Pumilus antigyatus*, *Argyrotheca* и др.).

Птеробранхии. Птеробранхии – раздельнополые, но случаются и гермафродитные виды.

Иглокожие. Иголкожие раздельнополые, гермафродитизм имеет место среди отдельных видов (в *Synapthidae*, *Asterina gibbosa*, *Amphiura squamata* и др.).

Поногофоры. Поногофоры – раздельнополые.

Хордовые. Среди хордовых гермафродитизм присущ оболочникам, некоторым круглоротым. Очень распространён гермафродитизм среди рыб, и это было известно ещё Аристотелю. У рыб, наряду с раздельнополостью, когда соотношение самцов и самок близко к 1:1, наблюдается большое разнообразие половых проявлений – от гиногене-

за (количество самцов сведено к нулю), характерного, например, для многих популяций серебряного карася (*Carassius auratus gibelio*), к функциональному гермафродитизму каменных окуней (*Serranus scriba*, *S. subligari* и др.), которые в период нереста могут функционировать одновременно как самки и самцы, изменяя свой пол в зависимости от ситуации. Значительная пластичность пола у рыб обусловлена их способностью к потенциальному и функциональному гермафродитизму. У них гермафродитизм характерный, в частности, для семейств, которых относят к *Mictophiformes*, *Cyprinodontiformes*, *Perciformes*, *Cynbrachiformes*.

Немалая склонность к гермафродитизму свойственна птицам. Михаил Михайлович Завадовский [1891-1957] отмечает, что после удаления левого яичника у курицы формируется правая половая железа, по своей гистологической природе близкая к семеннику, которая иногда имеет достаточно зрелые спермии. С формированием правой половой железы появляются и признаки самца: большой стоячий гребень, большие бородки и серёжки, петушиный голос, петушиный инстинкт и другие признаки и повадки (Завадовский М. М. Пол животных и его превращение. – М. – Пб. – 1923. – 132 с.). Классу млекопитающих также присуще рождение определённого количества гермафродитов различных степеней выражения.

Николай Александрович Холодковский [1858-1921] доказал ошибочность мнения, будто гермафродитизм в животном мире присущий только низкоорганизованным представителям. Оказывается, гермафродитизм не есть привилегированная черта первичных форм каждого типа, скорее наоборот – первичные исходные формы организации значительно чаще являются раздельнополыми, нежели гермафродитными (Холодковский Н. А. Гермафродитизм // Русское богатство. – 1886. – № 12 – С. 10). Сергей Владимирович Мясоедов [1889-1937], указывая на распространённость гермафродитизма и раздельнополости в самых разных пунктах родословного древа живого мира, отмечает, что нет зависимости между обоими состояниями и высотой нахождения организма в системе, то есть и гермафродитизм, и раздельнополость случаются во всех классах как растительного, так и животного царства, и при том не только среди родственных видов, а довольно часто и в пределах одного вида (Мясоедов С. В. Явления размножения и пола в органическом мире. – Томск. – 1935. – С. 337). Весьма распростра-

нённым является мнение, будто гермафродитизм – первичная форма органов размножения, из которой путём усовершенствования выработалась раздельнополость. Совершенно неправильное мнение. Оно решительно отвергается уже тем, что в основном органы размножения гермафродитов организованы совершеннее, чем органы размножения раздельнополых существ той же системной группы (Линдеман Н. Э. О формах размножения и развития в животном царстве // Русское богатство. – 1889. – № 12. – С. 9). Гермафродитизм в животном царстве вездесущий. Гермафродитизм и раздельнополость постоянно словно переливаются друг в друга, несмотря на грань, которая их разделяет. В пределах одного и того же вида раздельнополость сменяется гермафродитизмом или, наоборот, у близких видов наблюдается то раздельнополость, то гермафродитизм (см.: Талиев В. И. Мужское и женское в природе. – М. – Л. – 1927. – С. 122). Так, миноги раздельнополые (гермафродитизм у них замечен в личиночном состоянии), а близкие к ним миксины в молодом возрасте гермафродитные. Часто в пределах одного вида, независимо от сложности организации, рядом уживаются и гермафродитная, и раздельнополая особи.

Естественно, что в процессе иверсии полярностей должны образовываться продукты развития промежуточного типа, в частности, интерсексы. Об интерсексуализме Рихард Гольдшмидт отзывается как о состоянии переходном и закономерном, которое предстаёт своеобразной половой мозаикой во времени (Гольдшмидт Р. Механизм и физиология определения пола. – М. – Л. – 1923. – 296 с.). Интерсексуальным делается индивид, который начинает формироваться в определенной степени как самка (самец), а заканчивает свое формирование самцом или самкой. Склонность к интерсексуальности меняется вместе с разными семействами, родами, видами животного и растительного мира. Она не одинакова даже у особей, принадлежащих к одному и тому же виду.

Среди биологов часто ставится вопрос – какое состояние исторически древнейшее: гермафродитное или раздельнополое? Некоторые авторы склонны усматривать в качестве первичного состояния растительного мира раздельнополость. Так, например, полагают Дарвин Ч. (Действие перекрёстного опыления и самоопыления в растительном мире. – М. – 1939. – 340 с.), Кожин А. Е. (Вопросы выражения пола и многообразие сексуальных типов у цветковых растений. // Журнал об-

щей биологии. – 1941. – Т. 1. – № 3. – С. 355-374), Кузнецов Н. И. (Введение в систематику цветковых растений. – Юрьев. – 1914. – 665 с.), Негели К. (Происхождение естественно-исторического вида и понятие о нём. – М. – 1866. – 71 с.). Другие авторы первичным состоянием для растений считают гермафродитизм. Так полагают Вавилов Н. И. (Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. – Л. – 1967. – 92 с.), Гришко Н. (Проблема пола у конопли // Биология конопли. – Киев – Харьков. – 1935. – Вып. 8. – С. 197-241), Гроссгейм А. А. (К вопросу о графическом изображении цветковых растений // Советская ботаника. – 1945. – Т. 13. – № 3. – С. 3-21), Кречетович Л. М. (Вопросы эволюции растительного мира. – М. – 1952. – 351 с.), Минина Е. Г. (Смещение пола у растений воздействием факторов внешней среды. – М. – 1952. – 198 с.), Дарвин Э. (Храм Природы. – М. – Л. – 1960. – 260 с.), Суриков И. Н. (Генетика несовместимости у цветковых растений // Генетика. – 1965. – № 2. – С. 158-164), Молотковский Г. Х. (Полярность развития и физиологическая генетика растений. – Черновцы. – 1968. – 89 с.), Сидорский А. Г., Сидорская Э. А. (Роль биохимических методов исследования в изучении эволюции пола растений // Третий Всесоюзный биохимический съезд. – Рига. – 1974. – Т. 12. – С. 12), Чайлахян М. Х., Хрянин В. Н. (Пол растений и его гормональная регуляция. – М. – 1982. – 173 с.) и другие исследователи. Мнение, что раздельнополые растения возникли от гермафродитов, Карл Эрх Корренс [1864-1933] обосновывает наличием рудиментарных органов противоположного пола у раздельнополого растения. По его убеждению, это есть не что иное, как приостановление их перехода в двуполый цветок на более-менее поздней стадии (Корренс К. Определение и наследование пола, согласно новым опытам над высшими растениями // Новые идеи в биологии. – СПб. – 1914. – Вып. 7. – С. 12-47).

Тем временем, для животного мира некоторые исследователи за первоначальное состояние принимают раздельнополость (Рихард Гертвиг [1850-1937], Рихард Гессе, Николай Холодковский). Гермафродитизм же за первичное состояние для животных принимают Алексеев Ф. Е. (Эволюция полового процесса и проблема происхождения многоклеточных // Журнал общей биологии. – 1980. – Т. 12. – № 5. – С. 768-779), Вендровский В. И. (Современное состояние проблемы эволюции пола // Успехи современной биологии. – 1933. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 12-28), Вундер П. А. (Эндокринология пола. – М. – 1980. – 253 с.), Мен-

гер Х. (Изменения в развитии признаков пола у птиц и млекопитающих при воздействии половыми гормонами в разные периоды эмбриогенеза. – М. – 1962. – 22 с.), Малаховский А. Я. (Биологические особенности тесного инбридинга // Проблемы животноводства. – 1938. – № 11. – С. 37 – 48), Серебровский П. В. (Биология пола. – Л. – 1925. – 152 с.), Сахаров Г. П. (Происхождение пола и смысл полового размножения. – М. – 1924. – 342 с.), Мюллер Г. (Сексуальная биология. – М. – 1913. – 312 с.), Клаус К. (Учебник зоологии. – Одесса. – 1888. – Ч. 1. – 589 с.) и другие исследователи. Несмотря на то, что гермафродитизм и раздельнополость часто встречается у родственных видов в пределах одной и той же группы, иногда даже у разных индивидов одного и того же вида (например, в устриц и других моллюсков, червей, членистоногих), всё же гермафродитизм некоторые авторы называют начальной половой формой. Этому, говорят они, вовсе не противоречит тот факт, что у трубчатников, ребровиков, мшанок, усоногих и слизняков изначально существовала раздельнополость, а гермафродитизм является для них вторичным явлением (Мюллер, там же, с. 2).

Постановка вопроса о первичности того или иного полового состояния является объективационистической, неправомерной, учитывая, что пол – триполярное Одно. Говорить о первичности гермафродитизма или раздельнополости можно лишь условно (в историческом времени) относительно конкретных групп видов. Так и поступают некоторые исследователи. В. Шимкевич, например, принимает гермафродитизм явлением вторичным для усоногих ракообразных, раздельнополые же формы среди турбеллярий, сосальщиков и ленточных червей он считает возникшими уже из гермафродитов, потому что значительная часть плоских червей гермафродитная, и, более того, существуют переходные формы (*Didymozoom*), которые показывают процесс этого перехода: самцы теряют женские органы, а самки – мужские (Шимкевич В. М. Помеси и ублюдки. – СПб. – 1906. – 40 с.; Шимкевич В. М. Пол и его признаки. – СПб. – 1917. – 128 с.). Наоборот, за высшими кольчатыми червями гермафродитизм признаётся явлением вторичным: большинство их раздельнополы, но в *Ophryotrocha puerilis* в пределах вида существуют рядом особи мужские, женские и гермафродитные, при этом одна часть гермафродитов проявляет тенденцию к превалированию яичников, вторая – к преобладанию семенников. Впрочем, немало есть и гермафродитных кольчатых червей. У парази-

тических потомков кольчатых червей *Myzostomum* можно найти виды раздельнополые, гермафродитные с дополнительными самцами и гермафродитные без самцов.

Кое-кто из исследователей полагает, что гермафродитизм у моллюсков – явление вторичное, результат видоизменения самок (Беклемишев В. Н. Основы сравнительной анатомии беспозвоночных: В 2-х т. – М. – 1964. – Т. 1. – 432 с.; Т. 2. – 446 с.). Вторичный гермафродитизм признаётся у термитной мухи (*Termitoxenia*), миксины (*Mixina glutinosa*), морского окуня (*Serranus scriba*) и других представителей животного мира (Тезинг К. Размножение и наследственность. – М. – 1913. – 110 с.).

Гермафродитное состояние животных, полагают многие зоологи, пришло на смену «раздельнополости». А вот Николай Холодковский называет раздельнополость млекопитающих явлением третичного порядка (см. его труд «Гермафродитизм»).

Раскрытая мной сущность пола объясняет наличие «закона периодической повторяемости гермафродитизма и раздельнополости», вносит ясность в разногласия в вопросе перспектив эволюции тех или иных групп существ. Напомню эти разногласия. Так, например, согласно С. Хохлову, высшие растения эволюционируют к гермафродитизму, а Ч. Дарвин указал на эволюцию высших растений в направлении раздельнополости. В свете же необъективированной онтологии пола будет правильно полагать, что гермафродитизм проявляется на разных ступенях филогенетического продвижения организмов и переходит в раздельнополость, а раздельнополость – в гермафродитизм. Кое-кто из исследователей совершенно верно принимает гермафродитизм и раздельнополость равноценными друг другу, указывая, что у одних видов гермафродитные формы могли превращаться в раздельнополые, а у других – раздельнополость во второй раз переходила в гермафродитизм (Филипченко Ю. А. Проблема пола в биологии // Новые идеи в биологии. – 1914. – Вып. 7. – С. 1-11).

Приведённые мнения учёных относительно перспективы эволюции пола затрагивают вопрос, поставленный ещё Дарвином: «Почему некоторые растения и, по всей видимости, все высшие животные после того, как они сделались гермафродитными, позже снова стали раздельнополыми?» (Дарвин Ч. Действие перекрёстного опыления и самоопыления в растительном мире, с. 318). Ответ здесь один: периодическое

повторение гермафродитных и раздельнополых форм в эволюции – следствие закономерного инверсирования полярностей Одного, детерминированного развитием Субстанции через взаимопревращение ипостасей. Гермафродитизм и раздельнополость – «живое единство движения и равновесия» («движение находится в равновесии, а равновесие – в движении»). Григорий Нисский говорил, что покой и движение взаимно растворённые в природе существ, им присущее смешивание этих противоположностей, потому в движении есть покой, а в покое – движение.

Итак, повторяю, понять «периодическую повторяемость раздельнополых и гермафродитных форм» в ходе эволюции можно только в свете Тригнозиса. Дарвинизм с его принципом естественного отбора здесь бессилён. Да и сам Дарвин, касаясь причины гинодиции в *Salvia*, признал, что превращение мужского цветка в женский необъяснимо с точки зрения теории естественного отбора.

Не разобрался Ч. Дарвин и с проблемой целесообразности. О случайном характере целесообразности нужно забыть, как и поступали некоторые мыслители. Владимир Вернадский был глубоко убежден, что неизбежно произойдёт признание неслучайного порядка Природы – аналогии с организованностью, а не со слепым столкновением случайностей (Пресман А. С. Идеи В. И. Вернадского в современной биологии. – М. – 1976. – С. 7). Эволюцию на основе закономерностей рассматривали многие исследователи, в частности, Людвиг фон Бергаланфи отмечал: жизнь есть проявлением мировой целостности, проявлением закона всемирной необходимости. Дарвинизм он назвал механическим учением. На мой взгляд, главный недостаток дарвинизма – неведение истинного носителя жизни, признание эволюции продуктом случайности.

Развитие не есть какое-то «случайное блуждание» материи или результат каких-то отдельных причинных связей «частичек» материи. Оно свойственно субстанциональной телесности Универсума и двигателем развития выступает взаимопревращение ипостасей, обуславливающее «внутреннюю» инверсию и тривергенцию полярностей вещественной телесности Универсума, что придаёт явлениям его бытия периодичность повторяемости. При этом само порождение и воспроизводство вещественной телесности обозначено триплетностью и повторяемостью. Говоря о повторяемости, триплетности и непрерывно-

сти, обратим внимание на структуру ДНК (дезоксирибонуклеиновую кислоту). Значительная часть ДНК представлена так называемыми повторяющимися нуклеотидными последовательностями, то есть участками, которые повторяются во многих местах генома. Фундаментальным свойством генетического кода является триплетность. Триплет представляет собой три последовательных нуклеотида и как единица информации является основой синтеза белка, причём информация с триплета считывается *непрерывно*.

Многие мыслители (Карл Эрнст фон Бэр, Лев Семенович Берг, Люсьен Клод Кено [1866-1951], Отто Генрих Шиндевольф [1896-1971], Пьер Тейяр де Шарден [1881-1955], Дмитрий Николаевич Соболев [1872-1949] и др.) высказывались за признание направленности процесса эволюции.

Убеждение о наличии какого-то имманентно присущего Природе устремления к изменчивости в определенном направлении помешало Карлу Бэру признать дарвинскую теорию естественного отбора. Эволюция проявляется как процесс направленный. Но биологи не знали сущности пола, не нашли истинных детерминант эволюции. Не ведая о взаимопревращении ипостасей Субстанции, инверсии и тривергенции полярностей, учёные повествуют о существовании неких «творческих сил», ответственных якобы за возникновение органических форм и направленный характер эволюции. Среди этих «сил» называют: «жизненную силу» (Ж.-Б. Ламарк), «жизненный порыв» (А. Бергсон), «энтелехию» (Аристотель), «аристогенез» (Генри Файрфильд Осборн [1857-1935]), «киногенез, который корректируется естественным отбором» (Е.Коп), «полезность» (Карл Вильгельм фон Нэгели [1817-1891]), «принцип непосредственного созидания» (Иоганн Губер [1830-1879]), «номогенез» (Л. Берг), «внутренний закон развития» (Альберт Годри [1827-1908]), «гетерогенное развитие» (Альберт фон Кёлликер [1817-1905]), «естественный закон вторичной причины» (Роберт Оуэн [1771-1858]) и т. п.

Говоря об образовании видов через инверсию и тривергенцию полярностей, приведу несколько наглядных примеров. Щетинконогие черви Mizostomidae – в основном гермафродиты, но у некоторых видов, наряду с гермафродитными особями, случаются и маленькие самцы, тем временем у самок замечается склонность к гермафродитизму. Кроме этого, среди мизостомидий есть несколько вполне раздельно-

полых видов. Происхождение видов через тривергенцию полярностей наглядно проявляется у брюхоногих Gastropoda, если сравнивать представителей родов *Mellanella*, *Mucronolia*, *Megadenus*, *Pelseneeria*, *Stilifer*, *Gasterosiphon*, *Entocolax*, *Entoconcha*, *Enteroxenos* и др. Здесь можно обнаружить виды как первичнораздельнополые и первичногермафродитные, так и вторичнораздельнополые и вторичногермафродитные. Аскарида лягушечная (*Ascaris nigrovenosa*) в легких лягушки представлена гермафродитной формой, из яиц которой рождаются раздельнополые глисты с признаками другого рода (*Rabditis*). У лягушек встречаются географические расы, в которых некоторые самцы могут быть гермафродитными или иметь преимущественно признаки самки. У европейской травяной лягушки (*Rana temporaria*) в Альпах и вдоль Балтики случаются расы, самцы которых приобретают свои половые признаки на ранних стадиях эмбрионального становления. В других же местах есть популяции, которые состоят лишь из самок (или из самок и нескольких гермафродитов).

Конечно же, неопровержимым доказательством происхождения видов, вследствие тривергенции полярностей, является *«периодическая повторяемость гермафродитных и раздельнополых форм» по всему спектру родословного древа растительного мира и на всех ступеньках зоологической лестницы.*

Тривергенция полярностей является одновременно и векторизованным фенотипическим расхождением между полярностями. У плакун-травы, например, имеется три двуполые формы, из которых одна является как бы более мужской, другая – более женской, третья – словно средняя между ними. Из семян каждого растения вырастают все три формы, при этом одна часть потомков всегда «ни в мать, ни в отца». У пчёл потомки матки и трутней (рабочие пчёлы) очень не похожи на своих родителей. Если у плакун-травы все три формы плодные, то у пчел третья форма (рабочие насекомые) бесплодная (см.: Харченко П. А. Деякі питання еволюції медоносної бджоли // Бджільництво. – К. – 1970. – Вип. 6. – С. 45-48). Эти примеры различий в «признаках» стали для Дарвина огромной неприятностью, которую он честно признал непобедимой и смертельной угрозой для всей его теории. Называя противоречия в теории естественного отбора, Дарвин, среди прочего, указывает на факт существования пчёл, муравьёв и похожих на них насекомых, у которых определённые формы часто отличаются своей

организацией как от самцов, так и от способных размножаться самок того же вида.

Отличия в «признаках» между самцом, гермафродитом и самкой – начальная точка отсчёта расхождения признаков при видообразовании. Дарвин пришёл к выводу, что в процессе эволюции «половые признаки» постепенно «перебираются» на противоположную полярность и делаются видовыми признаками (при интерпретации этой проблемы Дарвин оперирует объективационистическим «полом»). За начало этого ряда Дарвин принимает виды примитивной организации, у которых отсутствует половой диморфизм. Следующее звено составляют виды, у которых одна полярность приобрела вторичные половые отличия. Завершающим звеном является стадия перехода приобретённых вторичнополовых различий на обе полярности и закрепления их как видовой особенности (Чарлз Дарвин оперирует не триморфизмом, а диморфизмом, это общий дарвинский недочёт при рассмотрении проблемы, названной «передачей признаков от одного пола к другому»).

Половые признаки возникают не только из видовых признаков, они могут обратно превращаться в признаки вида. Анализируя пути трансформации половых и видовых признаков, исследователи соглашались с путём эволюции признаков, начерченным Дарвином: первичный мономорфизм → половой диморфизм → вторичный мономорфизм (переход вторичнополовых признаков у видовые). Половые признаки предвещают будущие направления изменчивости вида: «Надо подчеркнуть, что ряд постепенных переходов от первичного к вторичному мономорфизму можно проследить не только на представителях крупных систематических единиц, но и в пределах семейства и рода. Поэтому виды в пределах рода часто отличаются между собой только половыми признаками и степенью перехода этих признаков на противоположный пол. Вследствие этого Дарвин придает особое значение вторичнополовым признакам в прогрессивной эволюции животного мира» (Новіков Б. Г. Еволюція статевих ознак і шляхи перебудови механізму реалізації цих ознак в онтогенезі // Наукові записки Київського державного університету. – 1946. – Т. 5. – Вип. 2. – С. 222-223). Сергей Мясо-едов тоже отмечал: «Любой вторичнополовой признак потенциально может превратиться в видовой и, наоборот – к мужским вторичнополовым признакам, которые возникли, видимо, из видовых, относятся: звуковые аппараты в некоторых прямокрылых, что их в рудиментар-

ном состоянии имеют и самки; шпоры куриных птиц, которые играют защитную роль; гребень тритона, представляющий спинной плавник. Как пример перехода вторичнополовых признаков у видовые можно привести рога оленей, которых у их ископаемых предков не было. Возникнув в миоцене сначала у самцов, они сделались затем у различных современных видов также и принадлежностью самок, у которых эти признаки достигли той или иной степени выражения. То же самое можно сказать относительно различных полорогих (Bovidae), плиоценовые предки которых обладали рогами только в мужской половине. Это явление Дарвином невинно объяснялось «как наследственное перенесение признаков с одного пола на другой». Но наблюдается и такое: признаки, сделавшись из видовых вторично-половыми, снова могут перейти в видовые или расовые и наоборот. Сюда относятся шпоры некоторых пород кур (Dorkings и др.), сделавшиеся постоянной принадлежностью также и самок, комолость у коров и т. д. Всё это свидетельствует о том, что границы между видовыми и вторично-половыми признаками являются лабильными и, кроме того, во многих случаях условными» (Мясоедов С. В. Явления размножения и развития в органическом мире. – Томск. 1935. – 500 с.). Владимир Михайлович Шимкевич [1858-1923] считал важным то обстоятельство, что самец и самка отличаются такими особенностями, которые у соседних форм являются признаками вида, рода и даже семейства и тесно связаны с особенностями существования. Северный олень дает основания для вывода, что вторично-половой признак (наличие рогов), распространяясь и на самку, освобождается даже от всякой зависимости от секреции гонад и становится видовым. Имеются и обратные примеры, когда расовый признак превращается в половой у обоих полов.

В работе «Происхождение человека и половой отбор» Дарвин с позиции объективационистического понимания сущности пола, отмечает, что у некоторых видов рыб рода *Blennius* на голове самца появляется гребень в период размножения, а у самки его нет. Но у других видов того же рода оба пола имеют гребень, тем временем как у одного вида гребня нет ни у самца, ни у самки. Немало примеров «передачи» половых признаков от одного пола к другому приведены Иваном Ивановичем Шмальгаузенем [1884-1963]: «Среди антилоп имеется полный ряд форм, ведущих от видов, у которых рога имеют только самцы, далее через виды, у которых самки имеют лишь зачатки или только неболь-

шие рога, к видам, у которых оба пола имеют одинаковые рога. У обыкновенного павлина (*Pavo cristatus*) шпоры имеются только у самцов. Однако у яванского павлина (*Pavo muticus*) со шпорами и самка. На голове самца мадагаскарского хамелеона (*Chamaeleon bifurcatus*) имеется два больших рогообразных выроста, зато у самки видим разве что их небольшие зачатки. У бабочки-голубянки вида *Lycaena agestis* оба пола при бурых крыльях, окаймлённых схожими между собой оранжевыми окоподобными пятнами. У вида *L. oegon* крылья самцов голубого цвета с черной каймой, а у самки – бурые с такой же каймой и очень похожие на крылья *L. agestis*. Наконец, в *L. orion* оба пола имеют голубые крылья и схожие между собой. Среди бабочек североамериканского ряда *Ericalia* известны 9 видов с исключительно яркими самцами, но с одноцветными самками и два вида с самками, яркими, как и самцы. У птицы фрегата (*Fregata aquila*) у обоих полов чёрное оперение, подобное окраске самцов других видов – *Fr. magnificans* и *Fr. minor*. У индийских фазанов *Bambusicola* и *Gallopardix* в пределах одних и тех же видов встречаются самки без шпор и со шпорами. А у самок кур Зондских островов *Rhizothera* и *Acomus* такие же шпоры, как и у самцов. У самцов дельфина *Phocaena communis* наблюдаются все переходы от небольшого полового выступа мочеполового протока к типичной двурогой матке. У *Homo sapiens* тоже видим большие индивидуальные различия. У мужчин это часто удлинённый пузырьёк, обычная *vesicula prostatica* без добавочных частей, иногда же – настоящая матка (с маточными железами) до 12 см длиной, с яйцеводами и даже *ostia* и *fimbria* по их краям, с шейкой матки и влагалищем. Наравне с этим имеется совершенно нормальный мужской аппарат. У кукусу (*Phalanger maculatus*) из сумчатых Новой Гвинеи самки имеют серую монотонную окраску, а самцы рыжие с белыми пятнами. Однако, на острове Вайгиу, к северу от Новой Гвинеи, самки названного вида уже одной окраски с самцами. У современных жираф рогообразные выросты присущи обоим полам. Однако у ископаемых *Samotherium boissieri* и *Palaeotragus rouenii* рога были лишь у самцов. У почти всех оленей рога имеются только у самцов. У современного оленя (*Rangifer tarandus*) самки тоже имеют хорошо развитые рога, но это совсем недавнее их приобретение. В Саянах встречается ещё и исходная форма северного оленя с безрогими самками» (Шмальгаузен И. И. Стабилизирующий отбор и

проблема передачи половых признаков с одного пола на другой. // Журнал общей биологии. – 1945. – Т. 6. – № 6. – С. 363-379).

Иван Шмальгаузен, опираясь на многочисленные эмпирические данные, утверждает: разнообразные половые признаки, как зависящие, так и независимые в своем формировании от полового гормона, передаются от одного пола к другому. Эта передача признаков распространяется и на органы заботы о потомках, на вспомогательные органы спаривания, на первичные половые признаки – копулятивные органы и половые железы. Например, у самца речного рака пара абдоминальных ножек служит аппаратом для переноса спермы. У самок они, как правило, рудиментарные, однако иногда достигают значительных размеров. Хорошо известны факты формирования сосцов и даже зачаточных молочных желез у самцов млекопитающих. Некоторые летучие мыши (*Synorycteris grandidieri*, *marginatus*) достигли высочайшей фазы передачи млечных желез к самцу, самка рождает двух детёнышей – одного кормит она, а другого – самец.

Ещё раз делаю акцент на том, что пол выражает триполярность вещественного Одного, а поэтому надо осознавать, что разграничение объективационистической биологией признаков на «половые» («первичные», «вторичные») и «видовые» является условным. В необъективированном контексте надо воспринимать и «переход половых признаков у видовые», «передачу признаков одного пола на другой».

«Видообразование путём замены вторичных половых признаков одного пола половыми признаками другого не имеет адаптивного характера. При этом происходит лишь реализация признака, уже имеющегося в одном из полов, что, однако, не мешает выделению новых, с точки зрения систематики, вполне самостоятельных таксономических групп. У галлиц путём наследственного замещения антенн одного пола антеннами противоположного пола возникли роды *Monodiplosis* Kieff, *Macrolabis* Kieff, *Arnoldiola* Str. и другие» (Мамаев Б. М. Эволюция галлообразующих насекомых-галлиц. – Л. – 1968. – 237 с.).

У многих видов признаки, которые у родственных видов представляют вторичные половые особенности самцов, присущи обоим полам. В других случаях (райские птицы, колибри, танагра т.д.) самки могут больше отличаться от самцов своего вида, чем от самок родственных видов. Поскольку процесс видообразования характеризуется тривергентностью, то нетрудно понять, почему самцы по своим признакам

то слишком резко отличаются от самок, то совсем мало, то более похожи на самок своего вида, то на самок вида родственного (аналогичное происходит и с самками). «Передача признаков одного пола к другому» (закрепление их как видовой особенности) является своего рода проявлением видовой интерсексуализации. Такое очень наглядно наблюдается в случае появления однополого полового диморфизма (когда в пределах вида, наряду с одной формой самца или самки, имеется несколько разновидностей особей противоположного пола), а также при половом полиморфизме (когда в пределах одного и того же вида имеется несколько форм самцов и несколько форм самок, при этом одна форма самцов и одна форма самок являются как бы начальными, сходными с противоположным полом, а другие формы самцов и самок представляются значительно уклонившимися и за сходством приближаются к другому виду). Среди африканских и индийских бабочек из семейства *Papilionidae* можно выделить три или даже четыре типа самок: один – близкий к самцам своего вида, а два, или даже больше, похожи на родственные соседние виды. Двусторонний полиморфизм наблюдается у клеща *Syringobia chelopus*, у которого два типа самцов и столько же самок. Из самцов жука-оленья (*Lucanus cervus*) можно составить непрерывный вариационный ряд, где на одном конце будут располагаться экземпляры с крупными размерами тела и роскошными рогами, а на втором – особи мелкие и, как самки, безрогие.

Проблема перехода признаков с одного пола на другой и трансформации половых признаков у видовые не нашла своего научного объяснения в биологии и, принимая во внимание истинную сущность пола, поставлена неправильно. Естествоиспытатели-атомисты не осознают, что самец, самка и гермафродит – это триполярное Одно, которое телесно является продуктом развития дофеноменальной Субстанции. Сам Дарвин признавал, что многочисленные факты «передачи» признаков от самца к самке и наоборот, противоречат теории естественного отбора: ей («передаче») не хватает биологического смысла, от неё пользы для вида никакой, бывает разве что только вред. С мнением Ч. Дарвина согласен И. Шмальгаузен: «У самца млекопитающих в течение эмбрионального периода формируются яйцеводы и зачаточная матка, а у самок – копулятивный орган, позже превращающийся в клитор. Самцы никогда не имели яйцеводов и матки, а самки не имели копулятивных органов. Их зачатки не являются у них повторением предковых состоя-

ний. Наоборот, они возникают сначала у одного пола, затем, как эмбриональные признаки – у другого пола, и, наконец, переносятся в той или иной степени и на взрослое животное. Можно было бы думать, что всё связано с самим механизмом наследования, в котором участвуют оба пола. Однако и это не так просто. Механизм раздельного наследования половых признаков имеется с самого начала их появления – половые признаки возникают именно у одного из полов. Только в дальнейшей эволюции имеющееся раздельное наследование нередко почему-то нарушается. Передача признаков с одного пола на другой не связана с ясной выгодой и поэтому вряд ли объяснима действием обычного естественного отбора» (Шмальгаузен И. И. Стабилизирующий отбор и проблема передачи половых признаков с одного пола на другой // Журнал общей биологии – 1945. – Т. 6 – № 6. – С. 363-364). Без знания пола как триполярности рассуждает и Александр Андреевич Тихомиров [1850-1931], который, кстати, сравнил «передачу» признаков от одного пола к другому» с естественным преобразованием самца в самку и наоборот: «Я полагаю, часто гораздо ближе к истине стоят те исследования, которые объясняют появление у одного пола признаков второго пола – стремлением, свойственным каждому раздельнополю животному приобретать признаки противоположного пола. Мне кажется, мы можем пойти еще дальше и даже предложить гипотетическое объяснение, почему самцы и самки стремятся роковым образом приобрести признаки противоположного пола во всех случаях, когда какие-нибудь естественные или искусственные причины начинают им препятствовать в осуществлении функции их настоящего пола... Признавая, что раздельнополюе животные произошли от животных гермафродитных, мы, очевидно, должны себе представить, что само происхождение раздельнополюх животных было таково, что по отношению к будущим самцам действовали какие-то задерживающие моменты, мешавшие у одних особей развитию женских признаков, у других – мужских. С этой точки зрения каждая самка есть гермафродит с задержанными в своём развитии мужскими признаками (как существенными, так и несущественными, как внутренними, так и внешними), самец же есть гермафродит с задержанными в своём развитии женскими признаками. Точнее сказать: и самец, и самка заключают в себе признаки противоположного пола, остающиеся в них скрытыми. Эти скрытые признаки или, выражаясь морфологически, зачатки их, заключают в себе

известное количество потенциальной энергии организма. Оставаясь в большинстве случаев лишь в виде зачатков, эти признаки противоположного пола, передающиеся по наследству из поколения в поколение, несомненно прогрессируют в том смысле, что они, будучи вызваны к жизни, дают эффект всегда соответствующий вполне той стадии филогенетического развития, на которой стоит в данный момент данная животная форма. Этим, конечно, объясняется то обстоятельство, что мужские украшения, подавляющиеся, например, у женских особей, стремятся достигнуть того совершенства, каким они отличаются и у нормальных самцов... Впрочем, существование таких зачатков признаков противоположного пола доказывается уже тем фактом, что самцы передают потомству по наследству женские признаки, а самки – мужские... Таким образом, на каждую раздельнополую особь мы должны смотреть как на существо, в котором постоянно борются две силы, стремящиеся, одна – создать мужские признаки, другая – женские. У типичных самцов и самок одна из этих сил торжествует свою победу, другая является побежденной... Я полагаю, что, приняв предложенную здесь гипотезу двух вечно борющихся половых сил, мы всегда легче можем себе объяснить все случаи гермафродитизма как прирожденного, так и приобретенного особью после её рождения... Для меня северный олень, т.е. род *Rangifer*, есть гермафродитная форма, стоящая особняком в семействе *Cervidae*, как стоит особняком в семействе *Percidae* роды: *Serranus* и *Chrysophorys*, но только в последнем случае мы имеем дело с гермафродитизмом существенных органов (половых желез), в первом – с гермафродитизмом внешних признаков. Такую же слабую степень гермафродитизма я вижу и во всех тех случаях, где и самки, те и другие, оперены или украшены так, как в ближайших к ним формах украшены только самцы (или только самки). Особую форму гермафродитизма представляет также и субституция признаков одного пола признаками другого пола: таковы случаи, где самки в некоторых формах бывают оперены или украшены как самцы других близких форм. Такая субституция признаков тоже распространена прихотливо в животном царстве и встречается, например, лишь у некоторых видов одного и того же рода; как мы её находим лишь у некоторых видов рода *Pieris* Южной Америки и в видах рода *Diadema* на Малайских островах. Весьма интересны случаи такой субституции половых признаков у некоторых птиц: у шлемистого казуара самка имеет *habitus* самца

(сравнительно с самцами других форм, так как её собственный самец, наоборот, женоподобен), и в то же время она отказывается от той части половых инстинктов, которые, казалось, были бы для неё нормальны, т.е. не высиживает и не выкармливает молодых, предоставляя это делать самцу. Таким образом, здесь мы видим прирождённое извращение половых инстинктов у самки, сопровождаемое также присутствием у неё и внешних мужских признаков. Подобная же замена женских поведенческих повадками самца приобретается иногда самками также и в течение жизни – точно так же, как может быть ими приобретено оперение самца, мужские украшения и т. п...» (Тихомиров А. А. К вопросу о гермафродитизме у птиц. – М. – 1887. – 30 с.).

Только тригнозисная биоонтология способна объяснить, почему в Природе происходит такое чудо – «способность самца и самки формировать признаки противоположного пола». Полярности – самка, самец и гермафродит – выражают неразрывную триполярность вещества, как продукта развития Субстанции, вследствие взаимопревращения ипостасей. Тривергенция полярностей отображает дифференциацию вещественной телесности Необъективированного Человека на биологические виды. Здесь и находится ключ к пониманию – каким образом половые признаки предвещают будущее направление изменчивости вида, и почему виды в пределах семейства, рода часто отличаются только «половыми признаками» и уровнями транзитивности (переходности) этих признаков на противоположную полярность, что в дальнейшем закрепляет приобретённые вторичнополые отличия как видовую особенность. Ещё Ч. Дарвин отмечал: «Замечателен тот факт, что вторичные половые признаки, отличающие один пол от другого в пределах одного и того же вида, касаются обыкновенно тех именно частей организации, которыми отличаются между собой и виды одного рода» (Дарвин Ч. Происхождение видов. – М. – 1952. – С.191). Вот примеры: одинаковое количество суставов в ступне – признак постоянный для больших групп жуков, но в Engidae число их значительно колеблется, и в то же время оно колеблется и у самцов, и у самок того же вида. Точно такая же ситуация и в перепончатокрылых, которые роют себе норки в песке. У них расположение жилок на крыльях – очень важный признак, так как он постоянен для больших групп, но в некоторых родах жилкование отличается у разных видов, а ровно и особей того же вида, принадлежащих к разному полу. У ракообразного Pontella половые

признаки касаются только передних усиков и пятой пары ног: видовые признаки так же, главным образом, ограничиваются этими органами.

Словом, половой триморфизм сигнализирует о степени расхождения видов в признаках. «Я полагаю... виды той же группы более различаются между собой своими вторичными половыми признаками, чем другими чертами своей организации. Сравните, например, степень различия между самцами птиц из семейства куриных, в которых вторичные половые признаки так сильно развиты, со степенью различия между самками» (Ч. Дарвин, там же, с. 191). Дарвин интуитивно чувствовал, что решение проблемы вида и видообразования есть, по сути, проникновением в загадку природы пола. Он заметил наличие определенного параллелизма и связи между явлениями полиморфизма, полового диморфизма и индивидуальными отличиями: «Конечно, с первого взгляда нельзя не изумляться факту, что та же самка-бабочка производит три различные женские и одну мужскую форму или что гермафродитное растение в той же коробочке приносит семена трёх различных женских и трёх или даже шести различных мужских форм. Тем не менее, это только более резкие случаи самого обыкновенного явления, т. е. рождение одной самкой особей двух полов, иногда различающихся между собой самым поразительным образом» (Ч. Дарвин, там же, с. 191-192).

Но открыть взаимопревращение ипостасей Субстанции и механизм видообразования объективационистическая биология, конечно же, не могла. Объективационизм дальше механистического горизонта не видит решения любой проблемы. И естественно, что родство между органическими формами такая биология объясняет не иначе, как морфофизиологически и через акт воспроизводства (размножения), а не онтологически. Лишь тригнозисное осознание видообразования, как процесса продуцирования Субстанцией вещественной телесности Необъективированного Человека и её дифференциации, преодолевает механицизм в вопросе родства видов, а также является отправным условием для правильного понимания сущности вида и логических принципов его выделения и разграничения.

Впрочем, не с одним лишь Дарвином (учёным, бесспорно, эпохальным) связано механистическое толкование родства между видами. В 1704 г. крупнейший исследователь Джон Рей [1627-1705] писал: «Как у животных различия между полами недостаточны для того, чтобы на

них обосновывать различия между видами, раз оба пола происходят из семян одного и того же вида, нередко от тех же самых предков, хотя оба пола в очень многих случаях отличаются один от другого, так нет никакой необходимости для установления видового тождества быка и коровы, женщины и мужчины в каких-либо иных аргументах, кроме указанного происхождения их от одних и тех же родителей, часто от одной и той же матери. Так и у растений нет надобности в каких-либо других доказательствах видовой одинаковости, кроме происхождения из семян растений, специфически или индивидуально идентичных. Формы, которые по отношению к виду различны, сохраняют эту свою видовую природу различий, ни одна из них не происходит из семян другой, или наоборот» (цит.: Комаров В. Л. Учение о виде у растений. – М. – Л. – 1944. – С. 17). Как видим, родственные связи между видами биологический объективизм обосновывает через физиологический акт рождения предками потомков, а сходство – через морфологические признаки. Такое биомеханистическое понимание родства господствует в биологии до наших дней.

Что же касается тригнозисного (необъективированного) понимания родства видов, то оно онтологическое, универсализовано триполлярным Одним. В половых формах в пределах видов следует видеть тривергентное выражение одной и той же сущности. Именно тривергенция и приводит к той или иной сочетаемости половых форм в рамках видов: самка + гермафродит; гермафродит + самец; самка + гермафродит + самец; вид, состоящий из самки, которая с возрастом через гермафродитное состояние становится самцом; вид, состоящий из самца, который с возрастом через гермафродитное состояние становится самкой; и т.п.

Опираясь на ошибочное понимание сущности пола, систематика ввела жёсткую фиксацию полярностей в пределах одного и того же вида без учёта их инверсии и различия. Карл Линней считал единство происхождения особей одного вида «доказанным», предположив, что исходная пара (самец и самка) изначально созданная Творцом. Поскольку мужская и женская полярности от самого начала были включены в видовые рамки, то различия между ними считались недостаточными для обоснования отличий между видами. Этим был заложен фундаментальный просчёт в понимание сущности вида, его возникновения и эволюции. «Что касается видов в естественном состоянии, то

по отношению к ним каждый натуралист в действительности вносил в свою классификацию их происхождение, так как на первых же ступенях системы в классификации видов включены оба пола, а то, как сильно они разнятся между собой даже в существенных чертах, хорошо известно каждому натуралисту; едва ли можно найти что-нибудь общее между взрослыми самцами и гермафродитами некоторых усоногих раков, но никто и не помышляет об их разделении» (Дарвин Ч. Происхождение видов, с. 401).

А до какого предела, даже с учётом пресловутой «двоичности полов», физиологическое родство индивидов обуславливает сохранение единства вида? Где граница допустимых различий между потомками, за которой они теряют принадлежность к одной и той же видовой группе? По этому поводу Джон Рэй мыслил так: только индивидуальные различия создают в своей совокупности другую отличную форму строения, которая по своим колебаниям различий между индивидами указывает на другой тип, тогда, несмотря на единство их происхождения, эту новую форму следует считать принадлежащей к другому виду (цит.: Дворянкин Ф. А. Дарвинизм. – М. – 1964. – С. 39). Здесь мы видим, что морфологическое единство индивидов (сходство строения) выступает главным критерием границ объективированного вида. Такое понимание видовых границ приводило к тому, что систематики часто бессознательно использовали фактор физиологического рождения в качестве критерия принадлежности мужской и женской полярностей к одному и тому же виду (я уже говорил, что признаки полового триморфизма, которые отличают между собой трёх полярностей в пределах одного и того же вида, касаются именно тех частей организации, которыми отличаются между собой и виды одного рода).

Различия между полярностями бывают весьма значительными. Например, самка крупной чехлоноски червеобразная без всяких следов крыльев, а самцы имеют крылья. У немалого количества видов коловороток самцы настолько упрощены в своей организации, что превратились в своего рода «самостоятельнодвигающийся половой аппарат». Иногда отличия между самцом и самкой до того велики, что трудно понять, к одному ли они принадлежат виду, и только по репродуктивным связям между ними систематик относит обе эти формы к одному виду. Часто систематик ошибается и принимает самцов или самок одного и того же вида за представителей разных видов, семейств и даже рядов.

Э. Майр пишет: «Особи разных полов одного и того же вида систематики за первым подходом причисляли к различным видам, родам и даже семействам. В остифий (Tiphidae) маленькие бескрылые самки и крупные крылатые самцы настолько отличаются между собой, что некоторые систематики используют для обозначения разных полов разную номенклатуру. Целые «роды» состоят из одних самцов или из одних только самок. Различия между самцом и самкой очень большими бывают у райских птиц, у некоторых перепончатокрылых, полужесткокрылых. А самка и самец у королевского попугая рассматривались как разные виды едва ли не сто лет. Самцы африканского муравья *Dorylus* столь непохожие на других муравьев, что их за таковых не считали и долгое время относили к другому семейству. Особенно много случаев резких расхождений в сходстве особей разного пола среди перепончатокрылых. Ни один профан не поверит, что бескрылые самки и крупные крылатые самцы ос из группы Mutillidae принадлежат к одному и тому же виду. Различия между самцом и самкой в пределах вида бывают часто значительно большими, нежели различия между двумя видами» (Майр Э. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. — М. — 1947. — С. 66-67). Поэтому «каждая страница миллионов листов книги видов должна как бы распадаться надвое: одна сторона для самца, другая — для самки. Классификация естественным образом обращает мало внимания на это различие, но оно коренное. Несходства между сходными вещами имеют более значения, чем несходства между вещами несходными. А несходства между самцом и самкой никогда не бывают малы, а почти всегда велики» (Друммонд Г. Эволюция и прогресс человека. — М. — 1896. — С. 282).

Тригнозисное осмысление проблемы видообразования даёт основание полагать, что пронизанное критицизмом отношение к дарвинизму не было случайным. Принцип расхождения признаков на основе естественного отбора и борьбы за существование, при помощи которого Ч. Дарвин пытался объяснить происхождение естественной системы организмов, представляет слабейшую часть его теории. И главный вывод, приписываемый теории Дарвина, а именно объяснение естественной системы организмов, на самом деле не сделан ею (Филиппенко Ю. А. Эволюционная идея в биологии. — М. — 1977. — С. 53). Выдвинув принцип расхождения признаков для объяснения видообразовательного процесса, Дарвин, не зная онтологии пола, применил его

механически ко всему потомству видовой формы, а не в отдельности к самцу, гермафродиту и самке с учётом их тривергенции. Онтологическое триполярное Одно оказалось недостижимой интеллектуальной высотой для натуралистов при диктатуре дихотомий и объективационистического мышления в естествознании.

Начало своего происхождения виды берут от общего предка – триполярного Одного, а ещё глубже – от триипостасной Субстанции. А если так, то спрашивается, – можно ли считать самца, самку и гермафродита в пределах вида родоначальниками трёх будущих видов? Очевидно, можно, учитывая, что онтологически своим существованием они обязаны триполярности Одного. Полярные формы – самка, самец и гермафродит – регистрируют этапы видообразования и одновременно являются параметрами границ морфофизиологической изменчивости Одного.

К сожалению, онтологического анализа механизма видообразования никто не провёл. «Никто никогда не предлагал выделять самцов и самок в отдельные виды, между тем они всегда отличаются по строению половых органов, а нередко и по целому ряду других признаков. Если бы существовали особи как мужского, так и женского пола, внешне соответствующие мужчинам, а также особи обоих полов, внешне сходные с женщинами, то их, несомненно, отнесли бы к двум разным видам при условии, что они не скрещивались бы между собой. Гораздо легче отличить мужчину от женщины, чем *Drosophila pseudoobscura* от *D. persimilis*. В некоторых группах животных самцы и самки настолько заметно различаются, что только случайные находки спаривающихся особей позволяют установить их принадлежность к одному виду. В энтомологических кругах рассказывают, что в одном семействе насекомых до недавнего времени различали два подсемейства. Однако затем обратили внимание на то, что в одном из этих подсемейств все виды описаны только по самцам, а в другом – только по самкам... Во многих группах животного мира самцы и самки различаются так сильно, что для их определения приходится пользоваться различными таблицами, ибо в них, в сущности, нет ни одного сколько-нибудь пригодного общего видового признака» (Кэйн А. Д. Вид и его эволюция. – М. – 1958. – С. 105-106).

Инверсия и тривергенция полярностей не связаны с естественным отбором. Борьба за существование и естественный отбор, как из-

вестно, выступают главными факторами видообразования в дарвинской теории эволюции. Однако явное расхождение вторичных половых признаков с требованиями дарвинской борьбы за существование доказывается многочисленными фактами (Ковалёв К. Н., Талиев В. И. Половое размножение в общебиологическом и биосоциальном освещении. – М. – 1930. – 116 с.). Последствия полярной дифференциации часто оборачиваются негативным адаптивным значением (Давиташвили Л. Ш. Эволюционное учение. – Тбилиси. – 1977. – Т. 1. – С. 88). По признанию Дарвина, природный отбор (в том числе и половой) не в силах объяснить таких явлений, как «переход признаков с одного пола на другой»; репродуктивная изоляция; триморфизм полов; количественное соотношение половых форм в пределах вида и т. п. Хочется спросить – в чём же тогда заключается «всемогущая творческая роль естественного отбора», о которой не перестают говорить сторонники дарвинизма?

Еще раз подчеркиваю: источником количественного увеличения числа видов являются триипостасная Субстанция и триполярное вещественное Одно, которые олицетворяют телесность Необъективированного Человека. Вследствие взаимопревращения ипостасей и инверсии полярностей происходит дифференциация телесности Необъективированного Человека на биологические виды. Виды не порождают видов путём преобразования одного в другой. Ещё современник Ч. Дарвина Ф. Шеллинг подчёркивал, что мнение, будто различные сообщества единства образовались путем постепенного развития друг от друга, является недоразумением, укоренившимся в нашем уме. Организмы, родственные между собой, полагал Шеллинг, объясняют родство друг с другом не прямо, а через конечную цель – мировой организм с его мировой душой (цит.: Гангнус А. Рискованные приключения разума. – М. – 1982. – С. 95). Ещё и ещё раз повторяю: *триипостасная Субстанция, развиваясь, порождает виды, как этапы дифференциации вещественной телесности Необъективированного Человека*. Развития самих по себе видов не происходит. Субстанция в процессе развития вещественно феноменологизирует себя в образе видов – продуктов своего развития. Виды родственные между собой через посредничество триполярного Одного. Виды изменяются, но не развиваются («изменчивость» и «развитие» – не одно и то же).

Объективированные виды – это группы похожих и биомеханически родственных «дискретных индивидов». **Онтологически они не реальные.** Согласно дарвинизму, потомки определённого вида, попав в различную среду, приобретают отличительные признаки. С последующим их расхождением возникают новые виды. Двигателями видообразования становятся борьба за существование и естественный отбор.

Теория Ч. Дарвина коснулась лишь изменчивости видов, их биомеханического существования, но не «первокорня», не первоисточника, в конечном итоге – **не происхождения.** Проблема истинного генезиса видов находится вне возможностей методологии объективизма и атомизма, на почве которых Дарвин создал свою концепцию объективированного вида. Ненадёжный фундамент вскоре привёл к тому, что грандиозное «эволюционное сооружение» Дарвина пошатнулось. Возникли сомнения в его истинности: «Большой парадокс биологии заключается в том, что вид, являясь универсальным, не имеет и, по-видимому, не может иметь столь же универсального, адекватного своей универсальности критерия, так же как не может быть сформулировано универсальное конкретное определение понятия «вид» (Степанян Л. С. Надвиды и виды-двойники в авиафауне СССР. – М. – 1983. – С. 6-7). Дарвинисты не нашли общего критерия для отделения объективированного вида от других сверхиндивидных систем. Приобретает правоту давняя мысль, что универсального критерия определения атомистического вида не существует, и его поиски обречены на неудачу в бесконечной временной перспективе.

Что же касается необъективированной концепции вида, то она стоит на твёрдом онтологическом фундаменте. Тригнозис усматривает в необъективированном виде продукт развития Субстанции и дифференциации вещественной телесности Необъективированного Человека. Вид способный увеличивать количество особей путём самовоспроизведения через разнообразные способы размножения (самооплодотворение, партеногенез или репродуктивные взаимосвязи между половыми полярностями).

Хотя биологи и пытались понять суть вида через интеграцию индивидов («каждый вид происходит или от гермафродитной особи, или от раздельнополой пары – самца и самки» [Линней]; «развивается только индивид, а виды неизменны» [Робине]; «индивид или особь, если она не стерильная, является основой как жизни вообще, так и эволюцион-

ного процесса, а вид происходит от индивида путём увеличения количества особей от поколения к поколению» [Владимир Комаров]), но, размышляя таким образом, они не осознавали, что в действительности самка, самец и гермафродит – триполярное Одно, следовательно, представление о виде как совокупности дискретных индивидов условное, объективированное.

Не дал дарвинизм ответа и на вопрос – почему процесс образования видов сопровождается репродуктивной изоляцией и бесплодием, очерчивая этими феноменами границу вида? Чем объяснить, что два вида, которые происходят от общего предка, становятся бесплодными, скрещиваясь, не дают потомства? Георг Джон Роменс [1848-1894] определил бесплодие как предпосылку размежевания видов (раньше бесплодие считалось следствием расхождения). В появлении бесплодия Роменс видел первейший шаг в происхождении видов. Он полагал: только через посредничество бесплодия возможна видовая дифференциация. Репродуктивная изоляция способна преодолеть ассимилятивное влияние скрещивания. Дифференциация видов, согласно Роменсу, не связана с процессами адаптации, а потому учение Дарвина нельзя считать теорией происхождения видов. В теории естественного отбора Роменс видел не теорию происхождения видов, а теорию происхождения полезных признаков.

Явлению нескрещиваемости и бесплодия в происхождении видов Дарвин придавал большое значение. До него натуралисты думали, что бесплодие гибридов при скрещивании видов умышленное – чтобы предотвратить их взаимное смешивание. Дискутируя с Альфредом Расселом Уоллесом [1823-1913] о «страшной проблеме» (роли естественного отбора в возникновении бесплодия при скрещивании разновидностей), Дарвин признал, что бесплодие составляет камень преткновения для его теории: возникать и усиливаться под влиянием естественного отбора бесплодие не может. Чарлз Дарвин не находил целесообразности ни в наличии различных степеней бесплодия у гибридов, ни в полном бесплодии. Томас Генри Гексли [1825-1895] в необъяснимости бесплодия тоже видел уязвимое место теории Дарвина.

Очевидно, что бесплодие зависит от «степени поляризованности» скрещиваемых существ. Инверсионность полярностей приводит к их «переполаризации». Однозарядность скрещиваемых видов, видимо, причина бесплодия.

Теория Ч. Дарвина о происхождении видов встретила обоснованную критику со стороны многих учёных. А. Катрфаж писал: «Мое мнение было и остается, что вопрос о происхождении видов ещё не разрешён... Борьба за существование и естественный отбор являются приспособительными агентами. Они ведут к большому однообразию (вместо появления уклонения), к единообразию признаков, к устойчивости. Они не приводят к возникновению видов» (Катрфаж А. Соперники Дарвина // Научное обозрение. – 1894. – № 16. – С. 504). Согласно Дж. Роменсу: «Теория естественного подбора получила неправильное наименование. Строго говоря, она вовсе не есть теорией происхождения видов. Это теория происхождения или, точнее, прогрессивного развития приспособлений как морфологических, и физиологических, и психологических... Эти две вещи далеко не тождественны; так как, с одной стороны, в огромном большинстве случаев, приспособительные строения общие для многочисленных видов и, с другой стороны, признаки, отличающие между собой виды, не заключают вообще ничего служащего к приспособлению... Если принять во внимание, что теория естественного подбора, бесспорно, не способна объяснить бесплодия, служащего главным признаком отличия между видами, не говоря уже о многих второстепенных признаках, если затем вспомнить, что даже для остальных случаев трудно видеть, каким образом один естественный подбор мог бы развить эти признаки, ввиду свободных скрещиваний, то становится очевидным, что естественный подбор не есть теория происхождения видов. Это есть теория возникновения приспособительных изменений» (цит.: Катрфаж А. Соперники Дарвина, с. 499-500). Роменс пытался найти (увы, не нашёл) такой фактор образования видов, который был бы независимым от естественного отбора и который смог бы объяснить причину отсутствия беспрепятственного скрещивания и возникновения бесплодия при гибридизации. Многие исследователи высказывались против отождествления естественного отбора с происхождением видов. Ричард Куннингам [1793-1835] констатировал: «Каждому известно, что теория естественного подбора была высказана Дарвином как теория происхождения видов, а между тем, она является только теорией происхождения приспособлений. Ещё подлежит вопросу: суть ли различия между видами различия приспособления? Если бы это было так, то происхождение видов и происхождение приспособлений явились бы эквивалентными выражениями.

Но вряд ли существует хоть один пример, относительно которого было бы показано, что видовой характер полезен, что он является приспособлением» (цит.: Спенсер Г. Основания биологии. – СПб. – 1899. – Т. 1. – С. 331-332). Герберт Спенсер [1820-1903], которого Дарвин называл «великим философом», писал, что приспособительные видоизменения, которые могут обусловить выживание, вовсе не становятся видовыми особенностями: они суть черты отличия по своей категории от черт, разграничивающих группы, видовой характер которых доказывается невозможностью их скрещивания. А вот мнение Петра Успенского: «Если строго придерживаться фактов, то эволюцию, основанную на отборе, приспособлении и устранении, можно принять только в смысле «сохранения вида», ибо лишь эти факты можно наблюдать в жизни. А появление новых видов, их формирование и переход из низших форм в высшие фактически никогда не наблюдались. Эволюция в смысле «развития видов» – не более чем гипотеза, которая стала теорией вследствие неправильного понимания. А вот как они появляются – мы не знаем; и не следует обманываться на этот счет» (Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. – М. – 2002. – С. 27).

Выдающийся ученый Александр Александрович Любищев [1890-1972] назвал классический дарвинизм и марксизм «куполom здания механистического материализма» (Любищев А. А. Понятие системности и организменности. – Труды по знаковым системам. – 1977. – № 9. – С. 136; Любищев А. А. Понятие эволюции и кризис эволюционизма. – Известия Биологического НИИ при Пермском университете. – 1925. – Т. 4. – Вып. 4. – С. 137-153).

«Если теорию Дарвина согласовать с целостным взглядом на мир, то она выглядит весьма жалкой», – писал Николай Николаевич Страхов [1828-1896]. В работе «Мир как целое» он пишет: «Начала, принимаемые Дарвином, недостаточны для предмета, теорию которого он задумал построить. Только идея мира как целого может быть в качестве руководящей идеи при исследовании Природы». Н. Страхов, выступая против атомизма как натурфилософской теории, всё же полагал, что атомизм является необходимой ступенью, через которую проходит эмпирическое мышление, поскольку оно начинается с чувственности. Возражая против абсолютизации достоверности чувственных представлений, Н. Страхов отмечал: «Существует бесчисленное множество материалистов, но великих материалистов нет». Это «бесчисленное

количество материалистов», указывал он, представлено материалистами-атомистами. Под «великими материалистами» Н. Страхов подразумевал тех, кто будет причастен к «материализму, который сознательно пойдёт дальше атомистической теории и будет понимать вещество не в виде атомов, а как-нибудь иначе» (Страхов Н. Н. Мир как целое. – СПб. – 1892. – С. 134, 421). Чарлз Дарвин не смог решить проблемы, сформулированной в названии его книги, – «Происхождение видов». Согласно Страхову, книгу Ч. Дарвина лучше было бы назвать «О вымирании видов». Об этом пишет и Э. Майр: «Дарвин никогда не предпринимал серьезной попытки подвергнуть строгому анализу проблему увеличения количества видов. Истинный смысл термина «происхождение видов» стал понятным сравнительно недавно. Неопределенность в этом вопросе существовала не только в додарвиновский период. Дарвин уравнивал понятие «происхождение видов» с понятием «эволюция». Он смешивал две существенно различные проблемы под одним названием – «происхождение видов». Прежде всего Дарвин стремился доказать само существование эволюционных изменений. Эволюционные изменения не обязательно должны сопровождаться увеличением количества видов. Какая-либо изолированная островная популяция, например, может изменяться с течением времени так, что вид «А» превратится в вид «Б», затем – в вид «В» и, наконец, – в вид «Г» без всякого увеличения числа видов. По завершении этого процесса на острове будет обитать, как и сначала, только один вид» (см.: Майр Э. Зоологический вид и эволюция. – М. – 1968. – С. 26, 340). Слово «видообразование» в современном ограниченном толковании, пишет Э. Майр, обозначает увеличение количества видов.

Чарлз Дарвин не понял коренной сути вида. Он был в плену объективации и не знал, что всё в мире есть Необъективированный Человек и что видообразование – это проявление дифференциации вещественной телесности Необъективированного Человека. Вид олицетворяет собой продукт развития Субстанции, не являясь сам единицей развития. Развитие – сверхвидовой процесс. Что же касается естественного отбора, то он ничего нового не создает, а лишь отбирает уже готовое.

Николай Яковлевич Данилевский [1822-1885] правильно отметил: «Виды постоянны в своей сущности, но не вечны и не переходят друг в друга» (Данилевский Н. Я. Дарвинизм. В 2-х т. – СПб. – 1885; Т. 1. – 1049 с; Т. 2. – 200 с.).

Чарлз Дарвин не знал истинного носителя жизни – Необъективированного Человека. Свою теорию он создал, опираясь на фиктивные (объективированные) единицы жизни – дискретный индивид и атомистический вид. На индивид Дарвин смотрел сквозь призму ещё более элементаристской сущности – «признака». Обосновывая теорию видообразования с позиций атомистической концепции пола, Дарвин, естественно, не смог выбраться из плена объективации. Пол казался ему дискретным морфофизиологическим приспособительным признаком организма, а такого «пола», как и дискретного индивида, онтологически не существует!

Необъективированное видообразование лежит в плоскости Онтологического бытия Необъективированного Человека и иллюстрирует дифференциацию его вещественной телесности на биологические формы (виды). Ещё Эриугена, заинтересовавшись, каким образом человеческая природа, будучи единой, существует во множестве отдельных индивидов, указывал: «Если иметь ввиду природу человека, созданную по образу триединого Бога, то в ней охвачены «все животные», «весь мир».

Знание этой истины требует от Человека пересмотра каннибалистического отношения к себе. Биологические виды – проявление фенотипического разнообразия вещественной телесности Человека.

Словом, в наше время должна завершиться эволюция взгляда на носителя жизни, пройдя путь от упрощённого объективированного дискретного индивида и его системных совокупностей (популяции, вида, экосистемы и др.) до Необъективированного Человека.

Раздел IV

История – феномен объективации Человека

Общественная история возникает как продукт
социальной объективации Человека. Это эпоха
диктатуры субъекта.

Петро Харченко

1. Порабощение Человека объективацией

Своим происхождением история обязана объективированному «эго» (субъекту). Она – эпоха «несчастливого сознания» (объективированного восприятия Человеком действительности), эпоха тотального «распада» реальности. Николай Бердяев верно подметил, что источник страдания нужно усматривать в объективации человеческого существования (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 291). В историческом периоде жизни Человек воспринимается объектом, «объективированным человеком» или, говоря проще, *дискретным индивидом*.

Особенностью первобытного мировосприятия, отмечают философы, было глубокое очеловечивание Природы, вплоть до сексуальных отношений. Оно приписывало людям свойства вещей, а вещам – свойства людские (Асимов А., Турсунов А. Соотношение микрокосма и макрокосма как философская проблема: история и современность. – Вопросы философии. – 1978. – № 7. – С. 69-81).

Но «очеловечивание» Человеком Природы производилось через призму объективации и осуществлялось субъектом. Природа представлялась субъекту «внешним миром». Поэтому когда говорят – «всё есть Природа и равно всё есть человек-дискретный индивид», – мудрого смысла нет.

Принцип единства Человека и Природы находит свою истинность лишь в Человеке Необъективированном, для которого Природа становится его вещественной телесностью. Поскольку онтологически *дискретно существующего индивида не существует*, то ставить вопрос о его происхождении в контексте изначальной соотнесённости с генезисом Природы совершенно не корректно. Но именно так ста-

вила вопрос древнеиндийская и древнекитайская античность в своём антропоцентрическом мировоззрении. Человек, хотя и не противопоставлялся Вселенной как ничтожество, но в образе дискретного индивида он этим ничтожеством становился. Считать, что Мироздание построено «по образу и подобию» индивида-субъекта и что такой «человек»-индивид представляет собой миниатюрную копию Вселенной (уменьшенный образ всего мира) – означает находиться в состоянии помрачённого объективацией ума.

Становление истории началось с объективации Человека, появления субъекта. Исходным «атомом» истории является субъект, который в качестве своей телесности дискретно «приватизировал» дискретного индивида. Со временем, возникают интегральные (коллективные) формы субъекта – семья, общество, государство и др. В работе «Творчество и объективация» Н. Бердяев отмечает: «коллективные реальности суть порождения объективации разных ступеней выброшенности во вне состояний мироосознанности и расположения их в иерархическом порядке».

Объективированность – главная характеристика социальной истории, а главный её «дирижёр» – субъект. История выражает порабощение Человека объективацией, «превращение» его в онтологически не существующий *дискретный индивид*, вокруг которого, как справедливо отметил Л. Фейербах, вращается всё в религии, философии и обществоведении (Фейербах Л. Избранные философские произведения. – М. – 1995. – Т. 2. – С. 893). Близок к этой мысли К. Маркс: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно же, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М. – 1955 – 1974. – Т. 3. – С. 19).

Дискретный индивид как иллюзорно обособленная («оторванная») субъектом часть телесности Необъективированного Человека фактически является «мертвецом». В социальном бытии он зависим от других иллюзорно дискретных «частей» телесности Необъективированного Человека и, естественно, не может обладать свободой. Для приобретения свободы Человек должен деобъективизироваться, восстановить свой необъективированный статус.

По Н. Бердяеву, Человеку необходимо полностью отказаться от применения к Истине прилагательного «объективная». Под этим прилагательным в философской литературе выступает объективированный мир – мир распада и отчуждения. Бердяев прав в том отношении, что философы изображали (познавали) бытие через субъект. Они не дошли до логики, которая предстаёт как Откровение Необъективированного Человека. Вся немецкая философия времён Гегеля – Маркса «погорела» на понятии «объективное». «Объективное» этой философией преподносится как независимое от субъекта (находится вне головы), но, на самом деле, оно «объективированное». Абсолютная Идея придумана Гегелем-субъектом. Она является объективированной конструкцией. «Диалектическая гносеология» Гегеля не избежала объективации. Казус объективации относится и к марксистскому «диалектическому и историческому материализму». И когда Н. Бердяев говорит, что «объективная истина, полученная при рассмотрении объективированного мира, не есть настоящей истиной, он прав (правда, сам он непомерную роль в онтологии бытия отвёл субъекту, что не позволило ему открыть Необъективированного Человека, существующего вечно и первичнее эсхатологического субъекта).

«Падение в объективированный мир, – констатирует Н. Бердяев, – произошло в самой первожизни. Это привело к тому, что действительностью признают лишь вторичное рационализированное, объективированное, и сомневаются в реальности первичного, необъективированного, нерационализированного». Такова, пишет он, «структура сознания падшести, отчуждённости во вне. В духе, необъективированном духе, универсальное и индивидуально-личное соединены. Истина открывается не через подчинение миру, а через выход за пределы противоположения субъекта и объекта». Возникновение субъекта носит закономерный характер, хотя и олицетворяет, выражаясь словами Н. Бердяева, «мировую пошлость и рабство». Вся конструкция истории является объективированным социальным творчеством субъекта, творчеством, лишенным реальной этической, нравственной и гуманистической удовлетворённости. При её создании субъект использовал целый арсенал средств (им же произведённых): слово, число, атом и т. п.

К продуктам творчества субъекта относится искусственный мир объектов. «Мир, в котором мы живем, в значительно большей мере яв-

ляется творением человеческих рук, чем Природы, это гораздо более искусственный, нежели естественный мир» (Саймон Г. Науки об искусственном. – М. – 1972. – С. 10). Ноосфера – культура, производство, наука – суть явления позитивистской объективационистической деятельности субъекта.

Объективация, как историзация, хорошо освещена в «Капитале» К. Маркса, где она показана как процесс движения субъекта в предметное воплощение. Более того, марксистская социологическая концепция вторично объективирует «человека»-индивида, пропуская его через смысл таких социальных понятий, как «общество», «способ производства», «общественно-экономическая формация» и т. п., превращая его в «общественного человека». Маркс заявил: «Мы должны исходить из «Я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом, как Штирн[ер], а чтобы от него подняться к человеку» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 1955-1974. – Т. 27. – С. 12). И марксизм поднялся к «общественному человеку-субъекту» как «совокупности общественных отношений».

Но возникает вопрос: открывается ли «отмиранием собственности и государства», «ликвидацией порабоощающих форм общественного разделения труда» и прочим истинная сущность Человека как Необъективированной реальности? Ответ очевиден – нет! К. Маркс оставил заповедь субъектам «жить в коммуналке, обрести интегрированную форму бытия, погрузиться в общественное «отелеснение». Это вершина социальной объективации Человека. При большевиках это привело к тому, что субъект из «отца» истории заметно преобразовался в активного её «могильщика». Интегрированная общественная система субъектов взрывоопасна уже своим иерархическим характером организации, которая порождает физический тип управления, в силу чего, рано или поздно, объективированный социальный строй порождает своих разрушителей – субъектов-революционеров. Но свобода рождается *ликвидацией объективации* Человека (она – результат истинного его познания), а не физическими революциями «человека» объективированного.

Некоторые общие для истории и постистории феномены определены законами эволюции вещественной телесности Человека и носят онтологическую обусловленность. Так, можно утверждать о проявлении периодической смены полярной характеристики исторических

обществ (патриархат, матриархат и андрогинат). Известный знаток матриархата Марк Осипович Косвен [1885-1067] пишет о реальном проявлении матриархата в двух вариантах – в варианте существования «народа одних женщин» (амазонство), и в варианте существования народов, у которых женщины играли господствующую, а мужчины – подчиненную роль (Косвен М. О. Амазонки. – Советская этнография. – 1947. – № 2-3. – № 2. – С. 33-59; – № 3. – С. 3-32; Косвен М. О. Матриархат. – М. – Л. – 1948. – 329 с.). Й.-Я. Бахофен в книге «Матриархат» указывает не только на периодичность господства в социуме матриархата, патриархата и биархата (андрогината), но и на космическую смену мировых эпох, отражающих ведущее положение одного из трех полярных состояний мировой материи – мужского, женского и андрогинного (Bachofen J. J. Das Mutterrecht: Eine Untersuchung bei die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. – Stuttgart. – 1861).

Всё же, главным менеджером исторической эпохи, как я уже отметил, является субъект, он наполняет субъективным содержанием все объективированные общественно-экономические формации Человека, являясь угнетателем его свободы. Приход настоящей свободы Человека связан с концом истории и становлением постистории. Гибель истории означает конец господствующей власти субъекта, отмирания её как эпохи объективация Человека.

Постистория требует иной *формы организации общества*, нежели общество историческое (объективированное). Постисторическое общество – это не собрание дискретных индивидов-субъектов, а «искуплённое» необъективированным (Тригнозисным) мировоззрением целостное состояние Человечества. Только через Тригнозисную самосознанность Человек возвращается к единству и свободе, индивиды перестают быть «общественными атомами,» а предстают как полярности Человека единого Человечества.

Возвращение к целостности, замечают В. Налимов и Ж. Дрогалина, «это обретение континуальности сознания. И как это удивительно созвучно с буддийским учением об освобождении как о преодолении дискретности и возвращении к утраченному, но потенциально существующему, единству мира» (Налимов В. В., Дрогалина Ж. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление

семантической вселенной. – Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 6. – С. 121).

Всё же, на фоне многих правильных суждений, буддизм допускает упрощенное понимание «возвращения» индивида в необъективированное состояние – состояние Будды. Говоря об иллюзорности личности, он утверждает, что потеря привязанности («сжигание кармы») при растворении в целостности мира сопровождается исчезновением «эго», под которым подразумевается субъект. Спрашивается, а где же при этом девается истинная эгополярность, входящая в эгосистему ТриЭ(э)го Необъективированного Человека? Буддизм и древние учения Индии к познанию эготриплета ТриЭ(э)го не подступились.

2. «Несчастное сознание»

Объективированное мировосприятие
не открывает Истины.

Петро Харченко

Самопознание Человека возможно двумя путями – необъективированным и объективированным. Необъективированный путь связан с невербальным и вербальным Откровением, а объективированный – с субъектовой логикой.

Если невербальное Откровение является неинтерсубъектовым процессом, то объективированное познание осуществляется через субъект. Традиционная (рационально-логическая) теория познания является субъектовой. На статус индивидуального субъекта и всю полноту образа Человека претендует дискретный индивид.

Напомню: эмпирики признают индивидуальный субъект; трансценденталисты – трансцендентальный субъект; философы экзистенциалистического толка – субъект с неким «сознанием» со структурами априорного характера (познающий субъект при этом понимается как изначально включённый в реальный мир). Проблема субъекта рассмотрена в работе Владислава Александровича Лекторского [род. 1932] «Субъект в истории философии: проблемы и достижения» (Методология и история психологии. – М. – 2000. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 5-18).

О субъекте можно говорить по-разному. Припомним «Брихадараньяка-упанишаду»: «Вначале всё было лишь Атманом... Он оглянулся

вокруг и не увидел никого, кроме себя. И прежде всего, он произнёс «Я есмь».

Атман – это информационный триплет, выражающий тройственную природу субстанциональной телесности Брахмана. Его можно назвать бессознательным необъективированным ТриЭго, которое, ставши субъектом, и создало образ мира как дискретное Многое, проявило себя в дискретных «я» (субъектах), выступившими главными действующими лицами истории, её конструкторами, создателями мира искусственных вещей.

Как превратилось Триэго в субъект? Вследствие тривергенции его эгополярностей, вызванной процессом взаимопревращения субстанциональных ипостасей, Триэго как бы «разрывается» на дискретные самостоятельные единицы отражения бытия. Этот «распад» Триэго закрепляется на фоне эволюционного приобретения эгополярностями индивидуальных морфофизиологических отличий и чувственности. Иллюзия «разрыва» континуального Триэго представляется основой возникновения *субъекта как объективированной (иллюзорно «оторванной») эгополярности*, предпосылкой «метафизической сути» субъекта. Триэго «исторгает» из себя свои же эгополярности. Эти экстериоризированные полярности и образовали *дискретно-множественную систему отношений «не-я»*.

Стало быть, стержень субъективности составляет рефлексия феноменологических «я» и «не-я» между собой. Противопоставление «я» и «не-я» явилось противопоставлением «я» и «ты», «я» и «они». Фикция – «это не я» – сделала всё остальное по отношению к «я» «внешним миром». Субъект превращается в режиссёра всей тотальной объективации бытия, дискретно-множественного его искажения. Рождается представление о мире как Многом.

Можно сказать, что субъект биографировал «трагедию» пола (трагедию триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека). Онтологическое *единство* индивидов-эгополярностей Одного (Необъективированного Человека) иллюзорно становится дискретно-тройственным Многим – совокупностью объективированных индивидов.

Итак, субъект – это «оторванная» (объективированная) полярность Триэго. Чтобы породить себя в виде другого (иллюзорного) «я», полярности континуального Триэго должны были соотнестись между собой

дискретно, вступить в отношения. По большому счёту, субъект порождается принятием истинным Триэго формы «своего другого» путём «исторжения» из себя своих же эгополярностей.

Псевдоэго (субъект) является феноменом *психологического характера*. Субъект расчленил целостную телесность Необъективированного Человека на «потустороннее» и «посюстороннее». «Потустороннее» приобрело титул «Бога», а «посюстороннее» стало «внешним миром» и «человеком»-индивидом, через которого был запущен исторический процесс, история. Субъект сузил границы телесности Человека масштабом одной «оторванной» полярности, перебрал на себя звание «человек» (переведя Необъективированного Человека в статус «человека» объективированного, то есть «переиначил» его в «дискретного индивида»). Объективированный «человек-субъект» и поныне остаётся антропологической константой в мировой системе знания.

Отражая вещественное бытие в объективированной форме, субъект трансформирует его в идеальные образы. Объективационистическая осознанность бытия *Человеком* открыла путь к созданию мира искусственных вещей, становлению различных мировоззренческих систем – материализма (механического, исторического, диалектического), идеализма (субъективного, объективного), науки и всего прочего.

Рождение «человека-индивида» стало «падением» Необъективированного Человека и приходом объективированного способа мировосприятия («несчастливого сознания»). Главное «злодеяние» субъекта состоит в том, что он погрузил Необъективированного Человека в объективированную самоосознанность. Всякое субъектовое познание, отмечал Н. Бердяев, есть «несчастное сознание», поскольку гносеологизм заставляет мыслить бытие как объект. Познавать, пишет Бердяев, значит объективировать, получать неистинные знания (во времена Бердяева ещё не был найден необъективированный способ мировосприятия).

Субъект захватил абсолютную власть в познании бытия. Утвердившаяся бинарная концепция пола пленила разум народов. В распоряжении субъекта оказалось логическое средство объективации – формальная логика, наделённая бинаризмом на дискретной основе. Дискретная парность составила главную характеристику всей общечеловеческой объективированной культуры. По принципу дуального деления чело-

вечества на «мужское и «женское» возникли и все другие формально-логические парности.

Дискретно-двоичное объективированное мировидение характерно большинству народов. Признанием «единства двух противоположных начал» заполнены многочисленные философские школы древности. «Человеческий разум постигает и может постичь мир только в бинарах, потому что мир для него – это их общий комплекс» (Шмаков В. Священная книга Тота. Великие Арканы Таро. – М. – 1993. – С. 89). «Деление мира явлений на пары противоположностей – это врождённый принцип упорядочения, априорный принудительный шаблон мышления, присущий человеку с древнейших времён» (Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М. – 1998. – С. 402). По справедливому замечанию Рэма Баранцева, руководствуясь бинаризмом при объективизации бытия, субъект превращает его в источник вражды: «Дуализм, в котором живёт человек в этом мире, и есть источник неисчислимых страданий» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 291). Идеология бинаризма толкает Человека к борьбе, раздору. Бинарный шаблон мышления породил агрессивную ментальность, загнал объективированного «человека» в идеологию антагонизма. Указывая, что бинаризм исходным образом агрессивный и поэтому, взрослея, опасный, Рэм Баранцев предостерегает: «Идеология бинарного антагонизма ведет мир к самоуничтожению; стереотипы бинаризма забетонированы в подсознании; целостное видение мира потеряно из-за господства бинарного мышления в течение многих веков; бинарный подход ведёт в тупик, к парадоксам, взрывам; бинарная схема, внедрённая в привычный стереотип веками анализа, оказалась беспомощной перед проблемой синтеза, неся в себе потенциал взрыва, она стала угрозой самому существованию человечества» (Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. – Москва – Ижевск. – 2005. – 124 с.). Это правда! Думаю, именно от бинарно-объективационистского познания, предостерегает Библия: «...от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:16-17). Адам и Ева потеряли право на совершенное человеческое существование, ступив на путь объективированной физической жизни по законам бинаризма, внешности, дискретности, множественности. Заполучив «несчастное сознание»,

они стали смертными, забыв себя «образом и подобием» бессмертного троичного Абсолюта.

Преподнесённость Необъективированным Человеком себя дискретным индивидом есть его самоотрицание. Характеризуя объективационистический модус мировосприятия, Н. Бердяев отмечает: «Гносеологический субъект не есть человек, не есть бытие. Но и познаёт он совсем не бытие, а противостоящий ему объект, коррелятивный субъекту и для познания специально созданный. Бытие исчезает из субъекта и объекта. Само противоположение субъекта и объекта уничтожает бытие. В объективировании умирает всякая жизнь, исчезает бытие. Познание есть объективирование, но в объективировании цель познания не достигается» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 26).

Объективация есть актом проектирования наружу ощущений, превращение реальности в предмет, объект. Она приводит к появлению бинарно-разделённого, «разорванного мира» (Н. Бердяев). В книге «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» Бердяев называет объективированное бытие «мёртвым» («объектная истина есть смерть существования»), искривлённым по той характеристике содержания, которую ему приписывает дискретный субъект познания. Однако объективированный мир – реальный, хотя и «патологизированный» чувственностью. При субъектовом осознании мира лицо мира предстаёт обезображенным, кажется внешним, дискретным, множественным. «Мир объективации не есть «объективный» мир («объективный» – *в смысле существующий независимо, вне головы «человека»-индивида – прим. П. Х.*). Это не означает, что это нереальный мир. Это мир известной степени реальности и известное состояние бытия».

Словом, главным гносеологическим средством субъекта выступает формальная логика с *дискретной системой словесных элементов*, функционирующей в режиме объективизации действительности чувственностью и абстрактным мышлением. Её зарождение происходило вместе со становлением субъекта. В книге «Антиномия индивида и триединства» я отметил, что исходным основанием возникновения древнейших и основополагающих грамматических категорий языка (числа, местоимения, троичной системы родов и пр.) явился «разрыв» триполярности вещественной телесности Человека (лишь позже, веду-

щая роль в эволюции языка перешла к формальным, сугубо лингвистическим закономерностям).

Из-за того, что осмысление бытия тысячелетиями находится под колпаком формальной логики с её принципами дискретности и множественности, мозг Человека загружен недостоверным (объективированным) миропредставлением. Мало кто осознаёт, что формальная логика – это лишь «логика вещей», «логика событий», «логика исторического процесса», логика мёртвого (объективированного) мира, а не Логика живой необъективированной реальности. Как методология, формальная логика своими законами определяет правильность объективированного мышления относительно его формы, обеспечивает процесс выведения одних суждений из других, задаёт формальные правила перехода от одного суждения к другому в процессе размышления и т. п. Главными формальнологическими законами признаны законы непротиворечивости, тождества, исключения третьего, достаточного основания и ряд других. Основоположителем классической (двузначной) формальной логики был Аристотель. Что же касается современной формальной логики, то она включает много логических систем, среди которых – математическая, конструктивная, модальная, интуиционистская, трёхзначная и др.

Не отрицая закономерного характера возникновения формальной логики и научной системы знаний, всё же следует сказать: главный путь к истине связан с онтологизацией гносеологии, переориентацией познавательного процесса в сторону необъективированного мировосприятия, который мировоззренчески является постфилософским, постнаучным, пострелигиозным. Мной он назван Тригнозисным. Формальнологическое (научное) мироотражение преподносит сырую информацию, нуждающуюся в дальнейшей онтологической обработке, лишь после этого вырисовываются контуры Истины. К сожалению, принцип дискретности и бинарных оппозиций приобрёл в формальной логике статус универсалии и, как свидетельствует история объективированного человечества, стал источником идеологии антагонизма. То, что формальная логика имеет огромную ценность – неоспоримый факт, но одновременно она – источник зла, враждебности, страданий Человека. В объективации не раскрывается истина существования. Это хорошо понимал Н. Бердяев. Он называл объективированный мир «падшим», хотя и подчёркивал ценность объективации: «В мире пад-

шем субъект ориентируется через объективацию. В ней не раскрывается тайна существования, но в ней субъект подчиняет себе мир. Вся техника есть по преимуществу результат этого объективированного познания»; «Объективация есть искажение духовности и, вместе с тем, объективация необходима в существовании судеб человечества и мира, в движении к царству Духа. Но в пути необходимо разоблачение иллюзий и искажений объективации, должно быть очищение» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 262). Проявленный в дискретных двойственностях объективированный мир не имеет реального онтологического статуса. В этом отношении он иллюзорный, ирреальный. Двойственность – внеонтологическая данность.

Бинаризм осуждался пифагорейцами. Они называли двойственность выразителем внешности, распада, разброда, отрицанием единства, принципом раскола, междуусобицей, злом, началом гибели. «Пифагор несовершенностью называл отклонение от единства и потому двойка называлась проклятым числом» (Льюис Д. Г. История философии. – СПб. – 1865. – С. 31).

Подробно иллюзорность дуальности рассмотрена Уилбером в книгах: «Око духа», «Никаких границ», «Интегральная психология», «Проект Атман», «Спектр сознания», «Выше рая», «Краткая история всего», «Пол, экология, духовность» и др. Главным препятствием на пути к истине, фактором, который создаёт иллюзии, констатирует К. Уилбер, есть дуальность: «Только тогда, когда последний след дуализма окончательно и навсегда исчезает, наступает пробуждение Разума, поскольку в этот миг тот, который познаёт, и те, которые познаются, становятся одним и тем же» (см.: Wilber K. Psychologia Perennis: The Spectrum of Consciousness. – Quest Books. – 1977. – P. 83). Все состояния сознания, за исключением уровня Разума («Mind»), Уилбер называет искривлениями, дуалистическими иллюзиями. Они – следствие дискретного видения. Дуализм создаёт психологические иллюзии, которые нами воспринимаются как реально существующие. В статье «Вечная психология: спектр сознания» (см.: С. Гроф, К. Уилбер, А. Веховски, Ч. Тарт. Практика холотропного дыхания. – М. – 2000. – С. 32- 46) Кен Уилбер пишет, что только уровень Всеединого (Mind) есть неподдельной реальностью. Рассматривая уровни сознания, он ссылается на учение о мировой иллюзии – майю. Майя – это всякий опыт, который рождается дуализмом, особенно первичным – дуализмом субъекта и объекта.

Всякий дуализм не столь нереальный, сколь иллюзорный. Мир только иллюзорно разделяется, но, в действительности, он неотделимый от самого себя. Поскольку разные уровни сознания (кроме самого Разума) являются порождением майи или дуализма, они могут существовать только иллюзорно, реальностью же каждого уровня постоянно остаётся Разум. Первоначальный дуализм, или акт разрыва, мифологически соотносится с разделением Неба и Земли, мужского и женского, Солнца и Луны; эпистемологически – это разделение субъекта и объекта, того, кто познаёт, и предмета познания, наблюдателя и предмета наблюдения; онтологически – разделение себя и другого, организма и среды. «Представления о самотождестве человека, – пишет Уилбер, – перемещались от недуального Всеединства к организму. Наша Высшая личность не утрачивается, но замутняется, и, следовательно, из Единства Разума возникает следующий уровень спектра сознания – экзистенциальный, где человек идентифицируется с организмом, который противостоит окружающей среде. Поскольку первоначальный дуализм отделяет субъект от объекта, тем самым он создаёт пространство. Как только человек полностью отождествляется с организмом, возникают проблемы бытия и небытия, жизни и смерти. Появление такой двойственности приводит к возникновению времени, ибо в безвремье вечного Разума не существует ни рождения, ни смерти, ни начала, ни конца, ни прошлого, ни будущего. Эти феномены едины в вечном Сейчас. Так что разобщая их, человек тем самым становится выброшенным из вневременного Сейчас в историческое время. Экзистенциальный уровень, на котором человек отождествляет себя исключительно с организмом, существует в пространстве и времени. Но разрыв единства рождения и смерти – создание собственного времени – имеет и другое следствие. Человек, избегая смерти, избегает и своего непостоянного (тленного) тела и отождествляется будто бы с бессмертной идеей самого себя. Отсюда – перемещение его личности из целостного психофизического организма в ментальные репрезентации этого организма. А это создаёт следующий значимый уровень спектра сознания: уровень Эго человека, идентичного с символическим изображением своего Я, противопоставленного смертному телу. Наконец, в граничном акте двойственности человек раскалывает единство своих эгоистических устремлений и отождествляется только с частью принадлежащих ему психических процессов. Он отказывается, отчуждается от нежелатель-

ных аспектов своего эго (которые, хотя и отторгнутые, однако остаются принадлежностью личности). В попытке воссоздать допустимый свой облик, человек извращает его, создавая этим последний уровень спектра сознания: уровень Тени, идентификации себя с неправильным, ошибочным и весьма обеднённым своим обликом, который называется персоной, нежелательные аспекты которой спроектированы в Тень. Таким образом, через посредничество противостояний, которые идут один за другим (организм – окружающая среда; жизнь – смерть; душа – тело; персоне – тень), проявляются разные уровни спектра сознания. Поскольку время есть не что иное, как последовательное рассмотрение одновременности Mind, то и эволюция спектра сознания не проявляется во времени, но есть эволюцией времени. Двойственность – причина человеческих страданий. Она приобщается к пониманию мира формально-операционным сознанием, которое может синтезировать и объединять события многими способами, но наделена дихотомической логикой «или-или», что напоминает аристотелевскую логику. Свобода – это освобождение от самой двойственности; мы искусственно расщепляем осознаваемое нами на «пары противоположностей» и, как итог, жизнь превращается в страдания, наполняется борьбой; человека как обособленного «я» не существует. Истинное **«Я»** Человека – это Всеединое, оно никогда не рождалось и никогда не умрёт» (Уилбер К. Никаких границ. – М. – 1998. – С. 176). Эти соображения Кена Уилбера весьма разумные. Уилбер принимает взгляды Уильяма Джеймса и Бертранда Рассела [1872-1970] относительно отсутствия двойственности между объектом и настоящим **«Я»**. «Чистый опыт, – констатирует Уилбер, – не раздроблённый на внутреннюю и внешнюю части и в нём нет никакой двойственности, никакого дуализма. Дуальность опыта – это безоговорочное лицемерие, извечная неправда, источник невежества и обмана, трагедия раздробленного «я», начало сансары, олжи, расположенной в сердце бесконечности. Каждый опыт, взятый каким он есть, – это Один Вкус, он изначально не разделённый на субъект и объект. Этот раскол, эта двуличность – это иллюзия, первобытный обман, неправда и начало маленького «я», самости, которая прячет свою извечную муку» (Уилбер К. Краткая история всего. – М. – 2006. – С. 338).

Если принять эту, несколько идеалистическую, точку зрения Уилбера, то нужно дать отрицательную оценку всему багажу знаний, базированному на дуализме, на оппозиции «субъект / объект», мужское /

женское. Почти всё в традиционной философии было связано с двойственностью субъекта и объекта. «Отличие разума и объекта, – пишет Уилбер, – заложено в традиционном понятии «истины», которое будет радикально пересмотрено, если не согласиться с различием субъекта и объекта как фундаментальным» (Уилбер, там же, с. 378). К сожалению, Уилбер не нашёл необъективированной логики осознанности, преобладающей иллюзорный дуализм бытия, и в которой бы предмет и метод совпадали. Он не преодолел главной иллюзорной двойственности – так называемого «полового дуализма»: «природа не просто так разделила человеческий род на два пола, поэтому мы никак не должны пытаться сделать из них один» (Wilber K. Sex, Ecology, Spirituality. – Boston – London, 1995. – 831 p.).

Словом, формальнологический анализ и синтез не обеспечивают проникновения в онтологическую сущность действительности. Этот познавательный путь – механического порядка, путь поиска «мёртвых истин». Сначала им расчленяется уже омертвлённое (объективированное) целое на части, а потом из «мёртвых частей» воссоздаётся целое. Движение познания от целого (общего) к части (частному) – дедукция и от частного к общему – индукция составляют пульс гносеологической объективации.

Не «оживляет» истину и возникшая на основе бинарности марксистская «диалектическая логика» (с её главными законами – «единства и борьбы противоположностей», «отрицания отрицания», «перехода количественных изменений в качественные»). Сторонники «диалектической логики» утверждают, что эта «логика» «есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития всех материальных вещей» (формальная логика, считают они, изучает формальную структуру уже готового знания, абстрагируясь от его развития). Однако реально никакого «диалектического развития» вещей не существует. Это выдумка тех, кто не осознает простой истины: вещественный мир является продуктом развития Субстанции, он не развивается, а лишь изменяется (эволюционирует). *Принцип развития* не приложим к объективированному бытию. Развитием (через взаимопревращение ипостасей) наделена лишь *субстанциональная телесность Необъективированного Человека*, порождающая его вещественную телесность, воспроизводство («размножение») которой обеспечивает взаимодействием полярностей. Тригнозис считает *диалектику* с её

«борьбой противоположностей» и «вещами с противоречиями» *ложным знанием*. Изобретатель слова «диалектика» Платон именовал её «наукой о целостности», но у марксистов она превратилась в учение о способе «развития дискретных вещей» на основе неких *«внутренних противоречий»*, присущих якобы продуктам объективации. Ядром диалектики марксизм назвал «сосуществование двух взаимопротиворечащих сторон, их борьбу и их слияние в новую категорию» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М. – 1955-1974. – Т. 4. – С. 136).

Объективация и бинарность в диалектике неразрывны. Инвариантом диалектики является и триада, представляющая единство, создаваемое тремя элементами. Считается, что такая триада выражает форму «диалектического развития» (в работах Гегеля «Наука логики» и «Энциклопедия философских наук» триада выражает схему трёхступенчатого развития Абсолютной Идеи).

Появление «диалектической триады» не случайно. Если бинаризм зародился вокруг ошибочной «дуальной концепции пола», то метафизические корни объективированной триады тянутся к «разрыву» тринитарной триады, действительно имеющей место при развитии субстанциональной материи, обусловленного взаимопревращаемостью ипостасей.

Сегодня в среде философов ведутся разговоры о необходимости создания «новой парадигмы мышления» как «метода мышления, который обеспечил бы возвращение способности человека к пониманию единства и «единого» внутри объединённого дискретного многообразия» (Борзова Е. П. Триадология. – СПб. – 2007. – С. 5-6). Полагаю, такая парадигма будет ещё одной псевдоидеологией объективационистического характера. Группирование явлений, понятий, определений, предметов и т. п. в арифметические (формальнологические) триады – традиция не новая. Ещё в древних традициях, когда повествуется о тройственной организации человека, то часто речь идёт о формальной триаде типа – «тело-душа-дух», «земля-небо-индивид» и т. п., но не о триаде онтологической. Святая Троица – вот кому присуща онтологическая триада, хотя этого богословы и не осознали, не признали развития в Боге. Елена Петровна Борзова [род. 1953] замечает: «Христианская религия основополагающей своей традицией имеет целостность в триединстве Троицы, но массовое сознание народов, исповедующих христианство, сегодня утратило ее глубинную сущность под натиском

секуляризма, позитивизма и прагматического рационализма, которые в Европе начали активно действовать уже в XVII веке, и их влияние актуально до сих пор» (Борзова Е. П. Триадология. – СПб. – 2007. – С. 19). Подобное высказывает и другой автор: «Продолжая верить в тринитарного Бога, мы стали мыслить бинарно, дуалистически, альтернативно» (Свасьян К. А. Становление европейской науки. – М. – С. 66).

Познание истинной сущности Человека требует выхода за пределы объективации, бинаризма и формальнологического триадизма. Ни триада объективированного характера, ни бинаризм для познания сущности Человека не годятся. Путь к познанию тайны Человека лежит через его природу, через раскрытие онтологической взаимосвязи триипостасности и триполярности (пола). К сожалению, учёные, философы и богословы ничего не сделали для того, чтобы эта взаимосвязь была раскрыта, хотя кое-кто из мыслителей предчувствует приход «великих объединений» в сфере методологической осознанности бытия, от которого ожидается гносеологическая революция (Уваров М. С. Бинарный архетип. – СПб. – 1996. – С. 6-7). Верю, что «великим объединением» в теории познания станет взаимодействие объективационистического модуса осознанности бытия с необъективированным.

Расчленение на части и их противопоставление составляет основу традиционного и современного мышления, основу субъектового мировосприятия.

Попытки опровергнуть бинаризм под девизом «замены бинарной парадигмы тринитарной» реально оказались вариантами псевдотринитаризма («триалектика», «системная триада» и другие), находящимися в тисках объективации, то есть не преодолевшими внешний арифметический барьер троичности ($3 \times 1 = 3$). Они далеки от царства Онтологической Тройки ($3 \times 1 = 1$).

Объективированное познание достигло огромных прагматичных успехов в удовлетворении непосредственных потребностей индивида. Оно и в дальнейшем, при разумном его использовании, будет иметь неоценимое значение в жизни Человечества, но роль уничтожителя «лукавого рассечения» Человека на «он», «оно», «она» возьмёт на себя *Тригнозис*. Восторжествует первородное человеческое единство в одной душе (ТриЭ(э)го) и в одном теле (ЧеловекоТроице). Патристы справедливо утверждали, что истинная и первичная сущность Человека была искривлена после «грехопадения», поэтому заданием для

Человека есть оновление целостности своей природы, возвращение к первичному «безгрешному» состоянию. Человек «воскреснет» как триединый Абсолют, осознает себя Всебытием. Святой Кирилл Александрийский [378-444] писал: «Грехопадение есть результат отпадения человека от связи со Святой Троицей, а искупление есть восстановление падшего образа и обожение нашей природы». Св. Василий Великий разъясняет: «Грех Адама рассёк естество человека, соответственно с этим Спасителево вочеловечение приводит человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, оно **восстанавливает** первобытное единство». В этом высказывании речь идёт о возвращении Человека к необъективированному естеству и необъективированному мировосприятию.

3. «Разрыв» онтологической троичности – источник средств объективации

3.1. ТриЭ(э)го и субъект

Важнейшим условием возникновения субъекта явился феномен, обыденно названный нами «смертью».

Петро Харченко

Проблема сущности Человека, писал Бердяев, не может быть подменена проблемой субъекта. Человек, писал Бердяев, не есть субъект: «Познание есть объективирование. Познающий же субъект не есть бытие, субъект гносеологичен, а не онтологичен. Познаёт совсем не «я», не живой человек, не конкретная личность, а гносеологический субъект, вне бытия находящийся и бытию противоположный. Гносеологический субъект не есть человек, не есть бытие. Но и познаёт он совсем не бытие, а противоположный и коррелятивный ему объект, для познания специально созданный. Бытие исчезает из субъекта и из объекта. Само противоположение субъекта и объекта уничтожает бытие. В объективировании умирает всякая жизнь, исчезает бытие. Познание есть объективирование, но в объективировании цель познания не достигается. В этом трагедия познания. Объект оказывается совершенно чуждым субъекту и противоположным ему. Субъект и объект находятся в состоянии логической коррелятивности, друг без друга не существу-

ют и вечно противоплагаются и противопоставляются. В предметном, вещном, объектном мире смысла нет. Смысл раскрывается из человека и в человеке и означает открытие человекоподобности бытия. Внечеловеческое идеальное бытие бессмысленно. Основной вопрос гносеологии есть вопрос о том, *кто* познаёт и принадлежит ли к бытию тот, кто познаёт? Как осмыслить и углубить то неустранимое предположение познания, что познаёт человек? Кант и идеалистические теории познания утверждают, что познаёт совсем не человек, и познаётся совсем не мир. Теория познания, идущая от Канта, подменяет проблему человека и его силы познавать бытие проблемой трансцендентального сознания, гносеологического субъекта или мирового духа, божественного разума».

Кто же прав в этом вопросе, Кант или Бердяев? Неправы оба. Познаёт, как и считает Бердяев, всё же Человек, но Человек Необъективированный. Бердяев разумно пишет, когда констатирует: «И познаю я бытие в себе, в человеке, и из себя, из человека. Познание в бытии совершается и является внутренним событием в бытии, изменением бытия. Познающий и познание имеют онтологическую природу. Поэтому познание имеет космогонический характер. Когда философы ищут интуиции, они ищут познание, которое не есть объективирование, которое есть проникновение в глубину бытия, приобщение к бытию. Объективирование в познании означает отчуждение между познающим и познаваемым».

Решение проблемы происхождения и эволюции субъекта было одной из труднейших задач философии. Согласно Тригнозиса, возникновение субъекта (и его исторических модификаций – коллективных форм) носит закономерный характер, но субъект наделён временным статусом. Некоторое историческое время он довольно успешно «работает» на себя, укрепляет себя, создаёт мораль, право, науку и т. п.). Однако, со временем, процесс объективации вещественной телесности Необъективированного Человека заканчивается и полярное «эго» Триэго освобождается от иллюзии дискретности, субъект исчезает. Индивид освобождается от иллюзии дискретности, перестаёт быть телесностью субъекта. Его онтологические границы «возвращаются» к триполярной вещественной телесности Необъективированного Человека. Гносеологическая функция субъекта упраздняется. Ответ на во-

прос – *кто* и *что* познаёт? – становится однозначным: познаёт Необъективированный Человек и познаёт себя.

Субъект своим происхождением обязан фиктивному «разрыву» пола, иллюзорному переходу непрерывного в дискретное. Чтобы породить субъекта, континуальное Триэго вещественной телесности Человека должно при инверсии и тривергенции полярностей как бы «исторгнуть себя из себя», принять форму «своего другого» и вступить с ним в воспроизводительное отношение. «Исторжением» из Триэго полярностей и родится субъект – «орган», неизвестный предшествующей жизни Человека. Ставши субъектом, каждая полярность осознала себя отдельной от всего другого в натуральных пространственно-временных параметрах. Но и это не всё. Чтобы полярное «эго» приобрело статус субъекта (самостоятельного «дискретного» «я»), оно должно пройти ещё и «процедуру» оновления-возрождения своего вещественного отелеснения, то есть «умереть». Итак, при рождении субъекта, каждая полярность чувственно ощутила отдельность своей телесности от телесности других полярностей, осознала себя в качестве самостоятельного дискретного «я». Иллюзорно осуществился, повторяю, как бы переход от континуального к дискретному, появился объективированный «человек», наделённый чувством дискретности «я» и ограниченности своего тела рамками дискретного индивида с его чувственно-психическими свойствами и прочим другим. Словом, из триполярной телесности Необъективированного Человека «родилось» объективированное существо – индивид-субъект («человек») – великий объективизатор бытия.

Я не буду анализировать абсурдные концепции «человека» субъективистической антропологии (взгляды К. Ясперса, М. Хайдеггера, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Хосе Ортеги-и-Гассета и др.), хотя они и складывались на критике философского объективизма. Говорить о субъекте как о некой самостоятельной реальности несерьёзно, будь он кантовским трансцендентальным или гуссерлевским «дистиллированным».

«Разумное» состояние Необъективированного Человека определяется информационным эготриплетом – ТриЭ(э)го. Этот двуровневый триплет «оразумлевает» Человека. Он оматериализован субстанциональными ипостасями и вещественными полярностями. Что же касается субъекта, то через этот «орган» творится видимость дискретности

бытия. Субъект вторичен по отношению к ТриЭго. ТриЭго – внесубъективная безпредпосылочная абсолютная данность, грубо говоря, экзистенциально свёрнутое в информационный триплет «онтологическое сознание» Необъективированного Человека. Оно – выражает информационно-триипостасную природу субстанциональной телесности Человека (для экзистенциалистов ТриЭго может показаться доказательством наличия некой базовой «трансцендентальной субъективности», на которой выстроена их философия).

«Бессознательное» субстанциональное ТриЭго – «родитель» Триэго вещественной телесности Необъективированного Человека. Триэго – предпосылка возникновения субъекта. Вспомним мифологическое мироощущение: первочеловек Пуруша (условно отождествим его с Триэго) расширил чувство своего «я» до бесконечности образованием из себя Вселенной. Пуруша не умер, его «Эго», объективизируясь, «распалось», стало *иллюзорно* Многим (в индуизме и буддизме самостоятельность и дискретность индивидного «я» отрицается, индивид не отделяется от космоса, от всеобщей субстанции, а слит с ней).

Но ни знание о Пуруше в индуизме, ни христианское «исцелостование» (приход «сверхчеловека на пути приближения души к Святой Троице»), ни мысль Б. Спинозы о том, что «в лице Человека мыслит сама Природа, а не какое-то особое, извне вселённое в неё, существо» не подтолкнули философов к открытию Необъективированного Человека и его Души – ТриЭ(э)го.

Субъект (объективированное «эго») тысячелетиями сбивает с толку философов, ищущих истину человеческой сущности. Они и свою личную самоидентичность сводят к этому дискретному «эго», а духовность считают результатом индивидуального и коллективного субъективного опыта.

В книгах «Антиномия индивида и триединства», «Тригнозис», «ТриЭго» и других я пользовался терминами «сознание», «субъект Единого», «тринитарный субъект». Эти понятия, хотя и употреблялись мной в контексте всецелостного мировосприятия, но лишены гносеологической чистоты, и я от них отказываюсь. Смысл понятия «субъект» обозначает фиктивное, дискретно-индивидное «эго». Субъект – «устройство», через которое преломляется самоосознанность Необъективированного Человека в объективированном направлении. Никакого самостоятельного «сознания» объективированно-

го «человека» не существует, как не существует и такого «человека». Надо говорить не о некоем статичном «сознании» как таковом, а об процессе самораскрытия Человека через эготриплет ТриЭ(э)го и субъект.

Я уже говорил о наличии разных модусов осознанности себя Человеком. Это – невербальное самораскрытие (Откровение); объективационистическое (субъектовое) познание; трансперсональный эмпиризм; Тригнозис (вербальное Откровение или необъективированное самораскрытие Человека). Возможность проявления этих модусов обеспечивает эгосистема ТриЭ(э)го. Но традиционная и современная гносеология срослась с ложной проблемой «сознания субъекта». Если классический рационализм придерживается концепции «самосознательного субъекта», то экзистенциализм и некоторые другие современные философские школы главное внимание уделяют онтологии бытия некоего «чистого сознания» (нерефлексирующего «эго»), которым наделяют объективированного «человека»-дискретного индивида. Думаю, причина этих блуждений – в неосведомлённости ими истинной сущности Человека с его ТриЭ(э)го. Ради справедливости отмечу, что были и такие исследователи, которые отрицали сознание в статусе самостоятельной реальности. Это бихевиорист Джон Бродес Уотсон [1878-1958], неопозитивист Морис Шлик [1882-1936]... Они полагали, что сознания как феномена вообще не существует, делались попытки обойтись без понятия «субъект-объектного отношения», аннулировать категорию «субъект» в познании, построить антропологию «без субъекта».

Искать истинного Человека в «объекте» или «субъекте» – дело напрасное, его там нет. Его нет и в опредмеченном индивиде. И субъективизм, и объективизм (признание независимого существования объекта от сознания), и объективация как таковая в различных её значениях (то ли как воплощение чего-нибудь в предметных формах, образах и др., то ли в смысле превращения субъективного содержания некоего «сознания» в самостоятельную, независимую от него сущность) – всё это трясина, в которой застрял Необъективированный Человек в попытках познать свою сущность объективированным модусом самоосознанности.

Один из авторов методологических установок философской антропологии Макс Шелер подметил: все центральные вопросы философии можно свести к одному: «Что есть Человек?». Как раз на этот вопрос философия и сам Шелер ответа не дали. Противоречие объек-

тивного и субъективного, сужение телесности Человека к «телу» дискретного индивида хоронит не только попытки открыть Человека, но и омертвляет саму философию.

Необъективированный Человек наделён эготриплетом ТриЭ(э)го (лат. *ego* означает «я», «самость»), но, к сожалению, внимание философов сосредоточено на субъекте – объективированном «эго» как «рефлексивно осознанной самотождественности дискретного индивида».

Необъективированная *«эгополярность»* не является субъектом, она становится таковой при объективации. Грубейшей ошибкой мировой философии и науки как раз и явилось недомыслие, связанное с отождествлением субъекта (теневого дискретного «эго») и необъективированного «эго». Субъект соотносится с несуществующим онтологически дискретным индивидом. Его телесность условная (телесность известной степени реальности), но в то же время он является невероятно полезной фикцией.

Внимательно присмотримся к таким разновидностям субъекта, как «Абсолютная Идея» Гегеля и «коллективное Я» Маркса. Они фактически соотносятся с объективированным «человеком» и выступают инстанцией обоснования знаний при объективированном познании. Объективация не расстанется с гегелевским Абсолютом в его творческих деяниях. Вся сотворённая Абсолютной Идеей Природа предстаёт объективированной реальностью. Идея является Субъект-Объектом и самопознаётся через специфически объективированные продукты своего творения, в числе которых находится и «человек»-индивид. В марксизме обоснование знаний связывается с Индивидуальным и Коллективным субъектами. Марксистский Коллективный субъект удостоверяется как конкретная социально-историческая общность дискретных индивидов, имеющая определённые пространственно-временные границы: «Что же касается Коллективного субъекта, то хотя его и нет вне системы взаимодействующих индивидов, он вместе с тем существует в известном смысле вне каждого отдельного индивидуального субъекта. Коллективный субъект выявляет себя и законы своего функционирования не столько через внутренние структуры сознания индивида, сколько через внешнюю предметно-практическую деятельность и коллективную познавательную деятельность с системами объективированного знания» (Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М. – 1980. – С. 282-283). Ещё одним абсурдным фигурантом в философии

является Трансцендентальный субъект (в мировоззрениях И. Канта, И. Фихте, Э. Гуссерля и др.). Этот субъект, как «сверхличность», пронизывает всю совокупность тел «дискретных индивидов», олицетворяет внутреннюю общность между ними, хотя сам вроде бы существует «вне времени и пространства». И здесь привязка Трансцендентального субъекта к телесно не существующему онтологически дискретному индивиду говорит о его вымышленности.

Необъективированные ТриЭго и Триэго, в отличие от эго-субъекта, информационно сроднены троичной природой материи. Они выступают инстанцией Тригнозисного обоснования знания. Если при объективированном познании действует закон – «без субъекта нет объекта, без объекта нет субъекта», то к Тригнозису этот закон неприменим. Тригнозис – эпистемология без гносеологической власти эго-субъекта. ТриЭ(э)го не объективируется, не обособляется от своей телесности. Тригнозисный модус самоосознанности Человека базируется на согласованности «ТриЭ(э)го» с «развитием» и «материальностью». Информационно (как троично) самоосознанность Человека берёт начало в субстанциональном ТриЭго. Трипостасная Субстанция привносит свой «образ и подобие» (троичность) в вещественный уровень телесности Человека, где это «подобие» засвечивается триполярностью (полом). При трансформации Субстанции в вещество ТриЭго приобретает своё вещественное инобытие в форме Триэго и через него индуцирует процесс осознанности как таковой. Ранее я отмечал, что ТриЭго не только детерминирует необъективированный модус самоосознанности Человека. Оно, порождая Триэго, запускает его онтологическую объективацию и, в конечном итоге, спрочиняет субъект-объектный модус самоосознанности Человека (вспомним, высказывания: «Изначально бессознательный Бог приходит в сознание в человеке» (Эдуард Гартман); «Бог приходит к самосознанию в человеке» (Гегель); «Человек уснул в вечности и проснулся во времени» (Я. Бёме).

Каждый из нас содержит в себе историю жизни всего Человечества. Трансперсональные переживания (опыты Станислава Грофа) засвидетельствовали: эгополярности с «прицепленной» к ним объективированной информацией «оживают», перевоплощаются, разговаривают; появляется прошлое, имевшее место в истории Человечества; пациент может разговаривать на любом иностранном языке, никогда не изучавшего. В каждом из нас находится всё Человечество в образе

неисчислимого количества полярных «эго» неразрывной эгосистемы ТриЭ(э)го. Все «эго» Человечества являются пространственно-временным разветвлением единственного Триэго. Все люди (эгополярности) живут в каждом из нас, и каждый из нас живёт во всех людях. Пространственно-временная разветвлённость Триэго (Три-я) проявляется, в частности, через «галлюцинации»: индивид видит и слышит других людей. И это проявление реального функционирования в каждом из нас других своих «эго», входящих в целостный триплет *Триэго*. Разговаривая с детьми, родителями, женой, друзьями или с кем-то другим, мы разговариваем с собой, за этим стоит собственный внутренний монолог. Это разговаривает система Триэго как пространственно-временное сообщество всех индивидуальных «эго»-полярностей в неразрывной реальности – Необъективированном Человеке. Нет чужих «эго». Есть только свои, и эти свои «эго» участвуют в сюжетах сновидений, появляются при воспроизведении кого-либо в мыслях (воображении) и т. д. Каждое сновидение – это сновидение всего Человечества, сновидение Необъективированного Человека. Все мы – одна единая эгологическая реальность. Телепатия, ясновидение, предвидение будущего, психокинез, сон, трансперсональные переживания, переживания в состоянии комы, обычный гипноз и социальный гипноз диктаторов – все эти феномены объясняются целостностью Триэго. И правду сказал Христос: «Люби ближнего твоего как самого себя». Вся загадка так называемого «бессознательного» – также в наличии в Человека эгосистемы ТриЭ(э)го, *познание которой открывает новые горизонты психологии и психиатрии*.

Термин «эго» часто употребляют как синоним термина «душа». Душа не является субъектом. Представители объективационистического материализма ошибочно сводят душу к субъективности, к совокупности психических и нравственных качеств объективированного человека.

Представления о душе распространены во многих религиозных мировоззрениях. Платонова Мировая Душа является вместилищем бессмертных индивидуальных душ. Однако конкретный лик Мировой Души увидел лишь Тригнозис, открывший ТриЭ(э)го, «наполненное» эгополярностями (индивидуальными душами-архетипами).

Часто душа рассматривалась как потусторонняя бессмертная нематериальная сила, временно находящаяся в теле дискретного «челове-

ка-индивида» и олицетворяющая источник его психических явлений. Это наивное представление. Искать душу в теле объективированного «человека» – бесполезно, её там нет, как нет реально и самого объективированного «человека». Что же касается души Необъективированного Человека, то она, по большому счёту, олицетворяет бессмертный субстанциональный уровень его телесности. Можно сказать и так: человеческая телесность субстанционального уровня одушевлена **троичностью** – **ТриЭго** – Большой мировой душой, а человеческая телесность вещественного уровня одушевлена **троичностью** – **Триэго** («земною душой»). Оба уровня одушевления **троичностью** – это одна двухуровневая Душа – **ТриЭ(э)го**.

Отличая душу от субъекта, необъективированное состояние Человека от объективированного, и осознавая двухуровневый характер Души, пусть каждый из нас по-новому осмыслит поэтические строки славного Иоганна Вольфганга Гёте, вложенные в уста Фауста:

«Тебе знакомо лишь одно стремление,
Другое знать – несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, – и жаждут раздельня!
Из них одной мила земля –
И здесь ей любо, в этом мире,
Другой – небесные поля,
Где тени предков там, в эфире» (перевод Н. Холодковского).

«Ты верен лишь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнёт к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела» (перевод Б. Пастернака).

Ошибся ли знаменитый Гёте своим поэтическим видением Души? Думаю, да. Он не верил в «Три в Одним», называл его бессмыслицей.

Много интересных рассуждений о душе у Платона, ареопагитиков, Григория Паламы [1296-1359], св. Григория Синаита [ок. 1268-ХІУ ст.], св. Максима Исповедника. «Душа человека тройственна по образу Святой Троицы, душа, стало быть, символически отображает внутреннее бытие Божества» (Григорий Палама). Когда говорят: «Душа является отражением Святой Троицы, а человек создан частично из материи и из части, что выше материи», то всё это надо понимать сквозь призму Тригнозисного видения Человека как необъективированной, двухуровневой в телесном отношении реальности троистой природы.

Библейское «их двое, а плоть одна, Тригнозисно подкорректированное, звучит так: их трое, а плоть одна и одна двухуровневая тройственная Душа – ТриЭ(э)го. Основатель неоплатонизма Плотин говорит: «Существует одна всемирная Душа, которая лишь на уровне явления дробится на индивидуальные (индивидные) души». Но индивидуальные души (поправляю Плотина) не являются дискретными отдельностями, а олицетворяют полярности неразрывного Триэго. В книге «Великие посвящённые» Эдуард Шюре [1841-1929] пишет: «Эволюция представляет собой рост сознания в индивидуальных монадах и усилия их воссоединиться через цикл жизней с Божественным Духом, из которого они изошли. Учение о восходящей жизни души через последовательный ряд земных существований встречается во многих эзотерических преданиях. Древние знали, что человеческая душа бессмертна и есть частицей великой Мировой Души, искра божественного Духа. Но если её возможное будущее открывается в бездонном сиянии божественного познания (им и является Тригнозис – прим. П. Х.), то её таинственное рождение относится к началам организованной материи. Чтобы достигнуть своего настоящего состояния, она должна была пройти через всё царство Природы, подняться по всем ступеням лестницы существования, постепенно развиваясь путём бесчисленных существований» (Шюре Э. Великие посвящённые. – Калуга. – 1914. – С. 261, 266, 267).

3.2. Грамматические категории: число, местоимение, род

Евангелие провозглашает исконность целостного (Необъективированного) Слова (Слово – Бог, и всё через Него произошло). Под Необъ-

ективированным Словом надо понимать информационность как Триипостасность и Триполярность. Что же касается объективированного слова, то это средство объективации бытия и возникает оно на уровне вещественной телесности Человека с возникновением субъекта. Происхождение многих категорий объективированного слова следует связывать с «разрывом» триполярности (разумеется, это не означает непричастности к происхождению и эволюции языка факторов вторичного подключения, сугубо экстралингвистических).

Субъект переводит Человека с необъективированного статуса в статус объективированный и в этом его деянии важнейшую роль играет объективированное слово («смысловой атом»). Слово – телесность отдельного смысла. Оно, как и звук, онтологически пребывает под эгидой троичности. Пифагорейцы целостный звук трактовали как трехмерное тело. Такое понимание звука базировалось на постулате «триадической структуры Вселенны». Рассмотрение звука на основе тройственности было характерно древним грекам, китайцам, индусам, египтянам и другим народам. Они начальную онтологию языка усматривали в звуке, указывая на звук, как на извечное субъективное начало материи, особую вечную субстанцию в произносимых нами словах (кстати, и некоторые современные мыслители тоже допускают присутствие звука в природе материи и обосновывают свою точку зрения электромагнитными возбуждениями звука, эховым явлением в плазме и пр.).

Происхождение субъекта, смысловое содержание слов, возникновение древнейших основополагающих грамматических категорий языка – всё это связано с троичностью телесности Необъективированного Человека. Язык становится формальным средством общения, системой дискретных элементов, подчиненных субъекту-«я». Но, повторяю, саму онтологию, составляющих категориальный аппарат языка, нельзя всецело привязывать к объективированной сущности «человека» – онтологически не существующему дискретно индивиду.

Коснёмся грамматической категории числа. Наиболее распространенные его формы дискретные – единственное и множественное. Они существуют во всех языках мира. Кроме того, в некоторых языках в системе дискретного множественного числа существуют его тройственная и двойственная формы. Проблемой происхождения единственного и множественного числа интересовались греческие грамматисты, над

её решением усердно трудились стоики и александрийские грамматик-ки. Они же столкнулись и с противоречием между морфологией и семантикой (когда слово, не имеющее формы для выражения категории множества, употребляется именно для выражения этой категории).

Происхождение дискретной множественности обосновывается в литературе неоднозначно. «Современная дискретная множественность (n^n), – пишет В. Дегтярев, – есть результат длительной исторической эволюции суммирования «одного», есть высокая абстракция эволюции дискретной «1»... Действительная противопоставленность единицы множеству одноименных единиц, образующих дискретный, прерывный ряд... составляет внутреннее содержание грамматической категории числа, определяет её природу и сущность» (Дегтярев В. И. Основы общей грамматики. – Ростов-на-Дону. – 1973. – С. 117, 118). По-иному думает Николай Яковлевич Марр [1864-1934]: «Единственного числа раньше не было: и множественное число выработалось из одного с единственным числового оформления, но раньше все-таки – множественность и затем единичность, как её часть, как её противоположность» (Марр Н. Я. Избранные работы. – М. – Л. – 1934. – С. 38) Множественность, по мнению Н. Марра, является признаком подлинно первобытного мышления и увязана с представлением о количестве наглядно осязаемых предметов.

Доказательство мотивированности грамматической категории числа в её единственной и множественной формах с точки зрения количества как свойства внешнего мира доминирует среди исследователей. Дискретно-атомистическое грамматическое число в форме единственного и множественного, в самом деле, выражает количество как свойство вещественного мира. «Количественные отношения, – пишет И. Кошечая, – не только пронизывают, но и организуют язык, будучи заложенными в основе его грамматических и лексических построений... Категория числа передаёт противопоставление количественного порядка от нуля (т. е. полного отрицания какого-либо количества) до бесконечного множества» (Кошечая И. Г. Категория числа. – К. – 1970. – С. 3, 5).

Однако недопустимо абсолютизировать количественные отношения при рассмотрении грамматической категории числа. Признавая связь и происхождение единственного и множественного числа с объек-

тивацией, с дискретно-количественной характеристикой объективированного бытия (т. е. их связь с числовыми разграничениями субъектом предметов и явлений «внешнего» мира), все же нельзя забывать, что понятие числа в грамматике не совпадает с понятием количества, и что функции грамматического числа далеко не исчерпываются выражением количественных отношений и явлений действительности: «В сферу грамматических форм числа вовлечены не только наименования считааемых предметов, но и обозначения интернумеральных понятий: собирательности, вещественности и отвлечённости» (Дегтярев В. И. Основы общей грамматики. – Ростов-на-Дону. – 1973. – С. 118).

Кроме единственного и множественного грамматического числа существуют и следующие формы числа: дискретная двойственная и дискретная тройственная, а также недискретная двойственная и недискретная тройственная (в системе местоимений, которые генетически более ранние, чем дискретные формы числа). Кое-кто из исследователей придерживается только чисто дискретного понимания происхождения всех форм двойственного и тройственного числа. Эти исследователи рассматривают данные формы числа как исконно употреблявшиеся для обозначения любых трёх или двух дискретных предметов. Исходным пунктом образования данных форм числа, считают они, явилась множественность, то есть, что эти формы числа возникли как уточняющие разновидности множественности, при которых были использованы числительное «три» для тройственного числа и числительное «два» для двойственного числа (см.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М. – Л. – 1938; М. Я. Немировский. Обозначение множественного числа имён существительных в языках мира. – Ученые записки Северо-Осетинского государственного Педагогического института. – 1941. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 71- 98).

Однако следует знать, что число становится грамматической категорией благодаря согласованию. Онтологические истоки всего комплекса языковой проблематики – троичная природа телесности Необъективированного Человека. Особенно это касается происхождения грамматических категорий местоимения, числа, рода. «Имена возникают по их (существ) природе» (Упанишады). Но, полярности – мужчина, женщина и андрогин – олицетворяют *триполярное Одно*. С учётом эволюционного проявления инверсионности полярностей, нетрудно

понять характерность для первобытного мышления триалогичности и диалогичности, а также наличие тринарных и бинарных оппозиций при восприятии действительности. Принимая во внимание это обстоятельство, следует сказать, что существует и точка зрения, согласно которой дискретные формы тройственного и двойственного числа возникли от недискретной тройственности и двойственности. Сен-Мартен отмечает: «Тройственное, употребляемое в чувственных вещах, рождено, существует и поддерживается высшим тройственным»; «Тройственное число, всеми столь благоговейно чтимое, что многие были народы, которые далее трех и не считали» (Сен-Мартен. О заблуждениях и истине или воззвании человеческого рода к всеобщему началу знания. – М. – 1785. – С. 134). Известно, что у некоторых народов предельным было число «два», у ряда других народов – число «три». Как указывает Франц Боас [1858-1922], во многих языках числительные не идут далее двух или трёх (Боас Ф. Ум первобытного человека. – М. – Л. – 1926. – С. 84).

Ценной для рассмотрения истории недискретного и дискретного двойственного числа является работа Анатолия Михайловича Иорданского [1907-1974] (см.: Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. – Владимир. – 1960. – 216 с.). Двойственное число различалось в древних индоевропейских языках (старославянском, древнеперсидском, санскрите, греческом, латинском и др.). В некоторых современных индоевропейских языках двойственное число сохраняется как реликт (в словенском, лужицком, отчасти литовском и ирландском). Остатки форм двойственного числа имеются в украинском, чешском, белорусском и др. языках. Двойственное число свойственно также современным эскимосским и малайско-полинезийским языкам. А. Иорданский приводит разные точки зрения в истории понимания двойственного числа. Одна из них первоначальной формой двойственного числа считает недискретную форму, употребляемую для обозначения единства двух, объединённых по природе предметов, мыслимых в неразрывной связи. По А. М. Иорданскому, первоначальное двойственное число выражало понятие парного единства и лишь позже оно развилось в двойственную дискретную форму множественного числа, утратив свое старое значение двойственности. Он упоминает Вильгельма фон Гумбольдта [1767-1835], который предостерегал от взгляда на двойственное число как на категорию, возникшую для обозначения

любых двух предметов, или как на особый вид множественного числа («ограниченное множество»). Такую точку зрения, пишет А. Йорданский, В. Гумбольдт считал заблуждением. Двойственное число, по Гумбольдту, основывается не на понятии любых двух предметов, не на голом числе «два», а на понятиях парности, двойственности (Zweihelt). Карл Бругман [1849-1919] и Бертольд Дельбрюк [1842-1922] также исходили из понимания двойственного числа как выражения единства двух по природе предметов. Употребление двойственного числа по самой сути этой категории противопоставлялось ими употреблению оборотов с числительным «два», которое стоит в числовом ряду, начинающемся из числительного «один». По Дельбрюку, числительное «два» первоначально сочеталось с именем во множественном числе, а двойственное число обозначало первоначально парные предметы. В таком его статусе это число Дельбрюк относил к первичным, естественным (natürliche Dual), а дискретную его форму – к вторичной двойственной. Аналогичный взгляд на первоначальную природу двойственного числа высказывает А. Белич. Он различает в индоевропейских языках два вида двойственного числа: «свободное двойственное», употребляемое без числительного «два» для обозначения парных предметов, и «несвободное двойственное», употребляемое с числительным «два». Двойственное число в сочетании с числительным «два», по Александру Беличу [1876-1960], носит вторичный характер (Белич А. О gbojuni у словенским jezičima. – Београд. – 1932). Первоначально, в древнейшие эпохи индоевропейского языка-основы, отмечает он, существовало «свободное двойственное».

Коснусь тройственного числа в его недискретной и дискретной формах. В древние времена множественность понималась как «всё», но это «всё» значилось тройственностью (утроенным единством), исключаящей дискретность. «Три» не обозначало число дискретных предметов, а олицетворяло их неопределенную множественность, означало «много».

Недискретная форма тройственного встречается в грамматической системе эскимосского языка, коряцкого, ненецкого, тибетского, в семитских языках, некоторых папуасских (ава, гадекуп) и ряде других. Джозеф Гринберг [1915-2001] сформулировал положение: «Существует определенная закономерность в соотношении форм единственного, двойственного, тройственного и множественного числа, которая

формулируется в виде следующей универсалии: «нет языка, который, имея тройственное число, не имел бы двойственного; нет языка, который имея двойственное число, не имел бы множественного» (цит.: В. С. Панфилов «Гносеологические аспекты философских проблем языкознания». (М. – 1982. – С. 298).

Недискретное тройственное число, надо полагать, характеризовало некую «сверхиндивиду» («сверхприроду») сущность, которой и есть триполярное Одно. Иногда эта «сверхиндивиду» сущность значилась как тройственный Бог (Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М. – 1930. – 339 с.). Триединство Бога было фактом всех первичных религий у всех народов (Вельтман А. Первобытное верование и буддизм. – М. – 1864. – 115 с.) и число «три» пользовалось уважением в древности. Как пишет Сен-Мартен, «число «три» от века существовало и будет существовать всегда»; «то весьма истинно, что три находится в едином» (Сен-Мартен. О заблуждениях и истине или воззвание человеческого рода к всеобщему началу знания. – М. – 1785. – С. 113, 133, 134).

Касаясь онтологической мотивированности недискретного тройственного грамматического числа, нельзя не сказать о тринарных и бинарных оппозициях первобытного мышления. Их многие учёные (Эмиль Дюркгейм [1858-1917], Марсель Мосс [1872-1950], Клод Леви-Строс [1908-2009], Александр Михайлович Золотарёв [1907-1943], Вячеслав Всеволодович Иванов [род. 1929], Валерий Павлович Алексеев [1929-1991] и др.) считают фундаментальными конструктивными элементами первобытного мышления. Главенствующее место среди этих оппозиций занимают «мужское-женское» и «мужское – женское – андрогинное».

Объективационистический (дискретный) подход к онтологическому обоснованию троичных оппозиций явился тормозом объяснения генезиса и таких лингвистических категорий, как местоимение и грамматический род. «Чаще всего троичные оппозиции, – пишет В. Алексеев, – объясняются формальнологически, как осознание промежуточной связи между парой противопоставляющихся элементов и выделение этой связи в качестве третьего самостоятельного элемента – объяснение, нужно сказать, достаточно натянутое, так как при таком объяснении остается полностью неясным, каким образом и почему связь между элементами сама осознаётся в роли равноценного им

самостоятельного элемента, а не противопоставляется им обоим по принципу уже сформировавшейся бинарной оппозиции. Восставая против натянутого объяснения, кажущегося малоубедительным еще и потому, что осознание связи между противопоставляющимися элементами кажется логической операцией, доступной лишь уже достаточно развитому и изощрённому мышлению, хотел бы обратить внимание в противовес ему на возможную связь тринарных оппозиций с категорией лица». В. Алексеев полагает, что первоначальная форма речи была диалогична, на стадии которой происходит персонификация личности (субъекта), осуществляется первое осознание своего «я»: «Но «я» может осознаваться отдельно от осознания самостоятельности того лица, с которым «я» приходит в контакт, и противопоставление его всем остальным лицам, которые в этом контакте в данный момент не принимают участия. Так, по Алексею, возникает грамматическая категория лица, дифференциация мира на субъект действия и объект, к которому адресуется субъект действия и все остальные объекты» (Алексеев В. П. Становление человечества. – М. – 1984. – С. 225). Ссылаясь на работы Н. Я. Марра и Ивана Ивановича Мещанинова [1883-1967], В. П. Алексеев считает, что в первобытность категории «я» и «ты» осознавались непосредственно в диалоге, а персонифицированные силы Природы и другие предметы принадлежали к категории третьего лица – «он». Такая дифференциация предметов, вещей, отношений индивидуумов по лицам, пишет В. П. Алексеев, «приводит к тринарным оппозициям (обобщению категории распада на три)» (там же, с. 256). Здесь укажу на натянутость рассуждений В. П. Алексеева. Возникновение субъекта связано с полом (триполярностью Одного). Все грамматические категории языка в своем генезисе связаны в один узел – онтологией происхождения субъекта, для которого язык становится формальным средством объективации Человека. Субъект – это объективированная полярность Триэго. Его возникновение непосредственно связано с инверсионностью триполярности. На каком этапе инверсионности состоялся субъект «как личность» не имеет значения, но важно брать во внимание, что отношения «мужчина»-«женщина», «женщина»-«мужчина»-«андрогин» не устранимы. Они породили изначальную триалогичность (или, пусть даже, диалогичность, поскольку при инверсии полярностей одна из них временно как бы «уходит внутрь», деобъективируется), обусловили главные оппозиции – тринарную и бинарную.

Поэтому без знания необъективированной сущности Человека, его тройственной природы телесности, нельзя объяснить возникновение и такой грамматической категории языка, как местоимение. Местоимения наличны во всех языках мира, что тесно связано со становлением субъекта, они – продукт объективации пола. Выделение «я» и «не – я» исходит из противопоставления полярностей (мужской, женской и андрогинной), а следовательно, первоначально в языке существовало три местоимения. «Не – я» приобретает форму «ты», «он». И справедливо Мишель Бреаль (М. Brial) [1832-1915], Э. Кассирер (E. Cassirer) и другие исследователи полагают, что личные местоимения были самой древней категорией слов. Разумеется, лингвистам ещё предстоит большая работа по исследованию грамматической категории местоимения. К примеру, пока нет ответа, как объяснить утрату формы недискретного двойственного и тройственного числа личными местоимениями с учетом принадлежности их к роду (в разрезе языков различных систем). В некоторых языках личные местоимения «я» и «ты» не имеют специальных родовых форм. Этим они отличаются от местоимений 3-го лица. Род местоимений «я» и «ты» определяется посредством контекста. В личных местоимениях категория рода не соответствует категории рода существительных (хотя личные местоимения и наиболее близки к именам существительным). Грамматическая категория рода в личных местоимениях множественного числа отсутствует.

Несколько внимания уделю грамматической категории рода. Связь происхождения троичной системы родов в языке с объективацией триполярной телесности Необъективированного Человека или, попросту говоря, с его половой поляризацией весьма очевидная. «Пол породил все языки, все мысли», – констатировал Станислав Пшибышевский [1868-1927] (Пшибышевский С. Л. Собрание сочинений. – М. – 1906. – Т. 4. – С. 11). Несмотря на связь происхождения языка с полом, даже вопрос о реальной основе троичной системы родов в контексте связи с полом не получил окончательного решения: «Современная лингвистика пока еще не предложила новой и достаточно убедительной концепции грамматического рода, которая могла бы заменить собой концепцию, разработанную античными грамматиками, хотя подобные попытки и предпринимались. Античная концепция представлена системой терминов, которая почти без изменений сохранилась до наших дней, и в основу этой системы был положен термин *genos* – «род», до

Протагора имевший в древнегреческом одно значение – «биологический пол живых существ» (Аксенов А. Т. Грамматический род и лингвистическая традиция. – Вестник МГУ. – Серия «Востоковедение». – 1980. – № 1. – С. 36).

Категория рода является одной из наиболее характерных черт грамматического строя индоевропейских, семито-хамитских, некоторых африканских и ряда других языков. Обычно эта категория складывается из противопоставления трёх граммем: мужского, женского и среднего (в структуре оппозиций этих граммем часто существует иерархия). Языки в отношении рода носят различия. Например, в хинди, французском, итальянском, румынском, литовском – имеется два рода – мужской и женский. В хеттском языке нет женского рода (здесь существует двухродовая система, несмотря на отсутствие грамматического выражения пола). В китайском, армянском и английском языках имеется категория пола. Финно-угорские языки характеризуются полным отсутствием грамматических родов (даже у личных местоимений). Санскритский, греческий, латинский, украинский и ряд других языков имеют три рода. В датском языке различается «общий» род, образовавшийся благодаря слиянию мужского и женского, и средний род (хотя в некоторых диалектах существует три рода).

Решение вопроса о реальной основе происхождения системы номинальных родов оказалось чрезвычайно трудным как для античной науки, так и для современной грамматики. Относительно правдивой считаю сексуалистическую концепцию рода, согласно которой категория рода отражает классификацию объективированных «живых существ» по полу. Уже в первой систематически разработанной греческой грамматике Дионисия Фракийского [170-90 до н. э.], наряду с элементами формалистической концепции рода, чётко просматриваются и элементы *сексуалистического объяснения* категории рода, которое нашло поддержку со стороны Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ [1845-1929], Бругмана, Гердера, Гумбольдта, Якоб Людвиг Карла Гримма [1785-1863], Германа Пауля [1846-1929], Александра Афанасьевича Потебни [1835-1891] и др. исследователей. Якоб Гримм вообще придавал полу большое значение в происхождении языка. Язык, отмечал он, изобретение и приобретение чисто человеческое, созданное в согласии с природой человека. По Я. Гримму, в творении языка вели-

кая роль женщин, о чем говорит наличие во всех древних языках наряду с мужскими женских окончаний в склонении и спряжении. Гримм полагал, что гласные звуки имеют женское происхождение, а согласные – мужское. В своей концепции грамматического рода Я. Гримм обращается к факторам первобытного мышления. Он определяет грамматический род как «возникшее в фантазии человеческого языка распространение естественного рода (пола) на все вообще предметы». Род всякого неодушевленного существительного мотивируется его связью с полом. Род, говорит Гримм, первичен, а форма слова зависит от него и вторична (Greimm J. I. Deutsche Grammatik. – Cŭteraluh. – 1830).

По Герману Паулю, «основу для возникновения грамматического рода образует *биологический пол* людей и животных». Пауль отмечает, что сначала категория пола возникла на почве различения пола, затем стала чисто грамматической, формальной категорией. Причем, раньше всего грамматический род, «по-видимому, возник у местоимений, замещающих существительные. Там, где грамматический род частично утрачен в языке, как, например, в английском, он дольше всего удерживается опять-таки у этих местоимений» (Пауль Г. Принципы истории языка. – М. – 1960. – С. 316).

Трудной в концепции грамматического рода явилась проблема среднего рода, а также вопрос – почему подразделение имен по родам распространяется и на имена, обозначающие неодушевленные предметы. Среднему роду уже античные грамматики уделили значительное внимание, многие из которых считали этот род естественным, «ибо то, что по природе не есть мужское и женское, есть по природе ни то и ни другое. Стало быть, природа изначально установила три рода» (цит.: Аксенов А. Т. Грамматический род и лингвистическая традиция. – Вестник МГУ. – Серия 13. – 1980. – № 1. – С. 39). Кстати, «ни то и ни другое» – это андрогин, на котором и основывается средний грамматический род в языке. По Гримму, «средний род обозначал искони не бесполовость, а недоразвитие пола». С андрогином связывали средний род и санскритские грамматики. А то, что в древности средний род применялся и по отношению к «неодушевленным предметам», не противоречит вышесказанному, ведь первоначально древнее мировоззрение не выделяло четкой грани между «миром мертвых вещей и миром вещей живых». Религиозно-мифологическое мировоззрение рассматривало мир как Универсум. Древние воспринимали весь космос

живым, имеющим пол. Стало быть, нет повода истолковывать генезис среднего рода на основе «мертвой» (неодушевленной) Природы. Что же касается «упадка» имён среднего рода (напомню: целые категории имён среднего рода с некоторыми древними суффиксами почти полностью исчезли из большинства индоевропейских языков, а в некоторых случаях древние имена среднего рода не исчезли, а перешли в классы мужского и женского рода), то это обусловлено эволюцией пола, инверсией его полярностей.

Словом, пол как триполярность вещественной телесности Не-объективированного Человека составляет праонтологическую предпосылку возникновения троичной системы родов в грамматике. Язык по-своему отражает эволюцию пола, эволюцию вещественной телесности Человека. Только с учетом эволюции пола можно понять и такие лингвистические феномены, как переход от трехродовой к двухродовой системе рода в некоторых языках (хинди, панджаби, датский, французский и др); наличие «подвижных» («бисексуальных») имён, имеющих форму двух родов (мужского и женского), соответственно обозначающих особей мужского и женского пола (античные языки, тибето-китайские и др.); перемена грамматического рода существительных (немецкий язык); исчезновение или утрата значения среднего рода (романские языки); и многое другое. Язык как средство отражения содержит информацию не только о специфике различных этапов эволюции пола, но позволяет судить и о характере социальных отношений: «Наличие у кавказских яфетических народов сперва стадии матриархата, а потом патриархата подтверждается фактами языка... Нужно полагать, что при матриархате не было дифференциации между женскими и мужскими родовыми именами» (Мегрелидзе И. В. Женские фамильные окончания в южнокавказских яфетических языках и в фольклоре. – В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра. – М. – Л. – 1938. – С. 177, 178). Такие языковые явления, как перемена рода и использование окончания женских родовых имен в качестве окончания мужских (что имеет место во многих языках мира), указывают на инверсию половых полярностей, на характер соотношения мужчин и женщин в рамках древних обществ, на возникновение женского рода в более поздний период. Согласно Томасу Барроу [1909-1986], в самый древний период истории индоевропейских языков женского рода не было, имена подразделялись на два рода: средний и общий. Общий род позднее разделился на мужской и женский, причем образование женского рода из

«общего» наступило позже мужского (характерно для хеттского и некоторых других языков). Обстоятельство это может указывать и на наличие в древних обществах заметного удельного веса андрогинов, с которыми, возможно, и связывается экстралингвистическая онтология среднего рода (Барроу Т. Санскрит. – М. – 1976. – 411 с.).

3.3. Математическая единица

Математический «атом» (абстракция дискретной единицы) возникает вследствие иллюзорного «разрыва» субъектом триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека.

Петро Харченко

Существует мнение, что современная математика – это жалкая пародия на математику прошлого с её широко известной репутацией «безупречного идеала истинности и логического совершенства» при исследовании объективированного бытия. Морис Клайн [1908-1992] пишет: «На смену уверенности и благодушию, царившим в прошлом, пришли неуверенность и сомнения в будущем математики» (Клайн М. Математика. Утрата неопределённости. – М. – 1984. – С. 15).

Ещё Платон, анализируя особенности математики, засомневался в достоверности метода дедукции, на который она опирается (даже внутри себя самой). Сами исходные пункты математики, из которых дедуктивно разворачивается обоснование, Платону показались недостаточно достоверными. Он допустил, что в фундаменте математики нет истинных предпосылок и засомневался – стоит ли математику считать наукой.

Ошибся ли Платон в отсутствии знания истинных предпосылок математики? Думаю, да, но не совсем. Рассмотрим этот вопрос глубже. Сегодня математика переживает третий большой кризис своих оснований. Первый кризис математики «возник ещё в V веке до нашей эры и связан с открытием однородных несоизмеримых величин, а также в связи с элейскими парадоксами, доказывающими невозможность построения конечных величин из величин бесконечно малых». Открытие несоизмеримых отрезков в корне подорвало доверие к атомистической теории континуума, показало неправомочность сведения непрерывного к дискретному. Несводимость непрерывного к дискретному хорошо

показал Зенон апориями «Ахилл и черепаха», «Дихотомия», «Стрела» и др. Доказательства Зенона против множественности и прерывности, как и в целом философские представления элеатов о строении материи, затронули фундаментальные математические положения, касающиеся природы бесконечности, непрерывного и дискретного и т. п., и вскрыли их противоречивость. Этим был поставлен под сомнение сам факт существования математики как науки.

Второй кризис математики связан, главным образом, с выявлением слабости фундамента, на котором покоится дифференциальное и интегральное исчисление.

Третий кризис современной математики вызван теорией множеств Георга Кантора [1845-1918], когда обнаружились её логико-семантические парадоксы (это, прежде всего, парадоксы: Чезаре Бурали-Форти [1861-1931], Пол Джозефа Коэна [1934-2007], Альберта Эйнштейна [1879-1955] – Бориса Подольского [1896-1966] – Натана Розена [1909-1955]; и др.), связанные с актуальной бесконечностью, в которой конечное и бесконечное как бы совмещаются, существуют вместе.

Но актуально бесконечное Кантор считал лишь одной из форм существования бесконечного вообще, которое приобретает завершённость в триедином Боге. Можно сказать, что все три кризиса математики вызвала пропасть между непрерывным и дискретным, Единым и Многим, которые одновременно явились и кризисами формальной логики.

Понятие «множество» – центральное в современной математике. Счётные и несчётные множества – это те понятия, без которых нельзя в настоящее время представить высшую математику. Г. Кантор под многообразием или множеством понимал «всякое многое, которое можно мыслить как единое, т. е. всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона» (Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях: Математико-философский опыт в учении о бесконечном. – В кн.: Новые идеи в математике. – СПб. – 1914. – № 6. – С. 69).

Понятие «множество» тесно связано с понятием «бесконечность». Оно постоянно терзало Кантора, когда он закладывал основы теории множеств, размышляя над Единым (Святой Троицей). Именно при рассмотрении Святой Троицы Кантор «влип» в традиционную, но некорректно сформулированную коллизия Единого и дискретного Многого.

Он не осознал разницы между необъективированным и объективированным и попал в эту «ловушку».

Проблема необъективированного и объективированного, бесконечного и конечного, непрерывного и прерывного – одна из главных в богословии при рассмотрении соотношения трёх ипостасей божественной Троицы, их неслиянности и нераздельности. Именно эта проблема вызвала конфликт богословия с математикой. Богословы выступили против использования математической бесконечности при рассмотрении соотношения ипостасей, поскольку применение математической бесконечности с её сходящими рядами (под суммой ряда понимается предел частных сумм) приводит к отрицанию Бога.

Триединство Бога является своего рода необъективированной «математической» формулой материи первичного онтологического статуса. Спор – возможна ли логическая Троица в Единице – весьма давний. В центре этого спора фактически оказалась проблема непрерывного – прерывного. Уже в «Филопатрисе» (произведении, написанном неизвестным автором в IV веке) приводится дискуссия между язычником и христианином. Одно из действующих лиц этого спора просит другое лицо поклониться Троицей в Единице. «Я вижу ты под предлогом клятвы хочешь учить меня новой арифметике», – отвечает другое лицо первому. Очевидно, это другое лицо находило учение о Троице несогласованным с теорией чисел: «как три в это же время может быть одним» (цит.: Спасский А. Тринитарный вопрос [история учения о Святой Троице]. – История догматических движений в эпоху вселенских соборов. – Сергиев Посад. – 1914. – Т. 1. – С. 335). Язычники осмеивали догмат Святой Троицы, как не отвечающий законам формальнологического разума. Что касается нашей современности, то представители неотомиического богословия объявляют Бога «носителем математической духовности», но признают его природу несовместимой с природой математического дискретного числа.

Дискретная природа математического числа – вот откуда ограниченность математики как средства познания. Что бы мы ни придумывали, но применимость дискретного числа к Святой Троице невозможна. Математике чуждо Единое, исключаящее составимость из дискретных элементов, она чувствует себя «царицей» объективированного бытия, её стихией является модель мира в образе Множественного, слагаемого из дискретных элементов.

С позиций рационального понимания сущности математического дискретного числа, учение о Святой Троице кажется абсурдным. Высказываясь против приложения к Богу математического дискретного числа как имеющего «чувственные корни», Василий Великий пишет: «А укоряющим нас за трибожие да будет известно, что мы исповедуем Бога единого не числом, а естеством. Потому что всё, именуемое по числу единым, в действительности не едино и по естеству не просто, о Боге же всеми исповедуется, что Он прост и не сложен, следовательно, Бог един не числом... Всякое число (цифра) означает нечто такое, что получило в удел природу вещественную и ограниченную, а *единичность и единство* есть признак сущности простой и беспредельной» (цит.: Спасский А. Тринитарный вопрос [История учения о Святой Троице]. – История догматических движений в эпоху вселенских соборов. – Сергиев Посад. – 1914. – Т. 1. – С. 513, 514). Неприменимость математического числа к триединому Богу связана с тем, что число включает в себя идею прерывности, в то время как Бог един в трех ипостасях (согласно «божественной» математике, $3 \times 1 = 1$, а, согласно дискретной математике, $3 \times 1 = 3$).

Теория множеств Кантора – изобретение объективационистического характера, позволившее увидеть кризис оснований всего формальнологического способа мышления. А так как математика в своих основах тесно переплетается с общими проблемами познания, то кризис математики привёл к сомнениям в достоверности полученного знания в тех областях науки, где широко используется математический аппарат. Речь идет о физике, химии, астрономии, биологии и других науках. Возник вопрос «о пересмотре всего мировоззрения, сложившегося на теоретико-множественном обосновании». «Теоретико-множественная программа обоснования математики, как, пожалуй, первая серьезная неспекулятивная попытка синтеза и унификации всей классической математики на основании классической формальной логики и теории множеств, потерпела в целом неудачу... » (Аракелян Г. Б. О доказательстве в математике. – Ереван. – 1979. – С. 94) .

Математики не разобрались во взаимоотношении непрерывного – дискретного. Они так и не осознали, что непрерывное наделено необъективированным статусом, а дискретное – объективированным. Согласно Густаву Иоганновичу Наану [1919-1994], все три кризиса математики так или иначе связаны с запутанностью взаимоотношений

дискретного и непрерывного. Наан констатирует, что во взаимоотношениях дискретного – непрерывного, возможно, лежит ключ к преодолению третьего великого кризиса математики и исходный пункт четвертого (Наан Г. И. Понятие бесконечности в математике и космологии. – В кн.: Бесконечность и Вселенная. – М. – 1969. – С. 59).

Как числовая атомистика математика решает проблему природы материи в пользу множественного аспекта. Выступая в качестве логики познания, она открыла широкий простор жизни механистическим методам в науке и этим поставила её перед сложнейшими парадоксами и мнимыми проблемами. Справедливо будет сказать, что математическое мышление не есть показателем высокого уровня мышления, оно неспособно объяснить онтологическую природу триипостасности Единого. Более того, математическая логика познания не объяснила происхождения натурального ряда чисел, а также изначальной положительной, отрицательной и нейтральной единицы.

Но почему же тогда между экспериментальными явлениями и математическими структурами существует связь, а натуральный ряд чисел обнаруживает соотношения, которым подчиняются чувственно созерцаемые вещи? Этот вопрос является составной частью более фундаментального вопроса о природе единства материи.

В основании всей математики лежат числа. Математика – это «гигантская надстройка к понятию числа». Но, откуда взялось число и какова его природа? – на этот вопрос единого ответа среди математиков нет (Лукьянец В. С. К проблеме реальности в методологии математики. – В кн.: Божак В. В., Дышлевый П. С., Лукьянец В. С. Диалектический материализм и проблема реальности в современной физике. – К. – 1874. – С. 336). Нет и однозначно общепринятого определения предмета математики. Часто предметом математики называют теоретический образ объекта, его абстрактное и идеализированное представление (числа, исчисления, алгоритмы, множества, отношения, фигуры и т. п.). В целом математика приспособлена символизировать известные отношения атомистического (объективированного) мира. Сергей Сергеевич Глаголев [1865-1937] констатирует, что «число заключает в себе идею прерывности, но бытие непрерывно» (Глаголев С. Сверхъестественное откровение и естественное богопознание вне истинной Церкви. – Харьков. – 1900. – С. 337).

Согласно Юлию Анатольевичу Шрейдеру [1927-1998], «современные математики были бы весьма удивлены, если бы оказалось, что какой-нибудь математический объект нельзя интерпретировать как множество с некоторой структурой отношений на нём» (Валенкин Н. Я., Шрейдер Ю. А. Понятия математики и объекты науки. – Вопросы философии. – 1974. – № 2. – С. 116). Как отмечает Лазарь Семёнович Саминский [1882-1959], понятие числа включает в себе знание того, что число состоит из единиц, и есть способ выражения отношений в многообразии. Само же число – это категория для описания множественной концепции мира. В основании представления арифметического числа лежит чистое впечатление раздельной совместимости, выражающее только характер сосуществования вещей в группе. Число выступает как абстракт от впечатлений раздельной совместимости, оно имеет дискретные и чувственные корни, число дискретно по своей природе именно потому, что его корни «лежат в ощущениях, прерывных и отграниченных от других ощущений». Вместе с этим Л. Саминский думает, что понятие числа априорно, даже если зависит от чувственного опыта (Саминский Л. К вопросу об основаниях арифметики. – Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. 82. – С. 70).

Определение числа как «суммы единиц», «системы единиц», «единства во множественности», «множества, составленного из единиц» и т. п. было характерно уже для Фалеса [ок. 625 – ок. 547], Евдокса Книдского [ок. 408 до н. э. – ок. 355 до н. э.], Эвклида [ок. 325 до н. э. – до 265 до н. э.], Исаака Ньютона [1642-1727] и других мыслителей.

Несколько слов о счете. Исходным его предметом являются единицы. «Все они, – пишет В. А. Цикин, – «тождественны между собой и их множество предполагается неограниченным. *Конструктивность* этих предметов не требует обоснования, ибо не составляет особого труда (хотя бы по раздельности в пространстве) указать, что это «одна единица», а это «другая единица». *Конструктивная дискретность* счёта выражается в том, что переход от 1 к 2, от 2 к 3 и т. д. четко разграничен и сводится к однотипной процедуре присовокупления к уже имеющемуся числу. Осуществление данной процедуры однозначно *детерминируется* результатом предшествующей процедуры» (Цикин В. А. Практика и абстрактное мышление. – К. – 1984. – С. 54).

Но, всё-таки, как возникла дискретная математическая единица, что является онтологической предпосылкой её возникновения? Суще-

ствует мнение, что первоначально возникновению математики предшествовало учение о числе как некотором божественном начале мира. Хочу сказать, что праматерью современных математических наук считается кабалистика, а, согласно ей, символом единства космоса и началом мира является божественная Тройка, путь к познанию которой лежит через эмпирический «мир пола».

А теперь вспомним: в обществах, стоящих на низком цивилизованном уровне, числа свыше двух или трёх являются еще не дифференцированными и не фигурируют отчетливо в качестве чисел, ибо они не служат объектом абстракции. У этих народов отсутствуют абстрактные понятия, простирающиеся дальше двух-трёх (Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М. – 1930. – С. 147).

Любопытные данные приводит Владимир Николаевич Топоров [1928-2005]. Он отмечает, что в ряде культурных традиций один и два (иногда только один) не рассматриваются как числа. Первым числом в целом ряде традиций (в том числе и древнекитайской) считается три. Тройка открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число, как образ некоего абсолютного совершенства. Чем объясняется то, что многообразные древние тексты неизменно обращаются к числу три, когда речь заходит о главных параметрах макрокосма и социальной организации? Объяснение этому, согласно В. Н. Топорову, следует искать «в свойствах самого числа три, представляющего собой идеальную структуру с выделяемыми началом, серединой и концом. Эта структура легко становится *точной* моделью сущностей, признаваемых идеальными, или же *приблизительным* образом любого явления, в котором можно выделить указанные три элемента. Такой структуре поставлена в соответствие восходящая к архетипу и часто подсознательная тенденция к организации любой временной последовательности посредством трехчленного эталона. Поэтому не случайно, что обычно троичные образы могут мыслиться разделенными во времени, как три фазы, или – в пространственном истолковании – как три сосуществующие ипостаси, допускающие такую трансформацию, при которой члены пространственного ряда, проецируясь на ось времени, образуют трехфазовую структуру. Отсюда понятно, что число три может служить идеальной моделью любого динамического процесса, предполагающего возникновение, развитие, упадок или – в несколько ином плане – тезу, антитезу и синтез» (Топоров В. Н. О числовых мо-

делях в архаичных текстах. – В кн.: Структура текста. – М. – 1980. – С. 22-23). Думаю, Владимир Топоров не совсем точен. В некоторых древних культурных традициях Тройка, действительно, открывает числовой ряд, но эта Тройка не была арифметической, не имела дискретной природы. Она выступала онтологическим (неатомистическим) числом, олицетворяя недискретную троичную природу необъективированной вещественной телесности Человека. Поэтому на первых стадиях эволюции счёта он и не мог быть больше трёх.

Большое значение онтологической Тройке придавали пифагорейцы. Согласно их учению, «всё и вся определены числом три, выражающим природу единства Монады». Учение о Монаде возникло в пифагореизме после критики пифагореизма со стороны Парменида и Зенона. Монада – единый наивысший принцип всего сущего, она есть отец арифметических чисел, из нее происходят все числа. Сама она не есть арифметическое число (в смысле числа как множества единиц), а выступает как триединая первоматерия, прообраз (онтологическая предпосылка) всех чисел арифметического порядка, возникающих в процессе раскрытия Монады и составляющих сущность «Неопределенной Двоицы» (инобытия Монады). Не являясь суммой трёх дискретных арифметических единиц, живая пифагорейская Верховная триединая Монада как первобытное существо включает мужской, женский и андрогинный аспекты в своих творческих деяниях по созданию арифметического мира чисел. Она воплощает собой формулу единства материи первичного онтологического статуса и одновременно является онтологической основой возникновения математического числа. Сергей Петрович Трубецкой [1790-1860] отмечает: «Троица Пифагора не есть математическая сумма трёх условных единиц, но живое число, определенная конкретная сила Единого. Так как счисление есть жизнь этого *Единого*, то Троица есть не случайное, но существенное, коренное проявление единства ...» (Трубецкой С. Н. Собрание сочинений. – М. – 1906-1912. – Т. 1-6).

Надо правильно понять переход древней мифолого-сакральной числовой символики к символике арифметической. Пифагорейцы рассматривали числовые отношения как ключ к пониманию Вселенной и ее структуры, а математику – как фундамент науки о Природе. По их мнению, Бог (то есть Монада) написал книгу Природы на языке математики, ибо сама природа Бога «математическая» (выражена трие-

динством). «Первое число» как триединство таится в природе единства первобытной субстанции и выступает, по Филолаю, «верховным и самородным союзом вечного пребывания всех вещей». Согласно Пифагору, в вещах содержится то, что даёт понятия чисел. Числа от природы суть первое («Бог положил числа в основу мирового порядка и через числа можно приблизиться к Божеству»).

Вопрос о происхождении числа был одним из центральных во все времена. Древние мыслители полагали: число создал триединый Бог, да и само число в древности часто именовалось Богом.

Загадка идеи числа содержится в природе единства материи, в самом носителе жизни – Необъективированном Человеке. Единству материи присуща «математическая» (триединая) природа. Триединство есть реальность, выступающая как недискретное (онтологическое) материальное число. Такое число, разумеется, не есть абстракт от впечатлений раздельной совместности. Его понятие не включает в себе знания того, что число состоит из дискретных единиц, не включает идеи прерывности. Природа такого числа не может содержать тех противоречий, которые связаны с генезисом и унификацией дискретной математики, так успешно срабатывающей на уровне объективированного и искусственного миров.

Итак, «проточислом», из которого произошла абстрактная (идеализированная) форма арифметического числа, явилась триполярность вещественной телесности Необъективированного Человека, претерпевшая объективацию («разрыв») со стороны субъекта. Можно сказать и так: дискретная единица – это «оторванная» субъектом полярность от вещественной триполярной телесности Необъективированного Человека. Триполярность является метафизическим материальным числом, началом «положительного», «отрицательного» и «нейтрального» («нулевого») натурального ряда чисел. Каждая из трех полярностей (мужская, женская, андрогинная) «порождает» свою дискретную единицу – либо «положительную», либо «отрицательную», либо «нейтральную». Это означает и то, что все три названные единицы взаимопревращаемые и ведут свой род от общего «родителя» – триполярного Одного (онтологической Тройки).

Как видим, теория числа в математике не есть продукт чистого мышления, ее эмпирические корреляты своими истоками уходят в

«математическую» формулу онтологического (необъективированного) единства материи, представленного троичностью.

С появлением субъекта триполярность объективируется, иллюзорно «разрывается» и становится объективированной множественностью, порождая натуральный ряд дискретных чисел. Уже сама эволюция вещественной телесности Необъективированного Человека через инверсию и тривергенцию полярностей засвечивается своеобразным «математическим откровением» в форме непрерывного естественного счёта. С появлением субъекта это «откровение» становится осознанной операцией счёта на дискретной основе, где первыми «поляризованными дискретными единицами» выступают мужчина, женщина и андрогин. И правильно отмечают некоторые авторы, что предметной основой числа был пол, но со временем утрачивается связь числа с полом, а в языке – с грамматическим родом (о роли пола в происхождении числа см.: Бутинов Н. Один, два, три. – Знание-сила. – 1980. – № 9. – С. 42-43; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX века. – М. – Л. – 1954. – 838 с.; Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск. – 1974. – 241 с.).

Нельзя не сказать несколько слов и о «трипластии». Её отношение к полу (триполярности) несомненное. «Растаскивание» триполярности (речь идёт о тривергенции полярностей, обусловленной взаимопревращением ипостасей субстанциональной телесностью Человека) приводит к порождению счисления. Борис Федорович Поршнева [1905-1972], обсуждая «трипластию», отмечает, что в предыстории ума логический генезис счисления восходит к троичности, троичность наиболее древняя, за которой, в последующей истории ума, наступило разъединение («растаскивание») тройственности на единицы (дробление мира на «кирпичики»), в чем и усматривается секрет возникновения натурального ряда чисел (Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории. – М. – 1974. – С. 474, 478, 482).

Итак, априорным, вечно существующим началом натурального ряда чисел, есть «проточисло» в лице триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека. Математика своим возникновением обязана «разрыву» субъектом этой триполярности. Ещё глубже предпосылочные корни математика уходят в триипостасность субстанциональной телесности Необъективированного Человека. Это обстоятельство и объясняет эффективность математики как инстру-

мента построения искусственного мира вещей, её удивительную «подогнанность» к объективированному миру, точную связь между экспериментальными явлениями и математическими структурами.

Сегодня ведутся разговоры о необходимости создания новой математики, высказываются сомнения о неединственности существования натурального ряда чисел как универсального и безотказного средства пересчёта элементов совокупности. Думаю, никакой реформы математика не требует. Её судьба связана с дискретностью, с объективированным миром. Что же касается непрерывного (необъективированного) бытия, то у него своя «математика» – онтологическая («математика» Святой Троицы). Она не является абстрактной, а представлена материальным числом в лице троичной за природой субстанциональной телесности Необъективированного Человека.

3.4. Физический атом

«Наше сознание, если так можно сказать, «на стороне единства». Оно настойчиво ищет этого единства. Более того, в этих поисках чувствуется убеждённость в существовании «какой-то» законченной картины мира».

Академик Мойсей Александрович Марков [1908-1994]

Возникновение атомистики – процесс закономерный (как и возникновение субъектового мировосприятия, опирающегося на чувственность и объективацию).

«Атом» возникает как результат «разрыва» триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека, следовательно, первичным «атомом» («первоатомом») и «атомом» конечным является... «дискретный индивид».

Петро Харченко

В физике с понятием «дискретная частица» должно произойти то, что в биологии с понятием «индивид». Когда восторжествовал принцип инверсии («взаимопревращаемости») элементарных частиц (включительно с тремя основополагающими – электроном, протоном и нейтроном), фактически разрушилась атомистическая (классическая) картина мира.

Зарождение атомистики обязано объективации («разрыву») триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека. «Первоатомами» предстали «дискретные» индивиды в трёх полярных состояниях – мужском, женском и андрогинном. Но философы этого не осознали.

Современная физика всё ближе и ближе подступает к пониманию триплетной организации вещества, «наполнения его полярностями». Именно полярно-триплетное упорядочение вещества обеспечивает видимость правдоподобия *атомистической теории* с её «молекулами», «атомами», «элементарными частицами», «кварками», определяет полезность её в освоении объективированного мира.

Первое универсально общее определение материи связано с некорректной коллизией непрерывного Единого и дискретного Многого. Аристотель считал, что Единое и Многое есть началами противоположного понимания природы материи. Представление о материи как о Многом, состоящим из дискретных элементов, составляет сущность атомизма, «в рамках которого, начиная от натурфилософских построений древности, через атомизм классической науки, включая современные формы атомизма, проходило обоснование наиболее общих представлений об устройстве мира» (Абрамова Н. Т. Мировоззренческие аспекты редукционизма. – В кн.: Мировоззрение и естественнонаучное познание. – К. – 1983. – С. 108-109).

Традиционное понимание атомистики определяет ее как учение о дискретном (прерывном) строении материи. Термин «атомизм» часто употребляется как синоним «дискретности». Особо известным в древности атомистом был грек Демокрит. Как отмечает Фридрих Альберт Ланге [1828-1875], «для мыслителей, более или менее склонных к механистическому мировоззрению, Демокрит окажется величайшим естествоиспытателем и философом древности» (Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящем. – 1899. – Т. 1 – 323; – 1900. – Т. 2. – 415 с.).

Об атомистической модели мира спор длится с начала появления первых атомистических концепций. Но каковы предпосылки возникновения атомистики – в этом вопросе философия не разобралась, а такой выдающийся мыслитель, как Гегель, вообще её не признавал. Он отстаивал непрерывность бытия и был решительным противником идеи дискретности. Атомизм он назвал «принципом величайшей внешности». А Шопенгауэр назвал атомистическую теорию «возмутительной нелепостью».

Несмотря на оппозицию к атомистике (в том числе и со стороны христианства), это не остановило её расцвета.

Возникает вопрос – чем всё-таки обусловлен успех атомистики, несмотря на отсутствие убедительного обоснования реальности мира как дискретного Многого? Вся загадка расцвета атомизма, как я уже сказал выше, кроется в том, что образ «атома» возник исходно из «разрыва» триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека, из-за чего он оказался весьма полезным вспомогательным средством для представления явления. Николай Страхов отмечает: «Нет никакого сомнения, и притом никакой беды, в том, что и в будущие времена атомистика будет процветать и находить последователей. Всё это происходит потому, что атомистика есть необходимая ступень, через которую проходит человеческое мышление, в ней выразились до известной степени существенные неистребимые требования мышления. Атомы есть олицетворение некоторых неизменных наших понятий о природе... Атомистика – это законные, хотя и не высшие требования нашего мышления... А между тем, мы вполне, со всевозможною ясностью, убеждены, что атомы не существуют» (Страхов Н. Мир как целое. – СПб. – 1892. – С. 404, 405).

Атомизм, в самом деле, пленил научное познание и стал причиной кризисов многих научных дисциплин. Весьма наглядным этот кризис проявился в квантовой физике. Здесь старая атомистика с её идеей дискретности терпит полное фиаско.

Известный физик Стивен Чу [р. 1948] заявляет: физика подошла к концу длительного пути «элементаризации» (Чу С. Кризис концепции элементарности в физике. – В кн.: Будущее науки. – М. – 1968. – Вып. 2. – С. 45). Ещё категоричнее высказался Вернер Карл Гейзенберг [1901-1976]: «Современная физика не подтверждает атомистические представления Демокрита, демокритовская философия губит физику» (Гейзенберг В. Введение в единую полевую теорию элементарных частиц. – М. – 1968. – 239 с.). Украинский исследователь Иван Цехмистро отметил, что «всюду в квантовой физике необходим последовательный отказ от классических образов элементов-индивидуумов и соответствующей им картины мира как мира-многообразия и столь же последовательный учет физической цельности и неразложимости микропроцессов, вплоть до осознания квантовых свойств мира как неделимого целого там, где те черты реальности, которые могут быть схвачены с помощью образов элементов-индивидуумов, становятся всё менее определенными и превращаются в конце концов лишь в тени, эпизоди-

чески наполняемые реальным содержанием (скажем, в момент изменения), а на первое место выдвигается тотальное свойство неразложимости мира, чуждое всякой множественности и противоположное ей по своей сути» (Цехмистро И. 3. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. – Харьков. – 1981. – С. 140). В более ранней своей работе Цехмистро отметил: «Следует, по-видимому, согласиться, что то представление о мире, к которому ведёт квантовая механика и зародыш которого можно проследить ещё в учении элеатов Парменида и Зенона, а именно представление о мире как о физически неделимом в конечном счете, вопреки столь очевидной множественности его, действительно открывает новые возможности в понимании естественных оснований «разумности» природы, которая как раз и оставалась непостижимой для классической физики» (Цехмистро И. 3. Диалектика множественного и единого. – М. – 1972. – С. 241). По И. Цехмистро, «способ объяснения современной науки, который берёт своё начало в воззрениях Левкиппа и Демокрита и который не знает ничего, кроме множеств и элементов, их образующих, не может претендовать на универсальность. Объяснить явление путём разложения его на составляющие элементы – это далеко не единственный способ объяснения, если его вообще можно назвать объяснением ввиду очевидно присущей ему «дурной бесконечности» и незавершённости, всегда повторяющейся на каждом новом этапе такого «объяснения». Всеобщее, констатирует Цехмистро, не существует как нечто множественное и оно не может быть воспроизведено ни в логике, ни в математике на основе какой-либо теоретико-множественной его модели. Этим правильным мыслям И. Цехмистро недостаёт лишь осознания роли объективации в происхождении иллюзии множественной природы Всеобщего.

Наличие дискретности как свойства частиц нашло отрицание со стороны видных физиков мира: Дэвида Бома [1917-1992], Мойсея Маркова, Владимира Александровича Фока [1898-1974], Эрвина Шредингера [1887-1961]. Становится очевидным, что рассматривать мир как Многое, состоящее из дискретных частиц, ошибочно.

Отмечая, что идея атома в его абсолютной дискретной элементарности является ложной, некоторые исследователи призывают заменить атомизм неатомистической альтернативой (Schreder-Frechett K. Atomism in crisis: An analysis of the current high energy paradigm. – Philosophy of science. – East Janasing. – 1977. – V. 44. – № 3. – P. 409-

440). Американский физик Роберт Грин Сакс [1916-1999], опираясь на волновую онтологию, предложил теорию микромира, которая, по его мнению, избавит физическую реальность от онтологии атомизма. Он полагает, что корпускулярные свойства суть только абстракции непрерывного поля чрезвычайно высокой интенсивности. Корпускулярная онтология относится к волновой, как чувственное к рациональному, причем чувственному придается субъективный характер, статус мнения, неистинного знания, а рациональному – истинное онтологическое значение.

Провальность физического знания связана с двумя моментами: с ориентацией познания на отношение субъект-объект и абсолютизацией понятия «элементарность». Но «атом» как «полезную фикцию» в физическом познании можно спасти. Вопрос только в том, в каком направлении следует реформировать атомистическое учение. На этот счёт подсказку таит в себе явление инверсионности («взаимопревращаемости») «частиц», которым, как не парадоксально, исчерпывается сама идея дискретности и элементарности. В биологии явление инверсионности пола создало предпосылку к крушению главного её объекта исследования как носителя жизни – «дискретного индивида».

Современная физика находится в состоянии коренной ломки многих понятий, отказа от, казавшихся до недавнего времени незыблемыми, концепций. Наиболее революционным событием в физике, думаю, станет введение в неё принципа троичности в качестве основополагающего в познании физической реальности. Представление о триполярности вещества потеснит традиционный атомистический взгляд на природу материи. Мюррей Гелл-Манн [р. 1929] и Джордж Цвейг [р. 1937], опираясь на идею унитарной симметрии, пришли к выводу, что все реальные адроны могут быть «построены» из трех кварков и трех антикварков. Для устранения трудностей кварковой модели Ричард Фейнман предложил гипотезу о существовании трех триплетов так называемых «цветных кварков». Теперь каждому кварку приписывается три «цветных заряда». В теории Стивена Вайнберга [р. 1933] – Шелдона Ли Глэшоу [р. 1932] – Абдуса Салама [1926-1996] переносчиком слабого взаимодействия выступает триплет промежуточных бозонов. Этими тремя калибровочными слабыми векторными бозонами оказались положительный, отрицательный и нейтральный. Многие физики предполагают, что строение вещества на самом фундаментальном

уровне основывается на триплете из бозонов. Вспомним и таблицу химических элементов Дмитрия Ивановича Менделеева [1834-1907], которая получила свое физическое истолкование лишь после допущения, что атом химического элемента построен из трёх частиц – электрона, протона и нейтрона.

Большим упущением современной физики является недооценка довещественного уровня материи – триипостасной Субстанции, которая обуславливает триплетность порождаемого ею трехмерного вещественного мира. Субстанция в физике фигурирует под разными названиями: «Единое протополе», «Эфир», «Вакуум»... По мнению авторитетных учёных, без введения в физику Эфира (Вакуума) дальнейшее осмысление мира невозможно (Исаак Ньютон, Майкл Фарадей [1791-1867], Макс Планк [1858-1947], Анри Пуанкаре, Джеймс Клерк Максвелл [1831-1879], Стивен Уильям Хокинг [1942-2018], Никола Тесла [1856-1943], Роджер Пенроуз [р. 1931], и др.). «Эфир, – пишет В. В. Демьянов, – порождает из себя всё сущее и каждого из нас, он течёт из себя наше Тело, Дух, Душу... Эфир внутри нас; без осознания духотворческой миссии Эфира во Вселенной дальнейшая успешная эволюция Земной антропосферы (она пребывает во лжи атеистического материализма и тирании прагматизма) невозможна» (Демьянов В. В. *Онтология Абсолютного в хаосе своего относительного*. – Новосибирск. – 2003. – С. 364, 490, 491).

Свою теорию Вакуума в первоварианте я представил в книге «ТриЭго» (К. – 2008). Говоря по большому счету, Эфир – это не что иное, как исходная творящая основа бытия. Ещё в глубокой древности высказывалась мысль, что взаимное превращение тел есть доказательством существования некой единой *первоосновы*, из которой все построено. Называлась эта *первооснова* по-разному – тройственный Брахман, Трикая, тригунная Пракрити, триединое Дао, Святая Троица, триединая Верховная Божественная Единица... Эта первооснова олицетворяет триипостасную субстанциональную телесность Необъективированного Человека. Материя «начинается» и «заканчивается» Человеком. Субстанция – это то поле, которое творит вещество в виде «частиц-поляриностей» триполярного Одного, неразрывно связанного с Субстанцией-полем. Невозможно определить с абсолютной точностью ту границу, где кончается собственно Субстанция-поле и начинается Субстанция-«частица» (вещество). Поле непрерывно переходит в «ча-

стицы-полярности». Большой интерес в этом отношении представляет основанная на идее взаимопревращения всех элементарных частиц программа единой материи Вернера Гейзенберга, согласно которой в фундаменте всех физических явлений находится единое непрерывное поле («первоматерия»), квантами которого являются элементарные частицы. Гейзенберг называет это поле «нелинейным элементарным полем». Оно порождает элементарные частицы, взаимодействуя с самой собой. Известный физик Д. Бом рассматривает волны и корпускулы как одинаково фундаментальные аспекты материи (Бом Д. Квантовая теория физики. – М. – 1965. – 727 с.). Своими представлениями В. Гейзенберг и Д. Бом, по существу, признают наличие двух уровней материи – первичного (в моём наименовании «субстанционального») и вторичного («вещественного»). Я полагаю, что триипостасная Субстанция порождает вещество в триплетно-триполярном состоянии. Электрон, протон и нейтрон – не три дискретные частицы, а одна реальность, назову её «трилектрон».

Принцип троичности, несомненно, обусловит концептуальную революцию в физике. Физика в своих представлениях будет «узаконена» не формулами, а методологией Необъективированного (Тригнозисного) миропонимания.

Тригнозис лишает смысла классические представления об «атоме». На статус необъективированного (недискретного) «атома» претендует индивид-полярность. Ещё раз вспомним сказанное Гегелем: «физика пришла бы в ужас, если бы она осознала до конца смысл, содержащийся в полярности». Объективационистическое понимание полярности ошибочно и, рано или поздно, физика придёт к «триполярному атомизму» и онтологической картине мира под названием «Необъективированный Человек». Это будет конец длительного пути «элементаризации» физики. Физические представления с появлением Тригнозиса обречены на стремительное реформирование. До Тригнозиса необъяснимым оставалось происхождение атомистики. Теперь решение найдено. Прекратятся безуспешные попытки найти «последний элементарный объект», «абсолютный элемент материи». Атомистика возникла закономерно как результат объективации бытия. Уже само возникновение субъекта есть проявлением зарождения атомистики. Онтологические корни атомистики уходят в триполярную природу материи с последующим её «разрывом» субъектом. Всё едино и троично.

чно – от зарядовой троичности «элементарных физических частиц», тройственного статуса «математической единицы», триплетности «биологического кода» – до триипостасно-триполярного «Всего», которым оказался Необъективированный Человек и который «содержит» в своей триполярной телесности» «первую» и «последнюю» «элементарную частицу материи», представленную *полярностью, а она в себе «содержит» «Всё», является «Всем».*

Обсуждая объективационистическое представление физиков, – «каждая элементарная частица, в известном смысле, состоит из «Всего», академик М. А. Марков отмечает: «Конечно, ничего подобного не было за всю предыдущую историю атомизма... В каком-то смысле в этом представлении существует, если угодно, и понятие первоматерии – это всё, из чего состоит данный объект. Но это всё в то же время является, если можно так сказать, и своеобразной «послематерией», которая сама определяется бесконечной совокупностью частиц» (М. А. Марков. О природе материи. – М. – 1976. – С. 140, 141). Можно только посочувствовать академику в поиске неких – «абсолютного элемента материи», «первоматерии», «послематерии». Мировоззрение и методология ходят совместным шагом. И, если они истинны, тогда, при познании *целостности бытия*, отпадает необходимость расчленять его на изолированные части. Верю, созданная астрономами и физиками атомистическая картина мира, рухнет. В будущем на неё «зарисовки» посмотрят онтологически, «изнутри», а не «вне».

Словом, физика нуждается в новых Теслах, в новых контурах с их системой возбуждения колебаний, чтобы получить и направить необходимый уровень энергии на разрушение опасной методологии физических исследований.

4. Неотвратимость конца истории

Условной телесностью общественной истории можно назвать объективированное «человечество» как «совокупность дискретных индивидов», а также мир искусственных объектов, созданных Человеком. История как объективация («порванности») Человека закончится, канет в Лету «злая система вещей» разом из падшим «человеком». Произойдёт «возвращение» Человека в необъективированный статус. Это состоится через «обновленное познание, истребляющее лукавое сечение пола». Историю «написал» Необъективированный Человек и написал её на языке самообъективации и самосубъективации.

Петро Харченко

Василий Васильевич Налимов сказал: «Мир в его дискретности надо остановить, надо отбросить чертополох множества и создать новую культуру, основанную на континуальности, а не на «текущей множественности»».

То, что сказал Налимов, непременно произойдёт с приходом не-объективированной культуры, не-объективированного знания. Конец истории связан с осознанностью Человеком себя таким, каким он есть на самом деле – *Необъективированной реальностью*.

Гениальный Николай Бердяев понимал, что «объективированное бытие, в конце концов, превращается в небытие». Метафизический и гносеологический смысл конца мира и истории, писал он, означает конец объектного бытия, преодоление объективации и становление Бого-человека.

Мировая история как олицетворение объективации Человека, действительно, пребывает в процессе завершения (об этом много эмпирических фактов привёл в «Закате Европы» Освальд Арнольд Готтфрид Шпенглер [1880-1936]). Логика хода истории такова, что упредить конец исторического этапа жизни Человека невозможно. Попытки придать истории «человеческое лицо» всегда проваливались. В числе таких попыток можно назвать христианизацию, капитализацию, коммунизацию и т. п. (цель подобных попыток остаётся традиционной – власть, слава, материальные блага, зов желудка и секса...).

Сегодня ставка делается на демократию, «демократическое государство». Но и демократия аморальна, как и тоталитаризм. Это хорошо осознал Н. Бердяев: «Демократическое государство есть в такой же мере царство кесаря, как и государство монархическое. И придавать абсолютное и священное значение демократии есть такая же ложь, как придавать это значение монархии... Власть нужна в греховном, падшем мире... Демократия и есть, может быть, форма общественного строя, наиболее соответствующая греховной человеческой природе и наиболее дающая возможность ей себя выразить» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 173, 195). Демократия, по Н. Бердяеву, есть самым несовершенным воплощением идеи государства, а римский историк Полибий (204-122 гг. до н. э.) считал демократию временем разложения и упадка государственного устройства, за которым наступает гибель цивилизации. Это действительно так. Государство,

порождённое объективацией, является «государством субъектов», государством «человека»-фикции.

По параметрам моральной деградации презренным является наше время. Социолог Павел Гуревич отмечает: «В современном обществе мораль всё чаще оказывается ненужной. Обсуждая преступные деяния политических деятелей, мы толкуем о целесообразности этих деяний. Обосновывая рыночные отношения, одновременно насаждаем хищничество. Анализируя общественные отношения, охотно отвлекаемся от нравственных оценок участвующих в них субъектов. Сугубо выскательного человека, слушающего голос совести, почитаем за чудака. Может быть, мы становимся заложниками неких сверхживотных нелюдей? Те, у кого есть совесть, т. е. вообще нравственное чувство, должны, наконец, осознать свое кровное родство. Без такого сплочения человечество может погибнуть» (Гуревич П. С. Философская антропология. – М. – 2008. – С. 270).

История цивилизаций свидетельствует, что гендерные, этнические, межнациональные, межконфессиональные и все другие отношения в объективированной общественной жизни постоянно сопровождались конфликтностью, кровопролитием. Рекордными по процентам бессмысленных потерь численности населения Земли явились XIII в. (29%), XIV в. (33,4%), XVII в. (22,6%), XVIII в. (24,4%) и, бесспорно, XX век с его двумя мировыми войнами. В книге «Тригнозис» я процитировал украинского писателя и мыслителя Александра Павловича Бердныка [1926-2003]: «Мы являемся свидетелями страшных исторических преступлений во имя «прогресса», начиная от яростных многовековых внутренне-европейских войн, колониализма с беспощадным уничтожением туземного населения и кончая фашизмом, большевистским ГУЛАГом, созданием термоядерного оружия во «имя мира», бесконечными локальными войнами».

Указывая на неизбежность конца истории, Николай Бердяев отмечал: «Конец мира будет концом для мира объектного». Он соотносил конец истории с концом объективированного познания бытия, с разделением на субъект и объект. «Для меня, – говорил он, – центральная мысль эсхатологической философии связана с пониманием падшести как объективации и конца как окончательного преодоления объективации»; «Человек выброшен в объектный мир, и самая важная задача, стоящая перед сознанием, – это перестать объективировать, перестать

создавать фикции путём превращения непрерывного в дискретное, в объект, в самостоятельную сущность, воплощённую в предметные формы, образы и т. п.». Концептуальные очертания конца истории Бердяев подаёт весьма конкретно: «С философской точки зрения конец мира и истории есть прежде всего преодоление объективации, то есть преодоление мира отчуждённости, необходимости, безличности, вражды. Образование мира объектов есть источник всех несчастий. Объект мне чужд и непереносим. Гегель связывал несчастное сознание с отношением к объекту, с раздвоением и разрывом. Сознание есть всегда раздвоение и разрыв, оно предполагает противоположение на субъект и объект и потому всегда заключает в себе несчастье. Преодоление раздвоения и объективации, выход из рабства мира объектов может быть назван пробуждением сверхсознания или высшего сознания... Метафизика пола имеет непосредственную связь с проблемой конца. Во времена конца что-то изменится в жизни пола, после погружения этой стороны жизни в ужасную тьму и разложение должно наступить просветление» (Бердяев Н. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 355, 357). Богослов Василий Великий заметил: «У человека не было бы ни раздоров, ни войн, если бы грех не рассёк его природы на два пола». Здесь речь идёт об объективации пола, при которой индивид как полярность триполярного непрерывного Одного иллюзорно «перевоплощается» в дискретный объект, замыкается в себе, отчуждается вовне. Но, это иллюзия. В действительности телесность Человека продолжается за пределы биологического индивида и распространяется на всё Мироздание. Онтологическое единство индивида со всем Мирозданием обеспечивает универсальная триполярность вещества, то есть пол. Философия даже не ставила на разрешение вопрос о конкретной связи индивида с Мирозданием. Она не вывела пол на вселенский уровень осмысления. Из философов только Бердяев по-настоящему осознал космический аспект пола. В работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» он отмечает, что в поле источник истинного единения человека с космосом.

Вслед за философией, объективационистически рассматривает сущность Человека и биология. Она не видит в поле онтологическое триединство бытия и сводит пол к двум дискретным началам – мужскому и женскому. Такое бинарно-объективационистическое понимание пола составляет главный признак современной цивилизации.

Никто до меня не увидел онтологической связи между *триполярностью и триипостасностью*, не осознал, что тайна пола и тайна Святой Троицы – одна тайна (правда, Дмитрий Мережковский как-то уронил: «Пол есть божественная в человеческом теле Тройственность»).

Открытие Необъективированного Человека демаскировало правду об общественной истории. Оказывается, что она *вращается вокруг объективированного «человека»-мертвеца, «человека»-фигиции – телесно не существующего онтологически дискретного индивида, а поэтому* обречена, её неминуемо ожидает крах. Правду поведал Махатма Ганди [1869-1948]: «Эта цивилизация такова, что она разрушится сама собой, нужно только иметь терпение».

Словом, жизнь в истории (в иллюзии «разрыва» пола) дорого обходится Человеку. «Дифференцированный, распавшийся пол, – констатирует Николай Бердяев, – становится источником раздора в мире и мучительно-безысходной жажды соединения. И поистине тайна всякого раздора и тайна всякого соединения – половая тайна. Искажение образа и подобия Божеского в человеке было распадением андрогина, мужеженственного существа» (Бердяев Н. А. Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность. – В кн.: Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М. – 1915. – С. 178-179). С «разрывом» пола Бердяев связывает и наступление конца истории, за которым последует приход новой мировой эпохи, которая ознаменуется «восстановлением целостности пола»: «Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи. Новый человек есть, прежде всего, человек преображённого пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искажённое распадом на мужское и женское в человеческом роде» (Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные и литературные. – СПб., – 1907. – С. 196). Здесь Бердяев допускает коренную ошибку. Во-первых, целостность Человека определяет не объективированный андрогин, не совокупность троих объективированных полярностей – мужской, женской и андрогинной, а Человек Необъективированный в его триполярности и триипостасности, а во-вторых, «разрыв» пола иллюзорный, не действительный, и «новый человек преображённого пола» уже пришёл не через некое «андрогинное» восстановление его целостности, а через Тригнозис (вербальное Откровение самого Человека).

Своеобразно «конец» *индивидуальной* истории преподнёс Гегель. Как известно, ещё Сократ и его ученик Платон подняли проблему индивидуального и всеобщего в объективированном «человеке». Гегель всеобщность в «человеке» связал с Абсолютной Идеей. Если христианство всеобщность в «человеке» связало с тринитарным Богом, то в Гегеля эта всеобщность в «человеке» корреспондируется с триадичностью развития понятия. Фактически, *исходно* объективированной Абсолютной Идеей (Субъект-Объектом), Гегель пытался объяснить историю и всю онтологию бытия. Как единственно существующая реальность, Идея проходит три стадии жизни: «Эпоху Логики-начала» (здесь она лишена самосознания и развивается исключительно в стихии чистой мысли), «Эпоху своего несвободного инобытия» – Природы и объективированного «человека»-индивида (где она ведет «внешнее существование» и познает себя через человеческое сознание) и «Эпоху Логики-конца» (где она приходит в свое изначальное состояние, но уже ставшая сознательной, наделённой самопознанием, постижением себя в абсолютной истине). Для интересующего нас гегелевского понимания конца истории, важно выяснить вопрос – какого за природой «ума набралась» Идея в Эпоху своего несвободного инобытия и благодаря этому стала уже жить сознательно в Эпохе Логики-конца? Ответ, судя из размышлений Гегеля, однозначен, она приобрела объективационистический разум («несчастное сознание»). А по-иному и не могло быть, ибо, проходя своё объективированное инобытие – Природу и формы человеческого духа, Идея самопознаётся не иначе, как преломленно через субъект. Гегель «анатомизировал» «человека»-субъекта, придал ему статус «органа» Идеи, выполняющего функцию познания. Все формы духа Гегель подразделил на дух «субъективный», «объективный» и «абсолютный», но не осознал, что споткнулся на объективации и истолковал процесс познания Идеей себя через субъект. Это, видимо, подметил Н. Бердяев, упрекнувши Гегеля: «Не существует объективного духа, существует лишь объективация духа; нет реально и «объективного мира», а есть лишь объективированный субъектом мир». Мир, вне разделения на субъект и объект, олицетворяет Необъективированный Человек, который засвечивается Тригнозисным Откровением. Но Гегелю надо отдать должную похвалу. Он был противником идей дискретности и атомистики, выступил против господствующей объективационистической логики познания («несчастливого сознания»), в которой

сам погруз при интерпретации прохождения Абсолютной Идеей эпохи своего инобытия через формы человеческого духа, возросших на идеях дискретности и атомизма. Пребывая в Эпоху жизни в Природе, Абсолютная Идея претерпевает объективацию, опредмечивает себя, проходит «весь процесс миротворения и распада». Здесь она, опустившаяся в чувственность, сбрасывает с себя Природу – «вихрь дискретной жизни» как величайшую иллюзорность. И всё же, я бы назвал идеализм Гегеля не «объективным», а «объективированным». Гегелевская диалектика как теория познания оказалась надуманной. Абсолютная Идея выступила Субъектом-Объектом и с «железной необходимостью» «развивается» и «самопознаётся» за формулой объективированной триады, а не за логикой тринитарности.

Но возвратимся к истории. Носителем истории в учении Гегеля значится субъект – «человек»-дискретный индивид и, судя по жизни Абсолютной Идеи, история исчезает при возвращении Идеи в Логик-конца. Но её «конец» наступает не через преодоление объективации, а, по Гегелю, вследствие «диалектической логики жизни Абсолютной Идеи». Думаю, что Идея и после возвращения её к жизни в Логике-конца не становится «спасённой» и свободной (как бы обратное не утверждал Гегель). Она не набралась необъективированного ума при жизни в объекте (Природе) – ума, который позволил бы ей стать *свободной*. Её «ум» остался таким же *объективированным*, каковым и родил его Гегель.

Теперь посмотрим, как освещается «конец истории» в христианстве, где он значится как «конец света» и провозглашается автором Апокалипсиса (Евангелия) апостолом Иоанном Богословом [I век]. Христианство смотрит на «человека» как на греховное, падшее (объективированное) существо, отделившееся от Бога, но обречённое снова соотнестись с Ним, обрести первоначальную триединую природу, *возвратиться из истории*, наделённой временем, в Божью вечность, в которой нет временной последовательности и которая предшествует времени, выступая его причиной. Время и пространство принадлежат тварному миру и носят переходной характер. Всё сотворённое Богом, снова возвращается к Богу, в котором и начиналось. Судьба «человека» в христианстве предельно ясна: умирает *объективированный «человек»* – *творец истории и наступает эпоха возрождённого Человека «по образу и подобию Божьему»*. Объективация бытия субъектом за-

канчивается и этим событием заканчивается «согрешение Человека и отпадение от Бога». Здесь важно уразуметь, что конец «согрешения» (объективированного мировосприятия) связано с восстановлением целостности телесности Человека или, другими словами, с «истреблением лукавого сечения пола». Это «истребление» и возвратит Человеку целостность, необъективированный статус.

Суждениями о восстановлении первоначального состояния Человека по образу Святой Троицы исполнены труды Василия Великого, Августина Блаженного, Максима Исповедника, Григория Нисского. Согласно Василию Великому, главным в Спасителевом домостроении во плоти есть «приведение человеческого естества в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив «лукавое сечение пола», восстановить первобытное единство, подобно тому, как наилучший врач целительными врачеваниями вновь связывает тело, расторгнутое на многие части» (цит.: Федоров Н. Ф. Философия общего дела. – Верный. – 1906. – С. 7). Святой Августин в трактате «О граде Божьем» преподносит человеческую жизнь следующей схемой: непрерывное царство Божье – прерывная земная история – непрерывное царство Божье. Подобным образом рассуждает и св. Максим Исповедник: «Настоящее устройство и состояние мира является только переходящим моментом, средним состоянием между состоянием первоначальным и будущим – как указывает на то и св. Писание» (цит.: Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. – СПб. – 1898. – С. 217). К будущему состоянию мира относится состояние Христа, он «ни есть мужской пол, ни женский». Пришествие в духе Христа кладёт конец существованию нынешнего чувственного мира, и Человек предстанет как иная реальность. Касаясь возможности познания тайны Троицы, Максим Исповедник отмечает, что познать тайну Троицы в её полноте – это означает ввойти в единство с Богом, достичь обожествления своего естества, то есть ввойти в Божественную жизнь Пресвятой Троицы. Григорий Нисский также обращал внимание на необходимость учитывать различие между настоящим состоянием «человека», первоначальным состоянием (до уклонения его от своего Первообраза) и состоянием будущим, которое будет восстановлением первоначального по образу триединого Бога и «олицетворять новую, непостижимую для нас ныне, жизнь». Что же это за будущая непостижимая жизнь Человека? Судя по природе «вочеловеченного Христа»,

новую жизнь следует представлять как жизнь Необъективированного Человека по закону триединой природы Бога, при которой, согласно Григорию Нисскому, последует «восстановление нормальных отношений к материальному миру». Нормальные отношения к материальному миру – это отношения необъективированные, а не «греховные» (объективированные), что однозначно вытекает из размышлений Максима Исповедника, глаголившего: «Человек, обратившись к чувственному бытию, из существа духовного сделался существом грубо материальным и не объединил разделённого, но вместо этого своим грехопадением разделил и то, что было соединено. Назначение человека состоит в объединении в себе всего существующего – по отношению к внешнему для него мира и в обожествлении – по отношению к нему самому». По Максиму Исповеднику, пришествие Иисуса Христа, несущего проповедь целостного восприятия мира, олицетворяет освобождение человеческой природы от рабства объективации (чувственности и обусловленной ею дискретной множественности). Христос уничтожает первое и главное разделение человеческой природы – «разрыв» пола, восстанавливает целостность телесности Человека, обожествляет его, объединяет весь воплотившийся в человеческой природе Логос.

Как видим, в понимании мировой истории христианство исходит из отношения триипостасного Бога и переходящего (объективированного) состояния «человека», как находящегося в ситуации «разорванности» пола. Конец истории означает возвращение объективированного «человека» в первоначальный целостный статус – статус Необъективированного состояния путём преодоления чувственной иллюзии дискретности и множественности, возникшей на базе чувственной видимости разорванности пола. Различие полов в нынешнем его виде, признают богословы, не принадлежит к сущности Человека как образа Божьего, его нет в первообразе и в будущем *воскресении* Человека, его природа будет восстановлена как триединство. Догматическое христианское богословие удивительно тонко сочетает с проблемой пола и теорию познания: «Выполняя свое предназначение в своем стремлении к Логосу через достижение полного соответствия триединому Богу, человек должен, прежде всего, уничтожить для себя самое первое разделение – разделение на дискретные полы как «не относящееся к идее человеческого существа», затем, объединив в себе всё чувственное бытие, он должен выступить за пределы чувственного мира и проникнуть

через знание в область бытия умопредставляемого, чтобы оно имело для его знания такую же реальность, как и чувственное бытие. В умопредставляемом знании весь чувственный мир станет как единое. Оно объединяет чувственное и умопостигаемое бытие как единую тварь. И, наконец, достигнув последнего идеала познаваемого, объединит в себе всё существующее, обожестьится, т. е. предстанет как Троиединое» (Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. – СПб. – 1898. – С. 207-208).

Итак, судьба *индивидуальной истории Человека* в христианстве определяется характером познания им своей сущности, связанным с выходом на осознание триединства своей плоти через устранение «лукавого разрыва пола». Христианство возвещает «человечеству» будущий переход от познания объективационистического до познания изначально-го, целостного – необъективированного: «До падения человек имел то познание, – говорит Василий Великий, – которое благодать обновляет и восстанавливает в человеке возрожденном» (цит.: А. Бриллиантов, там же, с. 514). «Лукавое» рассечение естества Человека в христианстве связывается с «заблуждением ума», с подчинённостью его «чувственности и половому сладострастию», то есть, по большому счёту, с объективацией пола, а «кончина света» – с кончиной объективированного мировосприятия, которое, согласно Откровению, наступит с изменением наших представлений о сущности пола.

Н. Бердяев подчёркивал, что только та «социальная теория способна вывести Человека с трагической дороги, которая будет базироваться на раскрытии тайны пола, преодолееет половое разъединение мира, ибо именно с полом и любовью связана тайна разрыва в мире, тайна индивидуальности и бессмертия». Иными словами, судьба цивилизации зависит от необъективированного восприятия сущности пола. С «истреблением лукавого сечения пола и приведением человеческого единства в единение с самим собой и со Спасителем», богословы предсказывают приход новой жизни и нового познания, исчезновение объективированного мироощущения и миропонимания, приход «конца света вещей». Василий Великий провозглашает: «Истребление лукавого сечения пола – путь возвращения к тому познанию, которое благодать поновляет и обновляет в человеке возрождённом». «Возрождённый человек» – это Человек Необъективированный как всебытие. «Бытия вне Человека не существует, – гениально писал Н. Бердяев, – бытие че-

ловечно, в предметном, вещном, объектном мире смысла нет, смысл раскрывается из человека и означает открытие человекоподобности бытия». С решением проблемы пола Бердяев предсказывал приход нового откровения как «религии Троичности», прекращения отчуждения и объективации не только в познании, но и в самой жизни: «Сознание переходит в сверхсознание, и раскрывается мир по ту сторону распада на субъект и объект. Это будет означать расшатывание затверделого феноменального мира и большее просвечивание ноуменального ядра мира» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 352).

Породив историю, субъект засветил себя гениальным конструктом мира искусственных вещей, но одновременно и «великим преступником» в сфере духа. История дала объективированному человечеству много хорошего, но забрала свободу и преподнесла много трагического. Прохождение Человека через объективацию – «есть судьба духа в этом мире» (см. работу Бердяева «Творчество и объективация»). На вопрос – откуда ожидается приход свободы Человека? – Бердяев отвечает: «Освобождение придёт из иного мира, чем этот феноменальный». Свобода придёт из мира необъективированного. Свободу Человеку не может обеспечить никакая форма общественной объективации, включая и государство демократического устройства. Свобода – это победа над историей, над объективацией. Исторический этап жизни объективированного человечества заканчивается полным обвалом формально-логических «истин», девальвацией культурных ценностей, трагизмом нравственности... На смену историческому «человеку» идёт Человек Необъективированный, несущий победу непрерывности над дискретностью, бессмертия над «смертью».

Раздел V.

Мировоззренческие контуры постсубъектовой цивилизации

1. Преодоление эгоизма и смерти

«Смерть» придумал Человек объективированным
пониманием своей сущности.

Петро Харченко

«Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое,
тот не увидит смерти вовек»

Иоанн. 8:51.

П. Успенский в книге «Новая модель Вселенной» пишет: «Величайшим чудом кажется мысль о том, что смерти нет, что покинувшие нас люди, возможно, не исчезают, не исчезают полностью, а где-то и как-то существуют...» (П. Д. Успенский. Новая модель Вселенной. – М. – 2002. – С. 7). Действительно, истинный (Необъективированный) Человек бессмертен!!! Бессмертие – один из фундаментальнейших законов его бытия. А что касается феномена под наименованием «смерть», то он находится под знаком объективации. Известное «memento mori!» («помни о смерти!») адресовано объективированному «человеку»-фигуры – дискретному индивиду-субъекту. Человек до открытия мной Тригнозиса не осознавал своей истинной сущности, не знал, кем является на самом деле и что он бессмертен.

При объективированном восприятии процессов, они кажутся нам отдельными и законченными явлениями, не раскрываются в онтологическом единстве с функционированием Всеединого. Совершенно иной смысл эти процессы приобретают при необъективированном восприятии. Проиллюстрирую примером. Объективированно «рождение» ребёнка представляется «началом жизни» некоего целостного человека-дискретного индивида» (кстати, которого онтологически дискретно не существует). А в контексте необъективированного осмысления, процесс «рождения» указывает лишь на телесное оновление-возрождение полярности Необъективированного Человека и является его *внутрибытийной функцией*. Объективация фальсифицирует и смысл процесса,

воспринимаемого нами, как «смерть», выдавая его за «конец жизни» того же ребёнка. Но, «рождение» и «смерть» «дискретного индивида», не являются ни «началом», ни «концом» жизни того, чего онтологически не существует.

При так называемой «естественной смерти» происходит *освобождение эгополярности Триэго от отработанного или больного вещественного отелеснения, но само «эго» с его субстанциональной телесностью на кладбище не выносится, а остаётся в ТриЭ(э)го, ожидая своего возрождения в обновленном вещественном отелеснении*. Но при данном обновлении необходимость приобретения эгополярностью субъектного статуса со временем отпадёт. Глубокомысленно, хотя и без онтологического объяснения, рассуждает Свами Шивананда (1887-1963) в своей книге «Что происходит с душой после смерти»: «Рождение и смерть касаются только тела – физической оболочки души. Они – два иллюзорных действия в драме этого мира. В результате никто не рождается и не умирает. Никто не приходит, не уходит: всё это видения майи, игра ума... Вы не можете умереть, поскольку вы никогда и не рождались... Ибо существует только бессмертный Брахман-Атман. Рождение необходимо одному лишь телу... Учись отличать Реальное от Нереального... Отбрось привязанность к телу. Освободись от рождений и умираний. И выйди в Бессмертную сущность».

Бессмертным является Необъективированный Человек, а объективированный «человек», сам по себе, мертвец, фикция. Об этом поведал своему ученику Христос: «Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов» (Мат. 8: 21-22). А вот высказывание Сатья Саи Баба [1926-2011]: «Каждый рождается из «эго» и умирает, закутанный в «эго». Те, кто одолевают свое «эго», достигают спасения... Вы родились с единственной целью – умереть. Иначе сказать, убить своё личное «я». Замечу, это высказывание справедливо по отношению к закутанности в объективированное «эго» (субъектность).

Для объективированного индивидного «человека» истина об отсутствии смерти непостижима. Субъект-индивид принимает себя за телесно целостного «человека», не осознавая сверхиндивидных границ телесности Необъективированного Человека.

Бессмертие индивидуальной полярности Человека, повторяю, состоит в том, что ни *её душа («эго»)*, ни *её субстанциональная телесность в гробу на кладбище не выносятся*. За «смертью» похороненного вещественного тела индивида прячется космогоническая метаморфоза, олицетворяющая вещественное обновление-возрождение *эгополярностей Триэго Необъективированного Человека*. Относительно верно рассуждает о «загробной жизни» Н. Бердяев: «Смерть указывает на предназначение человека к другой жизни, на существование высшего смысла жизни в вечности и, следовательно, чтобы жить, нужно умереть» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 216, 219). Бердяев отмечает, что смерть существует лишь по одну сторону бытия, в порядке объективации: «Трудность решения проблемы бессмертия зависит от того, что она ставится в перспективе объективации, выброшенности человеческого существования в объективный мир. Человек превращён в одну из вещей мира» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 334); «Бессмертная и вечная жизнь объективируется, натурализуется, и тогда говорят о ней как о загробном существовании. Загробное существование представляется как бы природной сферой бытия, иной, чем наша сфера. В неё входит человек после смерти. Но бессмертная, вечная жизнь, не объективированная и не натурализованная, взятая изнутри, есть жизнь принципиально иного качества, чем вся природная и даже сверхприродная жизнь...» (Бердяев Н. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 226).

«Путешествие» из Триэго в ТриЭго и обратно – вечный путь полярностей Необъективированного Человека – Человека как единственно существующей и бессмертной реальности. Находясь в Триэго, индивидуальное «эго» обречено на бессмертие атрибутивно, оно заложник бессмертия, обусловленного безостановочным развитием субстанциональной телесности Необъективированного Человека, вследствие взаимопревращения субстанциональных ипостасей. Образно (но идеалистически) говорит С. Гроф: «Опыт смерти и возрождения – наибольшее путешествие, которое ожидает каждого из нас как средство исцеления». Индивидуальное «эго» онтологизировано с ТриЭ[э]го – ипостасным и полярным единством взаимозависимости, взаимоотрастания и взаимоотрастания. Лишь осознав это, приходит вера в величайшее чудо – бессмертие Человека! Если бы Необъективированный

Человек и захотел «умереть», это ему никогда не удалось бы осуществить.

Арнольд Минделл [род. 1940] назвал смерть «картезианской, ньютонианской, в каком-то смысле, механистической идеей, которая выражает не только уничтожение реального тела, а и отречение от наших бывших самостей» (Минделл А. На краю жизни и смерти. – М. – 2000. – 255 с.). Смерть и объективация в определённом смысле тождественны. Объективация укорачивает границы телесности Человека, ограничивает их «дискретным индивидом» и этим создаёт иллюзию «смерти». С. Гроф отмечает: «Тот, кто осознаёт себя дискретным «эго», заключённым в кожу», придерживается параноидального в своей основе взгляда на себя и окружающую среду... Чувство абсолютной отдельности от всего остального есть продуктом укоренившегося неведения, опасная иллюзия, которая в ответе за то, что мы проживаем свою жизнь непродуктивно, разрушительно и самоуничтожающе» (Гроф С. Космическая игра. – М. – 1997. – С. 141). Осознание своей сущности как простирающейся за пределы индивидного «эго», говорит С. Гроф, является не разрушением, а рождением «к более высокой реальности, где воссоединяемся с нашей истинной природой». А вот высказывание о смерти К. Уилбера: «Когда человек сознает, что его фундаментальная сущность является сущностью всего космоса, видимая смерть индивидуальных форм для него становится не только приемлемой, но и желательной... Лишь отдельные части могут стоять перед лицом смерти, но не Целое. Но как только человек представляет себя, свое подлинное «Я» ограниченным, исключительно отдельным организмом, беспокойство о смерти, страх небытия поселяются в самом сердце того, кто воображает себя лишь частью Целого» (Уилбер К. Никаких границ. – М. – 1998. – С. 87).

Итак, повторяю, видимость «смерти» создаёт *объективация, субъектовая осознанность бытия*, создающая фальшивое представление о телесности Человека. Бессмертный Необъективированный Человек подменяется «смертным недочеловеком», «человеком»-фикцией. И совершенно прав Николай Бердяев, когда говорит, что «источником трагизма человеческой жизни является объективация, распадение мира на субъект и объект».

Проблема бессмертия затрагивается многими традиционными мировоззрениями, но касается объективированного «человека»: «Вера в

существование жизни после смерти носит универсальный характер. Эта вера проходит через все времена и все культуры, через эволюционные и революционные философские теории. Целые великие цивилизации развились из предпосылки, что за пределами нашего мира существует ещё один мир, мир, находящийся не в физическом, а в духовном измерении. Самые знаменитые философы человечества разрабатывали мысль о существовании царства духа, места, где царят любовь и свет для одних, а для других – бездна страдания, огненный ад. Иногда полагали, что этот иной мир – нечто вроде чистилища, временно-го этапа, необходимого для нового рождения «я» во плоти... Если эти повсеместные верования не являются подтверждением подсознательного ощущения существования некой основной причины, то, по крайней мере, должна существовать какая-то важная причина их наличия» (Рэндлз Д., Хоч П. После жизни. – Ярославль. – 1994. – С. 7).

Только необъективированная природа Человека способна была вызывать у носителей древних цивилизаций интуитивное чувство наличия бессмертия. Верование о «смерти» как о переходе к другой форме существования – магистральная идея египетской культуры. Достаточно вспомнить трактат Древнего Египта – «Книгу мёртвых», в котором проблема «спасения душ» связывается с обретением «человеком»-индивидом после смерти нового состояния через «второе рождение» (вера в странствие души – реинкарнацию, перевоплощение, переселение бытовала у многих древнейших народов). В древней египетской культуре даже почитался Верховный бог загробного мира – Осирис.

Древние индусы видели начало всех существ в недрах Брахмана, из которого возникает мир со всем, что в нём находится. Всё и возвращается в бессмертную первооснову – к Брахману, и это возвращение происходит из-за угасания иллюзии реального наличия индивидуального дискретного «я». Человек, считали древние индусы, должен радоваться воссоединению со своим божественным «Я» (Атманом – душой Брахмана). Тожество индивида с реальностью Брахман-Атман – является последней тайной автобиографии его души.

Один из основателей чань-буддизма Ло-Цзин [1443-1527] в своем «Пятикнижии» (не путать с пятикнижием Моисея) писал: «Спасение заключается в самореализации «природы Будды», в возвращении к первородной цельности, изначальному недифференцированному состоянию, нерасчленённости «первородного сознания» на субъект и

объект, к его «незамутнённости». По Ло-Цину, нерасчлененность на субъект и объект есть первоначальным и конечным состоянием сознания. Приобретение истинного состояния (первородной цельности) совершается путем вытеснения из сознания адепта обычных логических и вербальных структур, вызывающего невербальное переживание интуитивного просветления или озарения, что и приводит к спонтанной реализации природы Будды.

Украинская дохристианская культура тоже исполнена верой в бессмертие и «загробную жизнь». Древние украинцы почитали покойников как живых душ, находящихся в Ирии, поклонялись Космической Троице как олицетворению Высшего Существа. Древние украинцы не ограничивали тело Человека объективированными (дискретными) рамками индивида, а воспринимали всё Мироздание в качестве продолжения человеческой телесности.

Весьма своеобразно, но высоко в смысловом выражении, поднята проблема бессмертия в христианстве (см. трактат Августина «О Граде Божием»). Благая весть о бессмертии содержится в Библии (Исаия 65:17; 2 Петра 3:13). Господь предостерегал Человека от бинарно-объективированного мировосприятия: «...от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Быт. 2:16-17). Этим изречением сказано, что «смерть» Человека означает его объективацию. Смерть прекратится «в грядущем царстве Божьем», то есть с возвращением Человека в необъективированный статус. «Отрёт Бог всякую слезу с очей их, *и смерти не будет уже;*» (Отк. 21:4). Христианская весть о вечной жизни зашифрована онтологически. Воскресение Христа победило смерть. Христос уничтожает дискретное разделение на пол, объединяет человеческую природу Троичностью и этим побеждает объективированный порядок, лежащий в основе зла, вражды и смерти. Библия пророчит, что ветхий (объективированный) «человек» уступит место Человеку тройственной природы, обновленному познанием. Новый образ Человека, о котором вестит христианство, это Человек целостный, «нетленный». В основе христианского понимания спасения и бессмертия лежит представление о приведении человека в целостность – «восстановленный его образ, каким он был до расстройств». Только целостный Человек олицетворяет бессмертие. В трактате «Об устройении человека» (глава 25) Григорий Нисский пишет: «Сам

Господь в повелении, во гласе Архангелове, и в трубе снидет (1 Кор. 4,16) восстановить мёртвых в нетление, так и теперь, по гласу повеления, преданный гробу, оттрясши смерть, как бы некий сон, и сложив с себя произведённое мертвенностью тление, целым и неповреждённым исходит из гроба – и этому исхождению не воспрепятствовали руки и ноги, обвязанные пеленами». Вот несколько библейских повествований: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертное, тогда сбудется слово написанное: «погложена смерть победою» (1 Кор. 15: 51-54); «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» (Отк. 21:4).). О связи «смерти» с объективацией пола повествует Евангелие от Филиппа [5-80]: «Пока Ева была в Адаме, не было смерти. Когда она отделилась от него, появилась смерть... Если же она войдет в него снова, и он её примет – смерти снова не будет». Николай Бердяев в работе «Философия свободного духа» отметил: «Только христианское сознание признаёт вечность человека. Человек наследует вечность в Божественной действительности, он не может быть преодолен, не может эволюционно перейти в другой род. Вечный лик человека находится в недрах самой Божественной Троичности».

Не ординарная, но идеалистического толкования, точка зрения на бессмертие С. Грофа. Как и древние тибетцы, Гроф отождествляет душу с сознанием. Опираясь на материал трансперсональных переживаний, Гроф констатирует: «Наше сознание может отделяться от тела и сохранять, тем не менее, свою способность воспринимать как ближайшее окружение, так и места самые отдалённые... Переживание духовно-душевной смерти и возрождения – главный шаг на пути к ослаблению нашего отождествления с телом и «я» и к воссоединению с надличностной областью. Мы чувствуем себя спасёнными, освобождёнными, благословлёнными, у нас появляется новое сознание своей божественной природы и положения во Вселенной...»; «Во время нашего биологического рождения, когда мы являемся в материальный мир, мы «умираем» для трансцендентального измерения; и наоборот, нашу физическую смерть можно рассматривать как рождение в мир духа»

(Гроф С. Космическая игра. – М. – 1997. – С. 143). Сходно размышлял Д. Мережковский: «Умирая, мы рождаемся туда, рождаясь, приходим оттуда; тоннель, а в конце тоннеля свет – эта «черная дыра» или «мешок» – то египетский «седшед», трансцендентальная матка, vulva, что в неё продвигается тот, который умирает или рождается; одни двери туда и оттуда, один путь вверх и вниз» (Мережковский Д. Тайна Трёх. – М. – 1999. – С. 89, 90).

Николай Бердяев верил в наступление эпохи бессмертия Человека и связывал её приход с концом объективированного миропонимания. Но как избавиться от объективации, от представления о Человеке как об «одной из вещей мира»? Для этого требуется осознание сущности Человека через преодоление «разрыва пола». Бердяев придавал полу особое значение в раскрытии тайны бессмертия. Он писал: «Метафизика пола имеет непосредственную связь с проблемой конца. Во времена конца что-то изменится в жизни пола»; «С преодолением пола связано и изменение человеческого сознания. Бессмертие связано с состоянием сознания. Только целостное сознание, не раздвоенное, не разлагающееся на элементы и не слагающееся из элементов, ведёт к бессмертию» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 336, 337). Бердяев связывал антропологический ренессанс с персоналистской традицией в обожествлённой форме. Он размышлял о слиянии индивида в сверхмировом (вселенском) Человеческом бытии и говорил о Богочеловеке. «Мы сплошь и рядом мыслим о бессмертии, перенося на феноменальный мир то, что относим только к ноуменальному миру, и переносим на ноуменальный мир то, что относим лишь к феноменальному миру. И также ошибочно мыслим мы, когда совершенно разрываем феноменальный мир и мир ноуменальный. Учение о бессмертии должно пройти через очищающую критику, через которую должно пройти и учение об откровении. Необходимо очищение от наивного антропоморфизма, космоморфизма и социоморфизма. Но есть истинный антропоморфизм, который вытекает из центрального положения человека и соизмеримости человеческого и божественного. Этот антропоморфизм должен быть соединен с теоморфизмом, т. е. быть богочеловеческим. Истинная перспектива бессмертия есть перспектива богочеловеческая, а не отвлечённо человеческая» (там же, с. 340). К сожалению, Богочеловек Бердяева олицетворяет «гибридизацию» Бога и объективированного «человека» – дискретного индивида-андрогина. Но Бердяев пони-

мал, что «конец» исторического процесса связан с «восстановлением целостности пола», хотя и не осознавал его как триполярность Одного. Он говорил о приходе новой гносеологии, о смене объективированного разума необъективированным, который отбросит смерть Человека и утвердит бессмертие. Необъективированный разум Бердяев называл «сверхсознанием»: «Преодоление раздвоения и объективации, выход из рабства мира объектов может быть названо пробуждением сверхсознания или высшего сознания» (там же, с. 355).

Итак, чтобы знать, что такое «жизнь», надо знать, какова сущность самого Человека. Жизнь не является свойством некого, иллюзорно обособленного, фрагмента бытия (названного нами «дискретным индивидом» с присущим, якобы ему, «рождением» и «смертью»). Жизнь – свойство бессмертного Необъективированного Человека, судьба которого извечно начинается и решается в троичности.

Объективированный «человек» исчезнет. *Тригнозисное мировоззрение сбрасывает с пола покрывало объективации, возвращает Человеку онтологическую целостность, хоронит смерть, открывает бессмертие.* Дискретный индивид «растворится», станет тем, чем он есть на самом деле – выразителем эгополярности триполярной вещественной телесности Необъективированного Человека. Вот и вся загадка «конца смерти», «конца света», «конца «человека»! В Необъективированном Человеке всё едино, нет границы между «посюсторонним» и «потусторонним», нет отделения – «смерти».

Познай себя – и станешь бессмертным! Открой в себе Необъективированного Человека и «смерти не будет уже... ибо прежнее прошло»! Объективированное восприятие вещественной телесности Человека на базе «разрыва» её триполярности (пола) – вот откуда растут роги смерти, поэтому конец объективированного света станет торжеством бессмертия и вечности. Победа над «смертью» придёт через «убийство» объективированного «человека». Эту победу обеспечит «счастливое сознание» – Тригнозис, преодолевший «лукавое сечение пола».

Люди-индивиды-полярности, радуйтесь post mortem (после «смерти») своим бессмертием. Вы пребываете в царстве космогонической необходимости периодического телесно-вещественного обновления-возрождения. Гоните к чертям страх перед некой конечностью существования. Умереть невозможно! Осознавайте себя *Необъективиро-*

ванным Человеком. Радуйтесь своей предстоящей космогонической одиссее и держите своё **истинное (экзистенциальное) «я»** в моральной чистоте.

2. Очищение эгофонда от скверны

Объективация принесла многочисленные страдания Человеку, патологизировала его социоантропологическое пространство жизни. Общество объективированных индивидов проявляет себя как внешняя механическая совокупность (объединение) мертвецов (дискретных существ). «Если индивид сможет отделить себя от общества, значит, существование общества не было онтологически обусловленным. Миссия социума завершится, грядет конец истории. Человек постисторический – это человек вне общества» (Гринив В. В. Мифология бытия. – К. – 2004. – С. 48). Такое общество падшее, греховное. «Мир объективации – мир падший, мир заколдованный, мир явлений, а не существующих существ. Объективация есть отчуждение и разобщение. Объективация есть возникновение «общества» и «общего» вместо «общения» и «общности», «царства кесаря» вместо «царства Божьего» (Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М. – 1994. – 480 с.).

Теперь, когда открыт Необъективированный Человек и завершилась эволюция учения о носителе жизни (на его роль в разное время претендовали объективированный индивид, различные системные совокупности дискретных индивидов, разнообразные универсумы и абсолюты, как древнекитайское Дао, древнеиндийский Брахман, парменидово Единое, неоплатоническое Первоединое, Мировой Организм Шеллинга, Сверхиндивидуум Бергсона, Универсум Пьера Тейяра де Шардена и др.), Человечеству предстоит покончить с рабством объективации в социальной сфере, привести общественные отношения в соответствие со своей необъективированной природой. Разум политической элиты мирового сообщества должен освободиться от идеологических дурилок, предложенных философами-объективистами. Политики должны прозреть, осознать, что все люди являются онтологически единотелесным Необъективированным Человеком в его национальном и расовом разнообразии. Каждый индивид должен осознать себя в образе полярности Человека единого Человечества. Это и есть врата к единению всех народов мира под Христосовым «Все

есть Одно». Этим отвергается всякое неравенство: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Религиозную мысль о том, что все люди происходят от одного тела и души конкретизировал и обосновал Тригностический модус самоосознания Человека. Бог и Необъективированный Человек оказались одной реальностью (кстати, догадка об этом не покидала историческую интуицию человечества: «Осознание собственной божественной природы, нашей тождественности с космическим истоком, тождественности индивида с Богом является последней тайной, таящейся в сердце всех великих традиций» [Гроф С. Психология будущего. – М. – 2001. – С. 338]).

Но надо признать и то, что религиозные молитвенные сооружения (церковь, синагога, мечеть и пр.) ничего не сделали в деле ликвидации рабства объективации Человека. Сооружено тысячи всевозможных религиозных заведений, но не выстроено необъективированной культуры. Христианская церковь не выполнила возложенную на неё Христом миссию тринитаризации разума Человека. Вместо этого, вопреки учению Христа, церковь наложила табу на умственное постижение догмата Святой Троицы, из-за чего пришествие Человека, «обновленного в познании» (Необъективированного Человека) опоздало на тысячелетия. Христианство не сформировало цивилизации тройственного архетипа. «Все опыты создания новой жизни – в историческом христианстве, в социальных революциях, в сектах и т. д. – кончаются объективацией, приспособлением к обыденности, в новых формах восстает старое: неравенство, властолюбие, роскошь, расколы и прочее» (Н. Бердяев, там же, с. 356).

Вопрос о необходимости новой морали в жизни Человека подымался неоднократно. Особенно большая в этом заслуга представителей «нового религиозного сознания». В частности, Владимир Сергеевич Соловьёв отвергал социальную атомистику с её перманентными кризисами и ставил вопрос о «восстановлении целостности человека», отрицал ценность морального эмпирико-атомистического стяжания истории человечества. Для истинного решения социальных проблем, констатировал он, «необходимо признать безоговорочное подчинение экономической области моральной норме, в основе которой лежит любовь как залог Всеединства, как ось, вокруг которой должна вращаться жизнь человека». «Любовь, – говорил Владимир Соловьёв, – есть

индивидуализация Всеединства». Однако свои соображения Соловьёв примерял к объективированному «человеку» и, разумеется, что требование «любить ближнего как самого себя» не реализуемо в условиях, когда голос убеждает: твоё «я» и всякое другое «не-я» суть существа противоположные. Трезвые общественные мысли говорит и Николай Фёдорович Федоров: «В учении о Троином Боге дан нам не только образец совершеннейшего общества, но в нём же начертан и самый путь к осуществлению этого общества» (Федоров Н. Ф. Сочинения. – М. – 1982. – С. 142). По Н. Фёдорову, индивид должен через истинную любовь стремиться к идеалу совершенного всеединства, в котором царят нераздельность всех людей и их личностная неслитность и равноценность. Идеал *Троичного божественного бытия* «возродит и увековечит индивидуальную жизнь», обеспечит трансформацию смертного человеческого организма в божественно-бессмертное состояние. К сожалению, и рассуждения Фёдорова, не знающего истины о Необъективированном Человеке, выглядят желаемо-теоретическими, нежели конкретно-реализуемыми, указывающими индивиду истину его совершенного единства.

Чтобы преобразовать «человечество» в «Богочеловечество» надо, прежде всего, отбросить объективационистическое миропонимание, основанное на «разрыве пола», представляющее собой величайшее заблуждение разума.

Надвигается постистория – эпоха явления нового Человека, нового общества, нового Космоса, эпоха возвращения Человека «домой», к себе. Преобразование существующего социального мира с его «злой системой вещей» произойдёт на базе раскрытия тайны пола и устранения объективации Человека. Пол – окно в совершенно другой мир, мир необъективированный. Бердяев справедливо считал объективацию духа препятствием на пути к новой антропологической эпохе: «Объективация Духа, его самоотчуждение и выбрасывание вовне и есть главное препятствие для нового излияния Духа Святого в мире (здесь у Бердяева под Духом Святым понимается троиственный дух – прим. П. Х.). Признание объективного Духа, которое и есть объективация Духа, и есть величайшая помеха для новой духовности, для наступления эпохи Духа». В будущем, отмечал Бердяев, «люди будут не родового сознания и родового понимания пола, а Божеского. Они увидят универсальное значение пола для всего человека, для всего Кос-

моса, они дальше пойдут в понимании пола, чем только в его связи с сексуальными актами». Свои, довольно интересные соображения о Человеке будущего, высказывает и Евгений Иванович Трубецкой [1863-1920] в книге «Смысл жизни»: «Совершенный человек вмещает в себе полноту Бога, становится Богочеловеком. В этом заключается выход из порочного круга, в котором вращается мир. Мировой процесс не есть дурная бесконечность. В нём есть конец, движение к безусловному смыслу, который достигается. Безусловным смыслом бытия Человека является полнота вечной жизни. Мир приходит к своему концу не в смысле прекращения событий, а в смысле достижения полноты бытия. И человек вновь восстанавливается в своем достоинстве. Явление Христа (Богочеловека) на земле представляет собою исчерпывающий ответ на вопрос об искушении бессмыслицы. Страдание и смерть – вот в чём наиболее очевидные доказательства царствующей в мире бессмыслицы и неправды жизни. Добровольная смерть Богочеловека означает восстановление связи человека с вечной жизнью, возвращение человеческого естества к той жизни, которая не умирает».

Люди онтологически сращены телесно друг с другом как *Одно*, вопреки внешней эмпирической видимости. В этом состоит «невероятное противоречие» социального бытия. Разум, не прозревший онтологически, находится в плену чувственности, которая преподносит нам иллюзорно дискретную множественность людей, и мы привыкаем к строю внешнего разъединения. Но наступит прозрение. Иван Александрович Ильин отмечал, что «единство индивидуальных «эго» никогда не порывалось и порваться не может, хотя пока и отодвинута объективацией, пребывает в непризнанном, нераскрытом виде, предоставляя разъединению господствовать на поверхности общения. Жизнь, культивирующая это поверхностное разъединение «эго»-индивидов, является безнравственной. Трагикомедия человека состоит в том, что, созерцая только поверхностное разъединение людей и не видя ничего более глубокого, он убеждается в своей ограниченности, конечности и несвободе и вступает в борьбу с ограничивающим его инобытием, не подозревая того, что это есть борьба с призраком. Обращение личной души от дурной эмпирической дискретности к божественно-конкретному порядку состоит в принятии социальной сращённости... Это сращение возникает в результате того, что человек усматривает в другом человеке ту же самую духовную стихию, субъективным видоизмене-

нием которой он признал себя. Такое признание ведет его к освобождению себя в другом и к утверждению своего органического тождества с ним; взаимное же прозрение и освобождение устанавливает спекулятивную сращённость душ» (Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – М. – 1918. – Т. 2. – С. 151, 152, 153, 154).

Тригнозисный антропоцентризм возвращает Человека в статус абсолютного Начала, «воскрешает» его после длительного объективационистического омертвления, ведёт Человечество в бессмертие, в «единомыслие» и «братолюбие», преодолевая притяжение лживой объективационистической духовности. Ожидается приход цивилизации, лишённой тирании субъекта, иллюзии внешности, дискретности и множественности, и в которой воцарятся взаимоотношения индивидуальных «я» как проявления разветвлённого в разнообразии триполярного Одного, единой Души – «онтологического разума» – ТриЭ(э)го. Состоится переформатизация социальных, этических, экологических и других норм жизни, взращённых на почве объективированной (атомистической) концепции «человека». Люди обязаны держать в моральной чистоте свое бессмертное онтологическое *эго!* Припомним, что моральную проблематику в сферу онтологии привнёс Сократ. Этические принципы, считал он, заложены в самом устройстве бытия и истина морали достигается при совпадении субъектового мышления с объективированным бытием. Это неверно. Истина морали возможна лишь при Тригнозисном совпадении мышления и бытия, когда имеет место мышление «из Человека и через Человека». Жить морально означает жить за вектором тригнозисной логики.

Грех глубоко проник в эгофонд Человечества. «Падшими» злодеяниями переполнены все объективированные мировоззрения Человека, включая религиозное и научное. Необходимо очищение эгофонда Человека от скверны. В Новом Завете предупреждается: «Неправедный пусть ещё делает неправду; нечистый пусть ещё сквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё. Се, грядущее скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его... Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и лю-

бодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (Отк. 22: 11-12, 14-15).

Возможность создания технологии очищения эгофонда Человека от скверны («зловещей информационной загрузки») подсказывают такие феномены, как шизофрения, трансперсональные переживания, множественное личностное расстройство (МЛР) и ряд других. Имеются основания для создания технологии раскрытия преступления убийцы, когда свидетелем выступит «эго» жертвы.

Новая цивилизация *овладеет знанием эгологии Человека*. Это будет цивилизация единой человеческой Души (ТриЭ(э)го). Произойдёт переименование социальных, правовых, моральных, этических, экологических и других норм жизни, взращённых на почве объективационистической концепции «человека». Будущее общество не будет знать политических партий, религиозных организаций и прочих идеологических структур, восторжествует Тригнозисное мировоззрение, произойдёт демонтаж государства субъектов (субъекту будут наданы лишь специфические познавательные функции, но, как носителя «злой объективации», его ожидает смерть). Для постсубъектовой антропологической эпохи станет нормой половая метаморфоза, расцвет эготехнологий по искусственному переселению выдающихся «потусторонних» душ («эго») в новые вещественные тела «посюстороннего» мира. Если история знает матриархат, патриархат и своеобразный андрогиноархат как проявления объективированной социальной формы троичности, то в будущем восторжествует необъективированная общественная Троичность, при которой социальное шествие цивилизации возглавит Три-Э(э)го Необъективированного Человека, а не субъект. Упомянутый неоднократно мной Николай Бердяев отмечал, что нельзя осмыслить мир и мировую историю вне идеи троичности. История мира začínалась в троичности и только в ней предвечно решается (Бердяев Н. А. *Философия свободы*. – М. – 1911. – С. 155).

3. Десубъективизация

В постистории за субъект-объектовой гносеологией некоторое время будет оставаться миссия рождения ткани прагматической субъективности. Но устранение «лукавого сечения пола» положит конец гносеологической власти субъекта.

Петро Харченко

Мир есть часть Человека, а не Человек – часть мира.

Николай Бердяев

Существующая историческая цивилизация – это цивилизация субъекта (объективированного «человека»), а не Человека истинного – Необъективированного.

Необъективированный Человек на стадии истории претерпел ряд ступеней опредмечивания [отчуждения]. Приходит время возвращения его в необъективированный статус. Деобъективизация Человека неизбежна и закономерна, субъект умрёт (но, в качестве полезного гносеологического «устройства», ещё долго будет оставаться при деле).

Субъект ведёт свою родословную, как я уже отмечал, от эгополярности и возникает как следствие «разрыва» триполярного Одного на «я», «ты», «они». Полярности «сказали» одна одной: «я» – это не «ты». Понимание самости стало ложным. «То, что мы считаем «собой» и ощущаем столь явно существующим и реальным, в действительности, есть интериоризованный образ, сложное представление, созданное избирательным и воображаемым «вспоминанием» прошлых столкновений с объективным миром» (Энглер Д. А. Становление кем-то и никем: психоанализ и буддизм // Пути за пределы «эго». – М. – 1996. – С. 138).

Проблема субъекта и субъективности находится в центре всего пространства гуманитарных исследований (см. Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. – СПб. – 2007. – 736 с.). Если у Декарта «субъективность равнозначна самосознанию и воспринимается через мышленческую деятельность», то у Канта «субъект наделён творческой активностью – познаёт и действует, осуществляет изменения в объективированном мире». У Маркса «индивидуальный субъект зависим от коллективного субъекта, подчинён обществу как высшей сущности». Экзистенциалист Эдмунд Гуссерль признал, что структура, нормативы и критерии, применяемые в объективационистическом познавательном процессе, коренятся в особенностях трансцендентального «Я». Человек у Гуссерля не приобретает необъективированного содержания, а остаётся объектом – «человеком»-дискретным индиви-

дом. В таком «человеке»-фигурии отыскать трансцендентальное («чистое») «эго» (что пытался сделать Гуссерль в своей эгологии) – дело напрасное.

Находясь в сетях объективации, философы последекартовских времён развернули бесконечные дискуссии относительно понимания субъекта и интерпретации декартового «Ego cogito, ergo sum», хотя, на самом деле, не Декарт разорвал связь индивида со всебытием и породил рационального субъекта. Своим становлением субъектовая конструкция бытия обязана и христианству, и cogito Аристотеля и Платина..., и онтологической объективации (в контексте порождения Субстанцией вещественной телесности Человека), и многому, многому другому. Правда, заслуга Декарта в становлении образа «человека» как субъекта неоспоримо весомая. Декартовое «cogito» сыграло роль метафизического основания для новоевропейской антропологии. Это хорошо подметил М. Хайдеггер, констатируя: «Вся метафизика Нового времени, включая Ницше, держится внутри намеченного Декартом истолкования сущего и истины»; «С истолкованием человека как субъекта Декарт создает метафизическую предпосылку для будущей антропологии всех видов и направлений»; «Через Декарта и после Декарта «субъектом» становится в метафизике преимущественно человек, человеческое «я» (Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М. – 1993. – С. 48, 54, 118).

Мне представляется, что новоевропейская философия, осуществив переход от неформализованной рациональности к формализованному рационализму, полностью запуталась в проблематике субъективности и субъекта. Некоторые постструктуралисты вообще заговорили об отсутствии в глубине субъективности любого «я» (Делёз Ж. Критика и клиника. – СПб. – 2002. – С. 162). Децентрализация и деперсонафикация субъекта дали повод говорить о нём как о переменном, скользящем феномене, как о субъекте-«шизофренике». А среди представителей философии постмодернизма (Жорж Батай [1897-1962], Фредрик Джеймисон [род. 1934], Жак Деррида [1930-2004], Жан-Франсуа Лиотар [1924-1998], Мишель Фуко и др.) распространились заявления о «смерти субъекта». В этом духе и заявление Ролана Барта [1915-1980] о «смерти автора», постмодернистские теории «смерти гуманитарно-

сти», структуралистский девиз о «смерти человека» (правда, спустя некоторое время, структуралисты отказались от этого девиза).

Смерть субъекта задекларирована и буддизмом. Высшим смыслом жизни «человека», согласно буддизма, является стремление стать просветлённым. Это означает достичь «Я» нирваны, вернуться к целостности, сделаться абсолютным единством (преодолев дискретность), освободиться от индивидуального призрачного «я» (то есть, от лживого субъекта сансары, сконструированной из скандх, которые в буддизме махаяны знаменуют временные чувственные нити, привязывающие «человека» к вещественному бытию, к прагматичным светским установкам и ценностям).

Судьба субъекта – это судьба истории, судьба государства. История объективированного человечества возвращается к своему Началу, испытывая конец. Здесь я говорю о приближении «конца» истории как об устранении объективированной осознанности Человеком своей сущности. «С философской точки зрения, – отмечал Н. Бердяев, – конец мира и истории – это, прежде всего, преодоление объективации, т. е. преодоление мира отчуждённости, необходимости, безличности, вражды» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 355).

Историческую судьбу «сознания-субъективности» рассмотрел в своих книгах «Преодоление диалектики» и «Праязык и символ» Владимир Васильевич Гринив [род. 1964]. «Сознание» в своей онтологической жизни, считает Гринив, подпадает под «закон самоотрицания самосознания (движения ума по кругу)». На уровне определённой исторической эпохи оно, став осознанным (разумным), возвращается в лоно первоначально внеосознанного Единого. Этот процесс затрагивает начальные и конечные принципы существования индивидуальности-субъекта. Иными словами, возвращение «осознанного сознания» в лоно Единого фактически означает «конец» объективированного «человека» и переход (возвращение) его в статус Необъективированного. И хотя Гриниву незнакома дефиниция «Необъективированный Человек», но в его парадигме «самоотрицания самосознания» содержится исторический приговор *объективированному «человеку»* (дискретному индивиду) в виде неизбежного движения к самоотрицанию: «Историческое исследование мысли посредством парадигмы самоотрицающего самосознания со всей очевидностью свидетельствует о ничтожности конечной цели всех помыслов и устремлений человека» (Гринив В. В.

Преодоление диалектики. – К. – 1996. – С. 9). В работе «Праязык и символ» конечные принципы существования индивидуальности-субъекта Гринив подкрепляет прогнозом будущей деградации языка, поскольку язык и сознание неотличимы. Путь жизни объективированного «человека», согласно Гриниву, выглядит следующим образом: становление как отъединение от Единого, самоутверждение и дальнейшее неизбежное самоотрицание (возврат к Единому). Объективированное «сознание» сворачивается, а вместе с ним сворачивается и его инструментарий – речь.

Но не стоит спешить хоронить гносеологического субъекта (вспомним эпистемологию без познающего субъекта К. Поппера). На субъекте держится объективированный человеческий мир с прагматической культурой. Разве не субъект-объектный модус осознанности себя Человеком сыграл решающую роль в получении знаний о *Механическом Шестви́и бытия*?! Средствами объективации («математическим числом», «атомом», «словом» и др.) субъект обеспечил триумф исторической цивилизации.

Европейская философия провалила решение проблемы Человека. Декартовый и декартовый дискретный «человек»-индивид – фикция. Принцип – «мыслит субъект, а всё остальное есть объектом его мышления» – изношенный и не подлежит ремонту.

Возведённый философами в ранг главы мира объектов индивид-субъект сворачивается шизофреническим процессом (об этом ниже). Однако десубъективация через «безумие» не порождает логической осознанности Человеком своей сущности. Для этой цели нужна внеобъективационистическая логика с языковым фактором. Такой Логикой явилось внесубъектовое вербальное Откровение (*Тригнозис*) – познание из Человека и через Человека на основе тройственности его телесности.

Концептуально зачаточные контуры Тригнозиса содержатся в индуизме (возник в 1-ом тыс. н. э.). Присмотримся к Тримурти («три образа царствования» Брахмана). Брахман – абсолютная первосубстанция, вездесущая троичная трансцендентальная действительность, составляющая основу вещества, основу Вселенной. Она является высшей и совершенной реальностью, творящей себя и мир. Атман – душа Брахмана, абсолютный выразитель психических состояний, единое для всех существ вечное «Я» (душа в индивидуальном и в универсальном

значении), высшая самость. Атман и Брахман находятся в трансцендентальном тождестве. Тримурти выражает троичную природу, троичное отражение бесконечного единства универсального духа и материи (Атмана-Брахмана). Аспекты Тримурти – Брами, Вишну и Шива – мыслятся в онтологическом и функциональном единстве. Они – триликое Одно, отличительное в тождественности. Все трое содержат в себе каждого из них. Субстанционально Брами, Вишну и Шива являются божеством целостным и бесполом, которое создаёт своё инобытие – триполярный мир (то есть, вещественный мир, наделённый полом). Условно Брами – гермафродит, Вишну – мужчина, Шива предстаёт через энергетическое проявление в виде универсального женского начала – шакти (в шиваизме, согласно представлениям о манифестации, Шива может быть в любом из троих проявлений – мужском, женском или гермафродитном; в любом из этих троих проявлений могут быть также Брами и Вишну). Характеризуя Брамю, Орест Маркович Новицкий [1806-1884] отмечает, что «он в себе самом содержит и вечно из самого себя расходует то, из чего состоит основа всякого иного бытия. Внутренней его силой является то, что чувственно проявляется как мужское, андрогинное и женское, а нечувственно содержит в своей природе три гуны, которые как основа всего многообразия бытия повсюду отражаются в мире идеальном и реальном» (Новицкий О. М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. – К. – 1860. – Ч. 1. – С. 157-160). Высокий смысл Тримурти заключается в том, что это божество «откровенничает» (самораскрывается) через Тригнозисную троичность своих деяний, а не через троичность арифметическую.

Будущая десубъективизация знаний, накопленных наукой и другими источниками, произойдёт на основе Тригнозисной троичности. Учение о трёх силах составляет основу всех древних мировоззренческих систем, но, к сожалению, часто необъективированная троичность ошибочно отождествлялась с троичностью арифметической (объективированной), а кое-кто из знаменитостей даже насмехался над онтологической троичностью, считал её выдумкой. Так, Иоганн Гете писал (мой перевод с немецкого языка на русский):

«Дружок, печалиться есть повод –
Марает разум нам пятно:

Всех дураками славит слово –
«Одно есть Три и Три – Одно».

Онтологический смысл тринитарности не сводится к дискретной троичности, ко всяческим арифметическим триадам. Упрекну в этом отношении гениального Павла Александровича Флоренского [1882-1937]. Указывая, что «уклоняясь от Троицы – этого единого основания для обоснования всякой феноменальной реальности, мы загоняем себя в тупик, приходим к «разрыву» своей сущности» П. Флоренский (Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. – М. – 1914. – С. 596-598), всё же не переступил заслон объективации, не увидел в христианской Троице субстанциональной телесности Необъективированного Человека. Отмечая несостоятельность разума соединить в одном образе антиномию единства и Троичности, Флоренский ошибочно полагал, что выход через разум к Триединству требует «выхода из себя в надиндивидуальную сущность, перевоплощения в Триипостасность, отречения от самого себя, от своей индивидуальности, а стать Триипостасностью человеку не дано». Этот мыслитель застрял в трясине объективации, рассматривая сущность Человека в образе «человека»-дискретного индивида. Ведь Человеку «выходить из себя в надиндивидуальную сущность и перевоплощаться в Триипостасность» нет надобности. Необъективированный Человек сам по себе является триполярным и триипостасным надиндивидуальным Единым. Другим он и быть не может. И создал Человека не триипостасный Бог (Святая Троица), не Абсолютная Идея, развиваясь по принципу так называемой «диалектической триады», не индуистский троичный Абсолют (Брахман-Атман), а Человека создал сам Человек.

Философы-субъектоцентристы не осознают онтологической целостности триполярной телесности Человека. Они её «разрывают» на отдельные дискретные единицы. Кажется, один лишь Николай Бердяев осознал абсолютное значение пола для познания сущности Человека как сверхиндивидуальной реальности. С разгадкой тайны пола он связывал приход новых знаний, нового Откровения, приход особой логики познания Человеком своей сущности. Бердяев говорил о необходимости скорейшего решения проблемы пола, «иначе человечеству не выпутаться из паутины лицемерной жизни».

4. Шизофрения как закономерность

В психиатрии психически нормальным «человеком» признан телесно несуществующий онтологически дискретный индивид.

Петро Харченко

Открытием Необъективированного Человека развенчивается тезис Канта о «непознаваемости вещи в себе». Стало реальным объяснение многих явлений психологического и психиатрического характера. Теперь важно осознать, что вся традиционная психология касается «человека»-фикции – онтологически несуществующего дискретного индивида, или, иными словами, объективированного «человека», из-за чего психологам не удаётся правильно объяснить сущность многих феноменов, среди которых – «подсознание»; «коллективное бессознательное»; «трансперсональное переживание, связанное с чувством единства с другими индивидами, Вселенной и Богом», «эдиповый комплекс» (чувство враждебности, смешанное с любовью к родителям). Из-за незнания Необъективированного Человека ошибочно интерпретируется юнгианская проблема «внутреннего персонажа» (когда в снах мужчины этот персонаж олицетворяется образом «женщины внутри» [«Анимы»], а в снах женщины – образом «внутреннего мужчины» [«Анимуса»]). Особенно провально выглядит проблема шизофрении.

О шизофрении говорят как «об одном из самых загадочных и страшных заболеваний нашего века». Но реально заболевания под вывеской «шизофрения» не существует. Вызывает лишь сожаление тот факт, что вся современная теоретическая медицина организмоцентрическая и базируется на объективированном «человеке».

Психика как феномен не является приобретением объективированного человека в образе дискретного индивида. ***Сам такой «человек» является проявлением одного из модусов психики-самоосознанности Необъективированного Человека.*** К проявлениям самоосознанности Человека можно отнести не только субъект-объектное мировосприятие, но и телепатию, сновидение, шаманское состояние, сомнамбулизм, шизофренический процесс.

Не зная истинной сути Человека как необъективированной реальности, классические и современные психиатры раздробили целост-

ностную психику Человека на кучу отдельных «нормальных» и «патологических» проявлений, исходя из объективационистского модуса мировосприятия. В число «патологических» проявлений попал шизофренический процесс – один из фундаментальных процессов в структуре целостной психики Необъективированного Человека (и это несмотря на то, что все характерные для шизофрении «симптомы» раскиданы и по другим психическим состояниям Человека). Нет ни одного «симптома», свойственного только шизофрении. «Каждый из нас, нормальных людей, немного шизофреник», – констатировал в 1914 году выдающийся психиатр Пётр Борисович Ганнушкин [1875-1933]. И это правда, если рассматривать психику Человека в плоскости закономерного существования процессов объективации и субъективации, деобъективации и десубъективации.

К выяснению природы шизофрении причастны Эйген Блейлер [1857-1939], Вильгельм Гризенгер [1817-1868], Пьер Жане [1859-1947], Антон Кемпински [1918-1972], Карл Людвиг Кальбаум [1828-1899], Эмиль Крепелин [1856-1926], Рональд Давид Лэйнг [1927-1989], Карл Ясперс и другие знаменитости.

Когда Э. Блейлер спрашивал, является ли шизофрения заболеванием или это способ психического бытия, – он не имел представления о необъективированной сущности Человека, не знал, что Человеку естественно присущи процессы субъективации и десубъективации. Не осознавая нереальности человека в статусе дискретного индивида, Блейлер в 1911 году назвал индивидов, задействованных в процессе десубъективации, «шизофрениками». Он не догадался, что возвращение Человека в необъективированное состояние путём сбрасывания с себя лжедуши – субъекта (фиктивного «эго») носит закономерный характер.

Более просветлёнными оказались представители антипсихиатрического направления в психиатрии (Грегори Бейтсон [1904-1980], Дэвид Грэхем Купер [1931-1986], Рональд Лэйнг, Томас Стивен Сас [1920-2012] и др.). В частности, Рональд Лэйнг писал: «Настоящее душевное здоровье так или иначе влечет за собой исчезновение нормального «эго» (надо полагать субъекта – *прим. П. Х.*), этой фальшивой самости, успешно приспособленной к нашей отчужденной социальной реальности: возникновение «внутренних» архетипических посредников божественной силы, и через смерть «эго», его новое рождение с уста-

новлением нового вида функционирования, когда «эго» становится слугой Божества, а не его предателем» (Лэйнг Р. Д. Трансцендентный опыт и его отношение к религии и психозам // *Духовный кризис*. – М. – 2000. – С. 86); «Неужели мы не видим, что *это путешествие* (шизофренический процесс – *прим. П. Х.*) является не тем, от чего нам нужно излечиться, а естественным способом лечения нашего отвратительного состояния отчуждения, называемого нормальностью?» (Лэйнг Р. Д. Расколотое «я». – СПб. – 1995. – С. 319, 333). Лэйнг подчеркивает, что «шизофрения – это естественная реакция на безумие мира».

Действительно, пришло время пересмотреть концептуальный каркас знаний психиатрии и психологии. Предметом исследования этих наук является, как я уже сказал, онтологически несуществующий объективированный «человек» – дискретный индивид. Под такого «человека» и подведено понимание «нормы» в психиатрии. Кто находится в тисках объективации и субъективации, признан «нормальным человеком», а тот, кто движется к необъективированному состоянию, то есть пребывает в процессе деобъективации и десубъективации, отнесён к когорте психически «больных».

Вполне справедливое мнение: «Время от времени следует освещать психиатрическую тематику, вносить коррекции и даже ломать устаревшие взгляды, схемы и устаревшие способы интерпретации психопатологических явлений» (Бжезицкий Е. Предисловие. – В кн.: Кемпинский А. Психология шизофрении. – СПб. – 1998. – С. 5).

Называя шизофрению «безумием», древние эскулапы при этом отмечали: «Помешательство – это некоторая существенная ступень в развитии души, и не каждая душа проходит это состояние величайшей внешней разорванности». Возможно, размышляя так, древние врачи догадывались о единстве процессов объективации и деобъективации, субъективации и десубъективации.

Сравним основной критерий «нормальности» объективированного «человека» и осевой психический критерий «нормальности» Необъективированного Человека. Этим критерием для «нормального» объективированного «человека» является наличие чувства дискретности своего «Я» (наличие субъекта), а также привязанности к объективированной (дискретной) реальности, то есть к миру вещей. Что же касается Необъективированного Человека, то его главным критерием «нормальности» является отсутствие чувства дискретности «я» и наличие

чувства всекосмического единства (вещественная телесность Необъективированного Человека охватывает всю Вселенную).

А теперь назову осевые «симптомы» «болезненности» шизофреника. Согласно Блейлеру, ими являются: аутизм и расстройство субъекта (все остальные «симптомы» являются следственными, обусловленными осевыми). Аутизм и расстройство субъекта засвечиваются в таких крайних проявлениях: стирается грань между внутренним и внешним миром; исчезает субъект; приобретается телепатическая зависимость шизофреника от других полярных «я»; собственное «я» шизофреника «кто-то» подчиняет себе; появляется ощущение принадлежности собственного мнения этому «кому-то»; наличие чувства нереальности, существующих до «болезни», норм объективированного мира. Принцип Рене Декарта «Ego cogito, ergo sum» («Я мыслю, значит, существую») у шизофреника не срабатывает, а вместо него действует принцип – мыслю не я, потому что не существую как субъект (что свидетельствует о выходе психики шизофреника из объективированного состояния). Мировоззрение шизофреника лишается иллюзии «внешности», «дискретности» и прочих «шалостей» объективации. Шизофрения разрушает объективированное состояние психики, она – тот способ существования, при котором исчезает рефлексия и через так называемые «шизофренические симптомы регрессии» объективированный человек движется обратно к необъективированному модусу самоосознанности.

Традиционная психология не допускает расширение границ телесности Человека за индивидуальные рамки. Иную точку зрения, хотя и с позиции идеализма, занимает трансперсональное направление в психологии. Как пишет С. Гроф, «в каждом человеке непонятным пока ещё образом содержится информация обо всём мире или обо всей жизни, человек потенциально способен контактировать с каждой из частей этого многообразия бытия и представляет собой в каком-то смысле целостную космическую структуру» (Гроф С. Принципы холотропной терапии. – В кн.: Гроф С., Уилбер К., Веховски А., Тарт Ч. Практика холотропного дыхания. – М. – 2000. – С. 67). При трансперсональных состояниях осознанности бытия объективированный индивид переживает тождество себя с другими индивидами (с их эмоциональными реакциями, психологическими характеристиками, выражениями лица, манерами, жестами, позами, интонациями голоса, знанием языка и т.п.), с животными и растениями (включительно с вымершими мил-

лионы лет назад), галактиками, солнечными системами, отдельными звёздами, он может слышать разговоры из дальних уголков планеты, видеть обратную сторону Луны и т. п. Словом, психика в трансперсональном состоянии сопоставима со всем бытием. Для традиционного психиатра такая психика – проявление шизофрении, а не нормальности.

Пришло время спросить: а кто же тот «кто-то», который мыслит за шизофреника и чьё тело шизофреник чувствует в себе? За этим «кто-то» стоит Необъективированный Человек с его эгосистемой ТриЭ(э)го, в которую континуально входит и полярное «эго» шизофреника. И поскольку индивидуальное тело шизофреника интегрировано в триполярную телесность Необъективированного Человека, то его рефлексия – не «продукт мозга», а психическая функциональность Всебытия на основе триплета ТриЭ(э)го. Мозг выполняет лишь роль технического трансляционного аппарата в этой функциональности. Объективированный мир шизофреником переживается как нереальный, а собственное тело не чувствуется им средоточением своей индивидуальности. Дискретность индивидуальных границ телесности для шизофреника представляется фикцией. Исчезает и субъект как идеализированный дискретный образ себя с фиксированными и стойкими символами, выборочно отфильтрованными из культурных, социальных, языковых и других приобретений. Настоящим телом для шизофреника становится «грандиозное тело», равное всей Вселенной, то есть вся вещественная телесность Необъективированного Человека. При этом «грандиозное тело» не кажется шизофренику проявлением бреда, а открытием истины. Кстати, специфически эта истина выражена в мифологических и религиозных традициях антропоморфизации мира, в которых тело космического первосущества – Человека провозглашено Вселенной. На начальных стадиях объективации люди ещё чувствовали себя «богами» и были наделены чувством всекосмичности и всемогущества, поскольку ещё не существовало грани между «я» и окружающей средой, не было ещё той «мощности» субъекта, каковой он обладает в современной стадии зрелости.

При деобъективации разрушается чувственный барьер между так называемым «внутренним» и «внешним». У шизофреника появляется чувство всекосмичности и всемогущества («комплекс Господа Бога»). Внешний мир для него исчезает в том смысле, что становится необъективированным. Шизофреник сливается с ним, становится макрокосмо-

сом и в этом отношении перестаёт быть объективированным, то есть выздоравливает от «болезни», имя которой «иллюзорное объективированное состояние». На этом магистральном направлении шизофренического процесса и проявляется глубинная суть аутизма. Антон Кемпински прав, когда пишет: «Возможно, что в человеке прячется глубоко скрытая тяга (влечение) к разрушению барьера, отделяющего его от внешнего мира, к «растворению во вселенной» (Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М. – СПб. – 1998. – С. 146). Кемпински, правда, не знал, что объективация и деобъективация, субъективация и десубъективация – неразрывные процессы, обеспечивающие психическую жизнь целостного (Необъективированного) Человека. Надо знать, что **объективированный человек выражает функциональный модус психического состояния Необъективированного Человека.**

Необъективированной реальностью предстаёт мир и для ребенка в раннем возрасте (существует изречение: «все младенцы – шизофреники»). Для ребёнка не существует границы между «я» и окружающим миром, всё слито в единый космос, здесь процесс объективации сведён к минимуму. В дальнейшем объективация рождает чувство дискретности и собственного различия, ведет к возникновению границы между субъектом и объектом. В этих проявлениях и замыкается вся дальнейшая психическая жизнь «нормального» (объективированного) «человека»-индивида. Вот как об этом пишет знаменитый польский психиатр и философ Антон Кемпински: «Уже в раннем детстве очерчиваются обе границы и по мере развития становятся все глубже: граница между миром внутренним и миром внешним, субъектом и объектом, и граница между миром фантазии, мечтаний, влечений, снов и всем тем, что клубится в подсознании, – и миром реальности, общим для всех людей. С самого раннего периода жизни внутренний мир – нередко путём болезненных столкновений – приспособливается к внешнему миру; между ними создаётся своеобразное равновесие, а все нарушающие тенденции вытесняются в подсознание. Таким образом, внешний мир становится синонимом мира реального» (Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М. – СПб. – 1998. – С. 144-145).

Аутизм и деобъективация – неразделимы. Шизофреники теряют ощущение реальности окружающего внешнего мира (дереализация) включительно с ощущением реальности собственного тела (деперсонализация). Разрыв с объективированной реальностью, отчуждение от

механически дискретного собственного тела рожают у шизофреника страх «конца света». Гениально сказал Н. Бердяев: «Конец мира будет концом для мира объектного». Вот как описывает шизофренический мир А. Кемпински: «Утрачивается власть над собственными психическими актами и экспрессией, двигательной и словесной. Видимо, вследствие этого, они перестают быть собственными мыслями, чувствами, движениями и словами. Возникает убеждение, что они навязаны извне, что субъектом управляют таинственные силы, так, например, рука вдруг выполняет движение, которого больной и не думал выполнять, рот произносит слова, которых человек не намеревался говорить, чувствуется ненависть к человеку, который ранее был любим, зарождаются мысли, которые самому больному никогда бы и не выдумать. Разбивается также структура внешнего мира. Исчезает созданный в течение жизни пространственно-временной порядок, благодаря которому одни вещи ближе, другие дальше: прошлое смешивается с настоящим и будущим, близкое – с далёким. В отношении к людям стирается иерархия дистанций, которая в языке выражается структурой личного местоимения: Я, ТЫ, ОН, МЫ, ВЫ, ОНИ – упрощается до Я – ОНИ. Они смотрят, корчат странные мины, шепчут на разных языках. Вследствие прорыва границы они проникают вовнутрь больного, сообщают ему мысль, управляют волей. С другой стороны, однако, исчезает граница предметов, предметы видятся внутри, постигается их сущность, в них можно проникать, ими можно управлять, это возбуждает чувство божественного всеведения и всемогущества» (Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М. – СПб. – 1998. – С. 155-156).

Рассмотрим ещё один осевой критерий шизофренического процесса, о котором говорят как о «расщеплении», «распаде» личности. По отношению к этому критерию психиатры допускают фундаментальную ошибку. Они понимают «расщепление» как «дробление одного разума», как стабильный распад некой «целостной психики» эго-субъекта шизофреника на множество отдельных (автономных) личностей (субъектов) и иных образований (на каких-то неведомых существ или только их «голосов»). В действительности же, за «расщеплением» стоит феномен «оживания» объективированной информации, содержащейся в эгополярностях архетипа Триэго Необъективированного Человека, вещественная телесность которого, как я уже отмечал, распространяется на все биологические виды и структуры Космоса. Триэго Необъекти-

вированного Человека содержит в себе весь исторический и современный эгофонд Человечества, все его полярные «эго». Словом, имеет место не «распад» («расщепление») субъекта шизофреника, а проявление функционирования скрытых (в «подсознании») конкретных «эго» с их объективированной информационной начинкой. Никаких «галлюцинаций» в их традиционном психиатрическом понимании нет.

Надо сказать, что коллизия «я-Я» лежит в основе большинства так называемых «психических заболеваний». Триэго укомплектовано «полярностями прошлого», наполненными приобретённой информацией. В свое время К.-Г. Юнг говорил, что «шизофрения причастна к переполненности индивидного «эго» содержанием коллективного бессознательного, в котором содержится каждая мысль, каждая эмоция, каждая частица информации, которые человечество когда-либо переживало или продуцировало». Каждый индивид, писал он, подключен к «коллективному бессознательному», черпая оттуда и добавляя в него от себя. Как раз Триэго и удерживает в себе эту объективированную информацию (трансцендентализированная объективированная информация в статусе «бессознательного» отчётливо засвечивается при трансперсональных переживаниях).

Шизофреник теряет чувство собственной отдельности, ему кажется, что он стал другим человеком или одновременно многими людьми, или вообще не человеком, а животным (ощущение шизофреником себя животным становится понятным в контексте дифференциации вещественной телесности Необъективированного Человека на биологические виды).

В каждом из нас пребывает весь эгофонд Необъективированного Человека. При деобъективации и десубъективации индивид может чувствовать в себе наличие всего этого эгофонда. Послушаем А. Кемпински: «Шизофреник с лёгкостью проникает в чужие мысли, прочитывает, что делается внутри. Ding an sich (вещь в себе) для него не существует, он управляет чужой волей, явлениями природы, политическими событиями, судьбами человечества и даже всей Вселенной, получая всемогущество бога. Он сам, однако, управляем таинственными силами, враги прочитывают его мысли, выдают противоречащие его мыслям приказы; он становится безвольным автоматом, в него вселяются чуждые существа: бог, дьявол, герои, преступники, звери, чудища, он не является уже больше сам собой. То он наверху, то внизу,

всемогущий субъект и безвольный объект» (Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М. – СПб. – 1998. – С. 153). Рональд Лэйнг рассказал о своей пациентке Джулии, которая утверждала, что она не является никаким отдельным «я»: «Я – это тысячи. Я разделяюсь на всех вас. Я не являюсь никаким отдельным именем (человеком)» (Лэйнг Р. У. Разделённое «я». – К. – 1995. – С. 310). Напомню, шизофреник Ф. Ницше часто персонифицировал себя с разными историческими личностями. «Моё я, – говорил он, – в основе каждого имени истории».

А вот притча из Библии: «И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, *одержимый* нечистым духом; Он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями; Потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; Всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни. Увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему, И, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо *Иисус* сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много. И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той. Паслось же там при горе большое стадо свиней. И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море. Пасущие же свиней побежали и рассказали в городе и в деревнях. И *жители* вышли посмотреть, что случилось. Приходят к Иисусу и видят, что бесновавшийся, в котором был легион, сидит и одет, и в здравом уме; и устремились» (Мар. 5:2-15).

В специальной литературе встречается информация о том, что «человек»-индивид может в течение жизни проявляться в качестве многих различных «эго». Это явление психиатры называли «множественным личностным расстройством» (МЛР). Личности при МЛР могут быть разных возрастов, полов, национальностей, то есть каждая личность уникальная, не похожа на других (что проявляется в особых жестах, почерке, речи, выражении лица и т. п.). О МЛР писали: Парацельс [1493-1546], Эберхард Гмелин [1751-1809], Пьер Жане, Мортон Генри Принс [1854-1929], Корбетт Тигпен [1919-1999], Харви Клекли [1903-1984] и др. (кстати, существует Международное общество иссле-

дователей Множественной личности и диссоциации). Эберхард Гмелин описал случай с одной немкой. У неё проявилась вторая личность, которая разговаривала на французском языке (которого никогда не изучала, будучи немкой) и утверждала, что она французская аристократка.

Наличие феномена МЛР объясняется эгоархетипом ТриЭ(э)го Необъективированного Человека. Психика индивида не ограничивается единственным («паспортным») «эго». В каждом из нас пребывает множество различных личностей, неведомых существ и другого различного населения. Иногда кто-то из них становится оператором нашей жизни в объективированном мире, как это часто бывает у шизофреника, который осознаёт, что в нём живут дополнительные субъекты, голоса которых он слышит, чувствует их прикосновение. Эти субъекты могут контролировать его мысли и действия, управлять его поведением. Они становятся зримыми в галлюцинациях (или в сновидениях «нормальных» индивидов). Все, когда-либо возникшие индивидные «эго», выражают разветвлённость единого Триэго. Повторяю ещё раз: в каждом из нас живёт неисчислимое количество индивидных «эго» людей всех народов всех времён, то есть присутствуют эгополярности всей истории Человечества. При «множественном личностном расстройстве» (МЛР), сновидениях, трансперсональных переживаниях, шизофрении эти индивидные «эго» «оживают», перевоплощаются, разговаривают на разных языках. Ведя разговор с детьми, родителями, женой, сослуживцами..., мы разговариваем с собой, за этим стоит собственный монолог. Это разговаривают эгополярности Триэго истинного (*Необъективированного*) Человека.

Триэго своим пространственно-временным разветвлением эгополярностей поставило в тупик представителей объективационистической психиатрии, застопоренных на объективированном «человеке»-индивиде. Рассуждая о так называемом «множественном человеке», они совершенно не знают сути этого явления.

Вопрос о «меняющейся личности» в Тригнозисной эгологии – это вопрос существующего разнообразия полярных «эго» Триэго. Онтология Триэго объясняет – «кем есть дополнительные личности, которые поселяются в теле шизофреника»; чьи голоса звучат при слуховых галлюцинациях; откуда у шизофреника чувство всемогущества («комплекс Господа Бога») и др.

Теперь, имея Тригнозисное знание о Необъективированном Человеке, Человечество сможет в будущем *управлять эгосистемой*, научиться делать то, что совершал Христос, который «изгонял бесов», и люди удивлялись этому, спрашивая друг друга: «...что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?» (Мар. 1:27). Словом, можно говорить о возможности разработки реальной технологии замены неугодного «эго» индивида другим «эго», очищать эгофонд Человечества от скверны.

Тригнозис раскрыл природу шизофрении как функционирования психики по вектору деобъективации. В своих существенных проявлениях она (как и сновидение) связана с «оживанием» эгополярностей Триэго, наполненных объективированной информацией. Каждый из нас в той или иной степени – шизофреник и будущее человечества – за осознанной шизофренией.

Триэго – важнейший информационно-осознающий механизм Человека. В Триэго аккумулируется вся информация. Индивидуальные «эго-архетипы» Человека «оживают» при определённых условиях. В «грандиозном» Три(Э)эго «слились» все человеческие «эго», через которые осуществляется кодирование, функционирование и трансформация информации (переход «сознательного» в «бессознательное» и наоборот; переход вещественного в субстанциональное и наоборот).

Шизофрения избавляет Человека от субъекта и «симптомов» объективации. Как могильщик субъекта, она одновременно и могильщик «истории» и объективированного мира («порабощающей объектности»). Шизофренический процесс передаёт свёрнутую в эгоархетипах информацию от Триэго к ТриЭго, которое использует её в творении и «просвещении» вещественной телесности Человека. Находящийся в вечном становлении эготриплет ТриЭ(э)го – основа всех модусов психики Человека.

Среди побочных «симптомов» шизофрении, вызванных осевыми, назову неподчинение мышления шизофреника законам бинарной логики. Бинарная логика составляет фундамент гносеологической объективации. Неподчинение законам бинарной логики является сопротивлением шизофреника дезинформационности языка, оппозиции – «субъект/объект». В таком ракурсе шизофрению можно рассматривать как выражение конфликта между бинарным информационным модулем опыта (при котором объективированный «человек» осознает

себя дискретным индивидом «мужского или женского пола») и модулем онтологическим (при котором дихотомии нет). «Все формы двойственности через невежество придуманы самым непросветлённым разумом, а Истинный разум, когда его спрашивают о тождестве, должен сказать – «не два» (Сэн-цань [ум. 606]). Шизофреники не воспринимают бинарной фальши: «Шизофреническое мышление – это в определенной степени «протест», срыв бинаризма» (Уваров С. М. Бинарный архетип. – СПб. – 1996. – 214 с.). Когда на шизофреника указывают, что он сошёл с ума, стал «сумасшедшим», это надо понимать, что он избавился от объективационистического ума, ума внешней рефлексии.

Призываю Человечество воздвигнуть в Киеве монумент в честь шизофреников, как дань и покаяние перед ними, которых субъект подвергал пыткам, помещал в тюрьмы-изоляторы, выгонял из городов, уничтожал. Почтим их за то, что, страдая, они несут «бремя, возложенное на них Богом», и своей формой восприятия мира удостоверяют глубинную связь «безумия» с разгадкой природы Человека.

5. ЛГБТ-Человечество

Дискриминация людей нетрадиционной сексуальной ориентации исходит из глубоко ошибочной дискретно-бинарной концепции пола, на основе которой взросло объективированное представление о сущности Человека. Гомофобия будет существовать до тех пор, пока не победит Истина о Необъективированном Человеке.

Петро Харченко

История объективированного познания бытия сопряжена с историей великого заблуждения в понимании сущности пола. Проблема пола одурманила разум философов на целые тысячелетия. Какова метафизика пола? – этот вопрос богословами возведён в непреодолимую разумом тайну: «Метафизическое единение мужчины и женщины есть таинство, поскольку оно превышает категории нашего разума и может быть объяснено лишь сопоставлением этого таинства с таинством Пресвятой Троицы...» (см.: Троицкий С. «Христианская философия брака»). «Тайна пола великая есть», – провозглашает апостол Павел.

Пол особенно интриговал Н. Бердяева: «Метафизика пола имеет непосредственную связь с проблемой конца. Во времена конца что-то изменится в жизни пола, после погружения этой стороны жизни в

ужасную тьму и разложение должно наступить просветление» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 357). С преодолением «разрыва пола» Н. Бердяев связывал наступление «конца объективированного мира».

«Времена конца» пришли. Просветление наступило. Открытие Необъективированного Человека преодолело «разорванность пола». Вера Н. Бердяева в приход «нового человека, нового космоса» сбылась. «Лучше было бы человеку, если бы он осознал, что предстоит еще открытие неведомого, откровение не только Святого Духа, но и нового человека и нового космоса» (там же, с. 356); «...Грянет небывалый свет, будет явление нового человека, нового общества, нового космоса. Это будет завершение мистической диалектики Троичности» (Н. Бердяев, там же, с. 353). Тригнозис есть тем «святым духом», который открыл Необъективированного Человека.

Надо сказать, что тайна пола издавна склоняла многих философов к мысли о существовании «сверхиндивидуального бытия человека». Теперь, с открытием необъективированной телесности Человека и его Души – ТриЭ(э)го, Человечество покидает объективированный индивидуальный статус и переходит в надиндивидуальный – Необъективированный, в статус ЧеловекоТроичности.

Необъективированный образ Человека навсегда хоронит миф о «разрыве андрогина». Попытки в прошлом раскрыть метафизику андрогина опирались на бинарную концепцию пола. Считалось, будто бы андрогин выражает первородный «неразорванный» дуализм, который обусловил, вследствие своего «разрыва», появление мужчины и женщины. Так понимали возникновение мужчины и женщины платоники и пифагорейцы. Пифагор говорил: «Человек – это не отдельно взятый мужчина и не отдельно взятая женщина, а это оба пола, слитые в андрогинном существовании». Но сам андрогин воспринимался Пифагором объективированной (дискретной) реальностью.

Теме андрогинизма уделили своё внимание Франц Баадер, Якоб Бёме, Николай Бердяев, Дмитрий Мережковский, Василий Розанов, Владимир Соловьёв, Иоанн Эриугена, Юлиус Эвола и многие другие мыслители. Если говорить об эволюционном аспекте «человека»-индивида, то во многих писаниях повествуется о происхождении мужчины и женщины от гермафродита (Пураны, Зендавеста, Каббала, Ману и др.).

Дискретно-бинарная концепция пола весьма препятствовала раскрытию сущности Человека, поскольку пол онтологически корреспондируется с триипостасностью Святой Троицы и, стало быть, с некорректно поставленной коллизией духа – коллизией Единого и Множественного, Тригнозисное решение которой засветило существование троичной природы единого Всебытия – Необъективированного Человека.

Реально никакого «разрыва» пола нет, его онтологической дискретной дволикости никогда не было Пол выражает неразрывную триполярность вещественной телесности Человека. Истинный (Необъективированный) Человек на вещественном уровне своей телесности – триполярное Одно. Оно выражает сущность пола. Андрогин является одной из трёх равноправных, единосущных, нераздельных и неслиянных полярностей Одного.

Думаю, теперь понятно, почему любовь между тремя полярностями, как и любовь между представителями одноименной полярности, является закономерным проявлением их единства. Однополая «любовь-единство» – такая же норма единства, как и «любовь-единство» между представителями противоположных полярностей (по данным С. Грофа, в трансперсональных сеансах «гомосексуалисты прослеживают свою сексуальную направленность до истоков своей прошлой жизни как лиц противоположного пола»). Любовь не является «изнурительным желанием воссоединиться в целостную индивидуальность», не есть попыткой одной половой «половинки» найти свою другую «половинку». Любовь – это экзистенциал троичного единства необъективированного бытия. Она выражает извечное триединство, а не преодоление «разрыва» в объективированной половой двойственности; она – не «жажда целостности», а проявление реальной целостности, не «попытка восстановить первородное состояние дуальной целостности человеческой природы», а выражает триполярную онтологическую полноту Человека.

Время объективированной антропологии уходит в прошлое. Следует прекратить осуждать геев, лесбиянок, андрогинов, избавиться от позорного отношения к «сексменьшинству» (см.: Человек и пол. Гомосексуализм и пути его преодоления. – СПб. – 1998. – 272 с.).

Моя апология в адрес андрогинов, геев, лесбиянок, транссексуалов, базирующаяся на открытии Необъективированного Человека,

представлена открытым обращением к Главе Католической Церкви и Ватикана Иоанну Павлу II [1920-2005]. Привожу его текст.

«Ваша Пресвятость!!!»

В письме к Вам от 1 сентября 1998 Года Божьего (с приложением книги «Тригнозис») я просил Вас проблаговестить своими святыми устами о неограниченных возможностях человеческого разума в его познании сущности Троицы и этим самым снять табу, негласно ещё исповедуемое Христианской церковью на рациональное постижение триипостасного Абсолюта. Ответа от Вас я не получил, а Сатана и дальше катит колесо человеческой истории путём миражной дискретности и множественности, путём грехопадения.

Итак, обращаюсь к Вашей Святости во второй раз, потому что давно разуверился в способности исцеления Человечества политиками-властителями, среди которых едва ли не большинство греховодов – сексуальных домогателей, казнокрадов, физических и моральных истребителей человечества.

Только Святое Слово поможет «дискретному» индивиду осознать себя в принадлежащем ему троичном образе Божьем, вывести его на стезю бессмертия, во внеисторичность.

Я писал Вам, что формирование тригнозисного сознания надо начать с раскрытия антропологической тайны, то есть с осознания истинной сущности Человека. Телесное совершенство Человека определено двумя уровнями: сверхиндивидуальным вещественным и сверхиндивидуальным субстанциональным.

Оба уровня человеческой телесности имеют троичную природу. Сначала следует изменить взгляд на индивидуую (онтогенетическую) телесность Человека – избавиться от ложного представления о ней как о дискретном индивиде мужского или женского пола. Это печальное следствие внеонтологичности, ложной чувственности, плод мышления, выстроенного на атомизированной логике! На самом же деле, совершенство онтогенетической телесности Человека охватывает не двух индивидов – мужчину и женщину, а ещё и третьего – андрогина. Все трое онтологически – не дискретная троичность, а триполярное Одно.

Современной наукой андрогинное измерение онтогенетической телесности Человека (вполне естественное) преступно признано

уродливым, патологическим. Но онтологически все трое – мужчина, женщина, андрогин – задетерминованы субстанциональным уровнем телесности Человека, иначе говоря, бесполом сверхиндивидуальным триипостасным Единым (Абсолютом). Святую правду говорил Августин Блаженный: андрогин – тоже творение Божие. Согласно с ним были преподобные Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Григорий Нисский.

Словом, Человечество представлено не двумя, как ошибочно кажется, «легитимными» полами, на которые и только ориентировано правовую систему, а тремя. Поэтому рамки гражданских конституций народов мира надо раздвинуть с учётом признания прав андрогина.

Сегодня андрогинов хотя и не выгоняют из отчих мест (как это делали цари Иудеи), не сжигают на кострах (как делала инквизиция, причисляя их к сонму ведьм, колдунов и т.п.), но проблема адаптации третьей полярности в обществе остаётся нерешённой.

Очевидно, что предоставление андрогину статуса лица, равного во всём как и мужчине и женщине, является неотложным требованием времени.

Возглавляемый мной Международный конвент тринитарных знаний намерен созвать Года Божьего 1999 Всемирный Собор андрогинов и обратиться в Комитет по правам Человека при ООН с ходатайством признать в полном объёме гражданские права за андрогинами.

Собор обсудит программу практического внедрения Тригнозисной Логики в познавательный процесс, рассмотрит Тригнозисную модель общества с ориентацией на переход от индивидуального (атомизированного) типа цивилизации к постиндивидуальному, Тригнозисному. Несомненную достоверность указанной альтернативы предвещали апостол Павел и Григорий Нисский. Дискретная особь, глаголил Григорий Нисский, не может быть адекватным воплощением идеи Человека, совершенным воссозданием образа триединого Бога. Он пророчествовал непременно восстановление первоначального состояния Человека как образа Божьего. Вхождение возрождённого Человека по образу триединого Бога в новую жизнь искоренит те страшные социальные последствия, которые скрывает в себе антиномичность Единого и Множественного (в нынешней цивилизации всё вращается вокруг псевдочеловека – «дискретного» индивида и его совокупностей). Человечество должно разгадать «дискретную игру» Необъективи-

рованного Человека в чувствах индивида, понять основополагающую причину всех своих бед, исцелить «разорванную» стихию мира, прорваться сквозь чувственный заслон большого сексуального Эмоцио в сферу Тригнозисного Рацио, перейти от атомизированной самоосознанности к Тригнозисной.

Ваша Пресвятость!!!

Спасительное просветление для «дискретного» индивида наступит после того, когда он осознает, что является лишь полярностью триполярного Единого. Человечество – это не сумма отдельных индивидов, а целостный Человек троичной природы – онтологически феноменологизирован триполярностью и трипостастностью. Поэтому Международный конвент тринитарных знаний приглашает Католическую церковь к сотрудничеству, присоединиться к инициаторам созыва Всемирного Собора андрогиннов. В случае Вашего согласия соответствующие переговоры с Конвентом можно провести через Апостольскую Нунциатуру в Киеве.

Наше сотрудничество будет способствовать делу очищенного входа христианства в третье тысячелетие, снятию с него бывших преступлений перед Человечеством (жестокое отношение к андрогинам; табу на способность разума постичь природу Троицы, что отдалило приход Тригнозисной Логике и, следовательно, время «вхождения возрождённого Человека по образу триединого Бога в новую жизнь»; и т. п.).

Кланяюсь.

Петро ХАРЧЕНКО, президент Международного конвента тринитарных знаний. 21 октября Года Божьего 1998, Украина, г. Киев (напечатано: «Вечірній Київ», 24 октября 1998 года)».

Выступая в защиту андрогиннов, я хотел напомнить Иоанну Павлу II, что проблема андрогина кровно связана с религиозной традицией. Франц Баадер подчеркивал: без понятия «андрогин» остаётся непонятной центральная идея религии – идея образа и подобия Божия. Большое внимание андрогину уделялось не только религией, но и мифологией, и философией. Появление первых мужчин и женщин через «расщепление андрогина» описывают Упанишады, западно-суданские, китайские, японские и другие мифы разных этносов. В космо-

гонической концепции Эмпедокла вечное становление биографии «человека-индивида» «идёт от гермафродитизма – к раздельнополости с последующим возвратом к предыдущему состоянию». Теорию происхождения мужчины и женщины от андрогина признавали Платон, Пифагор, Ф. Баадер, Н. Бердяев, Елена Петровна Блаватская [1831-1891], С. Булгаков, Ж. Бюффон, Я. Бёме, Клод Адриан Гельвеций [1715-1771], Эразм Дарвин [1731-1802], Илья Ильич Мечников [1838-1916], Карл дю Прель [1839-1899], В. Розанов, Вл. Соловьёв, К. Сен-Мартен, Эммануил Сведенборг [1688-1772], П. Флоренский, Рудольф Штейнер [1861-1925] и многие, многие другие мыслители.

В древности известным было и явление инверсии полярностей-пола. О превращении мужчины в женщину и наоборот знали скифы, индусы, китайцы, украинцы... Инверсия полярностей не осталась вне внимания Гиппократ, Плиния Старшего, Парменида. Согласно с мифами многих народов, древние люди при желании могли превращаться то в мужчину, то в женщину. Смена полярности индивидом упоминается в индийском эпосе Махабхарата. Говорится об этом и в мифе о Терезии, в греческих поверьях и преданиях (миф об Ифисе у Овидия), в различных религиозных писаниях. Как отмечает Александр Николаевич Веселовский [1838-1906], «рассказы о «смене пола» случаются во многих итальянских поэмах и французских романах Средневековья» (Веселовский А. Н. Средневековые легенды о половой метаморфозе. – СПб. – 1881. – С. 13). Верования в возможность чудотворной метаморфозы пола были распространены как на Востоке, так и на Западе.

Касаясь включения андрогинной формы в общественные рамки, выдающийся естествоиспытатель Карл Бэр заметил: «Мы воспринимаем раздельнополость как общую норму именно потому, что имеем ввиду, прежде всего, себя. Если бы на нынешнем этапе человечество было представлено андрогинами, без сомнения, раздельнополость считалась бы жалкой и односторонней формой телесной организации человека-индивида». По некоторым данным, на 1000 рождений приходится один андрогин. Кроме того, каждая двухтысячная женщина имеет мужской хромосомный комплекс «XV» (является «женщиной по внешности» и «мужчиной по нутру»). В целом же Человечество представлено миллионами андрогинов (Полынин В. Мама, папа и я. – М. – 1969. – С. 86). Андрогин – неустранимое измерение телесности Человека. В морфологическом отношении существует определенная закономер-

ность непрерывности морфологического ряда андрогинов, берущих начало от мужчин через мужеподобных индивидов со всё увеличивающимся количеством женских признаков до настоящего андрогинизма, а потом уменьшением мужских признаков и усилением женских – к женщине (Ауслендер Е. М. О гермафродитизме // Проблемы эндокринологии. – 1940. – Т. 5. – № 1. – С. 82-98). Ценные сообщения об андрогинах (собрано около 2000 фактов) приводит Ф. Нойгебауэр (Neugebauer Fr. Hermaphroditismus bei Menschen. – Leipzig. – 1908).

Человечество по линии вещественной телесности является грандиозным неразрывным единством женской, мужской и андрогинной полярностей. Все три – единокровные, единосущные. «Мужское» (М), «женское» (Ж) и «андрогинное» (А) начала проявляются через половые типы, которые олицетворяют ряд восходящих и нисходящих величин относительно большей или меньшей степени М, Ж, А. Нет абсолютно «чистых» мужчин, женщин и андрогинов со стопроцентным наличием у них только М, Ж, А. Идея «половых типов» и взаимопревращения полярностей чётко прослеживается в китайском «Каноне перемен». Она является центральной в даосской теории «схватывания инь для пополнения янь». Половые типы упоминаются и в древнеиндийском трактате «Камасутра».

Пришло время раздвинуть рамки гражданских конституций народов мира с учётом прав всех трёх половых полярностей Человека, поскольку положение индивидуума в обществе тесно связано с его полярностью. Из-за того, что в общественной морали доминирует ошибочный взгляд на андрогинизм как на «болезнь», «порок», проблема адаптации андрогинов в обществе остаётся нерешённой. По правовым законам не предусмотрено существование индивидов вне мужского и женского пола. Поэтому положение андрогинов чрезвычайно тяжёлое. Они не могут найти своё место в жизни и фактически оказываются «лишними в обществе». Чувства, которые переживают эти люди, – не мужчина и не женщина, – а отсюда вечное опасение раскрытия тайны, опасение стать предметом издевательств и насмешек и т. п., – всё это лишает их покоя, они всё больше копаются в глубине своей души, ни от кого не ждут утешения. Эти индивиды чувствуют себя оторванными от человеческого общества, как будто и не принадлежат к нему, всегда ищут одиночества, через постоянные тяжёлые переживания физически

слабеют, их донимает бессонница, всегда имеют плохое настроение, становятся скептиками, раздражительными, а иногда и преступниками, или же впадают в апатию, меланхолию и кончают самоубийством (см.: Матусис И. А., Павлов А. Н. К вопросу о гермафродитизме// Одесский медицинский журнал. – 1928. – № 2. – С. 109).

Словом, ошибочный взгляд на андрогинизм как на патологический феномен надо ломать. А для этого необходимо решительно отбросить объективационистическую концепцию пола, сводящую его сущность к морфофизиологическому признаку индивида (понятие «норма» в биологии выражает меру устойчивости дискретных признаков и является следствием объективированной их типизации по количественным и качественным характеристикам).

Требует осуждения и хирургическое «лечение» андрогинов. Абсурдно ставить вопрос о «выборе пола при андрогинизме» или о «реабилитации больных интерсексуализмом».

Украинская академия оригинальных идей призывает Организацию Объединенных Наций радикально вмешаться в антропологическую проблематику и выстраивать международные отношения с учётом онтологической целостности Человечества. Надо паспортно узаконить все типы полярностей индивидов, а не только мужскую и женскую, что станет переломным событием в гражданском бытии Человечества, ознаменованием правового начала новой антропологической эпохи – Человека без «лукавого сечения пола».

По поручению Президии УАОИ, мной написано уведомление Совету Международной ассоциации лесбиянок, геев, бисексуалов, транс-сексуалов, интерсексуалов (ILGA) по следующему поводу.

«Добротворящий Совет Международной ассоциации ЛГБТ-Человечества! Украинская академия оригинальных идей выразит свою поддержку Совету во всех сферах его деятельности и сообщает, что на Общем собрании Академии 21 марта 2015 года избрано академиками ряд личностей нетрадиционной сексуальной ориентации. Это Дэвид Геффен, (David Geffen), Дженифер Прицкер (Jennifer Pritzker), Крис Хьюз (Chris Hughes), Пумер Тиль (Peter Thiel), Тим Кук (Timothy Cook), Лаура Рикеттс (Laura Ricketts), Джон Срайкер (Jon Stryker), Темми Болдуин (Tammy Baldwin), Тим Джилл (Tim Gill), Мухель Корс

(Michael Kors), Марк Джейкобс (Marc Jacobs), Доменико Дольче (Domenico Dolce), Стефано Габбана (Stefano Gabbana), Джудит Гоф (Judith Gough). Новые действительные члены Академии избраны за заслуги в борьбе с гомофобией.

Одновременно Академия посылает Совету ILGA благую весть из Украины: в стенах Академии решена мировоззренческая коллизия ЛГБТ-Человечества. Сделано революционное открытие в области обществоведения, влекущее за собой приход новой антропологической эпохи, которая положит конец гомофобии, дискриминации людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Речь идёт об открытии Необъективированного Человека – Человека единого человечества на основе разгадки тайны пола.

Наука и философия не вывели пол на вселенский уровень осмысления, не осознали его в качестве универсалии-триполярности, присущей всеобщему веществу. Они ошибочно свели пол к двум объективированным (дискретным) полярностям – мужской и женской, образовавших, якобы вследствие «разрыва андрогина на две половинки».

С помощью Тригнозисного модуса осознанности бытия, исключаящего объективацию, установлено, что пол – это выражение единой триполярности вещественной телесности Необъективированного Человека. Он находится в состоянии неразрывной инверсионности. Инверсия полярностей пола обуславливает в структуре общества наличие индивидов различных половых типов – мужчин, женщин, трансгендеров, интерсексов, андрогинов... Всё полярное представительство индивидов является однородным, единосуцим, нераздельным, а потому и любовь индивидов одинаковой полярности между собой – такое же закономерное проявление Великого закона Единства, как и любовь между мужчиной и женщиной. Нетрадиционная ориентация в любви обусловлена, главным образом, космогоническим аспектом пола как проявления единства вещественной телесности бытия. Любовь – это выражение экзистенциала целостности Необъективированного бытия, а не олицетворение стремления преодоления «разрыва андрогина», как это представлено мифом в «Пире» Платона, то есть, не попытка восстановить первородное состояние некой «бинарной полноты человеческой природы», а проявление онтологической целостности плоти Человека по всему спектру её инверсионной триполярной характеристики.

Пришло время радикально вмешаться в антропологическую проблематику, осуществить основательно фильтрацию установок существующей культуры. Усилия ЛГБТ-человечества в отстаивании своих прав исключительно через митинги, парады, демонстрации и т. п. не преодолеют существующей гомофобии. Нужен мировоззренческий переворот в понимании сущности самого Человека в контексте его необъективированности. Скрытая гомофобия будет существовать до тех пор, пока не победит Истина о Необъективированном Человеке (гомофобия узаконена и некоторыми религиями, как, например, иудаизмом: «Если кто ляжет с мужчиной, как с женщиной, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них» [Левит 20:13]).

*С почтением, по поручению Президии УАОИ **Петро Харченко**,
фундатор Необъективированного мировоззрения».*

Контакт: E-mail: trignosis@mail.ru Тел. : 0979835834».

6. Парастас Богу и падшему «человеку»

Открытие Необъективированного Человека является фатальным для существования религиозного типа мышления, для различных псевдоонтологических стереотипов философии и науки, моральных и этических норм жизни объективированного человечества. Необъективированная телесность Человека охватывает бесконечно целостное всебытие. Это требует пересмотра культурологических, образовательных, социальных, мировоззренческих и других установок жизни, поиска нового их содержания, прекращения морального растрепывания Человека, порождённого объективацией.

Историческое (объективированное) человечество постоянно блуждало мировоззренческими путями – «Путь Будды», «Путь Дзен», «Путь Дао», «Путь Шивы», «Путь Христа», «Коммунистический путь»... в ожидании будущего «Царства Будды», «Царства Божьего», «Коммунистического рая»..., а в реальной жизни испытывает горести – человеконенавистничество, зло, вражду, войны... Не зная истинной сущности Человека, духовные проводники человечества – Будда (Сиддхартха Гаутама) [ок. 623 или 563 – ок. 543 или 483 до н. э.], Лао-Цзы, Заратустра [возможно 628 – 551 до н. э.], Магомет [570 – 632], Платон, Маркс... ошибались в своих напутствиях человечеству. Они

изобретали идеологемы для «человека» фиктивного, не осознавая, что такое основание истории фиктивное, объективационистическое.

Объективация загнала Человечество в идеологию антагонизма – этнические, межнациональные, межконфессионные, гендерные и другие конфликты изуродовала мораль. Пошатнулся и разваливается религиозный позитив. «Умер Бог». Его «умертвили» молитвенные дома, различные идеологические пристройки к религии, пропаганда непостижимости Бога разумом, догматизация вероисповедования.

Неоспоримо, что познание истинной (необъективированной) сущности Человека связано с постижением тайны Святой Троицы и тайны пола, сопряжения триипостасности и триполярности, субстанциональности и вещественности. Но догмат Троичности объявлен христианской церковью сверхразумным, рационально непостижимым. Святая Троица (она же – субстанциональная телесность Необъективированного Человека), заявляют богословы, «есть глубочайшая тайна, основание и верх всех тайн, которых никакой ум, как бы то был он высок, не может постигнуть» (Геттингер. Апология христианства. – СПб. – 1872. – Ч. 2. – С. 56). Другой, рационально непостижимой тайной, в христианстве объявлен пол: «Тайна сия велика;...», – говорит в адрес пола апостол Павел (Эфес. 5: 32).

В необъективированном контексте тайна Святой Троицы (триипостасности) и тайна пола (триполярности) – это одна загадка – загадка природы телесности Необъективированного Человека. Когда Августин Блаженный говорит, что «человека создала троичным по образу своему Святая Троица, создала мужчину, женщину и андрогина», то, рассуждая вне объективации, здесь речь идёт о наделении вещественной телесности Необъективированного Человека троичной поляризацией. Поскольку ипостаси Святой Троицы неслиянные и нераздельные, то и полярности триполярного Одного (пола) соответствуют подобию ипостасей. Они *не являются экзистенциально разорванными (дискретно рас-троен-ными)*, а лишь инверсируют. Иллюзию «разрыва» создаёт субъект. Он объективирует пол, «разрывает» триполярную вещественную телесность Необъективированного Человека на три дискретные единицы, создаёт этим предпосылку возникновения объективированного «человека»-индивида, «отпадения его от Бога. В этом «разрыве» и состоит суть «грехопадения» Человека, порождения зла. «Само разделение полов, – констатирует Эригена, – есть проявление

уже падшего человеческого бытия», а Василий Великий указывает: «У людей не было бы ни раздоров, ни войн, если бы грех не рассёк естества».

Объективация пола обусловила начало возникновения фальшивого способа мировосприятия. До меня никто из мыслителей не осмыслил Святую Троицу как необъективированную реальность, не исследовал сопряжения триипостасности и триполярности, не открыл **Необъективированного Человека**, о неизбежности пришествия которого «в конце света» вещали знаменитые богословы. Григорий Нисский констатировал: «Первоначальное состояние Человека («до уклонения его от своего Первообраза») будет в будущем восстановлено». Он пророчил «кончину существования чувственного мира», приход необъективированного познания и «вступление восстановленного (по образу триединого Бога) Человека в новую, непостижимую для нас ныне, жизнь». О воскрешении человека после «грехопадения, когда он оказался отрезанным от Бога», говорил и Василий Великий: «До падения (*«разрыва» пола – прим. П. Х.*) человек имел то познание, которое благодать обновляет и восстанавливает в человеке возрождённом» (см.: Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. – СПб. – 1898. – 514 с).

«Возрождённый» (Необъективированный) Человек – это антропокосмос в онтологическом проявлении неразрывности единства сил – триипостасности и триполярности. Но церковь не выполнила возложенную на неё Христом миссию тринитаризации разума, а превратилась в консервативную организацию по типу марксистской «партии большевиков», создала свой карательный («энкеведистский») орган – инквизицию. Она надолго задержала время пришествия Человека, «обновленного познанием по образу Создавшего», то есть пришествие Человека Необъективированного.

Мне уже приходилось ломать окаменелые стереотипы знания, подвергать критике религиозные догматы, брать под сомнение философские постулаты, глобальные социальные идеологии, отбрасывать надуманные теории и понятия с их надуманными дефинициями. Чтобы открыть **Необъективированного Человека**, пришлось устранить власть субъекта с познавательного процесса, открыть эготриплет Три-Э[э]го, раздвинуть границы телесности Человека за пределы биологического индивида. Человек и Бог оказались одной Необъективирован-

ной реальностью. Иными словами, *в необъективированном статусе существует лишь одна реальность, представленная бессмертным Необъективированным Человеком*. Бог – это субстанциональная телесность Человека. В объективированном состоянии Бога нет, это чётко осознал Н. Бердяев: «Бога нет в объективации».

Церковь не заинтересована в оглашении правды о Необъективированном Человеке. Это правда – угроза её существованию. В своей истории церковь выступала против научных открытий, запрещала отдельные направления знаний (философию, математику, риторику, астрономию). Известный теолог Тертуллиан заявлял: «Нам после Христа не нужна никакая тяга к знаниям, после евангелия нам не нужны никакие исследования».

Неправда, что церковь была носителем просвещения. Об этом, в частности, свидетельствует судьба народной культуры украинского этноса. Духовное переименование (порабощение) украинцев церковным христианством проявилось, прежде всего, в уничтожении народной культуры, чем был сорван духовный мост, соединяющий потомков с заветами предков. Уже при насильном крещении украинского народа сжигались его письмена, позже московская церковь преследовала народные календари, обряды, праздники, развлечения, народные песни (веснянки, щедривки, колядки). Всяческими «Духовными регламентами» и «Требниками» украинский язык (мова) был объявлен «неудобным Богу». Митрополит Самуил Миславский (1731-1796) в 1784 году указом запретил употреблять украинский язык как язык «Богу противный». На это был направлен и изданный митрополитом Гавриилом Кременецким (1708-1783) «Кодекс», согласно которому украинский язык должен исчезнуть как такой, что «оскорбляет Господа Бога Христа». Московская церковь в Украине как идеологическая пристройка к христианской вере не только препятствовала расцвету украинской народной культуры, она её уничтожала как национально очерченного феномена, выступая одновременно и *в роли социального угнетателя народа*. Вспомним Тараса Григорьевича Шевченко [1814-1861]:

«...Синами вольними... Росли,
Росли сини і веселили
Старії скорбнії літа...
Аж поки іменем Христа

Прийшли ксьондзи і запалили
Наш тихий рай. І розлили
Широке море сльоз і крові,
А сиріт іменем Христовим
Замордували, розп'яли...
Поникли голови козачі,
Неначе стоптана трава.
Україна плаче, стогне-плаче!
За головою голова
Додолу пада. Кат лютує,
А ксьондз скаженим язиком
Кричить: «Te deum! алілуя!..»
(«*Полякам*).

«...Наробив ти, Христе, лиха!
А переіначив
Людей Божих?! Котилися
І наші козачі
Дурні голови за правду,
За віру Христову,
Упивались і чужої,
І своєї крові!..
А получчали?.. ба де то!
Ще гіршими стали,
Без ножа і автодафе
Людей закували
Та й мордують... Ой, ой пани,
Пани християне!..»
(«*Сон*»).

«Світе ясний! Світе тихий!
Світе вольний, несповитий!
За що ж тебе, світе-брате,
В своїй добрій, теплій хаті
Оковано, омурано
(Премудрого одурено),
Багрянницями закрито

І розп'ятієм добито ?...»
(«**Світе ясний! Світе тихий!**»).

«Моя ти любо! Мій ти друже!
Не ймуть нам віри без хреста,
Не ймуть нам віри без попа
Раби, невольники недужі!
Заснули, мов свиня в калюжі,
В святій неволі! Мій ти друже,
Моя ти любо! Не хрестись,
І не кленись, і не молись
Нікому в світі! Збрешуть люде,
І візантійський Саваоф
Одурить! Не одурить бог,
Карать і миловать не буде:
Ми не раби його – ми люде!»
(«**Ликері**»).

Апологети релігійного мировосприяття, естественно, не могли боротися за освобождение Человечества от цепей объективации, ибо деобъективация Человека раскрывает истинную сущность Бога, ведёт к отмиранию религии. Поэтому они защищали идеологию рабской покорности: «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым» (1 Пётр. 2:18). Обратимся к моральной стороне вопроса шире. Библия, как известно, состоит из иудейского Ветхого Завета и христианского Завета Нового. **Мировоззренческим обеспечением западной цивилизации в последние тысячелетия фактически явились иудейство и христианство.** Величайшая ценность **христианского Нового Завета** в том, что он указал путь к устранению зла между народами. Этот путь лежит через познание **единотелесности** народов и отмечен он указанием Христа **«возлюби ближнего, как самого себя»**. Чрезвычайно важно знать, что в Новом Завете смысл этого наставления носит **общечеловеческий характер**. Иной смысл «возлюби ближнего» проповедует Ветхий Завет. Здесь любовь к ближнему **привязывается только к одному народу, исповедующему иудаизм**: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь» (Лев. 19:18). В иудаизме

зме провозглашается превосходство («богоизбранность») приверженцев иудаизма над иноверами. Многие наставления иудаизма открыто пропагандируют неприязнь к другим народам, и этим он опасен для мировой цивилизации. В его гнусных наставлениях содержится всё: разжигание расовой и межнациональной ненависти, призыв к уничтожению иноверцев и инородцев, их национальных культур и религий, проповедь захвата и присвоения чужой собственности, призывы к обману... В нравственной стороне иудаизма прячется источник антиеврейства (неправильно названного «антисемитизмом»). «Одни иудеи достойны названия людей, а гои, происходящие от злых духов, имеют лишь право называться свиньями» (Талмуд); «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблён» (Исход, 22:20); «Я совершенно истреблю все народы, среди которых рассеял тебя, а тебя не истреблю» (Иер 30:11); «То изгонит Господь все народы сии от лица вашего; и вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас; всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; ...» (Второзаконие 11:23-25). А вот повествование, напоминающее прообраз фашистских крематориев: «А народ, бывший в нём, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи» (2 Цар. 12:31). Содержатся в иудаизме и бизнесовые рекомендации: «Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай её, он пусть ест её, или продай ему: ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего» (Второзаконие 14:21); «... Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (Втор. 15:6) – (идеология своеобразного МВФ). Сформированный на таких нравственных установках субъект, – носитель виртуозной лжи, обмана, кровожадности, варварства, паразитизма, корыстолюбия, садизма... (раввинское утверждение, что Христос был евреем – ложное, Христос – личность мифологическая). Иудаизм преступный по отношению к еврейскому народу не только моральными наставлениями Саваофа, но и запрещением смешанных браков, запретом выбора иного вероисповедования: «Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём..., говоря: «пойдём и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои», богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдалённых

от тебя, от одного края земли до другого: то не соглашайся с ним и не слушай его...; Но убей его; побей его камнями до смерти;...» (Второзаконие 13:6-10). Вот оскорбления Саваофа своего народа: «Увы, народ грешный, народ, обременённый беззаконием, племя злодеев, сыны погибельные!... ваши руки полны крови» (Исаия 1: 4, 15); «Как! вы крадёте, убиваете и прелюбодействуете, и клянётесь во лжи...» (Иеремия 7:9). Такого бога славным евреям надо гнать в три шеи прочь, решительно отказаться от иудаизма, а пустое место заполнить Тригнозисом.

Словами «возлюби ближнего, как самого себя» Христос указал на **единотелесность «я и ты»** («все есть одно»). Но человечество не поняло слов Христоса о единотелесности людей через пол. Это и не позволило предотвратить **нравственное падение исторического общества**. **Христово «чтобы все были одно» осталось непонятым, непостижимым. «Я» и «ты» – не стали одним** в морали. Вызывает лишь сожаление то, что моё открытие Необъективированного Человека задержалось на целые тысячелетия.

Преступлений, совершённых церковью, не сосчитать. Прежде всего, это применение к инакомыслящим (философам, естествоиспытателям, просветителям) одного из самых мученических видов смерти – сожжения на костре. По всей Европе в XIII – XIX ст. ст. пылали костры инквизиции, на которых сгорело около 12 миллионов невинных людей, среди которых и такие личности, как Джордано Бруно, Ян Гус [1371-1415], Джулио-Чезаре Ванини [1585-1619], Жанна д'Арк [1412-1431], Мигель Сервет... Церковь беспощадно подвергала наказанию лесбиянок, геев, андрогинов, трансвеститов. Итогом деятельности церковного суда стали миллионы людей, искалеченных в тюрьмах. Помимо этого, на протяжении многих столетий пылали костры из книг, в которых торжествовал разум. Сжигание библиотек было правилом. Например, только за один 1109 год крестоносцы сожгли в Триполи свыше 100 000 научных работ исламских авторов. Если принять во внимание развязывание многих войн, человеческие жертвы крестовых походов, уничтожение дохристианской народной культуры, запрет на существование отдельных наук, сожжение на кострах инакомыслящих..., то спрашивается, о какой прогрессивной роли церкви может идти речь и при чём здесь великое учение Христа? Фашистские концлагеря, совет-

ский ГУЛАГ, церковная инквизиция – непростительные исторические злодеяния человечества. Историческое христианство не стало моральным авторитетом. Зачем, спросим, «всеблаженный», «вседовольный», «всемогущий», «всеведущий», «вседержитель», «промыслитель», «владыка и царь» Бог-Отец требует от «своих рабов» (людей) прославлять Его? Грехи аморальности имели и первоверховные апостолы Пётр [дата рождения неизвестна, умер 64 или 67] и Павло, которые трудились в проповеди Христовой веры. Пётр трижды отрёкся от Христа, умертвил двух «ближних» – Анания и его жену. Павел первоначально принимал участие в истреблении христиан. Аморальными были и проводники иудаизма – Моисей [предположительно XV-XIII вв. до н. э.] (соавтор Ветхого Завета) и Давид [ок. 1035-965 до н. э.] (автор многих псалмов, входящих в Псалтырь Ветхого Завета). Не является нравственным идеалом и Авраам, давший начало иудаизму, христианству и исламу.

Я не сомневаюсь, что ни церковь, ни синагога, ни мечеть не признают Тригнозисного мировоззрения, и открывшего **Необъективированного Человека**. Но это не так важно. Их времена проходят. Культ Бога рухнул. Люди скоро перестанут тратить силы и время на молитвы.

О неприязни церкви к Тригнозису засвидетельствовало отношение к моему письму Главы Католической Церкви и Ватикана Папы Римского Иоанна Павла II, на которое Святейший не соизволил откликнуться. Текст письма:

«Ваше Преосвященство!

Обращаюсь к Вашей Святости – всеземному наместнику Бога – с почтительной просьбой передать Христу Спасителю подарок – написанную мною книгу «Тригнозис» по случаю приближения двухтысячной годовщины Его Рождества.

Извещаю Вашу Святость, что Года Божьего 1996 мной в Киеве основан Международный конвент тринитарных знаний, главным направлением деятельности которого является рациональное познание триипостасного Абсолюта. Положено начало познанию природы Человека средствами Тригнозисной Логики, с которым должна прийти в жизнь культура континуального постатомистического типа. Благодаря Тригнозисной Логике, достигается полнейшая уверенность в том, что в Необъективированном Человеке предстаёт Бог «в тайне

своей Троичности»: в идее-универсалии целостного триипостасного и триполярного Человека преодолевается противоречие между Единым и Множественным, между отдельным индивидом и их множеством (обществом).

Откроюсь Вашему Преосвященству: имею большую душевную муку от того, что на протяжении двухтысячной истории христианства символ Веры – догмат Святой Троицы – утверждался церковью как истина рационально непостижимая, такая, что человеческим языком передать её невозможно. Табу на рациональное постижение Святой Троицы подрывает веру в Бога, провоцирует отступничество, вредит душе и телу Его чадам. Неужели Божьи творения так несовершенны, что не в состоянии познать своего Создателя?

Сегодня, во время повсеместной духовной деградации, к Богу нужно идти через разум, через Тригнозисную Логику. Иначе Человек, пребывая в плену формальной (атомизированной) логики при познавательном процессе, не будет открывать в себе Бога, а, значит, будет грешить перед Ним, отдаляться от Него. Нынешняя всегосподствующая формальная логика (и атомистика вообще) наполнена греховными установками, из-за чего имеем кризис основ цивилизации (разрушение этико-моральных устоев культуры, эгоистический прагматизм, двойственный поведенческий стандарт, тиранию, братоубийственные войны и ещё много чего). Абсолютизированное формальнологическое древо познания удерживает Человека в порочном кругу (*circulus vitiosus*) дискретности и множественности, разрушая его завещанную Богом целостность. Естественно спросить: когда, наконец, закончится человекоразрушительная история? Без сомнения, только тогда, когда Человек будет жить в Троице, когда он овладеет тригнозисным миропониманием и мироощущением, умственно примет реальность троичного Абсолюта!

Рациональное осознание природы единопредстольной, несотворённой, неслиянной и нераздельной Троицы объединит все религии мира в одну, Троица станет главенствующей общечеловеческой Мудростью. Вместо веры мистической будет господствовать рационалистический тип Веры (моральной сознательности), одновременно произойдет и утверждение нового постатомистического мировоззрения – Тригнозиса, который обещает примирить, привести к надлежащему соответствию феноменальное производное (вещественную

телесность Человека) с дофеноменальным основополагающим (субстанциональной телесностью Человека).

Ваша Пресветлость!

Международный конвент тринитарных знаний предлагает своё сотрудничество с Католической Церковью в деле формирования Тригнозисного мировоззрения, прекращения грешной истории человечества накануне третьего тысячелетия. Необходимо вмешаться в исторический ход познавательного процесса, направить его в русло Тригнозисной Логики. Это требует, чтобы Вы с Его разрешения (Deo concedente) провозвестили о способности человеческого разума познать мирозидательную сущность Троицы. Этим Ваши святые уста проблаговестили бы, что начало третьего тысячелетия – это приход эпохи осознанного поклонения Всевышнему, начало Преображения мира, начало обращения Человека к своему онтологическому совершенству (Триначалу). А ещё это было бы провозглашение Эпохи нового гнозиса – Тригнозиса. В речённом Вами Слове Человечество услышало бы спасительную истину, ведь именно Слово способно совершить переворот в миропонимании.

Я также прошу Вас помолиться за мою многострадальную Украину, чтобы Дух Святой вечно был в ней и с нею.

Кланяюсь. Laudatur Christus!

Петро Харченко, президент Международного конвента тринитарных знаний.

1 сентября, года Божьего 1998. Киев – Украина».

(Напечатано: газета «Вечірній Київ», 1 сентября 1998 года).

Открытие Необъективированного Человека свидетельствует, что избавить общество от «Сатаны и его злой системы вещей» не способны ни капитализм, ни коммунизм. И тот, и другой – формы социальной объективации Человека. Свобода общества достижима через его деобъективизацию на основе Тригнозисного мировоззрения. Тригнозис зримо удостоверяет причастность украинского народа к формированию новой духовности Человечества. Ещё до появления христианства, троичность выступала методологией разворачивания через народную культуру мировоззрения украинцев. Украинский этнос осознал себя сущим в системе духовно-хозяйственного феномена троичности во всех

сферах життя – роботі, моралі, обрядах, мові, звичаях, релігії і т. п. В глибинах тисячоліть предки українців почитали Троицу, котра лежала в основі розуміння ними самої глибинної сутності буття.

Пророк Тарас Шевченко, котрого всяческіє мовчані, степовики і їм подібніє охристинізували, вірив в дехристиянізацію українського народу, висказував надію на приход нового розуму Человечества. Біографія великого, істинно народного поета, со слів Бориса Олійника [1935-2017], починається часом народження свого народу. Шевченко як народний поет не міг не бути носієм ісконної ментальності своїх предків, котра сформувалася на онтологічній трійності ще до появи християнської Святої Троици. Встреча в творчестві Тараса Шевченка тотальне проявлення трійності, отчётливо видно його національний колорит.

В істоках ментальності гения однозначно знаходилася дохристиянська Трійність, котра була предметом віровань і обрядності давніх українців. В українській ментальності число «три» символізувало міру найбільшого, означало «всьє», «совершенство», «исчерпанність». Творчеств Тараса Шевченка насквозь прошито смислами трійності: «тричі прокляті», «тричі спасибі», «тричі цілую», «три душі», «три злата», «три укази», «три ворони», «три лірники», «треті півні», «третє поле», «усі троє», «в третій раз»... («Гоголю», «Великий льох», «Причинна», «Ой діброва – темний гаю!..», «Думи мої, думи мої...», «Неофіти», «Тополя», «Наймичка», «Хустина», «Мар'яна-черниця», «Відьма», «Петрусь», «В казематі», «Москалева криниця», «Слепая», «Три літа», «Невольник», «Коло гаю в чистім полі...», «Гайдамаки», «У тієї Катерини...», «Варнак», «Титарівна», «Ой стрічечка до стрічечки...», «Неначе степом чумаки...», «Лічу в неволі дні і ночі...», «Назар Стодоля», «Марина», «Музикант»...). Приклади:

«...І калина прийнялася,
Віти розпустила.
І три літа на могилу
Дівчина ходила.

...Ой три шляхи широкії
Докупи зійшлися.

На чужину з України
Брати розійшлися.

...Посадила стара мати
Три ясени в полі.

...Три явори посадила
Сестра при долині...

...Не прийнялись три ясени,
Тополя всихала,
Повсихали три явори,
Калина зов'яла.
Не вертаються три брати.

... Не вертаються три брати,
По світу блукають,
А три шляхи широкії
Терном заростають...» (**«В казематі»**).

«...Тричі крига замерзала,
Тричі розтавала,
Тричі наймичку у Київ
Катря проводжала...» (**«Наймичка»**).

«... Випроводжала три поля, три милі,
Прощалася при долині.
...Мина літо, мина й друге,
А на третє линуть
Преславнії компанівці
В свою Україну.
Іде військо, іде й друге,
А за третім стиха –
Не дивися, безталанна, –
Везуть тобі лихо.
...Три рушниці-гаківниці
І три самопали...» (**«Хустина»**).

Сердце Шевченко стучало в ритме жизни традиционного мира предков, без чего он не смог бы так глубоко слиться с народом, не стал бы народным поэтом, выразителем духовной судьбы украинского этноса. В своём творчестве Шевченко мировоззренчески обращался к Богу в общерелигиозном понимании Абсолюта, хотя и жаждал, чтобы славяне стали сынами Солнца-Правды и верил, что христианская церковь-«домовина» развалится и воскреснет Украина. Как и Григорий Сковорода, Т. Шевченко был убеждён: «свою віру створимо із глибини серця нашого народу»... Этой «верой» сегодня становится Слово-Тригнозис, в котором нет противопоставленных один одному объективированного «человека» и необъективированного Бога, а провозглашается любовь и свобода Человека единого человечества – Необъективированного Человека.

Словом, тринитарная ментальность украинского этноса формировалась на признании онтологической триадности языческих богов, олицетворяющих вещественную телесность Человека за пределами биологического индивида, затем через образ монотеистических Триглава и Святой Троицы, довершилась Тригнозисом – открытием Необъективированного Человека, в котором реализуется Шевченково «единомыслие» и «братолюбие»:

«... А всім нам вкупі на землі
Єдиномисліє подай
І братолюбіє пошли!».

Троичность (Тризуб) является знаком государственности Украины. И не случайно, что именно в Украине разработан Тригнозис, открыт Человек без «лукавого сечения пола». Теперь Украинский этнос займел *национальное мировоззрение*, которое станет единым для всех народов.

Учение о Необъективированном Человеке непременно победит «злой дух», но не лишне напомнить и предостережение апостола Павла, высказанное им по поводу учения Христа: «Смотріте, (братия) чтобы кто не увлек вас философією и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу;» (Кол. 2:8), «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим

прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; И от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим. 4:3,4).

Обращаясь к светлым умам Человечества с призывом беречь Истину о Необъективированном Человеке. Надо создавать вместо церквей, синагог, мечетей и других религиозных сооружений Тригнозарии в качестве просветительских центров новой антропологии. Призываю передовое человечество не дрожать перед гневом служителей церковного дела и мнимого Бога, а смело рвать религиозные цепи, выстраивать новый образ мышления, не знающий порождённых объективацией зла и эсхатологической перспективы. Преступная фикция – объективированный «человек»-субъект «умрёт» и навсегда воскреснит **Человек Необъективированный**.

Противопоставление народов из-за этнических и национальных различий объективированной духовности – главная физическая угроза цивилизации. И вполне закономерно и естественно, что надвигается решающий бунт разума против объективационистического прагматизма и религиозного фанатизма. Великое столкновение назрело и ожидается между несовместимыми иудейской и христианской идеологиями или, иными словами, между националистическими наставлениями Танаха и общечеловеческими заповедями Нового Завета. Но не только между ними. Несовместимость большинства существующих духовных традиций с христианством касается дилеммы «я» и «ты», связанной с онтологической тайной телесности Человека. В **Новом Завете** «я» и «ты» единотелесны, «...единодушны и единомысленны». Учение Христа говорит: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня» (Иоан. 17:21). Христианское «люби ближнего, как самого себя» извещает о единотелесности Человечества и её онтологической неразрывности.

7. Единое знание и школьное просвещение

До меня гносеология носила объективационистический характер. Онтологически не существующий дискретно объект («индивид», «эле-

ментарная частица», «атом» и т. п.) составлял предмет познания научных дисциплин.

Человек наукой познан дискретно, отчуждённо, объективированно, оторванно от мирового бытия. Он предстал как «атом» (индивид). Биология дошла до генов, а что дальше, куда двигаться познанию? А дальше гносеологический и мировоззренческий тупик! Этот нонсенс познания не устранила философия, размышления которой о «человеке» всецело находятся в плену объектности.

Тригнозис познал Человека «из Человека и через Человека» как носителя неделимого и неразложимого на дискретные элементы всебытия. Такой образ Человека совершенно чужд классическому стилю мышления.

Открытие Необъективированного Человека обязывает науку кардинально переосмыслить многие свои «фундаментальные истины», поставить вопрос о пересмотре существующего миропонимания в его глубочайших основах и жизненных последствиях. Необъективированный Человек свергает «дискретного индивида» с «престола» носителя жизни и порождает новую биологию. Величайшая революция поджигает эмбриологию по линии онтологической проработки.

Один из основателей аналитической философии Людвиг Витгенштейн [1889-1951] имел повод сказать: «В основе всего современного взгляда на мир лежит иллюзия». Этой иллюзией, по моему убеждению, являются фантомы объективации. Николай Бердяев писал: «В предметном, вешном, объектном мире смысла нет... Внечеловеческое идеальное бытие бессмысленно... Смысл не в объекте, входящем в мысль, и не в субъекте, конструирующем свой мир, ...не в объективной и не в субъективной сфере...» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 26). Истина не может быть объективированной, она находится за пределами дуализма – субъект/объект.

Наука как предводитель гносеологической объективации накопила горы духовного хлама – различной понятийной лужги, теоретических блуждений, ложных мировоззренческих установок и прочего дерьма субъект-объектного характера. Тревожно, что школьные учебники переполнены абсурдологической информацией, ошибочными «приобретениями» науки, которые формируют у молодого поколения механистическое мировоззрение. Откроем учебник «Природоведство», издания 2012 года для второго класса общеобразовательных учебных

заведений (авторы: Т. Г. Гильберг, Т. В. Сак). В целом учебник хороший, написан талантливо, но с наличием ляпов: «Любий друже! Вивчаючи природознавство у першому класі, ти ознайомився з тілами неживої природи та організмами» (с. 3); «Учені припускають, що наша планета утворилася багато років тому з величезної космічної хмари з газу і пилу, яка оберталася навколо Сонця» (с. 9).

Не будет клеветой на науку, если я скажу, что выброс ею вредной информации в духосферу происходит из-за того, что эта информация добывается не через природу Человека, а на основе объективации бытия. Блез Паскаль однажды промолвил: «Неумение изучать человека заставляет изучать всё остальное». При объективированном познании субъект пребывает в противопоставлении по отношению к предмету (объекту). Субъект-объектный путь получения знаний не обеспечивает их онтологичности. Субъект хотя и выполняет «полезную» опосредствованную функцию в познании, но он порождает иллюзию внешности, дискретности и множественности бытия. У субъекта нет истинной телесности, вернее, она в него призрачная, условная, взятая «напрокат» в эгополярности триполярного Одного.

Познать Вселенную означает познать себя через собственную природу. «Всё в мире – Человек, Он и свет, и мироздание, И солнце в небесах – есть человека лик», – писал Имадеддин Насими.

Вся загадка бытия – в природе Необъективированного Человека. Прав Бердяев, когда говорит: «Если познание противостоит бытию как объекту, то познание не имеет никакой внутренней связи с бытием, оно не входит в историю бытия» (там же, с. 21). «Человек, – писал Бердяев, – бытийствен, в нём бытие, и он в бытии, но и *бытие* *человечно*, и потому только в нём я могу раскрыть смысл, соизмеримый со мной, с моим постижением».

Многие мыслители до меня осознавали: путь к разгадке бытия лежит через природу Человека (правда, ими имелся ввиду объективированный человек). Так, Луи Клод де Сен-Мартен констатировал: «Человек – непосредственное отражение Бога, а Природа – отражение человека. Человек – ключ всех загадок и образец всего истинного»; «Природу надо изучать через человека, а не человека через Природу». А вот мнение И. Канта: «Познать человека означает познать мир». Еще раньше Гераклит сказал: «Проникнуть в тайны Природы невозможно, не постигнув сути человека». И совсем близкое к истине высказывание

украинского философа Григория Сковороды: «Путь к познанию Истины лежит через самопознание; без понимания собственной сущности нельзя надеяться на понимание сути мироздания; человек, Бог и Вселенная тождественны». А в XX веке уроженец города Киева Николай Бердяев решительно заявил: «Философское познание является познанием тайны бытия в человеке и через человека; в человеке скрыта загадка высшего (божественного) бытия; исключительно в человеке раскрывается структура бытия».

Не без глубокого смысла гласит и древняя индийская мудрость: из тела первобытного существа – Первочеловека (Пуруши) образовалась Вселенная. Древняя мифология не дробила всебытие на Человека, Природу и Бога.

Словом, современный путь к революции в познании лежит не через оппозицию субъект/объект, а через Тригнозис, открывающий **Необъективированного Человека**, субстанциональная телесность которого создаёт вещественный мир и обуславливает его космогоническую эволюцию под «диктовку» ТриЭго – «Верховного Разума» в лице триипостасной Субстанции. Пребывая в состоянии исконного взаимопревращения ипостасей и проявляясь движением-развитием в форме онтологической (необъективированной) триады, Субстанция обуславливает периодическую повторяемость явлений в бытии вещественного мира. Онтологическая триада Субстанции, в отличие от арифметических триад Платона, неоплатоников, Гегеля и триад «диалектического материализма», не является единством, образованным тремя дискретными элементами. Она не есть и согласованием «двойственности в дискретном третьем», а выражает единосущность, извечную равносильность, неслиянность и нераздельность трёх взаимопревращающихся ипостасей, пребывающих в одной плоти и выражающих собой **информационный код, порождающий ТриЭ(э)го**, через которое соматосознаётся, самораскрывается Необъективированный Человек. А поэтому, как я уже сказал, с открытием Необъективированного Человека возникла необходимость переоценки добытых наукой, религией и философией объективированных знаний и мировоззренческого их переосмысления.

Истинное познание – познание необъективированное и познает в данном случае не «субъект», не некое «трансцендентальное сознание», не некий «мировой разум», а имеет место самораскрытие Необъекти-

вированного Человека через ТриЭ(э)го. Субъект – это лишь вспомогательное «устройство» в познавательном процессе.

Субъект уродствует бытие, объективируя его, превращая в объект. Каждая научная дисциплина в начальной стадии эволюции шла объективационистическим путём становления и стремилась отыскать специфику своего эмпирического объекта исследования с учётом его дискретного статуса. Такой путь познания привёл к появлению многих мнимых проблем в математике, физике, биологии и других научных дисциплинах, из-за чего они постоянно переживают кризис своих оснований (некоторые заблуждения в математике и механике, при исследовании нелинейных материальных систем, раскрыл, уже покойный, член Украинской академии оригинальных идей Василий Антонович Гвоздик [род. 1918], предложивший *Теорию Возможности*, в которой попытался показать, в чём ошибались великие математики – И. Ньютон, Г. Лейбниц, Жозеф Луи Лагранж [1736-1813], Леонард Эйлер [1707-1783], А. Пуанкаре, Мориц Герман Якоби [1801-1874], Поль Пенлеве [1863-1933], Генрих Эрнст Брунс [1848-1912], Эмми Нётер [1882-1935] и другие [см.: В. А. Гвоздик. На пути к математике XXI столетия. – Журнал «Идея». – 1998-2007. – № 6-15. – С. 164-272]).

Если говорить о традиционной биологии как научной дисциплине, то её предметом изучения первоначально явился дискретный индивид как носитель жизни. Но такого носителя жизни онтологически не существует. Изначальная ошибка привела к появлению многих мнимых биологических проблем, как, например, проблемы «происхождения организма и возникновения на его основе видов». Неверными сложились и представления о клетке, гене... Вспомним того же Ч. Дарвина, который пытался вывести генеалогическое родство всего живого из «дискретного индивида», но оказался бессильным объяснить происхождение самого индивида и был вынужден в поисках конечного ответа апеллировать к божественному творческому акту. *Онтологически* «дискретный индивид» никогда и нигде не зарождался, не развивался, не эволюционировал. Его просто не существует. Наивной является и «проблема происхождения жизни из неживой материи». Постановка этой проблемы онтологически несостоятельная. Пришло время очнуться от гипноза атомизма и понять жизнь как всеобщее функциональное свойство материи в её целостности и развитии.

Субъект, «прерывая» непрерывное, наполняет разум Человека редукционистским и механистическим видением бытия. **Онтологическая непрерывность** – главное свойство материи. Она подсказывает нашему разуму, что Человек бессмертный, что смысл феномена «смерть» призрачный, условный. В. Налимов пишет: «Жизнь, а следовательно, и время в нашем представлении о Вселенной появляется только после того, как в непрерывном выделяется дискретное. Отказ от дискретности порождает в нашем сознании другую Вселенную, создавая представление о вневременной жизни в системе понятий, лишённого двойственного противопоставления» (Налимов В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. – Тбилиси. – 1978. – С. 55). При целостном (Тригнозисном) восприятии бытия, проблемы «происхождения жизни» и проблемы «смерти» не возникает. Только к целостному, универсальному знанию может быть доверие.

О необходимости кардинального изменения подхода к образованию я заявил в письме Министру просвещения и науки Украины. Привожу текст:

«Міністру освіти і науки України Лілії Гриневич

Шановна Ліліє Михайлівно!

*Я, український мислитель Петро Харченко, хочу бачити Ваше перебування на посаді Міністра, як шанс України **перехопити лідерство у світовій науці та освіті**. Говорити так є всі підстави, одна з них – відкрита мною нова гносеологія.*

*Стверджую, що пізнання Людиною світу здійснюється навипоріт, традиційно спирається на «нещасну свідомість», що перебуває в полоні об'єктивної душі і протиставлення суб'єкта і об'єкта. Об'єктивована гносеологія вже **гальмує** одержання нових знань, а деякі наукові проблеми, взагалі, загнала в глухий кут непізнанності. Як свідчення – кризовий стан теоретичної фізики, біології, математики, психології та інших наукових дисциплін. Чітко окреслена і могила **філософії**, котру так і не облишило рабство об'єктності і котра «досліджує» не істинну (**Необ'єктивовану**) Людину, а ілюзію об'єктивної – «людину»-фікцію – тілесно не існуючий онтологічно дискретний індивід.*

Шановна пані Міністр, на мою думку, потрібне нове обличчя науки. Подальший прогрес у пізнанні неможливий без необ'єктивованого перегляду фундаменту науки. Справа в тім, що на початкових стадіях отримання наукових знань були задіяні неточні гносеологічні підходи, наближені концептуальні схеми. Саме через це потрібно періодично переосмислювати знання, предмети наукових дисциплін, здійснювати їх онтологічну експертизу. Не можна не помітити хиткість сучасних наукових синтезів в їх формальнологічних окресленнях – відсутнє цілісне світобачення, наявна світоглядна убогість і недалекоглядність старих стереотипів. Українська наука терпить потребу в творчих індивідуальностях, перебуваючих у широкому просторі загальнолюдської культури. На жаль, в Україні дослідництво ще тримається в руках вихованців радянської так званої «колективної науки», котра ще тоді нівелювала творчу індивідуальність, деформувала мораль і, фактично, була виразником духовної колективізації розуму, проявом тоталітаризму в науці. Така наука домінує і зараз у стінах Національної академії наук України, яку до цих пір очолює сподвижник комунізації знань – сторічний дід Патон [род. 1918]. Колективна наука не забезпечує свободи творчості, роздвоює етику вченого, пригноблює творчий дух особистості, блокує здоровий глузд павутиною ідеологічних дефініцій, що переходять у догму, у закостенілий стереотип. У таких умовах носії принципово нових ідей, ініціатори переосмислень старих знань, збагнень нового не помічаються, більше того, – відсторонюються від пошукової діяльності.

Шановна пані Міністр, завдяки застосуванню необ'єктивованої гносеології при переосмисленні старих знань, я по-новому вирішив ряд проблем, непосильних для традиційної логіки пізнання. Зокрема, відкрив онтологічний механізм походження біологічного виду і з'ясував його суть (чого насправді не зробив Ч. Дарвін); пояснив виникнення граматичних категорій (числа, роду, займенника), походження математичної одиниці і суб'єкта; розкрив таємницю таких феноменів, як «стать» «шизофренія» і «множинність особистостями індивіда»; відкрив **ТриЕ(е)го** (чого не спромоглися зробити З. Фрейд, К.-Г. Юнг і С. Гроф); розкрив суть магнетизму та передбачив існування нейтральної енергії; дослідив методологічну роль троїстості в розгортанні народної культури українців; накреслив концептуальні основи технології перейнакшення «его» індивіда (очищення від скверни); відкрив **Необ'єк-**

тивовану Людину з її біоонтологічною ходою; з'ясував проблематику «потойбіччя»; **створив загальнолюдський світогляд – Тригнозис**, що унеможливило ворожнечу між народами; та багато ін. (див. мої праці: «Антиномия индивида и триединства». – К. – 1986. – 812 с.; «Тригнозис». – К. – 1998. – 400 с.; «ТриЕго». – К. – 2008. – 420 с.; «Тризуб – символ світогляду українців». – К. – 2008. – 184 с.; «Друге Пришестя». – К. – 2012. – 264 с.); «Необ'єктивована Людина» (К. – 2013. – 264 с.); «Предисловие к постистории» (К. – 2015. – 396 с.); «Трилектрон» // Доповіді Міжнародного конвенту тринітарних знань. – 1997/1998. – № 1. – С. 81-90; «Онтологія числа» // Доповіді Міжнародного конвенту тринітарних знань. – № 1. – С. 67-80; «Троїста природа тілесності Людини і походження граматичних категорій» // Доповіді Міжнародного конвенту тринітарних знань. – 1999 / 2000. – № 1. – С. 78-89; «Біологічний вид – продукт розвитку Триєдиного» // Доповіді Міжнародного конвенту тринітарних знань. – 1999 / 2000. – № 1. – С. 48-77; та ін.). Для сільськогосподарської практики я запропонував нове розуміння породи в зоотехнії і метод прискореної селекції, оригінальний підхід до прогнозування потенційної плодовитості багатоплідних тварин та регуляції статі. На жаль, мої здобутки залишаються незабагненними для сучасної науки (подібна доля новаторства спіткала інтелектуальну спадщину Сергія Андрійовича Подолінського [1850-1891], Михайла Івановича Туган-Барановського [1865-1919], Юрія Васильовича Кондратюка [1897-1942], Бориса Павловича Грабовського [1901-1966], Івана Павловича Пулюя [1845-1918] та інших представників нашого народу).

Дещо хочу сказати і про освіту. Раніше про це я вже писав у газеті «Вечірній Київ» (див.: П. Харченко: «Наука нуждается в реформах»; «Харченко проти Патона»; «Напрями реформування науки» – «ВК» за 30 січня 1993 р., «ВК» за 11 березня 1994 р., «ВК» за 15 лютого 1996 р.). Найголовніше для освітян – зрозуміти, що відбувається процес становлення єдиного знання, усвідомити, що здобутки об'єктивованого **світорозуміння** є сирою інформацією, яку треба пропустити крізь онтологічні принципи пізнання, і тоді вони набудуть статус істинних, достовірних. У початкових класах шкільної освіти спершу важливо навчити дітей мов, розрізняти гаму кольорів і звуків, навчити читати, писати, рахувати, розвинути мовлення, подати інформа-

цію з основ української культури, а в старших класах – **освоїти онтологію і гносеологію (знання основ буття і принципів його пізнання)**.

Зі школи випускники повинні виходити методологічно і світоглядно зрілими, а вже потім (у ВНЗ) поглиблювати знання окремих наук, набувати обрану професію. Словом, **суть реформи освіти не в продовженні термінів навчання в середній школі, а в їх скороченні і прищепленні випускникам уміння правильно пізнавати світ. Освітні програми повинні давати інноваційну інформацію, не містити помилкових «надбань» науки, що має місце в сучасних підручниках.**

Високоповажна Ліліє Михайлівно, з урахуванням вище заявленого, думаю, є доцільність провести парламентські слухання на тему: «Українська освіта, наука і світогляд» з моєю участю та участю закомунізованих патонівців.

Шанобливо до Вас – **Петро Харченко**, доктор філософії і кандидат біологічних наук, фундатор Необ'єктивованого світогляду. 19 травня 2016 року».

Целостное от рождения мировосприятие ребёнка школьным объективационистическим просвещением уничтожается. Из Человека творится «человек»-мертвец. С этим надо покончить.

Объективацией реальности субъект разделил её на «человека»-фикцию и «Природу», бытие лишилось целостного знания о себе. В свое время И.-С. Эриугена писал: «Богоугодным делом является восстановление целостных знаний о Природе, но это произойдёт через восстановление полово-целостной («богоподобной») природы человека». Такой природой обладает Необъективированный Человек. Смысл жизни Человека и сущность мирового процесса, отмечал Эриугена, сводится к возвращению человеческой природы в идеальное состояние, а в ней и через неё – и всего созданного. При этом Эриугена указывал, что с наступлением новых времён разница между полами исчезнет (цит.: Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. – СПб. – 1898. – С. 19).

Тригнозис покончит с дифференциацией науки на отдельные дисциплины за типом «частиц». Произойдёт становление «недифференцированной науки», единым предметом которой будет **Необъективированный Человек**. Возникнет постнаучное знание, устраняющее противопоставление «человека»-дискретного индивида и Природы.

Недалёк от истины был К. Маркс: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука».

8. От философии к Тригнозисному мировосприятию

Учение о Необъективированном Человеке
заставит мыслителей задуматься о судьбе философии.

Петро Харченко

Традиционная философия является выразителем объективационистических рассуждений о бытии (название «философия» придумали древние греки). В наше время начали звучать заявления о её «конце», а кое-кто из мыслителей, вообще, порвал с нею. В своё время Рене Декарт констатировал, что в философии нет ни одного положения, которое нельзя было бы подвергнуть сомнению.

Философия не открыла Необъективированного Человека и, в силу своей логики познания, не могла этого сделать. Необъективированное познание – удел Тригнозиса, который приходит на смену *философии объективированного бытия*. Тригнозис расширил человеческое «я» до бесконечности, изменил те символы, которыми Человек ранее увековечил себя в образе «дискретного индивида». Тригнозисное мировидение освобождает Человека от рабства объективации, «передвигает» его во вневременное бытие, избавляет от угнетающего переживания апокалипсичности. Он даёт ответ на главный онтологический вопрос – как Человек посредством индивида интегрирован в телесность всего Мироздания, приобретая этим тотальное с ним единство. Традиционная философия даже не ставила на разрешение вопроса о конкретной онтологической связи индивида со всеобщим бытием.

Тригнозисное познание обнаружило фальшивость понимания сущности Человека в образе дискретного индивида и само по себе засвечивается проявлением вербального Откровения Человека. Такое Откровение отводит субъекту минимальное участие в познавательном процессе и базируется на троично-информационной природе телесности Необъективированного Человека, составляющей предпосылку порождения эгосистемы ТриЭ(э)го, отсутствие знаний о которой *провоцировало* философов придумывать всяческие «потусторонние»

(«трансцендентальные») субъекты. Тригнозис стирает грань между «потусторонним» и «посюсторонним», ставит точку в вопросе «о действительном и кажущемся мире».

Современные философские концепции Человека сводят его сущность либо к субъективному Я (субъективистская антропология), либо к объекту как части объективированного мира (объективистская антропология). Н. Бердяев справедливо отметил: «Человек не есть дробная часть мира, в нём заключена цельная загадка и разгадка мира, и он может начать философствовать только с познания самого себя» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 54). Эту истину современный философ Назип Хамитов высказал таким образом: «Любая философия – это, прежде всего, учение о человеке и смысле его жизни... нет ни одной философской проблемы, решение которой не предполагало бы человека в качестве точки опоры и центра системы понимания. Однако философское постижение человека в конце XX столетия находится в достаточно глубоком кризисе» (Хамитов Н. В. Пределы мужского и женского. – К. – 1997. – С. 15). В самом деле, центральным предметом философии в начале её зарождения должен был выступить Человек, но этого не произошло. «Философия – прежде всего, учение о человеке, о целостном человеке и учение целостного человека» (Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. – 1994. – С. 240). Констатируя это, Бердяев имел в виду необъективированную сущность Человека и философию, «освобождённую от рабства объектности», а не традиционную философию, стоящую под знаком объективации и находящуюся «в установленных границах, в порядке объективации духа и противоположении субъекта и объекта»: «Истина несовместима с объективацией»; «Объективация есть всегда разрыв и раздвоение, то, что Гегель называет «несчастливым сознанием»; «В объективировании цель познания не достигается»; «В объективировании умирает всякая жизнь, исчезает бытие»; «Объективирование всегда есть смерть истинного познания»; «Философия есть необъективированное познание».

Словом, традиционной философии – это философия эмпирического, объективированного субъектом, бытия. Она философствует о *продуктах объективации*. В этом кроется могила философии. Ведь какая цена всему философскому осмыслению человеческих проблем, если истинная (необъективированная) сущность самого Человека остается

непознанной? Философия не решила центральной коллизии духа и бытия – коллизии Объективированного и Необъективированного. В этом вопросе ей не хватило мудрости.

Бердяев провещал приход новой философии, новой структуры человеческого сознания, новой эпохи духа и связывал это с раскрытием мира по ту сторону распада на субъект и объект, с прекращением отчуждения и объективации не только в мысли, но и в самой жизни. Это, по его мнению, обозначает «расшатывание затверделого феноменального мира и большее просвечивание нуменального ядра мира». Он говорил о «внутреннем» («трансцендентальном») Человеке, существование которого «находится вне объективации», «по ту сторону уже объективированного противоположения индивидуального и универсального»: «Трансцендентальный человек есть предпосылка философии, и преодоление человека в философии или ничего не значит, или значит упразднение самого философского познания» (Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. – 1993. – С. 25).

Открытие Тригнозисом Необъективированного Человека – переворот в обществоведении, манифест освобождения Человечества от объективации. Это открытие обусловит ломку всех дотригнозисных знаний, основанных на объективации, пересмотр всей традиционной системы космогонических представлений. Старая гносеология неспособна была познать бытие «из природы Человека», хотя такую необходимость его познания ощущали многие мыслители. Артур Шопенгауэр отмечал: «Путём объективированного познания невозможно выйти за пределы явления. Итак, мы всегда будем стоять перед внешним боком предметов. Но в противовес этой истине, рождается вторая – именно та, что мы являемся способными не только познавать, но и принадлежим к познаваемым существам, – что мы и сами – вещь в себе. Для нас открыт путь изнутри, – словно какой-то подземный ход, словно какое-то таинственное сообщение, которое – почти по-предательски – сразу вводит нас в крепость – ту крепость, захватить которую, напад извне, было невозможно. Потому нам следует пытаться понять природу из самих себя, а не себя из Природы».

Академик Украинской академии оригинальных идей Елена Борзова в своей книге «Триадология» указывает на необходимость новой парадигмы мышления на современном уровне бытия человечества, когда оно выросло и оформилось в целостное планетарное образование, в

единый миропорядок: «Человечество, достигнув уровня всеобщности в глубинных сущностных процессах развития и в своих внешних проявлениях, стало подчиняться универсальным законам и на этом этапе всеобщности нуждается в новом методе мышления, соответствующем этой сущности всеобщности, который обеспечил бы возвращение способности человека к пониманию единства и «единого» внутри объединённого многообразия, рассмотрения человечества с самого начала своего появления как глубинного образования. Только изменив масштаб проблемы, рассматривая человечество как единое образование, можно увидеть действие в нём универсального закона, информационного принципа, на роль которого претендует сакральное число три, которое создаёт трехмерный способ бытия и трехмерный образ его мышления».

Проделав работу эксперта по проверке на истинность существующего знания о дискретном «человеке»-индивиде-субъекте и переосмыслив всю историю философской мысли, включая содержание всяческих «диалектик», «триалектик», «триединств», «триад» и других, онтологически сомнительных, троичностей, я убедился, что целостный мир Человечества действительно основывается на *триединстве*, но на триединстве *необъективированном*, а не *арифметическом* (числе «три»). Необъективированная троичность – это та *нить* Ариадны, которая позволила мне выбраться из лабиринта объективации и осуществить концептуальный прорыв в гносеологии, переориентировать познавательный процесс в сторону необъективированного мировосприятия и тем самым открыть Истину – Необъективированного Человека, создать Тригнозисное мировоззрение, основанное на одном единственном принципе – онтологической троичности. Лишь познание, олицетворяющее необъективированное восприятие бытия, соприкасается с Истиной, открывает целостный образ реальности как образ *Необъективированного Человека*.

О Тригнозисе мечтали мыслители издавна, ибо такая логика мировосприятия подводит единство Человечества к одной телесности и, следовательно, к единому мировоззрению, устраняющему источник зла – разъединение. С появлением Тригнозиса осуществилось то, о чём мечтал Дмитрий Мережковский: «За двадцать пять веков философии от Гераклита до нас никому, за исключением нескольких «безумцев», не приходило в голову создать мировоззрение на основе онтологической

троичности. И разве это не чудо из чудес самых невероятных? Сколько философских систем – и ни одной троичной! Монизм, дуализм, плюрализм – все, что хочешь, только не это» (Мережковский Д. Тайна Трёх. – М. – 1999. – С. 26). Единство, действительно, троично. К этому пришла мифология, религия и философия (вспомним – учение о «трёх телах» Будды в буддизме; учение о «трёх гунах» древних индусов; учение о «трёх пневмах» в даосском мировоззрении; учение о «Святой Троице» в христианстве, концепция триадической Абсолютной Идеи Гегеля...). Вопрос только в том, как понимать эту троичность. Истина духовно единотроична, она, отмечал известный богослов и учёный Павел Флоренский, есть абсолютное единство: «Троичность есть наиболее общая характеристика бытия. Но не только общее назнаменованье троичностью свойственно бытию. Каждый слой его, каждый род его имеет ещё свою особенную троичность» (Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. – М. – 1914. – 809 с.). Онтологическая мысль открыла троичную природу *субстанционального уровня материи* (творца «посюсторонней» вещественной телесности бытия). Этот уровень бытия именован по-разному: Брахман, Тримурти, Дао, Святая Троица и т. п. Он поставил свою печать троичности на сотворённом им веществе. Троичность вещества вездесущая: три цвета – синий, жёлтый и красный создают всю гамму тончайших красок; триполярность в виде проявления мужского, женского и андрогинного; триплетность генетического кода; триполярность элементарных «частиц» (электрон, протон и нейтрон являются теми тремя «первокирпичиками», из которых, как считают химики, составлено всё вещество в земных условиях); зарядовая троичность «элементарных частиц» (+1, -1, 0); «кварки» движутся только тройками, и не возникает сочетания из другого их числа (при этом каждый «кварк» может находиться в трёх разных проявлениях), а переносчиком явлений слабых взаимодействий, как полагают физики, выступает триплет бозонов (W^+ , W^- , Z^0).

Троичность – самая загадочная проблема. Над её метафизическим смыслом ломали головы многие европейские философы (Платон, Плотин, Прокл, Порфирий, Лейбниц, Фихте, Шеллинг, Гегель и другие), но выходили на триаду объективированного характера. Такая редукция триединства по существу является антитринитаризмом. В европейской философии за «тринитарность» часто выдаётся триада – дух-душа-тело. Объективированные триады споведуются и на Востоке. Одна

из таких триад Востока – небо, воздух, земля, в свою очередь, распадается на три уровня: мир страстей, мир форм и мир без форм. В конфуцианстве присутствует триада – небо, земля, человек. Триадное устройство мироздания описывается в Каббале, в исламских текстах. Объективированная триада характеризует природу Целого, а не Единого. Целое обозначает объективированную реальность. К такой реальности и приложена троичность математической природы. Разница между тринитарностью и арифметическим триадизмом (как и разница между категориями Единое и Целое) плохо осознаётся философами. Этим недостатком особенно страдают члены украинофобной московской Академии тринитаризма. Их тринитаризм (произвольное объединение предметов и понятий в трисоставную кучу) никакого отношения не имеет к истинному тринитаризму. Объективированно принцип тринитарности интерпретируется и представителями холистического понимания целостности мира (холисты рассматривают мир как целое, предшествующее своим частям). Такова же ошибка и вдохновителей редукционистического понимания целостности реальности (согласно которых, части предшествуют целому). Тринитарности в объективированном мире нет. Путать внешнюю триадность и тринитаризм недопустимо. В этом отношении насмешил Борис Викторович Раушенбах (1915-2001), который попытался обосновать Святую Троицу математически, приравняв её к математическому объекту – обычному вектору с его тремя ортогональными составляющими. Эта, простите за выражение, чушь преподносится как «пример синтеза науки и религии». Словом, обращение к тринитаризму в науке происходит на базе объективации. Чтобы осознать истинную тайну тринитаризма, мыслителю необходим высокий уровень эрудиции широкого простора общечеловеческой культуры, освобождение разума от «инфекции» субъектного поиска Истины, объективирующей и омертвляющей реальность. Истина о троичной природе Человека содержится в поле, то есть в триполярности его телесности. Тригнозис раскрыл онтологическую тайну пола, положил конец иллюзии его «разрыва», уничтожил смерть, освободил Человека от статуса объекта, возвратил ему онтологическую целостность и бессмертие.

Тригнозис – это мировоззренческое и культурное обеспечение будущей жизни Человечества. Он неизбежно должен был появиться. Ещё Нострадамус [1503-1566] предсказывал, что «спасение человечества в

конце света» придёт с Украины, где будет создана «совершенно новая, доселе неведомая, религия». Тригнозис – не религия, а общечеловеческое мировоззрение, которое призвано обеспечить единение людей, их мирный переход от истории к постисторической эпохе.

Знаменитый психолог Карл Юнг справедливо подметил: «Современный человек стоит перед горьким фактом неспособности великих религий и разнообразных учений породить такую вдохновляющую и увлекательную идею, которая принесла бы ему успокоение – так необходимое перед лицом опасностей, угрожающих миру». Этой идеей в её материализации и явился Необъективированный Человек без «лукавого сечения пола», распадаения на «субъект и объект», разделения бытия на «живое и «мёртвое».

Тригнозису будут оппонировать философы, особенно представители так называемого «диалектического материализма», «разум» которых доказывает развитие объективированного мира на базе неких «диалектических противоречий». Проблему телесности Человека философия не решила. Философская мысль очертила конечные границы телесности Человека биологической массой вещества, обозначенной «дискретным индивидом». Как высказался Людвиг Фейербах, «дискретный индивид выступил кардинальным пунктом, вокруг которого вращается всё в религии, философии и обществоведении».

Устраняя распадение на субъект и объект, Тригнозис устраняет этим иллюзию дискретности и внешности «внешнего мира». Человек перестает быть «атомом» (дискретным индивидом). Мироздание становится вещественной телесностью Необъективированного Человека.

Для философов и учёных понятие «*познавать*» – означает *объективировать*. Для тригнозиста «*познавать*» – означает *не объективировать*. Раздвигая границы телесности Человека за пределы «биологического индивида», Тригнозис снимает с современной цивилизации надетую наизнанку мировоззренческую рубашку и одевает её необъективированным лицом. Это меняет образ мира. Человечеству предстоит жить по необъективированному сценарию, при котором стремительно наберёт скорость движение к общекосмическому единству, исчезнет ненависть между людьми, программированная идеологическими заблуждениями. Тригнозис примиряет людей *в Человеке единого Человечества – Необъективированном Человеке*, перенаправляет их жизнь в царство Бессмертия. Человечеству ничего не остаётся, как

принять Откровение Троичности и войти в бессмертную необъективированную жизнь.

Если гелиоцентрическая система Николая Коперника в своё время положила начало перевороту в естествознании, то Тригнозис – ***это переворот в гносеологии***. Он ставит в центр Всебытия, вместо Бога, Необъективированного Человека и этим наносит смертельный удар по теоцентризму. Тригнозисный антропоцентризм – совсем иной антропоцентризм, нежели тот, который в истории философской мысли был связан с объективированным «человеком»-фикцией – ***онтологически не существующим дискретно индивидом***.

Я обращаюсь к мыслителям всего мира с призывом вмешаться в антропологическую проблематику, помочь политикам вывести Человечество из плена порабощающей «злой системы вещей» и противоборства в общечеловеческой семье. Причинно войны обуславливаются мировоззренческой мотивацией. Мировоззренческим обеспечением жизни Человечества должна быть сама сущность Человека, его онтологическая целостность. Она и есть экзистенциальной рамкой мирного бытия. Поэтому, необходим отход от господствующей объективационистической формы общества, не созвучного с индивидуализацией Всеединства. Господство идеологии «объективированного человека» – путь к неизбежному физическому уничтожению цивилизации...

Послесловие

Споры вокруг онтологической реальности дискретного статуса индивида идут издавна. Индуистская махаянская философия, вообще, отвергала реальность бытия индивида в его дискретной самостоятельности. Нечто похожее утверждали некоторые даосские системы. Своеобразное понимание ирреальности индивида находим в буддийской теории отсутствия индивидуального «я», а также в представлениях об индивиде Иоанна Скот Эриугены, Готфрида Лейбница, Людвига фон Бергаланфи и многих других мыслителей.

Почтенный читатель, поверил ли ты в нереальность дискретного статуса индивида? Поверил?! Правильно! Дискретного индивида онтологически не существует. Вот только психиатры такую осознанность бытия считают... болезнью, нарушением нормального восприятия реальности (синдромы «дереализация» и «деперсонализация»). При «дереализации» объективированное бытие выдаётся нереальным, стирается грань между индивидом и окружением, мир воспринимается неотчётливо... При «деперсонализации» изменяется понимание себя и действительности: «больной» не ощущает себя реальным, ему кажется, что он утратил свою индивидуальность, изменился, прежнее «я» исчезло, характер мировоззрения стал иным...

Не трудно заметить, что и «дереализация», и «деперсонализация» связаны с коллизией прерывного и непрерывного, объективированного и необъективированного.

Представление – «индивид есть прерывность» терпит крушение. К сожалению, неверная постановка проблемы Человека определила его горькую судьбу. Дискретный индивид ещё и сегодня выступает центральной фигурой конструирования социального мира.

Утешим себя тем, что история заканчивается, и её кровавый путь останется позади... Вскоре атомистическая парадигма с её несуществующим дискретным индивидом («атомом») рухнет, обрушится старый стиль мышления. Наступит просветление.

Новая эра в гносеологии на подходе...

Очерк Тригнозисного мировоззрения

Петра Харченко

1. Об'єктивація Людини, «втрата» надіндивідуального статусу

Надіндивідуальність тілесності Людини визнавалась багатьма течіями древньої думки, стверджувалось повне розчинення індивіда в Абсолюті (первісній Великій Людині). Все буття наділялось антропоморфізованими властивостями. Згадаймо, вчення буддизму про Нірвану як про вічну, абсолютну, безсмертну Першолюдину (Космічну Людину). У всіх народів древності існувало вчення про Першолюдину. Називалася вона по-різному: «Пань-гу», «Гайомарт», «Фраваші», «Пуруша» тощо. Зазначалося, що Першолюдина розчленувалася, з неї виникли всі елементи Космосу, але, з часом, вона знову набуде цілісності, вийде зі стану множинного розпаду і зовнішній світ розчиниться в ній. Орієнтація на зовнішній світ зникне, індивідне «я» зілл'ється з космічним «Я» Першолюдини.

Ілюзорний перехід тілесності Першолюдини зі стану Єдиного в дискретне Множинне, незаперечно, є наслідком об'єктивації її суб'єктом.

Що ж таке об'єктивація? Об'єктивація – це суб'єктове перетворення онтологічно неперервного в ілюзорно-дискретне, в самостійну сутність, втілену в предметних формах, образах і т. п. Об'єктивація лежить в основі всіх історичних світоглядів людства. Микола Бердяєв слушно назвав об'єктивоване буття «падшим», «овнешневлённым». Він писав: «Объективированное бытие не есть уже истинное бытие, оно пре-парированное субъектом для целей познания»; «Человек познаёт, как извне данную ему реальность, то, что порождено им самим, порабощённостью субъекта»; «Объективированный мир, который называют «объективным», есть мир распада и отчуждения и вместе с тем мир принудительно объединённый, скованный и детерминированный, мир социализированный, мир общего»; «Нужно окончательно отказаться от применения к истине прилагательного «объективное».

Дійсно, існуюче зведення суті Людини до «дискретного індивіда», є «падшим», об'єктивованим, воно – наслідок «розпаду» її на суб'єкт і об'єкт. Об'єктивація Людини зумовила ізоляцію «я», замкнення його в собі. «Я», уособлене «дискретним індивідом», є відчуженим зовні.

Людини в образі «дискретного індивіда» онтологічно не існує. Істинна межа тілесності Людини сягає космогонічної нескінченності.

Петро Харченко відкрив основу буття – Необ'єктивовану Людину з притаманним їй інформаційним еготриплетом – ТриЕ(є)го. Фактично, мова йде про світоглядний переворот, оскільки будь-який світогляд постає у вигляді того чи іншого розуміння сутності Людини. Людство постійно шукало світоглядне забезпечення свого життя, Згадаймо, «Путь Будди», «Путь Дзен», «Путь Шиви», «Путь Христоса», «Путь комунізму», проте і донині перебуває під владою зла, терпить всілякі страждання. Це тому так відбувається, що апологети духовності – Будда, Лао-Цзи, Заратустра, Магомет, Платон, Маркс... не пізнавши істинної (необ'єктивованої) суті Людини, сприйняли об'єктивовану «людину» (дискретного індивіда-суб'єкта) за істинну, тілесно цілісну Людину. Цим вони наділи на цивілізацію навиворіт (об'єктивовано) світоглядну сорочку. Об'єктивована «людина» і понині залишається константою в світовій системі знань, складає головну ознаку суспільства. Така «людина-об'єкт» є наслідком несправжнього «розриву» гносеологічним суб'єктом триполярної речовинної тілесності Необ'єктивованої Людини на «чоловіка» і «жінку», котрі і уособлюють так звану бінарну «роздільностатевість», хоч, насправді, дискретних одиниць буття, онтологічно не існує. Об'єктивований індивід – це «людина-мертв'як». В об'єктивації «людина зникає, перетворюється у фікцію, суб'єкт-об'єкт, уособлюючи світову непристойність і рабство» (М. Бердяєв). В об'єктивації Людини – не тільки джерело всіх її бід, а й потенційна загроза фізичної загибелі цивілізації. Людство постійно перебуває в стані розгубленості, охоплене апокаліпсистичною тривогою на фоні зростаючої ненависті між суб'єктами різних поглядів. Спостерігається стрімкий обвал культури, захиталися і розвалюються засади, на яких повинно триматися соціальне існування. Моральне падіння об'єктивованої «людини» сягнуло апогею: конфліктують між собою держави, економічні касти, релігійні секти, партії, процвітає гомофобія, тероризм, виготовлена ядерна зброя, назріває третя світова війна. Прикро, що в цей тривожний час одні лише політики дипломатичним шляхом шукають формулу урятування цивілізації, а провідники духу (філософи) мовчать, хоч вирішення проблеми порятунку людства якраз лежить у площині світоглядного переінакшення бачення Людиною своєї сутності. Необ'єктивована Людина – ось дороговказ для державних діячів у питанні, як уберегти цивілізацію від фізичного знищення.

2. Розкриття таїни одностісності «я» і «ти»

Українець Петро Харченко здійснив, очікуване тисячоліттями, розкриття таємниці одностісності «я» і «ти». Цей прорив у пізнанні став можливим завдяки виходу за межі традиційних принципів розуму (формальнологічних законів), відстороненню від гносеологічного єдиновладдя об'єктивізатора буття – суб'єкта та застосуванню відкритого Тригнозисного модуса світоосмислення (поіменованим автором «вербальним Одкровенням»). «пізнанням із Людини і в Людині через інформаційний еготриплет ТриЕ[е]го»). Такий гносеологічний шлях забезпечив цілісне осмислення світу (рух думки за логікою цілісного буття), дозволив пізнати характер онтологічного співвідношення між статтю і Святою Трійцею, виявити відсутність «лукавого розтину статі». Завдяки новому гносеологічному підходу, розкрилася таїна Тринітарного архетипу, «свято скриваючого свою сутність много тисячелетий, оставаясь Божественным символом спасительного единства человечества» (Р. Баранцев). В кінцевому підсумку, Петро Харченко вирішив центральну колізію духу і буття – колізію Необ'єктивованого і Об'єктивованого (Єдиного і Множинного), що явилось відкриттям Необ'єктивованої Людини, уособлюючої трипостасну субстаціональну та триполярну речовинну всереальність, і одночасно завершенням релігієзації розуму. За межею об'єктивації Бог і Людина предстали однією реальністю – Необ'єктивованою Людиною. Цим усувається поділ буття на необ'єктивованого Бога і об'єктивовану «людину-мертв'яка» (дискретного індивіда). Бог оприсутнився виразником субстанціональної тісності Необ'єктивованої Людини. Воістину справедливі висловлювання: «Той, хто знає себе, знає Бога» (Климент Александрійський); «Пізнаючи себе – Тебе пізнаю» (св. Августин). Надіндивідний статус Необ'єктивованої Людини засвідчив: стать – це інверсійна універсалія-триполярність всекосмічної речовини в її цілісності. Наочно інверсійність статі засвідчується процесом, коли істота спочатку значиться жіночою (чи то чоловічою) полярністю, потім стає андрогінною, потім перетворюється в чоловічу (чи то в жіночу) полярність, потім знову стає андрогінною і, накінець, знову перетворюється в жіночу (чи то в чоловічу) полярність. Переходи в свої незлитні і нероздільні три «я» свідчать, що «чоловіче», «жіноче» і «андрогінне» – оприсутнюють одну троїсту тісність. А це означає, що онтологічно дискретний індивідний статус істоти – лише видимість, ефект об'єкти-

вації, а, насправді, маємо справу зі статусом істоти як надіндивідного триполярного Одного. Об'єктивація викривляє суть статі, «перериває» неперервне, створює зовнішню ілюзорну видимість тілесного «розриву» триполярності на «дискретні» істоти-індивіди, внаслідок чого з'являється «статевий бінаризм» (так звана «роздільностатевість»). Якщо необ'єктивований індивід виражає невідривну полярність триполярної речовинної тілесності Необ'єктивованої Людини, то об'єктивований індивід здається нам «геоцентричною дискретною цілісністю життя», якоюсь специфічною реальністю, відділеною від усього Космосу. Але, як бачимо, вся іронія цього «здається» в тому, що «дискретний організм» ніколи і ніде не зароджувався із якоїсь «неживої матерії», не розвивався, не еволюціонував, бо його, як онтологічно-дискретної реальності, взагалі, не існує.

3.Тілесна єдність індивіда-полярності зі Світобудовою і безсмертя

До Петра Харченка питання про тілесну єдність індивіда з усією Світобудовою не було поставлено філософами на онтологічне розв'язання в контексті проблеми статі. Проте, саме стать забезпечує цю єдність, будучи одночасно і мотиватором сексуальної функції та морфо-фізіологічної неоднаковості в ознаках індивідів як полярностей триполярного Одного. Розкриття природи статі, підняття її на вселенський рівень осмислення робить теорію життя зовсім іншою. Життя – не випадковий феномен, а властивість усієї Світобудови. Тож біологія повинна змінити ракурс атрибутивного підходу до розуміння суті життя, розвернутися в інший світоглядний простір, визнати в якості носія життя Необ'єктивовану Людину, тілесність якої всеречовинна, всетваринна, всерослинна і представлена розмаїттям небесних тіл неозорого Космосу і багатоманіттям біологічних видів. Життя є позачасовим змістом всезагальної матерії, ім'я якої безсмертна Необ'єктивована Людина. Безсмертя – фундаментальний закон буття Необ'єктивованої Людини. Що ж стосується «смерті» дискретного індивіда як «кінця життя», то вона знаходиться під знаком об'єктивації, сценаризована суб'єктом, має умовно-легітимний статус і співвідноситься з об'єктивованою «людиною-дискретним індивідом», яка сама по собі, за визначенням Христа, є «мертв'яком». «Смерть» пропадає безвісно з відновленням цілісності статі. Секрет безсмертя в тому, що ні індивідна

душа (полярне «его»), ні її субстанціональна тілесність на цвинтар у домовині не виносяться. «Его» індивіда-полярності Необ'єктивованої Людини невідривно перебуває в еготриплеті ТриЕ(е)го під егідою закону необхідності періодичного речовинно-тілесного оновлення. За похоронами тіла індивіда ховається космогонічна метаморфоза – відродження-оновлення речовинної тілесності его-полярності за генетичним кодом і інформаційним кодом екзистенціала ТриЕ(е)го. Безсмертя Людини можна пояснити і наступним чином. При суб'єкт-об'єктному сприйнятті подій, вони перебувають поза контекстом функціонування цілісного Універсуму-Людини і видаються окремішніми, дискретними, закінченими явищами, не розкриваються в онтологічній єдності зі всезагальним. Їх справжній зміст викривляється. Наприклад, «народження дитини» поза об'єктивізуванням цієї події, зовсім не означає, що народилася цілісна Людина, а лише говорить про тілесне оновлення-відтворення полярності триполярного Одного, тобто, ця подія є внутрішньою функцією Необ'єктивованої Людини. Але нам здається, що народилася цілісна «людина»-дискретний індивід, відбувся «початок» її життя, хоч, насправді, такої дискретної «людини» онтологічно не існує. Це ж саме стосується і феномену «смерть». В об'єктивованому сприйнятті він видається нам «кінцем життя» тієї ж онтологічно не існуючої «людини». Тож, щоб повірити в безсмерття народженої дитини і подальше її життя після «смерті», треба знати істинну суть Людини, а не піддаватися на інформаційний фальсифікат суб'єкта в цьому питанні. «Народження» і «смерть» не є «початком» і «кінцем» життя індивіда. Лише усвідомивши це, з'являється віра у велике диво – безсмертя Людини. Це зобов'язує нас тримати в моральній чистоті своє «я», усвідомлювати, що в кожному з нас перебувають індивідні «его» всіх народів світу. Вони складають розгалуженість єдиного егофонду Необ'єктивованої Людини. При МОР («множинному особистісному розладі», коли індивід може протягом життя проявлятися в якості багатьох різних «его-суб'єктів»), сновидіннях, шизофренічному процесі, трансперсональних переживаннях... ці «его» «оживають», перевтілюються, розмовляють будь-якою іноземною мовою (незнищенність мов).

4.Виникнення і смерть суб'єкта

Головне питання будь-якого світогляду – «хто пізнає буття?». Згідно з І. Кантом, пізнає не людина (дискретний індивід), а трансцен-

дентальний гносеологічний суб'єкт («світовий розум»). Та не тільки Кант помилився. Вся традиційна і сучасна гносеологія в цьому питанні зупинилися саме на суб'єкті (байдуже, який він – «декартовський», «кантовський» «марксистський колективний», «гуссерлівський дистильований» чи якийсь інший). Суб'єкт тисячоліттями збивав з толку філософів. Вони вбачали в ньому істину людської сутності. Ось найпоширеніші істотні визначення суб'єкта з вуст філософів-матеріалістів: «Суб'єкт – пізнавальна і діюча людина-індивід, який протиставлений об'єкт як окрема інша реальність»; «Суб'єкт – носій предметно-практичної діяльності, свідомості і пізнання». І все ж, як зазначав М. Бердяєв, істина не може бути об'єктивованою, пізнання буття, що спирається на пізнавальне відношення суб'єкта до об'єкта, не є істинним. Таке пізнання омертвляє реальність. Проблема суті Людини не можна підміняти проблемою суб'єкта. «Суб'єкт, – констатував Бердяєв, – не є буття, суб'єкт гносеологічний, а не онтологічний... Гносеологічний суб'єкт не є людина». Петро Харченко дійшов висновку, що сам по собі суб'єкт – це прояв оманного сприйняття его-полярностями Необ'єктивованої Людини своєї самості, свого статусу, наслідок розуміння ними себе окремою цілісною реальністю – «людиною в образі дискретного індивіда». Іншими словами, за цією оманю стоїть ілюзорний розрив триполярної тілесності Одного на дискретні «я», «ти», «воно» («я» – це не «ти»). На цьому ефекті, полярності Триєго Необ'єктивованої Людини започаткували функцію об'єктивізування. Словом, те, чим ми себе вважаємо і явно відчуваємо як реально існуюче, насправді, є об'єктивованою полярністю Необ'єктивованої Людини. Об'єктивація суб'єктом Людини зумовила становлення суспільної історії. За допомогою засобів об'єктивації – звука, слова, числа, атома..., суб'єкт зіграв провідну роль у створенні штучного світу речей, цивілізаційних цінностей – техніки, моралі, права, науки тощо. Доля суб'єкта – це доля історії, доля... держави, а отже деоб'єктивізація Людини невідвратно приречує історію на закінчення. У процесі деоб'єктивізації індивід-полярність звільняється від ілюзії дискретності, «повертається» в необ'єктивований статус, у цілість Триєго. Його гносеологічна влада скасовується і сам він поступово зникне. На зміну суб'єктовому світосприйняттю приходить необ'єктивоване самопізнання Людини (вербальне Одкровення) під інформаційною владою еготриплета ТриЕ(е)го («пізнання в Людині і через Людину»). Тож, на поставлене запитання – «хто пізнає буття?», відповідь одна: пізнає Необ'єктивована Людина.

5. Переінакшення егофонду Людини

Петро Харченко розробив концептуальні основи технології переінакшення егофонду Людини, очищення його від скверни (злочинної суб'єктності «его» неронів, тамерланів, грозних, гітлерів...), вказав на можливість створення технології, коли при розкритті злочину вбивці, роль свідка може виконати «его» жертви. Багатоегональність Людини дозволяє опрацювати технологію прискороного повернення («переселення») видатних «потойбічних» душ («его») в «посейбічний» світ (тобто, оновлення-відродження їхнього речовинного отілеснення). Мова йде про егоінженерію, про егогенетику, про Велику фільтрацію духовності, переінакшення егофонду Людини через еготрансформацію. Людину постісторичної епохи сповнюватимуть радість вічного життя, ідеали космогонічного призначення. Вона не буде спокушатися, як нинішня об'єктивована (дискретно-індивідна) «людина», земними гриховодними устремліннями - славою, розгульним сексом, багатством.

6. Забезпечення цивілізації Необ'єктивованим світоглядом. Зміна парадигми мислення

Один із авторів методологічних настанов філософської антропології Макс Шелер відзначив, що всі центральні питання філософії можна звести до одного – «що є людина?». На це запитання філософія відповіді не дала, оскільки продовжує оперувати знаннями про мертва (об'єктивоване) буття. Із-за об'єктиваціоністичної логіки пізнання, вона не вирішила центральної колізії духу і буття – колізії Об'єктивованого і Необ'єктивованого, не відкрила Людини, не пододала протиріччя об'єктивного і суб'єктивного. Тілесністю Людини для неї виступило тіло «дискретного індивіда». Тож, яка ціна всьому філософському осмисленню людських проблем, якщо істинна сутність Людини залишалася невідомою? Микола Бердяєв провіщав настання нової епохи духу і пов'язував її з «розкриттям світу по ту сторону розпаду на суб'єкт і об'єкт, із зупиненням відчуження та об'єктивації не тільки в мислі, але і в житті». Він говорив про прихід «нової людини», хоч відкриття «нової» Людини передбачалося і до нього. Правду про істинну суть Людини утаємничено проголошено в Новому Завіті вказівкою на однотілесність «я» і «ти». Але історичне християнство не збагнуло таї-

ни цієї підказки, не зрозуміло смисл висловлювань Христоса - «люби ближнього твого як самого себе», «все є одне». Ці висловлювання Христоса і не могли бути зрозумілими в об'єктивованому світовому середовищі. Для їх збагнення вимагалось оновлене пізнання: « Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, Где нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всё Христос» (Кол. 3:9-11). «Ветхий человек» – це об'єктивована «людина», не здолавши «лукавого розтину статі», а «новый человек» – це оновлена пізнанням одвічно троїста Необ'єктивована Людина, що самопізналася через Тригнозис (вербальне Одкровення). Кажучи по-інакшому, Необ'єктивована Людина – це Людина єдиного Людства як Одного, без поділу його на «богоизбранный народ и гоев». Тригнозис демаскував страшну правду суспільної історії. Вона є феноменом об'єктивації Людини. і свідчить, що «людина»-дискретний індивід-суб'єкт, навколо якої обертається історія, є «трупом», фікцією. Петро Харченко розробив оптимістичне світоглядне забезпечення переходу людства в постісторію (постсуб'єктову антропологічну епоху). Ним розроблена проектно-світоглядна документація новобудови – постіндивідної цивілізації з орієнтацією на необ'єктивоване суспільство, базоване на онтологічній цілісності індивідів (тотожності індивідуалізації Всеєдності). Необ'єктивована Людина відновлює єдність людського роду, оголошує вирок об'єктивованій формі суспільства як неонтологізованій, усуває з космогонічної арени об'єктивовану «людину» – носія поневолючої об'єктності. Тригнозис переводить Людину в інший світоглядний простір, змінює символи позначення, якими філософія «увічнила» фальшиву сутність Людини в образі «дискретного індивіда». Петро Харченко переконаний: об'єктиваціоністична парадигма мислення з її віртуальними «суб'єктом» і «дискретним індивідом» скоро зупинить свою ходу. Пробудження неминуче. Нова ера вгносеології на підході... і Людству нічого не залишиться – як прийняти Одкровення Троїчності, увійти в безсмертя, жити за необ'єктивованим сценарієм. Петро Харченко звертається до політичної еліти світу із закликом втрутитись в антропологічну проблематику, вивести Людство з полону «порабощающей злой системы вещей» і протистояння в загальнолюдській сім'ї. Причинно війни зумовлюються світоглядною мотивацією. Духовним забезпеченням

життя Людства повинна стати сама сутність Людини, її онтологічна цілісність. Це і є екзистенціальною рамкою мирного буття. Ось чому необхідно відійти від сучасної об'єктиваціоністичної форми суспільства, не співзвучної з індивідуалізацією Всеєдності. Панування ідеології «об'єктивованої людини» – шлях до фізичного знищення цивілізації. Однозначно, що народи світу чекають від політиків практичної реалізації теорії необ'єктивованої цивілізації..

Довідка про автора

Петро Андрійович Харченко – доктор філософії Американського університету штату Флорида, доктор філософії Християнського університету економічних та гуманітарних знань; кандидат біологічних наук, академік Української академії оригінальних ідей, член Національної спілки письменників України. Народився 25 червня 1939 року в селі Хмелів Роменського району, що на Сумщині. Закінчив Хмелівську середню школу, Українську академію сільськогосподарських наук та аспірантуру при кафедрі генетики цієї ж Академії.

Життєве кредо Петра Харченко – духовне оновлення світу. В радянський час за світоглядні переконання перебував у статусі “зайвої людини” в суспільстві. Критика російського великодержавного шовінізму, дарвінізму і марксизму обійшлася Петру Андрійовичу недопущенням до захисту докторської дисертації з біології, безробіттям, розпадом сім’ї. Була спроба запроторити мислителя в психоневрологічний диспансер. Працював: викладачем медінституту, науковим співробітником НДІ, двірником, головним консультантом Адміністрації Президента України і Верховної Ради України, редактором журналів. Петро Харченко – засновник політичної партії “Українська партія “Єдність”, Міжнародного Конвенту тринітарних знань, Української академії оригінальних ідей. Енциклопедист, автор численних публікацій у галузі сільського господарства, мовознавства, біології, медицини, фізики, математики, соціології, релігії, філософії тощо. Здійснив прорив у гносеології, відкривши Тригнозисну логіку світосприйняття, якою пізнав космогонічну таїну статі і Святої Трійці, пояснив походження атомістики, описав онтологічний механізм виникнення біологічних видів (чого не зробив Ч. Дарвін), з’ясував походження граматичних категорій (числа, роду, займенника), математичної одиниці, суб’єкта, розгадав природу шизофренії, відкрив еготриплет ТриЕ(е)го (чого не зробили З. Фрейд, К. Юнг, С. Гроф), передбачив існування нейтральної енергії

і триполярності магнетизму, дослідив методологічну роль онтологічної троїстості в становленні народної культури українців, концептуально обґрунтував можливість створення технології переінакшення «его» індивіда-полярності Людини, запропонував ряд новаторських підходів у зоотехнії тощо. Він відкрив Необ'єктивовану Людину, розгадав таємницю її безсмертя, є основоположником Тригнозисного світогляду.

Петро Харченко – автор десяти світоглядних монографій (Антиномия индивида и триединства. – К.: “Агропром”. – 1986. – 812 с.; Від індивіда до Боголюдини. – К.: “УАОІ”. – 1993. – 134 с.; Тригнозис. – К.: “Аграрна наука”. – 1998. – 400 с.; Тризуб – символ світогляду українців. – К.: “Фенікс”. – 2008. – 184 с.; ТриЕго. – К.: “Фенікс”. – 2008. – 420 с.; Друге Пришестя. – К.: “Фенікс”. – 2012. – 264 с.; Необ'єктивована Людина. – К.: “Фенікс”. – 2013. – 248 с.; Тригнозис – путь к миропасению. – К.: “Фенікс”. – 2015. – 148 с.; Предисловие к постистории”. – К.: “Фенікс”. – 2015. – 396 с.; Откровение Человека без “лукавого сечения пола”. – Кам'янець-Подільський: “Друкарня Рута”. – 2018. – 376 с.). Він автор поетичних книг – “Триєдине”, “Тришлях”; збірника пісень “Тройзілля”; книги “Дзеркало для Леоніда Кравчука”; багатьох публіцистичних статей. Є Лауреатом XIII фестивалю сучасної української естрадної пісні. Написав близько сотні пісенних текстів, на які музику створили Олександр Білаш, Володимир Верменич, Віталій Кирейко, Володимир Конощенко, Василь Манько, Людмила Левітова, Юрій Щуровський, Олександр Яворик та інші композитори. Пісні Петра Харченко виконували: Алла Кудлай, Костянтин Огневой, Тарас Конощенко, Фемій Мустафаєв, тріо “Либідь”, тріо Українського радіо та інші виконавці.

Украинская академия оригинальных идей

Петро Харченко

Откровение Троичности

Коректор – Медвідь Катерина
Комп'ютерна верстка – Шпичка Роман

Підписано до друку 28.03.2018
Формат 60х84\16. Гарнітура Times New Roman
Умовн. друк. арк. 21,85. Наклад 700 прим.
Замовлення № 168.

Віддруковано ТОВ «Друкарня «Рута»
(свід. Серія ДК №4060 від 29.04.2011 р.)
м. Кам'янець-Подільський, вул. Пархоменка, 1
тел. (038) 494-22-50, drukruta@ukr.net